

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2023 Том 14 № 2**

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
Денисенко Владимир
Никифорович,

доктор филологических наук,
профессор, Российский университет
дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Новоспасская Наталья
Викторовна, кандидат филологиче-
ских наук, Российский университет
дружбы народов, Москва,
Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь
Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
Российский университет дружбы
народов, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднардова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 05.09.08 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Кольшова
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 04.06.2023. Выход в свет 14.06.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,24. Тираж 500 экз. Заказ № 682. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2023 VOLUME 14 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumbaa (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: the Russian Scientific Library, Scopus, Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor: *K.V. Zenkin*

English Text Editor: *O.N. Kolyшева*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 117198

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation 6 Miklukho-Maklaya str., 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, Russian Federation, 115419

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА

- Золотых Л.Г. (Чэнду, Китайская Народная Республика), Барышникова Е.Н. (Москва, Российская Федерация), Космачёва О.Ю. (Астрахань, Российская Федерация).** Репрезентативность фразеологических зон «Большого универсального словаря русского языка» 285
- Shilina M.G., Zarifian M. (Moscow, Russian Federation).** Re-thinking Semiotics: a New Categorization of a Sign? (Переосмысливая семиотику: к новой категоризации знака?) 305
- Prosyannikova O.I., Skorik K.V., Kotsubinskaya L.V. (Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation)** The Opposition of the ‘Own — Alien’ Space in the Anglo-Saxon Charms (Оппозиция «свое — чужое» пространство в англосаксонских заговорах) 314
- Зиновьева Е.И., Чжао Сыминь (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход 328
- Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю. (Брянск, Российская Федерация).** Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира 347

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Zyubina I.A. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Kislitsyna N.N. (Simferopol, Russian Federation).** Polycode Representation of Kinesthetic Phrasemes: Metaphorical and Semiotic Perspectives (Поликодовая репрезентация кинестетических фразем: метафорико-семиотический ракурс) 365
- Лавицкий А.А. (Минск, Витебск, Республика Беларусь).** Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертиологии: на примере установления признаков оскорбления 383
- Klimova I.I., Kozlovtsseva N.A. (Moscow, Russian Federation).** Language as an Instrument of Social Control and People Management (Язык как инструмент контроля и управления обществом) 402
- Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М. (Москва, Российская Федерация).** Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка 418
- Nikitina E.S. (Moscow, Russian Federation).** Semiotic Approach in Psycholinguistics (Семиотический подход в психолингвистике) 435
- Юдина Н.В., Хачатрян А.А., Камашев И.И. (Москва, Российская Федерация).** Некоторые факторы динамики языковых ситуаций в регионах России: на примере Архангельской области, Пермского края и Удмуртской Республики 446

ЛИНГВИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Синельникова Л.Н. (Луганск, Российская Федерация).** Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения 466
- Мельничук О.А. (Якутск, Российская Федерация).** Репрезентация текстовых микрополей ЗИМА и ЧЕЛОВЕК на материале рассказов советского писателя Юрия Шамшурина 483
- Данич О.В., Дружина Н.Л., Маслова В.А. (Витебск, Республика Беларусь).** Поэтическое слово в свете учения Л.А. Новикова об эстетическом восприятии 502
- Романенко В.А. (Тирасполь, Приднестровье).** Предтексты и посттексты: на материале прозы А.С. Грина 514
- Minaeva L.V. (Moscow, Russian Federation).** Internal Press as Dialogue-Unison (Внутренняя пресса как диалог-унисон) 524
- Максудов У.О., Хамидова Н.Ш., Аманджонова Р.Х., Шарипова М.А. (Худжанд, Республика Таджикистан).** Лексико-семантическая асимметрия в переводе художественного текста 539

РЕЦЕНЗИИ

- Коваленко А.Г., Денисенко А.В. (Москва, Российская Федерация).** Семиотика синтеза. Рецензия на книгу Кротовой Д.В.: Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко): учебное пособие. Москва: Директ-Медиа, 2022. 160 с. 556

CONTENTS

SEMANTICS AND SEMIOTICS

- Zolotykh L.G. (Chendy, China), Baryshnikova E.N. (Moscow, Russian Federation), Kosmacheva O.Yu. (Astrakhan, Russian Federation).** Representativeness of the Phraseological Zones in “The Great Universal Dictionary of the Russian Language” 285
- Shilina M.G., Zarifian M. (Moscow, Russian Federation).** Re-thinking Semiotics: a New Categorization of a Sign? 305
- Prosyannikova O.I., Skorik K.V., Kotsubinskaya L.V. (Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation).** The Opposition of the ‘Own — Alien’ Space in the Anglo-Saxon Charms 314
- Zinovieva E.I., Zhao Simin (St. Petersburg, Russian Federation).** Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach 328
- Starodubets S.N., Belugina O.V., Kolegova O.U. (Bryansk, Russian Federation).** “Russian Idea” Ideologeme in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World 347

LANGUAGE AND SOCIETY

- Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Zyubina I.A. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Kislitsyna N.N. (Simferopol, Russian Federation).** Polycode Representation of Kinesthetic Phrasemes: Metaphorical and Semiotic Perspectives 365
- Lavitski A.A. (Minsk, Vitebsk, Republic of Belarus).** Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult 383
- Klimova I.I., Kozlovtseva N.A. (Moscow, Russian Federation).** Language as an Instrument of Social Control and People Management 402
- Demidova T.V., Barov S.A., Soloveva T.M. (Moscow, Russian Federation).** Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese language 418
- Nikitina E.S. (Moscow, Russian Federation).** Semiotic Approach in Psycholinguistics 435
- Yudina N.V., Khachatryan A.A., Kamashev I.I. (Moscow, Russian Federation).** Factors of the Dynamics of Language Situations in the Regions of Russia on the example of the Arkhangelsk Region, the Perm Region and the Udmurt Republic 446

LITERARY TEXT LINGUISTICS

- Sinelnikova L.N. (Lugansk, Russian Federation).** Emotions in the Mental and Linguistic Space of Lyric Poems 466
- Melnichuk O.A. (Yakutsk, Russian Federation).** Textual Microfields “WINTER” and “MAN” in Short Stories by Soviet Writer Yuri Shamshurin 483

Danich O.V., Druzhina N.L., Maslova V.A. (Vitebsk, Republic of Belarus). Poetic Word in the Light of L.A. Novikov’s Teaching on Aesthetic Perception	502
Romanenko V.A. (Tiraspol, Transnistria). Pre-Texts and Post-Texts: on the Material of A.S. Green’s Prose	514
Minaeva L.V. (Moscow, Russian Federation). Internal Press as Dialogue-Unison	524
Maksudov U.O., Khamidova N.Sh., Aminjonova R.H., Sharipova M.A. (Khujand, Republic of Tajikistan). Lexico-Semantic Asymmetry in the Translation of Literary Text	539

REVIEW

Kovalenko A.G., Denisenko A.V. (Moscow, Russian Federation). Semiotics of Synthesis. Book review Krotova D.V.: Synthesis of Arts in Russian Literature of the late 19th — the first third of the 20th century (A. Belyj, Z.N. Gippius, A.S. Green, M.M. Zoshchenko): textbook. Moscow: Direct-Media, 2022. 160 p.	556
---	-----

СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА SEMANTICS AND SEMIOTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-285-304

EDN: NCULEN

УДК 811.161.1'373'374

Научная статья / Research article

Репрезентативность фразеологических зон «Большого универсального словаря русского языка»

Л.Г. Золотых¹ , Е.Н. Барышникова² , О.Ю. Космачёва³

¹Сычуаньский университет,
610065, Китайская Народная Республика, г. Чэнду, ул. Ванцзянлу, 29

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева 20а

 scu1959rus@mail.ru

Аннотация. Фразеологический массив и универсальное содержание фразеологических зон словарных статей «Большого универсального словаря русского языка», где многократно предложены фразеологические единицы в зависимости от грамматически опорного компонента соответственно алфавитному расположению заголовочного слова, представляют интерес в аспекте формирования исследовательского корпуса для создания словаря электронного фразеологического словаря русского языка (АСПОТ). Цель исследования — определить показатели репрезентативности фразеологических зон в структуре толкового словаря и представить фразеостатистические модели частотного соотношения заголовочных слов как структурно-семантического компонента фразеологических единиц в алфавитном ряду. Материалом исследования стали 2545 фразеологических зон, которые сгруппированы в соответствии с буквами русского алфавита. В рамках корпусного подхода использовалась комбинация лингвостатистического метода, выборочного метода в эмпирическом исследовании, методов статистического моделирования. Научная новизна работы определяется концептуальным подходом к БУС — толковому словарю в бумажном формате — как лексикографическому корпусу в исследовании употребительности (частотности) фразеологических зон в словарных статьях. Параметрами репрезентативности фразеологических зон определены генеральная лингвистическая совокупность и выборочная лингвистическая совокупность как рабочий корпус. Фразеостатистические модели сгруппированы в соответствии с областью определения — совокупностью всех заголовочных слов, зафиксированной одной буквой русского алфавита. Рассмотрение фразеологических зон направлено

© Золотых Л.Г., Барышникова Е.Н., Космачёва О.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

на детальную проработку их количественной характеристики и процентного соотношения параметров статистической выборки. Приведена технология исследования и формула расчета показателей фразеостатистического моделирования. Результаты исследования иллюстрируются диаграммами и определяют объективность формирования исследовательского корпуса, его ядерных и периферийных пространств. Эти факторы станут определяющими для моделирования словаря пилотного корпуса электронного словаря, направленного на смысловую реализацию фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, ФЕ, БУС, выборочная совокупность, фразеостатистические модели, исследовательский корпус

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема: в печать 15.12.2022

Для цитирования:

Золотых Л.Г., Барышникова Е.Н., Космачёва О.Ю. Репрезентативность фразеологических зон «Большого универсального словаря русского языка» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 285–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-285-304>

Representativeness of the Phraseological Zones in “The Great Universal Dictionary of the Russian Language”

Lidia G. Zolotykh¹ , Elena N. Baryshnikova² ,
Olga Yu. Kosmacheva³

¹ Sichuan University,
29, Vangqianqiu str., Chengde, China, 610065

² RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

³ Astrakhan State University n.a. V.N. Tatischev,
20a, Tatischev str., Astrakhan, Russian Federation, 414056
 scu1959rus@mail.ru

Abstract. The phraseological array and the universal content of the phraseological zones of dictionary entries in “The Great Universal Dictionary of the Russian Language”, wherein phraseological units are repeatedly presented depending on the grammatically supporting component according to the alphabetical arrangement of a heading word, are of interest in the aspect of a research corpus for creating a vocabulary of an online Russian phraseological dictionary (VORPD). The purpose of the study is to determine the indicators of the representativeness of phraseological zones in the structure of the explanatory dictionary and present phrase-statistical models of the frequency ratio of heading words as a structural-semantic component of phraseological units in alphabetical order. The materials of the research make 2545 phraseological zones grouped according to the letters of the Russian alphabet. Combinations of the linguo-statistical method, the sampling method in the empirical study, and the methods of statistical modelling were used as a part of the research corpus. The scientific novelty of the research is determined by the conceptual approach to the “The Great Universal Dictionary of the Russian Language” — an explanatory paper dictionary — as a lexicographic corpus in the study of the usage (frequency) of phraseological zones in dictionary entries. The parameters of the representativeness of phraseological zones define the general linguistic set and the

selective linguistic set as a working corpus. Phrase-statistical models are grouped according to the domain of definition — the set of all heading words fixed by one letter of the Russian alphabet. A consideration of phraseological zones is aimed at a detailed study of their quantitative characteristics and the percentage ratio of statistical sampling parameters. The technology of the study and the formula for calculating the indicators of phrase-statistical modelling are given. The results of the study are illustrated by diagrams and determine the objectivity of the research corpus, its nuclear and peripheral spaces. These factors will be a determinant for modelling the vocabulary of the pilot corpus of the electronic dictionary aimed at the semantic realization of phraseological units.

Keywords: phraseological units, PhU, GUDRL, selective set, phrase-statistical models, research corpus

Article history:

Received: 01.07.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Zolotykh, L.G., Baryshnikova, E.N. & Kosmacheva, O.Yu. (2023). Representativeness of the Phraseological Zones in “The Great Universal Dictionary of the Russian Language”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 285–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-285-304>

Введение

Осмысление лексикографических традиций в диалектическом взаимодействии «субъективности автора с объективностью представленного в лексикографическом труде общественного знания» [1. С. 16] и соотнесение тенденций лексикографии с направлениями развития современной лингвистики [2. С. 147] определили потребность создания антропоцентрических словарей, чтобы «помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании этого языка» [3. С. 132]. Результатом многолетнего фундаментального академического исследования в направлении синергетического лексикографирования стал «Большой универсальный словарь русского языка» (В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая, 2016 г.), многомерное пространство которого представляет интенсивное лексикографирование, репрезентируя универсальную лингвистическую разработку номинативных единиц, составляющих лексическое ядро современного русского языка [4–7]. Степенью всеохватности «Большого универсального словаря русского языка» (далее — БУС) «могут служить параметры описания слова, которых в рассматриваемом словаре насчитывается порядка семнадцати» [6. С. 112], в том числе характеристика фразеологической ценности как способности «слова входить в употребительные и коммуникативно важные фразеологические единицы» [8. С. 2].

Фразеологический параметр как интерпретатор фразеологической ценности заголовочного слова в структуре словарной статьи БУС представлен в части, выделенной традиционным для лексикографии символом (◇) и названной авторами «фразеологической зоной», которая отображает расширен-

ный подход к объекту фразеологии. Лексикографическая разработка фразеологических зон в структуре БУС показывает структурно-семантическую активность заголовочного слова в составе различных фразеологических единиц (далее — ФЕ), направляя пользователя через «многолучевые» ссылки к словарным статьям, репрезентирующим употребление заголовочного слова как фразеологического компонента.

Интерес к образной семантике номинативных единиц, сохраняющих многообразные речемыслительные практики лингвокультуры и способных демонстрировать своими узуальными и окказиональными смыслами ценностные отношения в их современном понимании, расширил границы фразеологизма как объекта лексикографического описания. Для исследователей образного слова достоверность традиционных фразеологических словарей является постоянным научным базисом. Однако следует отметить интеграцию научной фундаментальности и доступного изложения материала, присущую современным фразеологическим словарям¹, что определяет значимость их популяризаторской функции не только в научном, но и в обыденном познании.

Представление разносторонних характеристик ФЕ в разных лексикографических трудах определяется научными направлениями авторов-составителей, что отражается в структурных особенностях словарных статей, в частности в широкой проекции фразеографирования как одной из универсальных особенностей БУС. Изучение фразеологической модели как типовой схемы когнитивно-дискурсивного отношения компонентного состава фразеологического знака к его свободносинтаксическому прототипу выявляет первично-денотативные объекты этноязыковой картины мира и позволяет сделать общие выводы о типичном предметно-чувственном опыте. Привлечение корпусного анализа для исследования изменений фразеологической семантики выявляет эволюцию этого предметно-чувственного опыта для определенного лингвокультурного сообщества [9; 10]. В этом отношении БУС интересен своими фразеологическими зонами, представляющими многократно ФЕ в за-

¹ *Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.: ЭЛПИС, 2008. 469 с. *Баско Н.В., Зимин В.И.* Фразеологический словарь русского языка. 5–11 классы: 1000 фразеологизмов: значение, употребление, история происхождения. М.: АСТ-Пресс, 2010. 412 с. (Серия «Настольные словари школьника»). Программа «Словари XXI века»). *Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий; отв. ред. В.Н. Телия.* М.: Ридерз Дайджест, 2012. 781 с. (Фундаментальные словари). *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Словарь современной русской фразеологии: свыше 2100 фразеологических единиц, значение, происхождение, употребление, примеры из современной прессы; Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: АСТ-ПРЕСС, 2015. 411 с. (Настоящие словари русского языка). *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорков, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. М.: АСТ-Пресс, 2016. 729 с. (Программа «Словари XXI века»).

висимости от грамматически опорного компонента соответственно алфавитному расположению заголовочного слова.

Рассмотрение потенциала фразеологических зон БУС в перспективе формирования словника лингвистической базы данных для проекта электронного фразеологического словаря (АСПОТ) обусловлено функциональными способностями заголовочного слова в структуре ФЕ, «отображение которых в печатных словарях вызывает много вопросов и споров» [11. С. 47]. Возможность онлайн словарей включать большое количество лексических моделей и давать расширенный комментарий в словарной статье [11; 12] определяет перспективу объединения вокруг заголовочного слова как ключевого всех более или менее устойчивых выражений — от речевых формул до поговорок и крылатых выражений. Изучение репрезентативности фразеологических зон БУС — авторитетного фразеологического источника — направлено на создание базы данных электронного фразеологического словаря нового типа. Значимость моделирования такого словаря определяется инновационной поисковой системой, позволяющей посредством гиперссылок без ограничений пространства и линейной организации обрабатывать слова и выражения в списке заголовочных слов, чтобы пользователь мог найти ФЕ, соответствующую целевому контексту [13]. Также отмечается проблема недостаточного культурного контекста во фразеологических словарях, что определяет актуальность количественного и качественного расширения смысловой реализации ФЕ [14]. Проект электронного фразеологического словаря предлагает модель представления широкому кругу пользователей примеров презентации как узусальных, так и модифицированных ФЕ в когнитивно-смысловом пространстве текстов разных жанров и стилей.

Наряду с Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD), который на протяжении многих лет практически безраздельно доминирует в продаже словарей ESL [15], универсальность «Большого универсального словаря русского языка» как одноязычного толкового словаря определяет его широкую предназначенность «от лиц, прекрасно знающих, преподающих и профессионально описывающих русский язык, до лиц изучающих его как родной или иностранный» [8. С. 3]. Этот фактор, а также фразеологический массив и особенность его подачи пользователям Словаря актуализировали наш интерес к фразеологическим зонам БУС как объекту исследования в направлении выявления их употребительности (частотности) в структуре словарных статей в аспекте создания словника электронного фразеологического словаря.

Цель исследования — определить показатели репрезентативности фразеологических зон в структуре «Большого универсального словаря русского языка» и представить фразеостатистические модели частотного соотношения заголовочных слов как структурно-семантического компонента ФЕ в алфавитном ряду.

В представленном исследовании фразеологические зоны в структуре словарных статей БУС рассматриваются как часть своеобразного лингвистического корпуса русского языка, многоаспектно репрезентирующего свод ФЕ, что аргументируется коммуникативной задачей антропоцентрической лексикографии, реализуемой инновационными направлениями современной фразеологии.

Факторы выбора БУС для создания исследовательского корпуса

В электронных словарях, как и в традиционных (в бумажном варианте), словник является обязательным компонентом, отражающим языковую реальность и определяющим сферу охвата словарного материала. Проектирование электронного словаря смысловой реализации ФЕ как продукта компьютерной лингвистики невозможно без обращения к современным корпусным технологиям. Однако нельзя отрицать значимость исследовательского корпуса, который создается «не *post factum* — после проведения какого-либо исследования, а до его проведения», — корпуса данных [16. С. 27] для изучения разных функциональных векторов ФЕ и реализации широкого спектра фразеологических задач.

Основным фактором выбора БУС для создания исследовательского корпуса и в результате отбора ФЕ для формирования словника электронного фразеологического словаря стал принцип отбора слов с учетом их коммуникативной актуальности — ценностной характеристики заголовочного слова, «которая определяется, с одной стороны, его смысловой важностью и употребительностью в рамках заданного перечня наиболее важных словарных тем и ситуаций (идеографический критерий), а с другой — его соответствием наиболее существенным интенциям (функциональный критерий)» [8. С. 8]. Для формирования лингвистической базы данных и структуризации материала пилотного корпуса смысловой реализации ФЕ важно «применение принципов и алгоритмов составления лексикографических ресурсов с использованием корпусного подхода» [17. С. 61]. На первом этапе проектирования электронного фразеологического словаря корпусный подход позволит получить словник, соответствующий критерию коммуникативной актуальности, и «сопоставить корпусу опись данных, в которой единицы хранения характеризуются по тем параметрам, которые могут оказаться важными для пользователя» [16. С. 28].

Выделение исследователями корпусной лингвистики как методологического вектора лингвистической парадигмы актуализирует применение математических методов для получения статистических данных о языковых и речевых единицах, позволяющих «проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о сочетаемостных свойствах и особенностях лексических единиц» [18. С. 25]. Анализ трудов, посвященных корпусным базам данных в направлении когнитивных, лингвистических

и педагогических исследований [19], направленных на обоснование метода корпусного анализа для изучения семантической интерпретации образных единиц в контекстах разных языков [9; 10; 18–20], позволяет аргументировать выбор БУС, где представлены 3 тысячи ФЕ², структурными компонентами которых выступают заголовочные слова, для формирования исследовательского корпуса проекта электронного фразеологического словаря.

Технология исследования фразеологических зон БУС как репрезентативного источника данных

Всеохватность «Большого универсального словаря русского языка» — это, несомненно, результат труда лексикографов с текстовыми единицами лингвистического корпуса / лингвистических корпусов. Репрезентативность в представлении реального функционирования номинативных и коммуникативных единиц стала основным критерием при выделении наиболее употребительных слов в качестве заголовочных единиц словарных статей БУС. Исследование употребительности (частотности) фразеологических зон в словарных статьях связано с концептуальным подходом к БУС в качестве лексикографического корпуса, который «рассматривается как некоторый объект, служащий моделью некоторой внешней по отношению к нему реальности», и аргументацией, что «именно репрезентативность корпуса определяет достоверность полученных на его материале результатов» [21. С. 163]. Сложность формирования информационной базы исследования — использование традиционных форм для фиксирования фразеологических зон в корпусе «Большого универсального словаря русского языка», представленного только в бумажном формате.

Для определения объема исследовательского корпуса и выявления критерия представительной употребительности (частотности) «применение статистического подсчета относительных показателей различных лингвистических единиц является отправной точкой в создании естественно-научного фундамента» [22. С. 774]. Рассмотрение фразеологических зон БУС в качестве репрезентативного источника данных направлено на детальную проработку их количественной характеристики и процентного соотношения параметров статистической выборки. Количественные параметры включения фразеологических зон в структуру словарных статей определяют объективность моделирования исследовательского корпуса и, следовательно, формирования словника пилотного корпуса электронного словаря, выделения его ядерных и периферийных пространств.

²Ср.: в *Большом фразеологическом словаре русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий* (отв. ред. В.Н. Телия. М.: Ридерз Дайджест, 2012. 781 с.) представлено толкование 1 500 ФЕ.

Совокупную репрезентативность заголовочных слов как компонентов ФЕ представляет генеральная лингвистическая совокупность (ГЛС). В исследовании под ГЛС выступает общее количество фразеологических зон, выбранных из всех словарных статей методом сплошной выборки.

Выборочная лингвистическая совокупность (ВЛС) — это «множество» фразеологических зон словарных статей, где заголовочные единицы выступают структурными компонентами ФЕ. ВЛС является в рамках данного исследования рабочим корпусом, по первичным измерениям которого формируются фразеостатистические модели, которые сгруппированы в соответствии с областью определения — совокупностью всех заголовочных слов, зафиксированной буквой русского алфавита.

Лингвостатистические аспекты изучения репрезентативности фразеологических зон определили следующие этапы фразеостатистического моделирования:

- Сбор для частного исследования из корпуса «Большого универсального словаря русского языка» статистических данных о фразеологических зонах в качестве ГЛС.
- Фиксирование фразеологических зон (ВЛС) в соответствии с областью определения, представляющую совокупную употребительность соотношения заголовочных слов как структурно-семантического компонента ФЕ в алфавитном ряду.
- Выделение ядерных и периферийных зон употребительности фразеологических зон в алфавитном ряду и распределение по группам, согласно полученным статистическим данным.
- Представление конечности области определения каждой группы таблицей / диаграммой соответствия в алфавитном ряду.
- Определение «букв-лидеров» и «букв-аутсайдеров» по суммарному количеству заголовочных слов как репрезентантов фразеологических зон.
- Представление фразеостатистической модели каждой группы круговой диаграммой, где дана оценка репрезентативности выборки в процентном выражении.

Определение показателей употребительности (частотности) фразеологических зон по алфавитному параметру поможет выявить масштабность репрезентативности ФЕ — основы исследовательского корпуса для пилотного проекта электронного фразеологического словаря.

Материалы и методы исследования

«Большой универсальный словарь русского языка» (В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая, 2016) не имеет электронного варианта, поэтому процесс по отбору материала проходил с корпусом толкового словаря в бумажном формате методом сплошной выборки. Результатом сплошной выборки

ки из словарных статей БУС стали 2545 фразеологических зон, выделенных как эмпирический материал исследования, которые были сгруппированы в соответствии с буквами русского алфавита как объекты выборочной лингвистической совокупности. В рамках корпусного подхода к исследованию репрезентативности фразеологических зон использовалась комбинация лингвостатистического метода, выборочного метода в эмпирическом исследовании, методов статистического моделирования.

Результаты исследования

Векторная проекция посредством использования «многолучевых» ссылок на то множество словарных статей, сколько компонентов имеет ФЕ, указывает на более широкий выбор фразеологических зон и, соответственно, большее количество ФЕ, чем отмечено авторами Словаря. Например, фразеологическая зона в структуре словарной статьи «КРОВЬ» содержит 40 ФЕ. Из них содержание 29 ФЕ рассматривается в данной словарной статье, ср. **Голубая кровь** *часто ирон.* <...>. **Искусственная кровь** <...>. **Кровь за кровь** <...>. **Кровь и плоть** *чья-л.; кровь от крови* *кого-л., чьей-л.* *высок.* <...>. [**Хоть**] **кровь из носу / из нóсу / из нóса** *разг.* <...>. **Кровь с молоком** <...>. **Зов крови** *высок.* <...>. **Жажда крови** *книжн., часто ирон.* <...>. **Лить (проливать) [свою] кровь за кого-что-л.** *высок.* <...>. **Лить (проливать) кровь** *чью-л.* <...>. **Обагрять руки кровью (в крови)** *книжн.* <...>. **Разгонять** *обычно несов.* **кровь** <...>. **В кровь; до крови** <...>. **Малой кровью** <...>. **Налиться кровью** <...>. **Смыть кровью** <...>. **С кровью** <...>. **В крови** *что-л. у кого-л.* <...>. **Купаться (топить кого-что-л.) в крови** <...>. **Руки по локоть в крови** *у кого-л.* <...>. **На крови** <...>. **Кровь чья-л.** *на ком-л.* <...>. **Кровь бросилась (ударилась, кинулась) в голову кому-л.** <...>. **Кровь бросилась в лицо** <...>. **Кровь говорит** *в ком-л.* <...>. **Кровь играет** *зд. несов.* <...>. **Кровь кипит** *несов. (бродит несов.)* *в ком-л.* <...>. **Льётся** *несов.* **кровь** <...>. **Кровь стынет (леденеет) [в жилах]** <...>.

Семантизация 11 ФЕ происходит по ключевому компоненту в других словарных статьях, ср. **Голос крови** — *см. голос.* **Жажда крови** — *см. жажда.* **До последней капли крови** — *см. капля.* **Пить кровь** *чью-л., кого-л.* — *см. пить.* **Портить себе кровь** — *см. портить.* **Войти в плоть и кровь** — *см. входить.* **Потом и кровью** — *см. пот.* **Кровью заплатит за кого-что-л.** — *см. платить.* **Кровью пахнет** — *см. пахнуть.* **Сердце кровью обливается** *у кого-л.* — *см. сердце.* **Кровь загорелась** — *см. загореться.*

Статистическая мера репрезентативности определяется параметрами выборки, определяющими объем рабочего корпуса ВЛС, соответственно параметрам ГЛС, количественный объем которых зависит от структурной многоплановости заголовочного слова как компонента ФЕ. Результат отно-

сительной представительности выборки оценивается процентным соотношением фразеологических зон в алфавитном ряду и определяется следующей формулой:

$$\lambda_i = \frac{Index}{(PhU : 100 / \%)}$$

Для структурирования были выделены следующие фразеостатистической модели:

λ_i — показатель процентного соотношения;

Index (i) — выборочная совокупность, объединенная одним элементом (одной буквой) в массиве как последовательности букв русского алфавита (А — Б — В — Г — Д — ...);

PhU (Phraseological Unit) — генеральная совокупность (общее количество фразеологических зон в структуре словарных статей БУС).

В рамках статистической лингвистики наряду с традиционными статистическими методами для формирования исследовательского корпуса на базе толкового словаря в бумажном формате использование математического приема требует включения такого компьютерного понятия, как лямбда (λ), лямбда-функции (формализация анонимных функций) основаны на вариантах лямбда-исчисления.

По количеству фразеологических зон в структуре словарных статей было выявлено 5 групп, среди которых возможно условно выделить зоны фразеологического ядра БУС и периферийные зоны, репрезентативность статистической выборки которых представлена на рис. 1 в соответствии с буквами русского алфавита.

Рис. 1. Ядерные и периферийные пространства фразеологических зон
Figure 1. Nuclear and peripheral spaces of the phraseological zones

Ядро составляют фразеологические зоны, индекс которых представлен более чем в 150 словарных статьях. Общее количество фразеологических зон **группы-I** — 1193. Репрезентантами группы стали заголовочные слова, соответствующие следующим буквам русского алфавита: **В — К — Н — П — С**, которые определены как буквы-лидеры. Количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон **группы-I** представлено на рис. 2. Расположение соответствует заголовочным словам в алфавитном порядке.

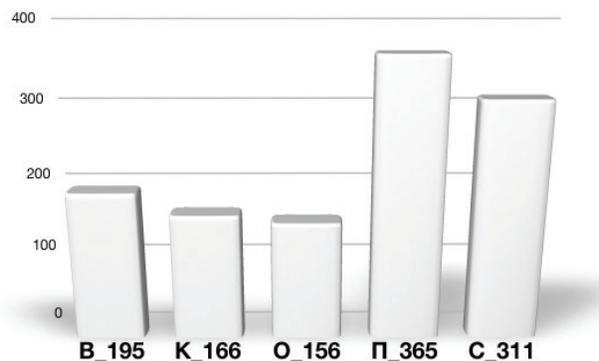

Рис. 2. Представление конечности области определения **группы-I** в алфавитном ряду
Figure 2. Representation of the finiteness of the **group-I** domain of definition in the alphabetical order

Фразеостатистическая модель каждой выделенной группы представлена на круговой диаграмме, где зафиксировано суммарное процентное соотношение (λ_i) статистической выборки фразеологических зон (Index) от общего числа всех фразеологических зон (PhU). Оценка репрезентативности выборки в процентном выражении показана расположением букв соответственно λ_i — от большего выражения к меньшему выражению по часовой стрелке.

Общая λ **группы-I** составляет 46,87 %, что иллюстрируется фразеостатистической моделью на рис. 3.

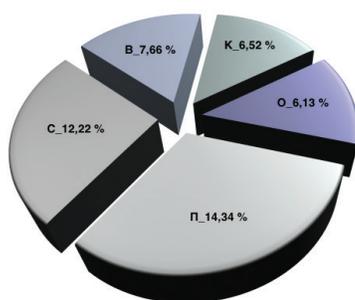

Рис. 3. Фразеостатистическая модель процентного соотношения **группы-I**
Figure 3. Phrase-statistical model of the percentage ration of the **group-I**

Количественное соотношение фразеологических зон **группы-II** представлено индексом от 100 до 150 словарных статей. Общее количество фразеологических зон **группы-II** — 727. Репрезентантами группы стали заголовочные слова, соответствующие следующим буквам русского алфавита: **Д — З — М — Н — Р — Т**. Количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон **группы-II** представлено на рис. 4. Расположение соответствует заголовочным словам в алфавитном порядке.

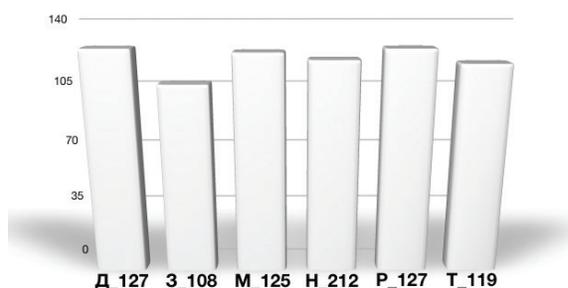

Рис. 4. Представление конечности области определения **группы-II** в алфавитном ряду
Figure 4. Representation of the finiteness of the **group-II** domain of definition in the alphabetical order

Общая λ **группы-II** составляет 28,55% что иллюстрируется фразеостатистической моделью на рис. 5.

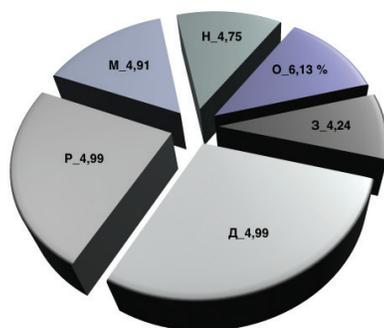

Рис. 5. Фразеостатистическая модель процентного соотношения **группы-II**
Figure 5. Phrase-statistical model of the percentage ration of the **group-II**

Количественное соотношение фразеологических зон **группы-III** представлено индексом от 50 до 100 словарных статей. Общее количество фразеологических зон **группы-III** — 363. Репрезентантами группы ста-

ли заголовочные слова, соответствующие следующим буквам русского алфавита: **Б — Г — И — Л — У**. Количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон **группы-III** представлено на рис. 6. Расположение соответствует заголовочным словам в алфавитном порядке.

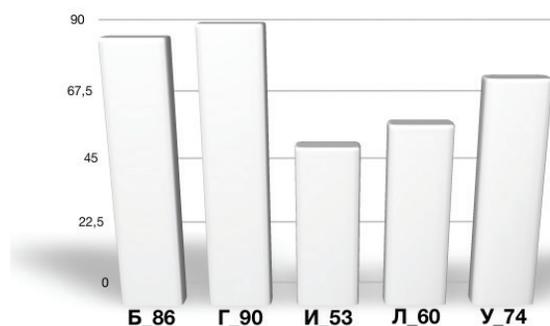

Рис. 6. Представление конечности области определения **группы-III** в алфавитном ряду
Figure 6. Representation of the finiteness of the **group-III** domain of definition in the alphabetical order

Общая λ **группы-III** составляет 14,25 %, что иллюстрируется фразеостатистической моделью на рис. 7.

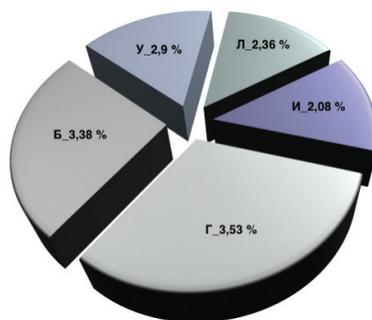

Рис. 7. Фразеостатистическая модель процентного соотношения **группы-III**
Figure 7. Phrase-statistical model of the percentage ratio of the **group-III**

Количественное соотношение фразеологических зон **группы-IV** представлено индексом от 20 до 50 словарных статей. Общее количество фразеологических зон **группы-IV** — 176. Репрезентантами группы стали заголовочные слова, соответствующие следующим буквам русского алфавита: **А — Ж — Х — Ч — Ш**. Количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон **группы-IV** представлено на рис. 8. Расположение соответствует заголовочным словам в алфавитном порядке.

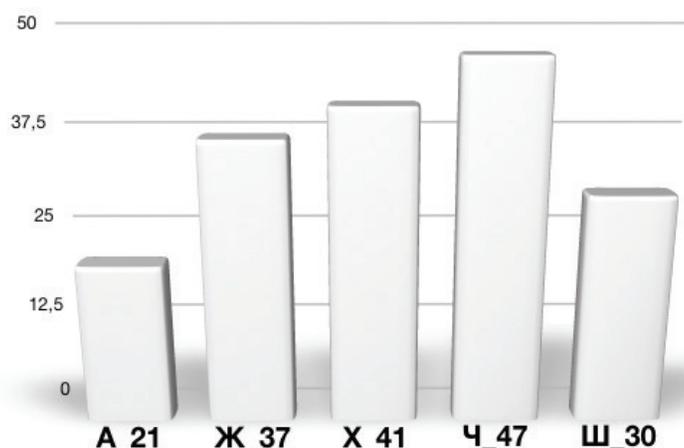

Рис. 8. Представление конечности области определения **группы-IV** в алфавитном ряду
Figure 8. Representation of the finiteness of the **group-IV** domain of definition in the alphabetical order

Общая λ **группы-IV** составляет 6,92 %, что иллюстрируется фразеостатистической моделью на рис. 9.

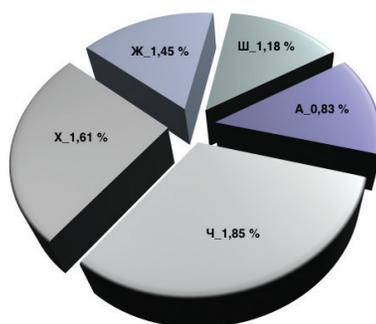

Рис. 9. Фразеостатистическая модель процентного соотношения **группы-IV**
Figure 9. Phrase-statistical model of the percentage ratio of the **group-IV**

На периферии находятся фразеологические зоны **группы-V**, индекс которых менее 20 словарных статей. Общее количество фразеологических зон **группы-V** — 86. Репрезентантами группы стали заголовочные слова, соответствующие следующим буквам русского алфавита: **Е, Ё — Ф — Ц — Щ — Э — Ю — Я**, которые определены как буквы-аутсайдеры. Количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон **группы-V** представлено на рис. 10. Расположение соответствует заголовочным словам в алфавитном порядке.

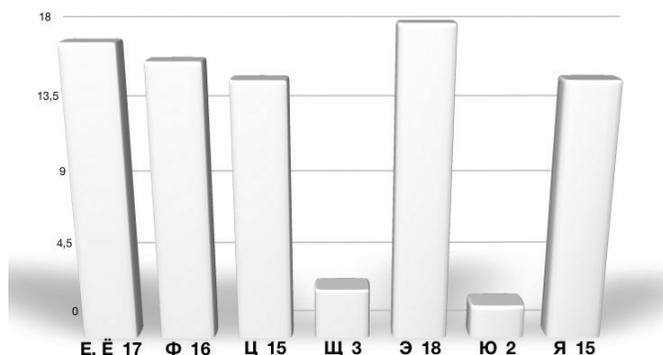

Рис. 10. Представление конечности области определения **группы-V** в алфавитном ряду
Figure 10. Representation of the finiteness of the **group-V** domain of definition in the alphabetical order

Общая λ **группы-V** составляет 3,38 %, что иллюстрируется фразеостатистической моделью на рис. 12.

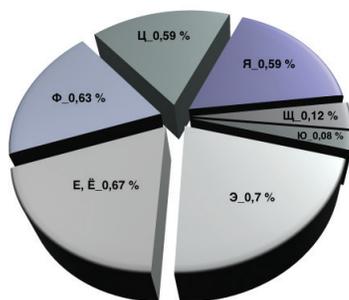

Рис. 11. Фразеостатистическая модель процентного соотношения В
Figure 11. Phrase-statistical model of the percentage ratio of the **group-V**

Словарных статей с заголовочными словами на букву «Ю» всего 7 [8. С. 1435–1436]. Фразеологические зоны представлены в структуре только 2-х словарных статей: «ЮМОР» Юмор висельника *ирон.* — шутки, острооты человека, к-рый находится в безвыходном положении. **Не понял юмора** *разг.* — употр. для выражения неодобрения по поводу чьих-л. действий или высказываний [8. С. 1436]. Более репрезентативной является фразеологическая зона словарной статьи «ЮБКА» Нижняя юбка — предмет женского белья, юбка, которая надевается под платье или обычную юбку, с тем чтобы одежда лучше сидела. Шотландская юбка — юбка в клетку, которая является частью традиционного костюма шотландских мужчин, килт. **Ни одной юбки не пропустит** кто-л. — *см. пропустить.* В юбке кто-л. — а) *шутл.* о женщине, которая проявляет качества, обладает характером какого-л. известного лица, персонажа мужского пола <...>; б) *шутл. и ирон.* о женщине, которая проявляет какие-л. качества, черты, свойственные, согласно общепринятым стереотипам, представителям какой-л., главным образом мужской, профессии <...>;

в) *шутл.* о женщине, профессия, занятие которой, по мнению большинства, является скорее мужской, чем женской <...>. **Держаться за чью-л. юбку; быть при юбке** чьей-л. — быть в полном подчинении у женщины (обычно у матери, жены), проявлять полное отсутствие самостоятельности, отдав право действовать и принимать решения женщине (обычно близкой). **Лезть под юбку** кому-л. *разг., неодобр.* — осуществлять (по отношению к женщине) какие-л. действия, имеющие характер сексуального домогательства [8. С. 1435].

Словарных статей с заголовочными словами на букву «Щ» — всего 5 [8. С. 1420–1421] и общим объемом соответствуют одной странице Словаря. Фразеологические зоны есть в структуре 3-х словарных статей, и наиболее репрезентативной является фразеологическая зона словарной статьи «**ЩИ**» **Кислые щи** — щи из квашеной капусты. **Зелёные щи** — щи из щавеля, шпината и т.п. **Суточные щи** — щи, которые едят на следующий день после из приготовления. **Пустые щи** — щи без мяса, жиров. **Щи да каша** — *пища наша погов.* — говорится в шутку, когда подают к столу или едят эти два блюда или одно из них. **Лаптем щи хлебать** *несов., разг.* — а) жить в нищете, отсталости, невежестве; б) быть совершенно необразованным, некультурным. **Тех же щей, да пожиге влей** *разг.* — о слегка видоизменённом повторении одного и того же. **Попасть (угодить ...) как кур во щи** *разг.* — глупо, неожиданно и против воли оказаться в неприятном положении. **Профессор кислых щей** — *см. профессор* [8. С. 1421].

Многозначная ФЕ **профессор кислых щей** *прост.* — а) о человеке, который изображает из себя знатока, а на самом деле плохо разбирается в чём-л. <...>; б) *пренебр.* о профессоре, который, по мнению говорящего, неизвестно чем занимается или занимается всякой ерундой <...> [8. С. 949] — является единственной косвенно-производной единицей, в структуре которой употребляется заголовочное слово **ПРОФЕССОР**. Такое радиальное перемещение ФЕ из одной словарной статьи в другую, мотивированное участием заголовочного слова как ключевого компонента структурирования ФЕ и фиксирующее единичную репрезентацию ФЕ во фразеологической зоне, перспективно как база данных в аспекте изучения фразеологических структурных моделей.

Фразеостатистические модели процентного соотношения отдельной группы определяют объективность формирования исследовательского корпуса в перспективе моделирования словника пилотного корпуса электронного словаря смысловой реализации фразеологических единиц, выделения его ядерных и периферийных пространств.

Заключение

Концептуальный подход к «Большому универсальному словарю русского языка» — толковому словарю в бумажном формате — как лексикографическому корпусу в исследовании употребительности (частотности)

фразеологических зон в словарных статьях определил направление исследования в аспекте формирования исследовательского корпуса для моделирования словника пилотного корпуса электронного словаря (АСПОТ) смысловой реализации фразеологических единиц. Основным фактором выбора БУС для создания исследовательского корпуса стал принцип отбора слов с учетом их коммуникативной актуальности — ценностной характеристики заголовочного слова как структурно-семантического компонента фразеологических единиц.

Параметрами технологии исследования фразеологических зон БУС как репрезентативного источника данных определены (1) генеральная лингвистическая совокупность — общее количество фразеологических зон, выбранных из всех словарных статей; (2) выборочная лингвистическая совокупность как рабочий корпус, по первичным измерениям которого сформированы фразеостатистические модели, сгруппированные в соответствии с областью определения — совокупностью всех заголовочных слов, зафиксированной одной буквой русского алфавита.

Выделенные группы фразеостатистических моделей представляют количественное соотношение частотной репрезентативности фразеологических зон в алфавитном ряду и оценку репрезентативности выборки в процентном выражении. Детальная проработка количественной характеристики и процентного соотношения параметров статистической выборки фразеологических зон БУС определили объективность моделирования исследовательского корпуса и, следовательно, формирования словника пилотного корпуса электронного фразеологического словаря, выделения его ядерных и периферийных пространств.

Библиографический список

1. *Дубичинский В.В.* Теоретическая и практическая лексикография. Вена, Харьков, 1998.
2. *Сидоренко К.П.* Русское лексикографическое пространство в алфавитном порядке. Рецензия на книгу: Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 143–148. <https://doi.org/10.17223/22274200/11/10>
3. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре : сб. ст. / АН СССР, Науч. совет по лексикологии и лексикографии, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 131–136.
4. *Богачёва Г.Ф., Морковкин В.В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 6–11.
5. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. СПб.: Своё издательство, 2016.
6. *Ольховская А.И.* Рецензия на книгу: Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка // Вопросы лексикографии. 2016. № 2(10). С. 110–121. <https://doi.org/10.17223/22274200/10/7>

7. Карнова О.М. Фундаментальный лексикографический труд (Рец. на кн.: Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая; под ред. проф. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2016. 1456 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 178–180.
8. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016.
9. Изотова А.А. Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник университета. 2014. № 21. С. 258–260.
10. Пивоварова Е.В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов — «ложных друзей» переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13(9). С. 312–320. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.57>
11. Фесенко О.П., Лаухина С.С. Электронные словари как продукт современной лексикографии // Омский научный вестник. 2015. № 4(141). С. 46–48.
12. Gouws R.H. Extended article comments in online dictionaries // *Lexicography*. 2022. № 9(2). P. 111–138. <https://doi.org/10.1558/Lexi.24289>
13. McAlpine J., Myles J. Capturing phraseology in an online dictionary for advanced users of English as a second language a response to user needs // *System*. 2003. № 31(1). P. 71–84. [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(02\)00074-X](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(02)00074-X)
14. Szerszunowicz J. Exemplification in a phraseological dictionary an extended illustration model // *Lexicography*. 2018. № 5(1). P. 35–54. <https://doi.org/10.1007/s40607-018-0045-y>
15. MacFarquhar P.D., Richards J.C. On Dictionaries and Definitions // *RELC Journal*. 1983. № 14(1). P. 111–124. <https://doi.org/10.1177/003368828301400112>
16. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
17. Девяткова О.И., Кантышева Н.Г. Проектирование терминологического учебного словаря таможенной сферы корпусный подход // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 55–80. <https://doi.org/10.17223/22274200/25/3>
18. Долгих З.Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5(795). С. 21–32.
19. Павловская И.Ю., Горина О.Г. Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1. С. 132–138. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-1-76-19>
20. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3–4 (155–156). С. 56–61. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-3/4\(155/156\)-56-61](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-3/4(155/156)-56-61)
21. Богоявленская Ю.В. Репрезентативность лингвистического корпуса метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58). С. 163–166.
22. Гречанин В.А. Статистические методы в исследовании текстов // Вестник Башкирского университета. 2018. № 23(3). С. 772–775.

References

1. Dubichinsky, V.V. (1998). *Theoretical and practical lexicography*. Vienna, Kharkov. (In Russ.).
2. Sidorenko, K.P. (2017). Russian lexicographic space in alphabetical order. Book review Kozyrev, V.A. & Chernjak, V.D. Who is who in Russian lexicography: a reference book. *Russian Journal of Lexicography*, 11, 143–148. <https://doi.org/10.17223/22274200/11/10> (In Russ.).

3. Morkovkin, V.V. (1988). Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography. In *National specificity of language and its reflection in the normative dictionary*. Moscow: Nauka. pp. 131–136. (In Russ.).
4. Bogacheva, G.F. & Morkovkin, V.V. (2011). On all-embracing lexicographic presentation of the lexical core of the Russian language. *Tomsk State University Journal of Philology*, 3(15), 6–11. (In Russ.).
5. Kozyrev, V.A. & Chernjak, V.D. (2016). *Who is who in Russian lexicography a reference book*. Saint Petersburg: Svojo publ. (In Russ.).
6. Olkhovskaya, A.I. (2016). Book review Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. The big universal dictionary of the Russian language. *Russian Journal of Lexicography*, 2(10), 110–121. <https://doi.org/10.17223/22274200/10/7> (In Russ.).
7. Karpova, O.M. (2017). Book review Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. The academic dictionary of Russian phraseology. *Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 178–180. (In Russ.).
8. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2016). *The Great Universal Dictionary of the Russian Language*. Moscow. (In Russ.).
9. Izotova, A.A. (2014). Idiomatic phraseology and corpus. *Vestnik Universiteta*, 21, 258–260. (In Russ.).
10. Pivovarova, E.V. (2020). Corpus Analysis as a Tool for Identifying Semantic Changes of Phraseological Units — Translator’s “False Friends”. *Philology. Theory & Practice*, 13(9), 312–320. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.57> (In Russ.).
11. Fesenko, O.P. & Laukhina, S.S. (2015). Electronic dictionaries as a product of modern lexicography. *Omsk Scientific Bulletin*, 4(141), 46–48. (In Russ.).
12. Gouws, R.H. (2022). Extended article comments in online dictionaries. *Lexicography*, 9(2), 111–138. <https://doi.org/10.1558/lexi.24289>
13. McAlpine, J. & Myles, J. (2003). Capturing phraseology in an online dictionary for advanced users of English as a second language a response to user needs. *System*, 31(1), 71–84. [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(02\)00074-X](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(02)00074-X)
14. Szerszunowicz, J. (2018). Exemplification in a phraseological dictionary an extended illustration model. *Lexicography*, 5(1), 35–54. <https://doi.org/10.1007/s40607-018-0045-y>
15. MacFarquhar, P.D. & Richards, J.C. (1983). On Dictionaries and Definitions. *RELC Journal*, 14(1), 111–124. <https://doi.org/10.1177/003368828301400112>
16. Baranov, A.N. (2001). *Applied Linguistics*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
17. Devyatkova, O.I. & Kantysheva, N.G. (2022). Design of a terminological learner’s dictionary in the customs sphere A corpus approach. *Russian Journal of Lexicography*, 25, 55–80. <https://doi.org/10.17223/22274200/25/3> (In Russ.).
18. Dolguikh, Z.B. (2018). An Overview of some basic possibilities of corpus in the field of linguistic research (on the example of the analysis of graduation means in the Portuguese language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(795), 21–32. (In Russ.).
19. Pavlovskaya, I.Yu. & Gorina, O.G. (2017). Corpus-based cognitive oriented methods of lexical analysis in foreign language studies. *Cherapovets State University Bulletin*, 1, 74–80. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-1-76-19> (In Russ.).
20. Paveleva, T.Yu. (2016). Collocations study based on the text corpora. *Tambov University Review. Series Humanities*, 21 (3–4 (155–156)), 56–61. [http://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-3/4\(155/156\)-56-61](http://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-3/4(155/156)-56-61) (In Russ.).
21. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016). Representativeness of text corpus method of verification of data reliability. *Political Linguistics*, 4(58), 163–166. (In Russ.).
22. Grechachin, V.A. (2018). Statistical methods in the study of texts. *Bulletin of Bashkir University*, 23(3), 772–775. (In Russ.).

Сведения об авторах

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка, Институт иностранных языков и культуры Сычуаньского университета; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, исследование фразеологической семантики; *e-mail*: scu1959rus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1425-5405; SPIN-код 7721–2060

Барышникова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: языковые контакты в лексикологии русского языка; лингвокультурологический анализ заимствованной лексики в русском языке; психолингвистика; билингвизм; методика обучения русскому языку как иностранному; лингвистические, лингвокультурологические и методические основы создания национально-ориентированных дидактических материалов по русскому языку как иностранному; *e-mail*: baryshnikova-en@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4228-1763; elibrary SPIN-код 9044–9815; ResearcherID AAM-8931-2020

Космачёва Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры факультета филологии и журналистики, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева; *сфера научных интересов*: исследование фразеологической семантики, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: olga_ast@list.ru
ORCID: 0000-0002-3722-3131; SPIN-код 5314-9461

Information about the authors:

Lidia G. Zolotykh, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Faculty, Institute of Foreign Languages and Culture of the Sichuan University; *Research interests*: linguoculturology, cognitive linguistics, study of phraseological semantics; *e-mail*: scu1959rus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1425-5405; SPIN code 7721–2060

Elena N. Baryshnikova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching at the Faculty of Philology, RUDN University, *Research interests*: Language Contacts in the lexico-semantic Russian language skills; linguocultural analysis of borrowed vocabulary in Russian; psycholinguistics; bilingualism; methods of teaching Russian as a foreign language; linguistic, linguocultural and methodical foundations of nation-making educational materials on Russian as a foreign language; *e-mail*: baryshnikova-en@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4228-1763; elibrary SPIN code 9044–9815; ResearcherID AAM-8931-2020

Olga Yu. Kosmacheva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology and Journalism, Astrakhan State University n.a. V.N. Tatischev. *Research interests*: study of phraseological semantics, linguocultural science, cognitive linguistics; *e-mail*: olga_ast@list.ru
ORCID: 0000-0002-3722-3131; SPIN code 5314-9461

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313

EDN: LVEYJG

UDC 81'22:003

Research article / Научная статья

Re-thinking Semiotics: a New Categorization of a Sign?

Marina G. Shilina^{1,2} , Mohsen Zarifian³

¹ Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115093

² Lomonosov Moscow State University,
9, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

³ RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 marina.shilina@gmail.com

Abstract. The study discusses the fundamental issues of semiotics. Semiotics still involves no broadly agreed upon theoretical assumptions, models, or empirical methodologies. Faced with much disagreement among notable semioticians about what semiotics actually entails, the study opens up the way to its theoretical re-thinking. Starting from the analysis of the discussions of scientists it indicated that the signs are not identical to what they represent this studies the issue through a theoretical concepts analysis, literature review, combined with comparative analysis of the main classical theoretical parameters of signs. The basic approach of this study is that signs, whether it is symbolic, iconic, or indexical, are not what they mean. The nature of the sign, whether it is symbolic, iconic, or indexical, determines the way it is used, and the same signifier can be used in different ways in different contexts. The role of an interpreter should be taken into account. A sign meaning is not inherent in it; rather, it is determined by how it is interpreted. The relevance of the research is due to a new complex approach to statements about users, signs or referents that could never be made in isolation from each other. A statement about one of those always contains implications about the other two. Rather than specific «types of sign», we're talking about symbolic, iconic, and indexical forms of relationships. The hypothesis is as follows: the nature of the sign determines the way it is used. Moreover, the same signifier can be used both iconically and symbolically in different contexts. The novelty of the research is related to the idea of the sign that can be interpreted in different ways depending on who observes it: as symbolic, iconic or indexical. In other words, signs cannot be classified according to the classical semiology canons, but only with regard to the goals of their users and a certain context. Regarding this, we will propose a comparative analysis of the classic models of the sign to prove the hypothesis. The hypothesis is proved due to the provided comparative analysis of the classic models of a sign and modes of its relationship. The findings of this study have to be seen in light of some major limitations. First, the main primary research problem we have to solve was the semiotics of contemporary cartoons. Facing the lack of previous

© Shilina M.G., Mohsen Zarifian, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

research studies and the theoretical foundations for the research on the topic, we decided that prior theoretical research studies that are relevant to our specific topic are needed, which is why the article is aimed at theoretical issues. Theoretical and methodological limitations are addressed to our future studies. The research instruments and techniques used to collect the empirical data will have to be identified. Intercultural specifics connected with the personalities of the authors — Russian and Iranian researchers — influence the study but also limits it.

Keywords: semiology, object, interpretant, symbol, icon, index, model, mode

Article history:

Received: 05.10.2022

Accepted: 15.02.2023

For citation:

Shilina, M.G. & Mohsen, Zarifian. (2023). Re-thinking Semiotics: a New Categorization of a Sign? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>

Переосмысливая семиотику: новая категоризация знака?

М.Г. Шилина^{1,2} , М. Зарифиан³

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115093, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

³ Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 marina.shilina@gmail.com

Аннотация. Семиотика до сих пор не обладает согласованными теоретическими основаниями, моделями, методологией эмпирических исследований. Столкнувшись с многочисленными разногласиями среди видных теоретиков о сути семиотики, данное исследование нацелено на ее теоретическое переосмысление. Анализ научной дискуссии определяет исследовательскую проблему: знаки не тождественны тому, что они представляют. Данная проблема изучается на основании анализа базовых теоретических концепций, обзора литературы в сочетании со сравнительным анализом основных классических теоретических параметров знаков. Основной посыл данного исследования заключается в том, что знаки не совпадают с тем, что они означают. Характер знака, будь то символический, иконический или индексальный, определяет способ его использования. Более того, одно и то же означающее может использоваться по-разному в разных контекстах. Значение знака ему не присуще; скорее, оно определяется тем, как интерпретируется, поэтому роль интерпретатора представляется существенной. Актуальность исследования определяет комплексный подход в изучении особенностей интерпретаторов/пользователей, знаков или референтов, которые не могут быть выявлены изолированно друг от друга. Констатация свойств одного всегда содержит констатацию сведений относительно двух других. По существу, речь идет не о конкретных типах знаков, а о символических, иконических и индексальных формах отношений. Новизна исследования заключается в том, что авторы на основе компаративного анализа классических моделей и параметров взаимодействия доказывают, что знак можно интерпретировать по-разному в зависимости от того, кто его наблюдает: как символиче-

ский, иконический или индексальный, — то есть знаки нельзя классифицировать по канонам классической семиологии, а только с учетом целей их пользователей и определенного контекста. Результаты исследования следует рассматривать в контексте ряда ограничений. Отсутствие исследований и теоретических основ для изучения базовой темы (семиотики карикатуры), обусловило теоретический характер исследования на данном этапе и в будущем — необходимость определить исследовательские инструменты и методы для сбора эмпирических данных. Межкультурная специфика, связанная с личностями авторов — российского и иранского исследователей, — делает исследование более многогранным, но и ограничивает его. Данные основные ограничения рассматриваются в наших последующих исследованиях.

Ключевые слова: семиология, объект, интерпретант, символ, икона, индекс, модель, модус

История статьи:

Дата поступления: 5.10.2022

Дата приема: в печать: 15.02.2023

Для цитирования:

Shilina M.G., Zarifian M. Re-thinking Semiotics: Towards a New Categorization of a Sign // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>

Introduction

Contemporary Semiotics could be considered as “the study of signs,” claiming that “semiotics is concerned with everything that might be perceived as a sign” [1. P. 7]. Beyond the most basic description of semiotics as “the study of signs,” there is much disagreement among notable semioticians about what semiotics actually entails [2]. Nevertheless, at the edge of 20st century, contemporary semiotics has been co-founded by two significant theoretical traditions, which have been independently established by the Swiss linguist Ferdinand de Saussure and the American philosopher Charles Sanders Peirce. De Saussure and Peirce are credited with developing the two most dominant models of what defines a sign. Saussure defined ‘semiology’ as “a science which investigates the role of signs as part of social life,” [3] in contrast to Peirce, who approached ‘semiotics’ from a logical standpoint while aiming to construct a “formal doctrine of signs” [4]. While Saussure's catchphrase was “structure,” Peirce's model changed the spotlight to “process,” suggesting that even our cognitive processes are social. According to Peirce, “Nothing is a sign unless it is interpreted as a sign” [4. V. 2. P. 172].

Signs are examined by modern semioticians as a component of semiotic “sign-systems,” such as a medium or genre. And it should be acknowledged that semiotics involves no broadly agreed upon theoretical assumptions, models, or empirical methodologies. The discussions of scientists indicate that the signs are not identical to what they represent [5].

The nature of a sign, whether it is symbolic, iconic, or indexical, determines the way it is used. Moreover, the same signifier can be used in different ways in different contexts. The basic approach of this study is that signs are not what they mean. The hypothesis is as follows: the nature of the sign, whether

it is symbolic, iconic, or indexical, determines the way it is used. Moreover, the same signifier can be used both iconically and symbolically in different contexts. A sign could be interpreted in different ways depending on who observes it: as symbolic, iconic or indexical. In other words, signs cannot be classified according to the classical semiology canons, but only with regard to the goals of their users and a certain context.

Regarding this, we will propose a comparative analysis of the classic models of a sign to prove the hypothesis.

Saussure's and Pierce's models of a sign

Saussure's dyadic model of the sign is a division of the sign into two necessary constituent elements, which are: 'Signifier' (signifiant) — the form which the sign takes; 'Signified' (signifié) — the concept it represents. Saussure defined a sign as being composed of the two above-mentioned parts, and a sign is the whole that results from the association of the signifier with the signified [6. P. 67]. It must be emphasized that both a signifier and a signified are necessary for a sign. The sign is a recognizable combination of the signifier with a specific signified. Saussure presented these elements as wholly interdependent, neither pre-existing the other. The relationship between the signifier and the signified is called the “signification”. There is an intention among contemporary commentators to explain the signifier as the form that the sign takes and the signified as the concept to which it refers. In the following terms, Saussure outlines this distinction: A linguistic sign is not a link between a thing and a name, but between a concept [signified] and a sound pattern [signifier].

Saussure stressed that both the signifier and the signified to be solely psychological phenomena [3. P. 12, 14–15]. Thus, the sign is completely immaterial, despite his didn't embrace of the term “Abstract” and accordingly any connections with the external world are most probably created through the interpreter's sensorimotor system [6. P. 12, 15, 65–66]. In Saussure's association of signifier (the 'sound pattern') and the signified (the concept), both components were considered in form rather than substance. Saussure's approach is helpful in highlighting the idea that signification eventually relies on perceptions, not just on physical form.

Saussure emphasized that signifier and the signified (or the sound and thought) like the two sides of a piece of paper are inseparable [3. P. 111] and they are 'intimately linked' in the mind 'by an associative link' — 'each triggers the other' [3. P. 66]. Saussure's survey pivots around linguistic signs such as words and the 'phonocentrically' adequate focus afforded towards the spoken word, precisely referring to the image acoustique ('sound-image' or 'sound pattern'), perceiving writing as a different, subordinate, dependent but comparable sign system.

Even though the fundamental “Saussurean” model is still widely adopted and employed today, it is often more materialistic than Saussure's original

model. The signifier is nowadays frequently viewed as the physical or material representation of the sign; it is something that can be perceived through sight, sound, touch, smell, or taste.

Later theorists have also used the term “signifier” to denote a sign's physical manifestation, such as Peirce's representamen.

At roughly the same time, Peirce independently proposed a triadic version of the model of the sign [4], 'semeiotic [sic]' and sign classifications, in the form of a 'self-contained dyad', consisting of three parts as below.

1. The representamen: the actual form that the sign takes, which need not necessarily be in physical shape, but is usually perceived as such. Some theorists refer to this form as a “sign vehicle.”
2. An interpretant: not an interpreter but rather the sense made of the sign; the meaning that is interpreted (which is what an interpreter makes of the sign).
3. An object: something beyond the sign to which it refers; which is what the sign represents (a referent).

The interpretant is not the audience, but what sense the audience makes of a sign. It should be made explicit that an interpretant and an interpreter are two different things. Peirce proposed a phenomenological distinction between the sign itself [or the representamen] as an instance of “Firstness,” its object as an instance of “Secondness,” and the interpretant as an instance of “Thirdness,” since he was evidently attracted to tripartite structures. In this vein, all these three components must be present for something to be recognized as a sign. The object (what is represented), the representamen (how it is represented), and the interpretation (how it is interpreted) all contribute to the creation of the sign as a whole.

Variations of Peirce's triad are regularly presented as 'the semiotic triangle', which is a frequently encountered version that modifies the unfamiliar Peircean terminology.

Discussion and Results

Peirce's representamen and Saussure's signifier are equivalents in meaning, while the interpretant is almost identical to a signified. But unlike the signified, the interpretant has the quality of being a sign in the interpreter's consciousness. Peirce observed that “a sign (...) addresses somebody, that is, creates in the mind of that person an equivalent sign, or perhaps a more developed sign. The sign which it creates I call the interpretant of the first sign.” [4].

It should be noted that the term “sign” is frequently employed in an ambiguous manner. Peirce himself regularly mentions ‘the sign’ when, strictly speaking, he is referring to the representamen, and in the same way, in the Saussurean model, some references to ‘the sign’ should be to the signifier.

Peirce's version of the sign contains an object or referent, which in Saussure's model this part does not exist. The meaning and function of representamen

could be compared with Saussure's signifier and the interpretant is similar to the Saussure's signified. The interpretant, however, differs from the signified in that it is considered by the interpreter to be a sign. "A sign addresses someone when it creates in that person's mind an equivalent sign, or perhaps a more developed sign," according to Peirce." The sign which it creates I call the interpretant of the first sign" [4. V. 2. P. 228]. To put it bluntly, Peirce used the term "semiosis" (alternatively semiosis) to describe the interaction between the representamen, the object and the interpretant [4. V. 5. P. 484].

According to Roman Jakobson, for Peirce "the meaning of the sign is the sign it can be translated into." [7]. As Peirce was well aware of, this might result in a sequence of succeeding interpretants, which is possibly ad infinitum, according to Eco, who brings into play the term "unlimited semiosis" to describe this possibility [1. P. 68–90]. Any preliminary interpretation may be revised and re-interpreted. Peirce remarked, that "the meaning of a representation can be nothing but a representation" [4. V. 1. P. 339]. Peirce did not feature the term 'interpreter' in his triad system, and the importance of sense-making, which calls for an interpreter.

Whether a dyadic or triadic model is adopted, the role of the interpreter must be accounted for. A sign's meaning is not inherent in it; rather, it is determined by how it is interpreted. In view of this, David Sless outlines that "statements about users, signs or referents can never be made in isolation from each other. A statement about one always contains implications about the other two." [8. P. 6]. Paul Thibault believes that Saussure's seemingly dyadic model includes the interpreter implicitly [9. P. 184].

The relatively arbitrary "symbolism" of the medium of verbal language, offered by Saussure, actually represents just one type of relationship between signifier and signified. Although Peirce noted the relation between the 'sign' (*sic!*) and the *object*, the Peircean distinctions are most commonly applied within a broad Saussurean framework. While Saussure stressed the arbitrary aspect of the (linguistic) sign, the majority of semioticians underlined that signs varied in their degree of arbitrary/conventionality (or, in contrast, 'transparency'). Whereas Saussure did not propose a sign typology, Peirce was a compulsive taxonomist who presented multiple logical typologies [4. V. 1. P. 291; V. 2. P. 243].

Peirce's basic classifications, which he considered to be "the most fundamental" division of signs," are actually relationships between a representamen and its object or interpretant, and they are more useful as a classification of differing "modes of relationship" between sign vehicles and their referents [10. P. 129]. Within the Saussurean model, such inclusion tends to stress (though indirectly) the signified's referential potential.

Peirce classified signs into three following types, and three modes of relationships:

Symbol/symbolic: a mode in which the signifier and signified are essentially different from one another. There is no similarity between the signifier and the

signified in a symbol. The relationship between them is basically arbitrary or entirely conventional.

Icon/iconic: the signifier shares or simulates (imitates) some characteristic of the signified and is recognizably similar to it by looking, hearing, feeling, tasting, or smelling. An icon resembles the signified.

Index/indexical: a mode in which the signifier is not arbitrary but is physically or causally tied to the signified. This connection can be observed, deduced, or concluded. Evidence of what is being represented is displayed in an index.

Thus, rather than specific “types of sign”, we're talking about symbolic, iconic, and indexical forms of relationships. It's easy to confuse Peirce's three forms for “sign types,” but they're not necessarily distinct; a sign can be thought of or interpreted as a symbol, a symbol, an index, or any combination of the three. Peirce himself was completely aware of this subject, as evidenced by the fact that he claimed that “it would be difficult if not impossible to instance an absolutely pure index, or to find any sign absolutely devoid of the indexical quality” [4. V. 2. P. 306].

In fact, these three modes emerged inside and as a result of the triadic model of Peirce, and from a Peircean standpoint, transforming a triadic connection into a dyadic one is reductive [11]. For example, Peirce speaks of a “genuine relation” between the “sign” and the “object” that is independent of only “the interpreting mind” [4. V. 2. P. 92, 298]. The object is “necessarily existent” [4. V. 2. P. 310]. The index is really associated with its item [4. V. 4. P. 447]. There is 'a real connection' [10: 5.75]. There might be a “direct physical connection” [4. V. 1. P. 372. V. 2. P. 281, 299]. “a fragment torn away from the object” is how an indexical sign is similar to that. [4. V. 2. P. 231] An index, as opposed to an icon (whose subject may be fictitious), stands “unequivocally for this or that existing thing” [4. V. 4. P. 531]. The signifier is “actually modification” by the signified, even though “it inevitably has some characteristic in common” with it; there is an “actual affected” involved [4. V. 2. P. 248]. There is more to the relationship than “mere resemblance” “indices (...) have no significant resemblance to their objects” [4. V. 2. P. 306]. Also Eco has a lengthy discussion and critics of iconic mode of relationships between signifier and signified [1. P. 191]. According to Lyons, iconicity is “always dependent upon properties of the medium in which the form is manifest” [12. P. 105].

Theorists — and an individual — might regard a sign as symbolic, iconic, and indexical. The nature of the sign, whether it is symbolic, iconic, or indexical, determines the way it is used. Moreover, the same signifier can be used both iconically and symbolically in different contexts. And “when we speak of an icon, an index or a symbol, we are not referring to objective qualities of the sign itself. But to a viewer's experience of the sign”, argues Kent Grayson [13. P. 35].

Both Peirce and Saussure were fully aware of the mutable nature of the signifier-signified relationship in language [8. P. 74]. Nowadays, a historical change from one

sign mode to another frequently takes place. This implies that modes of the signs can also change as time passes. According to structuralist theorists, the relationship between signifier and signified is dynamically changing: Any “fixing” of “the chain of signifiers” is temporary and socially driven [14. P. 6, 8, 13].

Conclusion

To bring the subject of “three modes of relationships” to a close, it should be emphasized that the manner in which a sign is employed essentially determines whether it is symbolic, iconic, or indexical. The same signifier could well be utilized both iconically and symbolically in different contexts.

Without taking into account the goals of their users within certain contexts, signs cannot be categorized in terms of the three modes. As a result, a sign may be interpreted in different ways depending on who observes it: as symbolic, iconic, or indexical.

Thus, the sign can be interpreted in different ways depending on who observes it: as symbolic, iconic or indexical. In other words, signs cannot be classified according to the classical semiology canons, but only with regard to the goals of their users and a certain context.

References

1. Eco, U. (1976). *A Theory of Semiotics*. Bloomington: IN: Indiana University Press/London: Macmillan.
2. Culler, J. (1975). *Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics and the Study of Literature*. London: Routledge & Kegan Paul.
3. Saussure, F. de. (1983). *Course in General Linguistics*. London: Duckworth.
4. Peirce, Ch.S. (1931–1958). *Collected Writings in 8 Vols*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Langer, S.K. (1951). *Philosophy in a New Key: A Study in the Symbolism of Reason, Rite, and Art*. New York: Mentor.
6. Saussure, F. de. (1974). *Course in General Linguistics*. London: Fontana/Collins.
7. Jakobson, R. (1963). Visual and Auditory Signs. In: *Selected Writings*. The Hague: Mouton. pp. 334–337.
8. Sless, D. (1986). *In Search of Semiotics*. London: Croom Helm.
9. Thibault, P.J. (1997). *Re-reading Saussure: The Dynamics of Signs in Social Life*. London: Routledge.
10. Hawkes, T. (1977). *Structuralism and Semiotics*. London: Methuen.
11. Bruss, E.W. (1978). Peirce and Jakobson on the Nature of the Sign. In: *Bailey, R.W., Matejka, L. and Steiner, P. (eds.) The Sign: Semiotics Around the World*. MI: University of Michigan Press. pp. 81–98.
12. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Grayson, K. (1998). The Icons of Consumer Research. Using Signs to Represent Consumers' Reality. In: *Representing Consumers*. Abingdon: Taylor and Francis. pp. 27–43. 10.4324/9780203380260-8
14. Coward, R. & Ellis, J. (1977). *Language and Materialism: Developments in Semiology and the Theory of the Subject*. London: Routledge & Kegan Paul.

Information about the authors:

Marina G. Shilina, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Advertising, PR and Design, Plekhanov Russian State University of Economics; Assistant Professor of the Department of Advertising and PR, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. *Research interests*: communication theory, theory of discourse and intercultural communication, mediatization studies, digital media studies; *e-mail*: marina.shilina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9608-352X; WoS Research ID: U-4481-2018; Scopus Author ID:57196371205

Mohsen Zarifian, PhD student in international journalism, RUDN University; Assistant of the Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University; journalist, cartoonist. *Research interests*: political discourse, contemporary media discourse, digital media studies, cartoon as a means of political communication; *e-mail*: mohsen.zarifian@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7363-0263

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский государственный экономический университет им. Г.В. Плеханова; доцент кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова; *Научные интересы*: теория коммуникации, теория дискурса и межкультурной коммуникации, медиатизация, цифровые медиа; *e-mail*: marina.shilina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9608-352X; ResearcherID: U-4481-2018; ScopusID: 57196371205

Зарифиан Мохсен, аспирант кафедры международной журналистики, ассистент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов; журналист, карикатурист. *Научные интересы*: политический дискурс, современный медиадискурс, исследования цифровых медиа, карикатура как средство политической коммуникации; *e-mail*: mohsen.zarifian@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7363-0263

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-314-327

EDN: LASALL

UDC 811.111'01-112:398

Research article / Научная статья

The Opposition of the 'Own — Alien' Space in the Anglo-Saxon Charms

Olga I. Prosyannikova , Kseniya V. Skorik ,
Lubov V. Kotsubinskaya

Pushkin Leningrad State University,

10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation, 196605

 olgapros@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of the representation of the category of space in Anglo-Saxon charms. The linguo-semiotic model of space allows accentuating a charm text's binary structure, which, within the framework of the study, is considered as the opposition of the 'own — alien' space. The relevance of the research is due to the unflinching interest in the study of traditional folk spiritual culture and the reconstruction of ancient world visions, such as, in particular, archaic concepts of space. The latter invites a question about ancient charms as a source to restore the picture of the world of the primitive worldview since the charms had clearly preserved some value-semantic elements of the archetypal image of the world. The scientific novelty of the paper is attributed to the description of the dichotomous structure of spatial representations in Anglo-Saxon charms, with an emphasis placed on revealing spatial objects in rituals and charms. Of particular attention are the vertical and horizontal models of the representation of the 'own — alien' dichotomy in the texts of the charms and prayers. As a result, it was determined that their binary structure has a border zone where the 'own' space has a specific objectification in the material world while 'alien' space is reflected Abstractly, at the associative level, and does not possess pronounced distinctive features.

Keywords: the picture of the world, category of space, ritual

Article history:

Received: 05.10.2022

Accepted: 15.02.2023

For citation:

Prosyannikova, O.I., Skorik, K.V. & Kotsubinskaya, L.V. (2023). The Opposition of the 'Own — Alien' Space in the Anglo-Saxon Charms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 314–327. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-314-327>

© Prosyannikova O.I., Skorik K.V., Kotsubinskaya L.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Оппозиция «свое — чужое» пространство в англосаксонских заговорах

О.И. Просянникова , К.В. Скорик , Л.В. Коцюбинская

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург-Пушкин, Петербургское ш., 10
 olgapros@mail.ru

Аннотация. В исследовании особенностей репрезентации категории пространства в англосаксонских заговорах лингвосемиотическая модель пространства позволяет выделить бинарную структуру, которая рассматривается в статье как оппозиция «свое — чужое» пространство. Актуальность исследования обусловлена интересом к изучению традиционной народной духовной культуры и реконструкции древних представлений о мире, в частности, архаических представлений о пространстве. Поднимается вопрос о древних заговорах как источнике, дающем возможность восстановить картину мира первобытного мировоззрения, поскольку в них сохранились ценностно-смысловые элементы архетипического образа мира. Новизна исследования видится в описании дихотомической структуры пространственных представлений в англосаксонских заговорах. Основное внимание уделяется выявлению пространственных объектов в ритуалах и заклинании. Отмечены вертикальные и горизонтальные модели представленности дихотомии «свой — чужой» в текстах заговоров. В результате определено, что бинарная структура имеет зону пограничья или границы, «свое» пространство имеет конкретную объективацию в предметном мире, «чужое» пространство отражается абстрактно, на ассоциативном уровне, не имеет четких характеристик.

Ключевые слова: картина мира, категория пространства, ритуал, заклинание

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Prosyannikova O.I., Skorik K.V., Kotsubinskaya L.V. The Opposition of the ‘Own — Alien’ Space in the Anglo-Saxon Charms // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 314–327. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-314-327>

Introduction

According to Yu.S. Stepanov, the ‘own — alien’ opposition, permeates all cultures and appears ‘one of the main concepts of any collective, mass, traditional, or national worldview’ [1]. Yu.M. Lotman notes the conceptualization of the world in terms of the ‘own — alien’ dichotomy as an obligatory law for constructing a semiotic system in which division occurs into ‘our own’ safe space and hostile ‘foreign’ [2]. Being one of the basic and universal binary oppositions, the analyzed antithesis was formed in the process of cognition of the environment and objects of the surrounding realm and establishing relationships with the outer world. For this reason, the opposition ‘own — alien’ was considered and interpreted from very different points of view. Thus, T.V. Tsivyan, recognizing the universality of semiotic

oppositions in the model of the world, applied linguistic analysis to describe binary structures that have arisen as a result of classifying human activity [3. P. 5–6]. From the point of view of cultural universality, the dichotomous pair is described in the works of V.V. Ivanov and V.N. Toporov, concluding on a dominant role of the opposition in the system of ideas of the ancient Slavs [4]. I.V. Zakharenko considered this opposition in the spatial code of culture based on phraseological material [5]. A.K. Baiburin described the binary structure of space in ritual texts, explaining the psychological foundations for the division of space into ‘own’ and ‘alien’ in rituals [6].

The presented study considers the ‘own — alien’ opposition in terms of space. Space is one of the conceptual categories that make up the picture of the world, representing the spatial code of culture, the linguo-semiotic model of which has a pronounced organized structure. Lexis and phraseology with spatial meaning represent this model and manifest language worldview and its locative components. Spatial code of culture is identified in paramics, first of all in monophrasal ones in which the opposition ‘own — alien’ is realized as a universal and is actualized at all levels of their content (subject-thematic, logical-semantic, image-conceptual, object-image). Such manifestation makes the opposition a significant element in semantic and linguocultural analysis [7–11], in comparative description and translation [10; 11]. Charms, as an ancient folklore genre, preserved intracultural information in the most concise form. That, first of all, refers to the spatial ideas about the universe, which allows reconstructing the semantic parameters of this image [12. P. 108]. Therefore, the purpose of the article is to reveal the explication of the opposition of the ‘own — alien’ space in Anglo-Saxon charms.

Spatial representations reflect human perception of reality, the result of the conceptualization and categorization of the world, and, in particular, the differentiation of space and its division. Spatialization and somewhat mental ‘attitude sensing’ created a feeling of being a part of a harmonious Universe, thuswise resting beyond danger in a realm of stability [13. P. 34].

The peculiarity of the perception of space in a charm is explained by the fact that one of the conditions for success in achieving the goal of the charm was the location of the ritual performance. Therefore, as a rule, this place gets particularly indicated and described, often in detail. Since the very charm is pretty much an appeal to otherworldly forces, to a magical otherworldly world for assistance, then its space is divided into its ‘own’, where a particular person is located, and ‘alien’, embellished with the existence of mythological characters. Thus, the charm represents a vivid implementation of the semiotic opposition ‘own — alien’. The division of space, in this case, is presented as a set of concentric circles with a contestant and his immediate environment placed in the very center [5. P. 16]. The division into these spheres is because the ‘own’ space has already been domesticated and belongs to a particular person, while ‘alien’ belongs to the gods, otherworldly forces. The interaction of these

oppositional spheres occurs through dialogue that a person enters when the habitual and natural course of events gets violated, which forces a contestant to turn to those who, in his opinion, are able to restore this course of events, thuswise solving the problem [6. P. 5].

The interaction of these two spheres is described in detail by A.K. Baiburin, who defined the relationship between the parties as an agreement, when contact is established (through an appropriate ritual) with the magical world with supernatural power, and also as a situation that requires assistance and gets resolved through an exchange, performing some manipulations, and other actions [14. P. 182]. The position for obtaining headway in such an agreement is determined both in the ritual and in the charm.

Also, if the realm of the ‘own’ space is conceived in the images of a house and habitual immediate environment, then the image of an ‘alien’ one does not possess more or less distinct characteristics or pronounced features and might ‘be represented as ‘no locus’, the world of non-existence, non-being, and nothingness’ [15. P. 92–93]. For this reason, the localization of the alien world is quite challenging since its images are contradictory and diverse, do not have definite coordinates, and are defined rather generally. ‘Alien space’ is determined primarily by the distance from its opposite, which is fixed by ‘homeland’. The transition from one world to another can be designated as a frontier zone; however, the separation of the two worlds is not always fixed by a clear borderline. According to D.B. Gudkov, such a conditional line between ‘own’ and ‘alien’ is endowed in cultural consciousness with important significance, representing a symbol of social and personal meanings [16. P. 52]. M.A. Konovalova marks the ‘center of the world’ and the place of transition from one world to another as the most important horizontal ‘territories’, which are endowed with the most sacred meaning [17. P. 137]. The conditional division of space into fragments (one’s inner world, personal space and beyond, another (stranger) world) reflects the structure of the world and is inherent in human understanding of the world around, common for the views of the early medieval period [18. С. 300]. Thus, in these charms that have preserved, in particular, archaic ideas about the surrounding world, the division of space into ‘friend-or-foe’ loci could be clearly traced.

Materials and methods

The texts of Anglo-Saxon charms presented in collections by Felix Grendon ‘The Anglo-Saxon Charms’ [19] and Godfrid Storms ‘Anglo-Saxon Magic’ [20] served as the background material for the study. The work uses a cultural-semiotic approach that allows reproducing the system of representations peculiar to the mythological consciousness, which found its expression in folklore texts and therefore has to be recognized and reconstructed. In turn, the linguo-cultural

approach allows identifying the representation of the cultural ‘friend or foe’ phenomenon at the linguistic level. Contextual analysis has been used to study the implementation of spatial representations in terms of context.

Results. The dichotomous structure of space in charms

The study of beliefs and practices of Anglo-Saxon period reveals two models of representation of oppositional spaces: horizontal and vertical. The vertical model can be designated as ‘earth (house) — sky’, which corresponds to the opposition ‘own — alien’ space. Most often, such a model is observed in charms, which is due to the location of a contestant making a request from his space to heaven as a mythical space, the dwelling place of a god — an omnipotent creator who can grant assistance. For example, the texts of the metrical charms *Æcer-Bōt* (1) and *Sīðgaldor* (2) with an appeal to heaven and the heavenly patron, embody a vertical model:

(1) ‘Geunne him ēce drihten and his hālige, þe on **heofonum** synt, þæt hys yrþ sī gefriþod wið ealra fēonda gewæne, and hēo sī geborgen wið ealra bealwa gehwylc, þāra lyblāca geond land sāwen’ [19. P. 172]. May the eternal lord and his holy ones, who are in heaven, grant him that his produce be guarded against any enemies whatsoever.

(2) ‘<...> ac gehæle mē ælmihtig and sunu and frōfregāst, ealles wuldres wyrdig dryhten, swā swā ic gehyrde, **heofna** scyppende’ [19. P. 174]. <...> May the almighty protect me, and the son, and the Holy Spirit, and the glory of the almighty, the creator of the heavenly.

The horizontal model can be observed based on man’s movement on earth in horizontal coordinates through the verb of motion **fēran** (1), movement relative to the four cardinal points (2), the model of a circle with a center:

(1) «<...> find þæt feoh and **fere** þæt feoh and hafa þæt feoh and heald þæt feoh, and **fere** hām þæt feoh, þæt hē nāfre nabbe landes, þæt hē hit oðlāde, ne foldan, þæt hē hit oðferie, ne hūsa, þæt hē hit oðhealde» [19. P. 180]. <...> find this cattle, bring this cattle home, keep this cattle, own this cattle, and that he never takes the cattle to other lands, and fields, to conceal in a different place.

(2) «Gif hit sý innorf, sing þonne on **fēower healfe þæs hūses** and æne on **middan**» [19. P. 178]. If these are household items, chant to the four sides of the house and once in the middle.

(3) «Genim āne grēne gyrde and læt sittan þone man **onmiddan hūses** flōre and bestrīc hine **ymbūtan** and cweð <...>» [19. P. 172]. Take a green branch and let the man sit in the middle of the house, wave the branch around him and say <...>.

The examples above confirm the structure of the horizontal model in the form of a circle, centered on the man with his house and the developed surrounding space, and the ‘alien’ space, which existence is placed outside this circle. The midpoint of the house is perceived as the center of the world, the place of transition of ‘own’

space (the space of the house) into the sacred, where the exchange with otherworldly forces takes place.

Vertical and horizontal models may coincide within the same charm and have some intersection points. Such intersections are observed through spatial movements, i.e. through appeals to heaven and the Almighty. The *Æcer-Bōt* (Land-Remedy) charm provides an interesting example of how the models of vertical and horizontal spaces intersect as the meeting of the ritual and the spell spaces take place.

The structure of this charm consists of nine sequentially performed rituals, each of which ends with a charm. The movement in the ritual occurs in a horizontal space with reference points in the form of substantive objects, parts of the world, and the sun.

‘Genim <...> **fēower tyrf on fēower healfa þæs lands** <...>. And bere siþþan ðā tyrf tō **circean**, <...> and wende manþæt grēne to ðan wēofode, and siþþan gebringe man þā turf þær hī ær wæron ær sunnan setlgange. <...> wende þē þonne **ēastweard** and onlūt nigon siðon ēadmōdlīce and cweð ðonne þās word <...>. Wende þē þonne III **sunganges** <...>. <...> Þonne man þā sulh forð drīfe and þā forman furh onscēote. <...> Nim þonne ælces cynnes melo <...> and lecge under þā forman furh’ [19. P. 172, 176]. Take then at night, before it dawns, four sods from **four sides of the land** <...>. ...bear afterward the sods into **church** <...>. <...> turn to the altar <...>. ...and afterward have someone bring the sods to where they were before, before sunset. Turn yourself then **eastward**, and bow nine times humbly, and say then these words <...>. Turn then thrice with the **sun's** course <...>. Then have someone drive forth the plough and the first furrow cut. Take then each kind of flour <...> and lay it under the first furrow.

The performance of the ritual takes place in transition from the field (**lands**) to the church (**circean**) and vice versa, i.e. within the main spatial dominants of the text of the charm, and goes down in horizontal space, which is emphasized by the deliberate repetition of activity verbs (**niman, beran, wendan, bringan, drīfan**), as well as by deictic markers (**tō, ær wæron ær, ēastweard**).

Charms or prayers that are pronounced between rituals shift space into a vertical plane at the moment of turning to heaven, to God. This celestial space is mentioned several times through the charm: *heofon* ‘heaven’, *hēahreced* ‘temple high’, *heofonrīce* ‘the heavenly kingdom’: ‘Ēastweard ic stande, ārena ic mē bidde, // bidde ic ðone mæran domine, bidde ðone miclan drihten, // bidde ic ðone hāligan **heofonrīces** weard, // eorðan ic bidde and **ūpheofon**, // and ðā sōþan sancta Marian, // and **heofones** meajt and **hēahreced** // þæt ic mōte þis gealdor mid gife drihtnes // tōðum ontȳnan...’ [19. P. 174]. Eastward I stand, for mercies I pray, // I pray the great domine [lord], I pray the powerful lord, // I pray the holy guardian of heaven-kingdom, // earth I pray and sky // and the true sancta [holy] Mary // and heaven's might and high hall, // that I may this galdor by the gift of the lord.

The presence of two opposite spaces predetermines the border zone, that is, their conditional separation. Signs of localization of such a zone can be remoteness from the ‘domesticated’ space both in horizontal and vertical coordinates. The archaic consciousness represented the border as a strip of no man's space. In the charms, the border is determined by the place of transition from ‘own’ to ‘alien’ space and, according to E.A. Brunova, was designated at the early stages of the development of thinking by objects of the natural landscape, and later — by specifically designed objects and structures [13. P. 34]. In the charm to ward off swine plague *Wið swīna fǣr-steorfan*, the door symbolizes a conditional borderline, which indicates its semiotic status:

‘<...> hōh ðā wyrte on fēower healfe and on þān **dore**, dō rēcels tō [19. P. 210]. <...> hang weeds on the four sides (of the house) and on the door, burn it, and then add incense.

The space of a border zone may also be represented by a larger area, easily accommodating all the contestant’s motions (*gā*), as well as the performance of the very ritual: ‘Þonne hēo tō þān brōce **gā**, þonne ne besēo hēo, nō ne eft þonne ho þanan **gā**; and þonne in oþer **hūs** oþer hēo ūt ofēode and þær geburge metes’ [19. P. 208]. Then she must walk to that brook when no-one can see her, nor [see her] when she returns from there, and then she must go into another house than the one she departed from and bury the food there.

Thus, various loci of the ritual are well explicated within the border zone: a church, a field, a cemetery, and a river. In the mind of an ancient person, these places are sacred since it is there that the ritual is performed as the only regulated way of communication between people and otherworldly forces, and also as the only place where the successful implementation of the desired occurs [14. P. 187].

The sampling of such locations includes the church, which in this case, according to A.K. Baiburin, represents the border of the transition to a foreign world, the place for the implementation of the mentioned agreement, and an exchange of various values: people, crops, etc. [14. P. 184]. The church becomes a place for performing a ritual for a medico-magical charm to protect the childbirth (or to bring a child to term without miscarriage) *Wið Lætbyrde* (1), and also in a charm against elf-shot (internal injury, an allusion to magical elf-shot) *Wið Ælfadle* (2):

(1) ‘And þonne sēo mōdor gefēle þæt þæt bearn sī cwic, gā þonne tō **cyrican**, and þonne hēo tōforan þān **wēofode** cume, cweþe þonne: Crīste, ic sǣde, þis gecyþed’ [19. P. 206]. And when that mother perceives that the child is alive, she must then walk to church and when she comes before the altar, she should then say: To Christ, I said, has this been made known!

(2) ‘On þām ilcan ūhte gang ærest tō **ciricean** and **þē gesēna** and gode þē **bebēod**. <...> Gang þonne swīgende ...ær þū cume tō þære wyrte þe þū <...>. āðelf þā wyrt <...>. Gang <...> tō **ciricean** and lege under **wēofod** <...>’ [19. P. 190]. On the same day, first go to church, cross yourself and entrust yourself to God. Then

go silent <...> till you find a weed, <...> dig it out, <...> go back to church and put it under the altar.

In the latter example, the implementation of the opposition ‘own — alien’ space in the locus of the church (ciricean) is also carried out by the inclusion of a characteristic ritual gesture that reproduces the symbol of the Cross (**pē gesēna**), canonically symbolizing the unity of the human and divine worlds, and the verb form (**bebēodan** — *entrust*), metaphorically indicating the transcendental nature of the journey between spaces.

The presence of the church in texts of pagan descent has been discussed by many folklore scholars, suggesting that with the advent of Christianity pagan markers in charms were replaced with Christian ones [21–26]. Scholars believe that in pagan times charms mentioned a different place for the performance of the ritual, and the appeal was addressed to a pagan deity. The mention of the church as a place of ritual performance appeared in the texts instead of the pagan sanctuaries, so the pre-Christian pagan magic of the northern tradition continued under the needs of religious and liturgical practices [23. С. 10]. The view is also held that generalization without any precise definitions of location testifies to pagan markers since pagan worship practices were not limited to the only possible place for the ceremony. W. Chaney believes that the disappearance of the references (In the charm texts) to the places of pagan affiliation did not lead to the desacralization of the charm itself, just because the pagans had more faith in verbal communication with otherworldly forces and gods [27. P. 197]. That is also confirmed by the fact that in most Anglo-Saxon charms, the performance of the ritual and incantation is delegated from the sorcerer to someone in search of assistance. Thus, magical power was seen more in word and action than in the place of the ceremony [28. P. 443, 464]. Perhaps this is the reason that in most charms, the place of their execution is either not indicated at all or given as a generalized representation.

Locations in both charms and rites may also refer to natural objects and represent a fairly generalized example of space. In many incantations, the place of the ritual performance is indicated by the river separating this world and the other, which, according to T.V. Toporova [29. P. 17], assigns it with a liminal status:

(1) ‘<...> sing þis þriwa nygan sīðan, on æfen and on morgen, **on** þæs mannes hēafod ufan and horse on þæt wynstre ēare on **yrnendum wæterem** and wend þæt hēafod ongēan **strēam**’ [19. P. 172]. <...> sing this three times in the morning and evening over the head of the man and into the left ear of the horse in the **running water**, and turn his head against the **stream**.

The locus of the river as a symbol of the transition between the worlds is also emphasized in the numerous oppositions presented in this example. They are implemented way not only in spatial markers: vertical spatial orientation (**ufan**), horizontal orientation (**ongēan**), inside/outside oppositions (**on þæt wynstre ēare**), but also in the temporal, which can be observed in the semantics of grammatical adjuncts (**on æfen and on morgen**), describing the circadian rhythms of the change

of day and night and representing a metaphorical image of the close connection between the human and spirit realm.

(2) ‘Rud molin hātte wyr̥t weaxeþ be **yr̥nendum wætre**. Gif þū þā **on** þē hafast, and **under** þīnum hēafodbolstre and ofer þīnes hūses durum, ne mæg ðē **dēofol** sceþpan, inne| ne ūte’ [19. P. 200]. Water pepper this herb is called, she grew near **running water**. If you put it under the pillow and hang it above the doorway, the **devil** won’t hurt you anymore either inside or outside.

The analysis of this example shows that the river, symbolizing the border between the worlds, in the pagan picture of the world was able to endow objects and plants with magical properties that could be used as protection from the hostile forces of the otherworld (**dēofol**). The opposition human/spirit realm is built according to the anthropocentric model, where a man (**þē**) and his house (**hūses**) are surrounded by the opposing world of spirits, which is manifested in the use of markers of horizontal spatial orientation above/below (**on/under**) and opposition internal/external (**inne/ne ūte**). Two symbols of the border between the human and the otherworld — the door (**duru**), the material border related to the human world, and a plant growing along the river (**wyr̥t**), pertaining to the natural world — serve as an additional characteristic/feature of the opposition ‘own — alien’.

(3) ‘Sē **wīfman**, sē ne mæge **bearn** āfēdan, **nime** þonne ānes blēos cū meoluc on hyre handa, and **gesupe** þonne mid hyre mūþe, and gange onne tō **yr̥nendum wætere** and **spīwe** þær in þā meolc’ [19. P. 208]. Let that woman who cannot nourish her child then take the milk of a cow of one colour in her hands and then drink it with her mouth, and then walk to running water, and spit the milk into it, and then ladle a mouthful of that water with that same hand, and swallow it all.

This would also be a perfect illustration of the flexibility of the ‘own’ world’s boundaries, where the human body (**wīfman**) already acts as a border between the worlds, thereby sacralizing the process of human birth. Therefore, an appeal in the incantation to one of the forces of nature — water (**wæter**) — is symbolizing the beginning of a new life, which is also emphasized in the verb forms describing ritual actions, united by the semantics of ‘transition from one to another’ (**bearn**, **niman**, **syþian**, **spīwan**).

(4) ‘<...> weorp þā wyr̥ta on **yr̥nende wæter**’ [19. P. 210]. ... drop the weed into the running water.

Water appears here as a boundary line, which, on the one hand, marks the place of transition to another world, and on the other, running water also represents a cleansing symbol, endowed with the ability to carry away diseases, ailments, and troubles with the stream.

Of the natural spatial objects mentioned in the charms, J. Roper attributes forests, roads, hills, mountains, and seas to the typical or general locations since they are not identified in any way either by a given name or affiliation with a sacred place [24. P. 68, 73]. However, the charms and prayers researcher E. Bozoky believes that in the worldview of ancient people, these objects were places of ‘transition’ from

illness to recovery [30. P. 105]. Adhering to the opinion of the latter, the authors also refer these kinds of locations to the border zone, citing in favor of this viewpoint the lines from the epic part of the metrical charm *Wið Dweorh* (Against a Dwarf) where the deliverance from diseases occurs at the moment when the spider-creature, saddling the dwarf-demon, takes him away across the seas: ‘Ongunnan him of þæm lande līþan. Sōna swā hȳ of þæm lande cōman þā ongunnan him þā cōlian’ [19. P. 166]. ...both began // To rise from the land, spring from the earth // As they leapt up, their limbs grew cool (i.e. the wounds stopped burning).

Thus, the plot of this incantation text can be interpreted as follows: the spider saves from the disease, taking the dwarf to the ‘alien’ world, where the diseases come from and where they are expelled to.

The concept of an ‘alien’ world, which is located behind natural objects, seas, forests, is created to a greater extent in an associative way. As per A.K. Baiburin, ‘alien’ space has no clear boundaries and becomes more and more Abstract as the ‘own’ world gets specified. Therefore, its further detailed elaboration requires penetrating this foreign world and mastering it as well, which transfers it into the category of one’s own [14. P. 185]. This world is inaccessible and therefore possesses no specific characteristics; it only becomes assumed during the incantations that are addressed to heaven. The penetration of the alien (foreign) world into the developed (domesticated) space occurs with the advent of misfortune, disaster, or illness. And then the ritual actions should protect their world, expelling the otherworldly forces of evil. In an Old English charm against sudden/severe stabbing pain *Wið Færstice*, the disease is presented in the form of formidable creatures that have flown in from behind the mountains, from a ‘foreign land’: ‘Hlūde wæran hȳ, lā hlūde, ðā hȳ ofer þone hlæw ridan; wæran ānmōde, ðā hȳ ofer **land** ridan’ [19. P. 164]. They were loud, yes, loud, when they rode over the (burial) mound // they were fierce when they rode across the land.

Nigon Wyrta Galdor (The Nine Herbs Charm) says that herbs (‘these nine plants defeat nine venoms’) are able to defeat any diseases that come from the East, North, and West: ‘<...> ænig āttor cume ēastan flēogan oððe ænig norðan cume oððe ænig westan ofer werðēode’. Thus, the disease appears as venom, and the same phrase is repeated like a refrain: ‘<...> þām laþan, ðe geond lond fereð’ (the horror who travels over land) [19. P. 194]. In all cases, the location of the other world is defined as a space remote from the ‘own’ (‘across the sea’), as an ‘alien’ world, the residence of evil forces, a source of illnesses, troubles, and misfortunes.

Conclusion

Reviewing the results, it should be noted that the dichotomy of ‘own — alien’ space is presented in Anglo-Saxon incantations in vertical and horizontal models. This opposition is objectified both in ritual actions and

charms. ‘Own’ space is defined as developed and centered around the man, his house, and the surrounding objects. The division of spaces runs along the border zone between the worlds and may have a distinct designation in the form of a door, a field, or a river. It is also a zone suitable for performing a ritual, which course involves communicating with the otherworld, so the purpose of the charm gets realized. The sphere of the ‘own’ world is quite flexible and has no fixed restrictions; it can shift as the subject moves. ‘Alien’ space does not possess particular characteristics and gets objectified more often associatively, taking the form of a distant world largely at the expense of detailed elaboration of ‘own’ space. Explication of ‘alien’ space occurs during the invasion of otherworldly forces into the developed space in the form of diseases, misfortunes, and disasters.

References

1. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
2. Lotman, Yu.M. (1996). *Semiosphere. Inside the Thinking Worlds*. Part 2. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
3. Tsviyann, T.V. (2006). *Model of the World and Its Linguistic Foundations*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Ivanov, Vyach. Vsev. & Toporov, V.N. (1965). *Slavic Language Modeling Semiotic Systems: Ancient Period*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Zakharenko, I.V. (2013). Archetypal opposition ‘us vs. them’ in the spatial code of culture. In: *Language, consciousness, communication: Collection of Scientific Articles*. Iss. 46. Moscow. pp. 15–32. (In Russ.).
6. Baiburin, A.K. (1990). *Folklore and Ethnography: Problems of reconstruction of the facts of traditional culture*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
7. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European peremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 232–248. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
8. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining). *RUDN Journal of Language, Semiotics and Semantics*. 12(4), 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-10325> (In Russ.).
9. Lomakina, O.V. (2022). Tuvan paremiology: its linguocultural and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, 1, 6–16. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
10. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguocultural comment in poly-lingual dictionary of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russ.).
11. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to English and Russian languages). *New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).
12. Shindin, S.G. (1993). Spatial Arrangement of the Russian Voodoo Universe: The Image of the World Center. In: *Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Spells*. Moscow: Nauka. pp. 108–121. (In Russ.).
13. Brunova, E.A. (2007). The concepts of homeland in the English language and culture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 15, 33–42. (In Russ.).

14. Baiburin, A.K. (1993). *Ritual in Traditional Culture Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
15. Strakhov, A.B. (1988). Slavic folk concept of non-being, non-existence and nothingness in terms of its spatial aspect. In: Symposium 'Ethnolinguistics of Text: Semiotics of Small Folklore Forms'. Vol. 1. Moscow: Institute of Slavic Studies publ. pp. 92–94. (In Russ.).
16. Gudkov, D.B. (2002). Essay on the border. In: *Language, consciousness, communication: Collection of Scientific Articles*. Iss. 22. Moscow. pp. 51–57. (In Russ.).
17. Konovalova, M.A. (2016). Chronotopic Vocabulary of Verbal Charms (on the Example of Russian Verbal Charms of Karelia). *World culture at the crossroads of cultures and civilizations*, 4(16), 135–145. (In Russ.).
18. Krasnykh, V.V. (2003). 'Own' among 'strangers': Myth or reality? Moscow. (In Russ.).
19. Grendon, F. (1909). *The Anglo-Saxon Charms*. NY: Columbia University.
20. Storms, G. (1948). *Anglo-Saxon Magic*. The Hague: Martinus Nijhoff.
21. Gelling, M. (1962). Place-Names and Anglo-Saxon Paganism. *University of Birmingham Historical Journal*, 8, 7–26.
22. Hill, T.D. (2012). The Rod of Protection and the Witches' Ride: Christian and Germanic Syncretism in Two Old English Metrical Charms. *Journal of English and Germanic Philology*, 111, 145–168. <https://doi.org/10.5406/jenglgermphil.111.2.0145>
23. Ciaran, A. (2013). Ex Ecclesia: Salvific Power Beyond Sacred Space in Anglo-Saxon Charms. *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*, 3, 9–32.
24. Roper, J. (2006). Personal and Place Names in English Verbal Charms. *Il Nome del Testo*, 8, 65–75.
25. Prosyannikova, O.I. & Skorik, K.V. (2018). Features of pagan culture in Anglo-saxon and old Slavic charms. In: *Fornunatov's Readings in Karelia*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. pp. 204–207.
26. Prosyannikova, O.I. & Skorik, K.V. (2019). Pagan Characters in Anglo-saxon and Russian charms. *Rhema*, 1, 36–47. <https://doi.org/10.32862/2500-2953-2019-1-36-47>
27. Chaney, W. (1960). Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England. *The Harvard Theological Review*, 53, 197–217.
28. Tornaghi, P. (2010). Anglo-Saxon Charms and the Language of Magic. *Aevum*, 84, 439–464.
29. Toporova, T.B. (2017). *Epic word: designations of water in the 'Elder Edda'*: monograph. Moscow: TEZAURUS.
30. Bozoky, E. (2013). Medieval Narrative Charms. In: *The Power of Words: Studies on Charms and Charming in Europe*. Budapest and New York: Central European UP. pp. 101–116.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константы русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Ч. 2. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006.
4. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965.
5. Захаренко И.В. Архетипическая оппозиция «свой — чужой» в пространственном коде культуры // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–32.
6. Байбури А.К. Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: 1990.

7. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
8. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-10325>
9. Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
10. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
11. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
12. Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума. Образ центра мира // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М.: Наука, 1993. С. 108–121.
13. Брунова Е.А. Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник ЧелГУ. 2007. № 15. С. 33–42.
14. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
15. Страхов А.Б. О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. М.: 1988.
16. Гудков Д.Б. Эссе о границе // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 22. М.: 2002. С. 51–57.
17. Коновалова М.А. Хронотопическая лексика заговоров (на примере русских заговоров Карелии) // Мировая культура на перекрестке культур и цивилизаций. 2016. № 4(16). С. 135–145.
18. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М., 2003.
19. Grendon F. *The Anglo-Saxon Charms*. N-Y: Columbia University, 1909.
20. Storms G. *Anglo-Saxon Magic*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1948.
21. Gelling M. *Place-Names and Anglo-Saxon Paganism* // *University of Birmingham Historical Journal*. 1962. № 8. P. 7–26.
22. Hill T.D. *The Rod of Protection and the Witches' Ride: Christian and Germanic Syncretism in Two Old English Metrical Charms* // *Journal of English and Germanic Philology*. 2012. № 111. P. 145–168. <https://doi.org/10.5406/jenglgerphil.111.2.0145>
23. Ciaran A. *Ex Ecclesia: Salvific Power Beyond Sacred Space in Anglo-Saxon Charms* // *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*. 2013. № 3. P. 9–32.
24. Roper J. *Personal and Place Names in English Verbal Charms* // *Il Nome del Testo*. 2006. № 8. P. 65–75.
25. Просяникова О.И., Скорик К.В. Черты языческой культуры в англосаксонских и старославянских заговорах // Фортунатовские чтения в Карелии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 204–207. (In Russ.).
26. Просяникова О.И., Скорик К.В. Языческие персонажи в англосаксонских и русских текстах заговоров // *Rhema. Рема*. 2019. № 1. С. 36–47. <https://doi.org/10.32862/2500-2953-2019-1-36-47> (In Russ.).
27. Chaney W. *Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England* // *The Harvard Theological Review*. 1960. № 53. P. 197–217.

28. *Tornaghi P.* Anglo-Saxon Charms and the Language of Magic // *Aevum*. 2010. № 84. P. 439–464.
29. *Топорова Т.В.* Эпическое слово: обозначения воды в «Старшей Эдде»: монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2017. (In Russ.).
30. *Bozoky E.* Medieval Narrative Charms. The Power of Words: Studies on Charms and Charming in Europe. Budapest and New York: Central European UP, 2013. pp. 101–116.

Information about the authors:

Olga I. Prosyannikova, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Pushkin Leningrad State University; *e-mail*: olgapros@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9080-3058, ResearcherID: J-8619-2017, SPIN 7162-9848

Kseniya V. Skorik, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Pushkin Leningrad State University; *e-mail*: ksenyapro@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7894-549, Researcher ID: AAE-1111-2022, SPIN 1001-6737

Lyubov V. Kotsubinskaya, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation, Pushkin Leningrad State University; *e-mail*: l.kocubinskaya@lengu.ru

ORCID: 0000-0001-5520-0235, ResearcherID: AAD-6444-2022, SPIN 7443-8020

Сведения об авторах:

Просьянникова Ольга Игоревна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; *e-mail*: olgapros@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7894-5491, ResearcherID: J-8619-2017, SPIN 7162-9848

Скорик Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; *e-mail*: ksenyapro@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7894-549, Researcher ID: AAE-1111-2022, SPIN 1001-6737

Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия); *e-mail*: l.kocubinskaya@lengu.ru

ORCID: 0000-0001-7894-5491, ResearcherID: AAD-6444-2022, SPIN 7443-8020

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346

EDN: LAWTYI

УДК 811.161.1:811.581:398.91

Научная статья / Research article

Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход

Е.И. Зиновьева , С. Чжао

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11

 e.i.zinovieva@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО, выражающие сравнение, в русском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставительный анализ данных единиц со структурно-семантической, лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения в русском и китайском языках ранее не проводился. Новизна исследования заключается в интегративном подходе к изучению паремий двух системно различных языков. Целью работы явился сопоставительный анализ русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения для выявления обусловленности сходств и различий в анализируемом фрагменте провербиального пространства двух языков. Исследуются структурные модели пословиц, предлагается их классификация в двух языках. Проводится анализ выражаемых когнитивом, образности пословиц, характерных уподоблений и оппозиций. В результате проведенного сопоставительного интегративного анализа пословиц, отобранных из раздела ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» и «Большого словаря русских пословиц», а также «Большого словаря китайских пословиц», делаются выводы о сходствах и различиях между пословицами двух языков как на уровне синтаксических моделей паремий, так и на уровне выражаемых когнитивом и образности. Сходства заключаются в наличии общих для двух языков типов структурных моделей, совпадении большинства выражаемых в пословицах обоих языков когнитивом, доминировании образов животных и отражении ценностных предпочтений. В пословицах обоих языков наблюдается контаминация выделенных структурных разрядов пословиц и противоречивость ряда когнитивом, что обусловлено ситуативным характером пословичных единиц. Различия проявляются в составе разрядов структурных моделей паремий, что связано с разным языковым строем русского и китайского языков, преобладанием в русских пословичных моделях сравнительных оборотов, а в китайских — синтаксического параллелизма, что обусловлено образным строем китайского языка. Различия в образности и частных когнитивах обусловлены геосоциокультурным контекстом двух лингвокультур.

© Зиновьева Е.И., Чжао Сыминь, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пословица, концептуальное поле, структурная модель, когнитема

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.01.2023

Для цитирования:

Зиновьева Е.И., Чжао С. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 328–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>

Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach

Elena I. Zinovieva , Zhao Simin

St. Petersburg State University,
11, University Embankment str., Petersburg, Russian Federation, 199034

 e.i.zinovieva@spbu.ru

Abstract. The study deals with the proverbs of the conceptual field “Directness — Slyness” expressing comparison in Russian and Chinese. The relevance of the study is due to the fact that the comparative analysis of these units from the structural-semantic, linguocognitive and linguocultural points of view in Russian and Chinese languages hasn’t been previously carried out yet. The novelty of the research lies in the integrative approach to the study of proverbs in two structurally different languages. The aim of the study was to compare Russian and Chinese proverbs of the conceptual field “Directness — Slyness” with the semantics of comparison to identify the conditionality of similarities and differences in the analyzed fragment of the proverbial space in two languages. Structural models of proverbs are studied, their classification in two languages is given. The authors analyzed the figurativeness of proverbs, expressed cognitemas, characteristic similes and oppositions. As a result of the comparative integrative analysis of proverbs selected from the section “Directness — Slyness” of the collection of V.I. Dal “Proverbs of the Russian people” and “The Big Dictionary of Russian Proverbs”, as well as the “Great Dictionary of Chinese Proverbs”, there have been drawn the conclusions about the similarities and differences between the proverbs of the two languages bot at the levels of syntactic models of paraemias, expressed cognitemas and figurativeness of proverbs. The similarities consist in the presence of matching types of structural models in two languages, the coincidence of the most cognitemas expressed in the proverbs of both languages, the dominance of animal images and the reflection of value preferences. In the proverbs of both languages, there is a contamination of the selected structural categories of proverbs and the inconsistency in some of the cognitemas, which is due to the situational nature of proverbial units. The differences are found in the composition of the categories of proverbial structural models, which is associated with the different linguistic structure of Russian and Chinese languages, in the predominance of comparative turns in Russian proverbial models, and the syntactic parallelism in Chinese ones, which is due to the figurative structure of Chinese language. The differences in figurativeness and private cognitemas results from the geo-socio-cultural context of two linguocultures.

Keywords: proverb, conceptual field, structural model, cognitema

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.01.2023

For citation:

Zinovieva, E.I. & Zhao, S. (2023). Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 328–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>

Введение

В лингвистических исследованиях, начиная с начала XXI в., все больший интерес вызывает изучение паремиологических фондов различных языков. По образному выражению ученых, поговорка является «упаковкой опыта» [1]. Основные аспекты изучения пословиц и поговорок на современном этапе представлены в статье М.А. Бредиса, М.С. Димогло и О.В. Ломакиной [2]. Отличительная особенность современного этапа анализа паремий заключается в том, что исследовательский вектор в рамках различных направлений их изучения направлен главным образом на осмысление ментальных структур, стоящих за паремийными единицами [3; 4 и др.], их оценочности и ценностных доминант [5–7 и др.]. Преимущественный интерес исследователей при этом вызывают пословицы в силу их цитируемости, возможности встраивания в дискурс, в синтагму, культурологического потенциала, фразовости, двуплановости, моделируемости. Одним из актуальных направлений современных паремиологических исследований является сопоставительное [например, 8–14].

Как справедливо отмечают Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, паремии «выполняют целый ряд культурно обусловленных функций: в коммуникативно-прагматическом аспекте, прежде всего, функции регулятивную и дидактическую, а в лингвокогнитивном — функции смыслообразования и стереотипизации. Когнитивные функции реализуются благодаря закодированным в народных афоризмах выработанным веками и хранимым этноязыковым сознанием бизнесмысловых стратегий» [15. С. 17]. Прагматические же функции паремий, по мнению исследователей, проявляются «в их способности выражать своими аксиологическими смыслами тот или иной социокультурный идеал коммуникантов» [там же]. Учитывая указанную полифункциональность пословиц, многообразие их синтаксических структурных моделей, значимость образности, во многом формирующей национально-культурное своеобразие паремий, считаем целесообразным применение интегративного подхода к исследованию пословиц, предполагающего всестороннее рассмотрение пословичных единиц со структурно-семантической, лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения, аксиологической характеристики.

Паремии с семантикой сравнения уже привлекали внимание исследователей. Так, синтаксические модели пословичных единиц на материале русского языка были выделены и классифицированы в работах Е.К. Николаевой [16] и С.Г. Лазутина [17]. Заметим, что количество и состав структурных разрядов зависит от исследуемой тематической группы единиц [см., например, 18; 19].

Пословицы интересующего нас концептуального поля являлись материалом для рассмотрения концептуальной диады ЛИЦЕМЕРИЕ — ИСКРЕННОСТЬ в русской и английской лингвокультурах [20], концепта ЛЕСТЬ в русском и английском языках [21]. Исследований, посвященных анализу пословиц с семантикой сравнения концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО на материале русского и китайского языков, до настоящего времени не предпринималось.

Цель данной статьи — интегративный сопоставительный анализ русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения для выявления обусловленности сходств и различий в исследуемом фрагменте проverbsиального пространства двух языков. Материалом для исследования послужили 66 русских пословичных единиц, извлеченных из раздела ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [22] и «Большого словаря русских пословиц» [23], а также 80 китайских пословичных единиц, извлеченных методом сплошной выборки из «Большого словаря китайских пословиц» [24].

Материалы и результаты исследования **Русские пословицы с семантикой сравнения**

1. Наиболее эксплицитно сравнение выражено в пословицах русского языка, *включающих сравнительные обороты, вводимые союзами как, что и словно* (24 единицы). Краткая характеристика данных единиц представлена в тезисах доклада Чжао Сыминь [25].

Остановимся на анализе данного разряда паремий более подробно. Рассматриваемая группа русских пословиц неоднородна с точки зрения своей структуры, можно выделить разные типы таких единиц.

Во-первых, выделяются пословицы, включающие один сравнительный оборот: *Крутит, как пес хвостом; Человек лукавый — что карман дырявый; Лесть словно зубами съест; Играет, как кот с мышкой; На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Отыгрывается, как лиса хвостом; Опутали — как волка тенетами; Прямой как шальной; Он, как кошка, на все ноги падает* и др. Сравнительные обороты могут представлять собой устойчивые сравнения: *играть, как кот с мышкой, падать как кошка* (пословица раскрывает данное устойчивое сравнение — *на все ноги*). Некоторые пословицы группы персонифицируют хитрость, лесть, лукавство, и сравнительные

обороты этому помогают, приписывая этим абстрактным существительным черты человека, например, *Лесть словно зубами съест*.

Объект сравнения может допускать вариативность, например: *Вильнет умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом*. Варианты возможны в силу того, что в качестве эталонов сравнения выбраны рядоположенные существительные — наименования животных, имеющих хвост, за поведением которых человек издавна имел возможность наблюдать.

Во-вторых, можно выделить пословицы, включающие два сравнительных оборота: *Хитрый как лиса, труслив как заяц; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет* и др. Эти пословицы в большинстве своем содержат в составе устойчивые сравнения: *хитрый как лиса, трусливый как заяц, (белый, чистый) как снег, (сладкий) как мед, (горький) как полынь, (черный) как сажка, колоть как иглой* и др.

Обычно пословицы данного разряда содержат противопоставление, выражаемое с помощью противительного союза «а»: *Прост, как свинья, а лукав, как змея* и др. Противопоставляться могут как основания (*простой* и *лукавый*) и объекты сравнения (*свинья* и *змея*), так и субъекты сравнения, например, *речи* и *дела* в следующей пословице: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь)*. При этом основания сравнения часто опускаются, т.к. они по умолчанию понятны носителю языка: снег — белый и чистый противопоставляется сажке черной и грязной. Соответственно, человек может говорить об очень хороших и правильных вещах, а поступать прямо противоположным образом. Аналогично, все носители русского языка знают, что мед сладкий, а полынь — горькая, поэтому сладкие речи сравниваются с горькими по последствиям (плохими) поступками, делами. Реже встречается сопоставление левой и правой части пословиц с бессоюзной связью: *Хитрый как лиса, труслив как заяц*. В данном случае основания *хитрый* и *трусливый* не противопоставляются.

В-третьих, особый разряд составляют пословицы, левая часть которых содержит сравнение, а правая часть является пояснением сравнения: *Прямой что слепой: ломит зря; Попросту, как похолсту: все гладко*.

Эксплицитно выраженное в русских пословицах сопоставление с помощью сравнительных оборотов дает однозначную негативную характеристику и прямо оценивает субъект сравнения. Так, персонифицированная лесть предстает в виде агрессивного существа: *Лесть словно зубами съест*. За внешним демонстрируемым лукавством (лестью и лицемерием) кроется злобная истинная сущность: *В глазах — как лисица, а за глазами — как волк*. Только одна пословица о лукавстве имеет положительную оценку: *Всюду захож — как медный грош* (о человеке, которому все рады).

Лишь небольшое количество рассматриваемой группы пословиц дидактичны, например: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь*.

Большинство пословичных единиц имеют констатирующий характер: описывают сложившуюся ситуацию (*Опутали — как волка тенетами*), поведение человека (*Играет, как кот с мышкой; Крутит, как пес хвостом; Отыгрывается, как лиса хвостом*) или дают характеристику личным качествам субъекта (*Хитрый как лиса, труслив как заяц*). Характеризоваться может лицемерное показное отношение к чему-либо: *Противно, как нищему гривна*. Данная пословица иронична, что в целом характерно для многих русских паремий. Часто через сравнение характеризуются слова человека, поскольку лесть вербальна — при этом субъектом сравнения могут выступать речи или сам говорящий: *Речи, как мед, а дела, как полынь; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Бахарь, что сахар, а в подонках пушина (бахарь — ‘сказитель, обычно слепой старец’, пушина ‘острая трава, осока’); Что клеит, говорит (т.е. складно, да лукаво); Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет*. При этом слова противопоставляются очень важному концепту русской ментальности — делу.

Следует отметить, что простота и прямой человек подвергаются характеристике с помощью сравнительных оборотов гораздо реже, чем лесть, хитрость и лукавство. Выделяются только 5 единиц о простоте: *Попросту, как пóхолсту: все гладко; Прост, как свинья, а лукав, как змея; Прямой как шальной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямой что дурной*. Только первая из приведенных пословиц имеет мелиоративную оценку, выражая идею о том, что жить и действовать лучше без затей, в этом случае все будет хорошо и спокойно.

С точки зрения образности, в рассматриваемой группе пословиц используются зоонимы — *пес, сорока, лиса, кошка, свинья, волк, змея*; часто фигурирует такая часть тела животного, как *хвост* — символ заметания следов, сокрытия чего-либо; наименования денежных единиц — *гривна, грош*; лукавый человек уподобляется *дыривому карману*, которому нельзя доверять. Интересно, что для образного уподобления простого человека используются субстантивированные наименования лиц: *слепой, шальной, дурной*.

2. Следующим по объему рядом пословиц, эксплицитно выражающим сравнение, являются **единицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени** (15 единиц).

Данные паремии в основном содержат суждения о простоте (прямоте) и хитрости. Две единицы касаются лести.

Пословицы этой группы выражают следующие когнитемы (в терминологии Е.В. Ивановой [26]): 1) ‘простота может быть губительна для человека’, данные единицы оценочно амбивалентны: с одной стороны, *Простота хуже воровства: с простоты люди пропадают, Простота нуще воровства*; но, с другой стороны, *Простота дороже красоты*. 2) ‘Хитрый человек находится в более выигрышном положении’: *Лисичка всегда **сытей** волка бывает (или: живет); Кто **хитрее**, тот победит быстрее*. 3) ‘На каждого хитреца всегда найдется кто-то более хитрый’: *Хитра, мудра казанская, а **хитрей** ее астра-*

ханская, *Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее; Хитра лиса, но еще хитрее — кто ее ловит.* 4) ‘Хитрость предпочтительнее силы’: *Хитрость паче силы.* Особенно это проявляется при определенных обстоятельствах: *На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила;* 5) ‘Добро сильнее рациональной хитрости’: *Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.* Правая часть данной пословицы раскрывает смысл левой. 6) ‘Существует предел хитрости и прямоты, который трудно превзойти’: *Прямое прямее не будет; Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.* Последняя пословица иронична, правая ее часть раскрывает мысль, выраженную в левой части. Эталоном хитрости выступает лиса: *Хитрее лисы нет зверя.* Пословицы считают, что лучше не переходить негласную границу хитрости: *Лучше недохитрить, чем перехитрить.* 7) Пословицы о лести противоречивы: с одной стороны, ‘человека, которому не льстят, больше уважают’: *Меньше лести — больше чести.* С другой стороны, ‘лесть может оказаться предпочтительнее правды’: *Иногда и лесть лучше правды.*

3. Пословицы с существительными в творительном падеже в значении сравнения (10 единиц) также эксплицитно выражают когнитивную операцию сопоставления.

В творительном падеже сравнения в пословицах употребляются такие существительные как противопоставляемые друг другу зоонимы *лиса* и *волк*: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Глядит лисой, а пахнет волком.* Как и в первом разряде паремий со сравнительными оборотами, лиса — символ хитрости и лицемерия (*Лисой пройти*), а волк — истинной сути человека, злобы. В качестве эталонов сравнения льстеца и лицемера выступают также зоонимы *кошка*, *уж*, *жаба*, *змея*: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Вьется и ужом и жабою; Змеей извивается.*

Эталонами в сравнениях служат также наименования предметов, по форме напоминающих позу человека, желающего выслужиться перед другим: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Он перед начальством смычком (лучком) стоит.* Ср. также такой объект сравнения для желающего войти в доверие человека, как *масленный блин*, легко проскальзывающий в рот: *Блином масленным в рот лезет.*

Особо выделяются лицемерные слова: *Говорит крестом, а глядит пестом.* В данной пословице наличествует противопоставление, выраженное синтаксически противительным союзом «а». Противопоставляются речь (*говорит крестом*, т.е. по христианскому обычаю, смиренно) и выражение лица, взгляд льстеца (*глядит пестом*, т.е. угрожающе, враждебно: *пест* — короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе).

4. Имплицитно сравнение представлено в пословицах, представляющих собой предложения тождества (6 единиц).

В данном типе пословиц хитрость оценивается положительно: *Хитрость — второй ум.* Ср. также «отрицательное предложение тождества»,

по терминологии З.К. Тарланова [27] или «дезиндифицирующую» пословицу, по терминологии Т.Г. Бочиной [28]: *Хитрость не дурость, второй ум в голове.*

Лесть, льстец и лицемер получают отрицательную оценку, уподобляясь соответственно: лесть — чести, оказываемой дьяволу; лицемерие — службе черту, льстец, говорящий красивые слова, — злодею или змею, скрывающемуся под цветами. Ср.: *Лесть — дьяволу честь; Ласкатель — тот же злодей; Льстец под словами — змей под цветами; Душой кривить — черту служить.*

5. Пословичные сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма (7 единиц)

В пословицах данного разряда выражаются семантические отношения противопоставления. Противопоставление может быть выражено сложным предложением с союзной связью — с помощью противительного союза «а», а также бессоюзной связью.

Как и в пословицах рассмотренных выше разрядов, в единицах данной группы выражается идея о том, что хитрость предпочтительнее силы: *Хитростью поймашь даже льва, а силой не поймашь и сверчка.* Противопоставляются зооморфные образы крупного хищника — льва и мелкого насекомого — сверчка. Пословица сопоставляет лицемера и завистника, измеряя используемые ими абстрактные средства достижения цели с помощью образного параллелизма с хозяйственно-бытовыми реалиями-емкостями — мешком и горшком: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.* Особо выделяются льстивые слова, мягкие и сладкие, они контрастируют с образом льда, противопоставляя таким образом внешний поверхностный уровень, то, что находится «на языке» и внутренний, скрытый уровень, отражающий истинную сущность намерений человека — «под языком», «на сердце»: *На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок.*

Пословичные единицы этой группы противоречивы. С одной стороны, простота оценивается положительно, а хитрость — отрицательно, простота угодна Богу: *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.* Противопоставление усиливается за счет количественных характеристик: *сто* и *ни одного*. С другой стороны, пословицы признают, что хитрому человеку живется лучше: *Хитрый Митрий, простоват Ипат; Митрий живет — славится, у Ипата все из рук валится.*

Во всех пословицах данного разряда важную роль играет рифма.

6. Пословицы с притяжательными прилагательными (4 единицы)

Пословицы данного разряда также построены по принципу синтаксического параллелизма, но содержат дополнительно в качестве компонента притяжательное прилагательное, что делает выражение сравнения более эксплицитным. Противопоставляются опять же через зооморфные образы лисы и волка внешнее и внутреннее в льстеце и лицемере. При этом задействованными оказываются партитивы *рот, зубы*, как метонимические обозначения

ния агрессивности и злобы, и *хвост*, маскирующий, заматающий истинную сущность: *Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост*. Пословицы предупреждают, что нельзя доверять покаянию злого человека и мнимому неведению хитрого: *Волчья кайка, да лисья незнайка*. Лицемер может искусно притворяться, под овечьей кротостью и звучанием слов скрывается истинная натура: *Звяга-то овечья, а сыть-то человечья*.

В плане выражения рассмотренных пословиц русского языка можно отметить такие сферы сопоставления, как ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ (самая частотная модель): *Прост, как свинья, а лукав, как змея; Лисой ухаживает, кошкой увивается*; ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Говорит крестом, а глядит пестом*; АБСТРАКТНОЕ — ЧЕЛОВЕК: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь*; АБСТРАКТНОЕ — АБСТРАКТНОЕ: *Лесть — дьяволу честь; Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости*; ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК: *Ласкатель — тот же злодей; Прямой как шальной*.

Китайские пословицы с семантикой сравнения

1. Пословицы китайского языка, включающие сравнительные обороты (12 единиц)

По сравнению с русскими пословицами китайские пословичные единицы со сравнительными оборотами менее разнообразны по структуре. В большинстве случаев они включают в себя два противопоставляемых сравнительных оборота: 口头甜如蜜, 心头黑如漆 ‘Речь сладкая как мед, душа черная как смоль’, при этом основания сравнения могут быть опущены: 口似莲花心似刀 ‘Рот как лотос, душа как нож’.

Однако в китайских пословицах наблюдаются следующие отличающиеся от русских единиц модели пословиц: 1) Пословицы, совмещающие два типа сравнения — сравнительный оборот и сравнительную степень прилагательного или наречия: 话如箭越直越好, 谋如弓越弯越好 ‘Речь как стрела, чем прямее, тем лучше; замысел как лук, чем кривее, тем лучше’. Ср. структуру русских пословиц, в которых правая часть раскрывает содержание левой. 2) Сравнительные обороты входят в состав пословиц, построенных по принципу синтаксического параллелизма: 直如弦, 死道边; 曲如钩, 封公侯 ‘Тот, кто прямой как тетива, умирает у дороги; тот, кто кривой как крючок, назначен сановником’; 娘精老子精, 生了孩子狐狸精; 娘憨老子憨, 生了个孩子半头砖 ‘Мать хитра, отец хитер, и дети хитры как лиса; мать глупа, отец глуп, и дети глупы как кирпич’.

3) Левая часть пословицы описывает внешнюю лицемерную сторону человека посредством сравнительного оборота, а правая часть раскрывает его настоящее лицо: 表面装得像菩萨, 背后吃人肉疙瘩 ‘В глаза притвориться

Бодисатвой, за спиной есть человечесьё мясо’: *Бодисатва* — божество в буддизме, образное наименование доброго и мягкосердечного человека.

Между образами сравнения в пословицах данного разряда двух языков существует сходство. Так, в обоих языках речь сравнивается с медом, а дело и душа уподобляются чему-то черному — сажа (рус.) и смоль (кит.). Описывается также сходная ситуация в двух языках, например: 谋官如鼠, 得官如虎 ‘В чин вошел как мышь, в чине сидит как тигр’ (кит.) и *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком* (рус.). Несмотря на то, что конкретные образы в китайской и русской пословицах не совпадают, в единицах обоих языков используются зоонимы, характеризующиеся противоположными поведенческими чертами.

4) Следует отметить, что в китайских пословицах выделяется группа единиц с притяжательными прилагательными, при переводе которых на русский язык без сравнительного союза не обойтись. Это обусловлено тем, что в китайском языке имя существительное и словосочетание могут употребляться как имя прилагательное, или после имени существительного добавляется иероглиф, обозначающий имя прилагательное — 的, а соответствующие прилагательные в русском языке часто отсутствуют. К данной группе можно отнести такие пословицы, как 蜂蜜嘴, 毒蛇心, 人不防备要吃亏 ‘Рот как мед, душа как ядовитая змея, пострадаешь, если не остерегаешься’; 甜瓜的嘴, 苦瓜的心 ‘Рот как дыня, душа как момордика харанция’: *Момордика харанция* — горький огурец или китайская горькая тыква; 蜜罐子嘴, 秤钩子心 ‘Рот как мед, душа как крючок безмена’.

В китайских пословицах можно выделить следующие когнитивные:

- ‘лицемерному, двуличному человеку легче сделать карьеру’: 直如弦, 死道边; 曲如钩, 封公侯 ‘Тот, кто прямой как тетива, умирает у дороги; тот, кто кривой как крючок, назначен сановником’;
- ‘двуличный человек опасен’: 表面装得像菩萨, 背后吃人肉疙瘩 ‘В глаза притвориться Бодисатвой, за спиной есть человечесьё мясо’; 谋官如鼠, 得官如虎 ‘В чин вошел как мышь, в чине сидит как тигр’.

Предпочтение отдается прямым речам, льстивые слова однозначно осуждаются: 话如箭越直越好, 谋如弓越弯越好 ‘Речь как стрела, чем прямее, тем лучше, замысел как лук, чем кривее, тем лучше’; 小人口如蜜, 转眼是仇人 ‘Тот, у того рот как мед, в мгновение ока превращается во врага’; 口头甜如蜜, 心头黑如漆 ‘Речь сладкая как мед, душа черная как смоль’; 口似莲花心似刀 ‘Рот как лотос, душа как нож’; 蜜糖嘴巴, 砒霜心 ‘Рот как мед, душа как белый мышьяк’: белый мышьяк — это сильный яд, применяется для отравленных приманок против мышей, крыс и медведек.

2. Пословицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени (6 единиц)

В данный разряд, с одной стороны, входят единицы, отрицательно оценивающие хитрость, противопоставляющие ее честности и простоте: 正直得一钱, 胜于奸诈得千钱 ‘Лучше получить одну медную монету честным пу-

тем, чем получить тысячу медных монет хитрым путем»; 刁巧伶俐奸, 不如忠厚老实憨 ‘Умение вывернуться и хитрость хуже простоты и честности’. Хитрость сравнивается с глупостью в пользу последней: 百巧不如一拙 ‘Сто хитростей хуже одной глупости’. Хитрец не заслуживает доверия: 宁和直人动刀, 不和刁人相交 ‘Лучше хвататься за нож с прямым человеком, чем дружить с хитрецом’. Любопытно использование количественных противопоставлений: одна — тысяча, сто — одна. Но с другой стороны, хитрость оказывается предпочтительнее военных действий (ср. в русском языке *хитрость лучше силы*): 多用兵不如巧用计 ‘Лучше умело пуститься на хитрости, чем прибегать к большому количеству солдат’. Как и в пословицах предыдущего разряда, положительно оцениваются прямые речи: 面赤不如语直 ‘Лучше говорить прямо, чем сердиться и гневаться’, буквально: ‘чем покраснеть лицом’.

3. Сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма.

Это самая объемная группа пословиц, включающая 62 единицы.

Вероятно, количественное преобладание модели связано с иероглификой китайского языка. Присущее иероглифу (цзы) значение исследователи называют концептом, отмечая, что многие из подобных концептов скорее соответствуют не понятию, а образу-представлению [29]. Под воздействием пословичной образности «в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причем обобщенное значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности» [30].

Пословицы данного разряда основываются на семантических отношениях уподобления: 狡兔有三窟, 军师有三策 ‘У хитрого зайца три норы, у советника три тактики’; 话甜夺志, 糖甜损牙 ‘Сладкие слова могут сломить волю, сладкий сахар вредит зубам’; 人在甜言中受骗, 马在大雾中迷路 ‘Человек обманут сладкими словами, лошадь сбивается с пути в густом тумане’. Противопоставление в китайских пословицах встречается реже, чем в русских: 溜勾子走遍天下, 直脖子寸步难行 ‘Льстец всюду вхож, прямой и шагу ступить не может’; 忠忠直直, 终须乞食; 奸奸狡狡, 朝鱼晚炒 ‘Прямой человек живет нищенством, хитрый человек живет в достатке’.

Пословицы вербализуют следующие когнитемы:

- ‘хитрость обязательно выйдет наружу’: 狐狸藏不住尾巴, 狗嘴里吐不出象牙 ‘Лиса не может спрятать хвост, собака не может выплюнуть слоновую кость’; 狐狸总要露尾巴, 毒蛇总要吐舌头 ‘Лиса рано или поздно обнаруживает хвост, ядовитая змея — высовывает язык’.
- ‘старый человек хитер и коварен’: 牛老了奸, 马老了滑, 兔子老了不好拿 ‘Старый вол коварный, старая лошадь хитрая, старого зайца трудно поймать’; 人老了奸, 马老了滑, 兔子老了不好拿 ‘Старый человек коварный, старая лошадь хитрая, старого зайца трудно поймать’; 人老了精, 姜老了辣, 兔子老了不好拿 ‘Старый человек хитрый, старый имбирь острый, старого зайца трудно поймать’; 人老精, 姜老辣 ‘Старый человек хитрый, старый имбирь острый’.

Хитрец противопоставляется глупцу, при этом хитрец маркирован положительно оценочно: 乖子看一眼, 傻子看一晚 ‘Хитрец мельком взглянул, глупец смотрел всю ночь’; 乖人醉红喜酒, 笨人醉白喜酒 ‘Хитрец напивается допьяна на свадебном банкете, глупец напивается допьяна на траурном банкете’; 乖人做拙事, 拙人没得事 ‘Хитрец делает глупость, глупцу нечего делать’.

Как и в других разрядах пословиц, осуждаются льстивые слова: 老实人常在, 花言巧语没人爱 ‘Простой человек всегда живет, медоточивого человека никто не любит’; 花言巧语不顶钱, 山珍海味少不了盐 ‘Медовые слова не заменяют деньги, изумительные деликатесы не получаются без соли’; 话直的好, 弓弯的好 ‘Речь должна быть прямой, лук должен быть кривым’. Льстивые слова чаще всего образно уподобляются мёду, ср. также: 嘴里蜜蜜甜, 心里锯锯镰 ‘Во рту мед, в душе серп’; 口蜜虽甜最易消, 井藤虽固恐难牢 ‘Мед во рту сладкий, но легко исчезает, лоза крепкая, но долго не протянет’; 一嘴蜜, 一肚脓 ‘Во рту мед, в животе гной’.

Единицы анализируемой группы часто противоречивы. С одной стороны, простой человек оказывается в выигрыше по сравнению с хитрым и коварным: 老实的常在, 奸猾的必败 ‘Простой человек всегда живет, хитрый человек обречён на поражение’; 奸诈人多灾, 老实人常在 ‘Хитрый многострадальный, простой человек всегда живет’. С другой стороны, наоборот: 老实人受成锅子, 滑鬼子蹬上车子 ‘Простой человек терпит обиды, хитрый человек извлекает выгоду’; 直肠直肚无米煮, 横肠横肚骑马牯 ‘У прямого человека нет еды, у коварного человека верховой конь’. С одной стороны, льстивые слова не могут обмануть, а, с другой стороны, могут: 别被花言巧语哄倒, 别被流言蜚语吓倒 ‘Нельзя быть обманутым медовыми словами, нельзя быть напуганным сплетнями’; 花言巧语哄倒人, 流言蜚语吓死人 ‘Медовые слова обманывают человека, сплетни пугают человека до смерти’. С одной стороны, приветствуется прямота, с другой стороны, лесть предпочтительнее: 阿谀有福, 直言贾祸 ‘Лесть приносит пользу, прямота приводит к беде’; 阿谀人人喜, 直言人人嫌 ‘Лесть любят все, прямоту ненавидят все’.

Некоторые пословицы дидактичны: 不要把甜言蜜语, 当作可口的糖; 不要把良言忠告, 当作刺耳的钉 ‘Не принимай медовые слова за вкусный сахар; не принимай полезные советы за режущий уши гвоздь’; 不要骑两头马, 不要喝两头茶 ‘Не езди на двух лошадях, не пей чай у двух хозяев’.

Обращает на себя внимание четырехчастная структура некоторых пословиц рассматриваемого разряда: 苦荞虽苦, 能饱肚子; 甜言好听, 只能当风 ‘Гречиха горькая, зато кормит досыта, сладкие слова красивые, но можно принять только за ветер’; 口蜜腹剑, 笑里藏刀 ‘На устах мёд, а за пазухой меч; на лице улыбка, а за пазухой нож’; 嘴甜心苦, 两面三刀 ‘Во рту сладко, в душе горько; два лица, три ножа’; 人遭难时亲近少, 人走运时巴结多 ‘У того, кто в беде, мало близких; тому, кому повезло, много льстят’. Кроме того, выделяются пословицы, представляющие собой биинфинитивные предложения: 箭

要直直地射, 话要直直地说 ‘Стрелять из лука надо прямо, говорить надо прямо’; 外面穿的光, 家里吃的糠 ‘В людях роскошно одеться, дома есть отруби’.

Особо следует отметить группу пословиц, включающих в свой состав прилагательные в сравнительной степени: 狡胜贼, 能捕贼; 勇胜虎, 能捕虎 ‘Тот, кто хитрее вора, может поймать вора; тот, кто храбрее тигра, может поймать тигра’; 狐狸越老越成了精, 灰狼越老尾梢越白 ‘Чем старше лиса, тем она прожжённее; чем старше серый волк, тем белее его конец хвоста’; 聪明不过混子, 狡猾不过牛贩 ‘Нет никого умнее, чем пролаза; нет никого хитрее, чем торговец быками’.

4. Пословицы, в которых сравнение представлено образным параллелизмом без параллелизма синтаксической структуры (4 единицы)

В подавляющем большинстве китайские пословицы, построенные по модели синтаксического параллелизма, отличаются образным параллелизмом. Но можно выделить небольшое количество пословичных единиц китайского языка, в которых наличествует образный параллелизм без сходства синтаксического построения частей пословицы: 花枝叶下犹藏刺, 人心怎(难)保不怀毒 ‘Под цветами и листьями еще прячутся колючки, не говоря уже о ядовитости в человеческой душе’; 恶狗咬人不露牙, 毒蛇口里吐莲花 ‘Злая собака кусает, не оскаливая зубы; ядовитая змея из пасти выплевывает лотос’; 苦荞能饱肚, 甜言不能听 ‘Горькая гречиха кормит досыта, сладким словам нельзя верить’; 堵得住黄鳝洞, 塞不了狐狸窝 ‘Забить пещеру угрей можно, заткнуть лисью нору нельзя’.

Все исследуемые пословицы китайского языка в плане выражения используют такие сферы сравнения: ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (самая частотная модель): 呆人靠力气, 乖人靠心计 ‘Дурак опирается на силы, хитрец опирается на интриги’; 狡诈的女人笑容多, 无能的男子烦恼多 ‘У хитрой женщины улыбок много, у бездарного мужчины хлопот много’; 直率坦白是君子, 笑里藏刀是歹人 ‘Прямой и откровенный человек является благородным, тот, кто за улыбкой прячет нож, является злодеем’. ЖИВОТНОЕ — ЧЕЛОВЕК: 马踏软地易失蹄, 人听甜言易失足 ‘Лошадь легко спотыкается на мягкой дороге, человек легко оступается из-за сладких слов’. 狡兔有三窟, 军师有三策 ‘У хитрого зайца три норы, у советника три тактики’. ЖИВОТНОЕ — ЖИВОТНОЕ: 堵得住黄鳝洞, 塞不了狐狸窝 ‘Забить пещеру угрей можно, заткнуть лисью нору нельзя’; 恶狗咬人不露牙, 毒蛇口里吐莲花 ‘Злая собака кусает, не оскаливая зубы; ядовитая змея из пасти выплевывает лотос’. РАСТЕНИЕ — ЧЕЛОВЕК: 树直死, 人直穷 ‘Прямое дерево умирающее, прямой человек бедный’. ЖИВОТНОЕ — РАСТЕНИЕ: 狡兔不可信, 小树不可倚 ‘Нельзя верить в хитрого зайца, нельзя опираться на маленькое дерево’. РАСТЕНИЕ — ЧТО-ЛИБО АБСТРАКТНОЕ: 苦荞虽苦, 能饱肚子; 甜言好听, 只能当风 ‘Гречиха горькая, зато кормит досыта, сладкие слова красивые, но можно принять только за ветер’.

Заключение

В результате проведенного сопоставительного интегративного анализа русских и китайских пословиц концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения можно отметить сходства и различия как на уровне структурных моделей паремий, так и на уровне выражаемых когнитивом и образности.

В китайском языке пословиц проанализированной тематической группы с семантикой сравнения больше, чем в русском языке. Можно предположить, что это обусловлено большей выделенностью концептуального поля ПРЯМОТА–ЛУКАВСТВО в китайском провербиальном пространстве в целом. Однако типы структурных моделей пословиц в русском языке представлены шире, чем в китайском, что связано с различием языковых систем двух языков. Так, в китайском языке отсутствуют пословицы с существительными в творительном падеже и пословицы, представляющие собой предложения тождества. Следует отметить, что в китайском языке через предложение тождества обычно реализуется сехоуяй (недоговорка), а не пословица. При переводе китайских пословиц с притяжательными прилагательными на русский язык чаще всего невозможно обойтись без сравнительного союза, так как в китайском языке имя существительное и словосочетание могут употребляться как имя прилагательное, а соответствующие притяжательные прилагательные в русском языке часто отсутствуют. В китайском языке шире, чем в русском, представлен синтаксический параллелизм, как правило, сопровождающийся параллелизмом образов. Представляется, что это обусловлено образным строем китайского языка в целом, заложенным в иероглифике. При этом для русского языка в данном разряде паремий более характерны семантические отношения противопоставления, а для китайского языка — уподобления. Интерес представляет четырехчастная структура китайских паремий, отсутствующая в русском языке. Совпадают в двух языках такие пословичные модели, как предложения со сравнительными оборотами и предложения, в составе которых есть прилагательные и наречия в форме сравнительной степени. В пословицах обоих языков наблюдается контаминация выделенных структурных разрядов пословиц.

Большинство когнитивом в русских и китайских пословицах совпадает: в целом простота предпочитается хитрости и лицемерию, лезть осуждается, в ряде случаев (особенно на войне) хитрость предпочтительнее силы. Но следует отметить лакунарные относительно китайского языка когнитивомы русских пословиц: ‘простота может быть губительна для человека’, ‘добро сильнее рациональной хитрости’. В свою очередь, лакунарной относительно русского языка является такая когнитивомы китайских пословиц, как ‘старый человек хитер и коварен’. Необходимо отметить противоречивость ряда вербализуемых когнитивом в двух язы-

ках. Это связано, на наш взгляд, с ситуативным характером пословиц. В обоих языках большинство пословичных единиц имеют констатирующий характер, прямой дидактичностью отличается небольшое количество паремий.

Образность рассмотренных пословиц обоих языков создается в большинстве своем с помощью зоонимов. В группе пословиц обоих языков, включающих сравнительные обороты, льстивые слова сравниваются с медом, а дело и душа уподобляются чему-то черному — сажа (рус.) и смоль (кит.). В группе пословиц, включающих в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени, наблюдаются эксплицитно выраженные ценностные предпочтения в языковом сознании обоих языков. Различия в используемых образах обусловлены геосоциокультурным контекстом: религией, мифологией, различиями в хозяйственно-бытовой сфере и др. Лингвострановедческий комментарий требуется как национально-маркированным компонентам пословиц, так и универсальным образам, которым придают особое символическое значение в конкретной культуре..

Наиболее частотными моделями анализируемого языкового материала являются ЧЕЛОВЕК–ЖИВОТНОЕ и ЧЕЛОВЕК–ЧЕЛОВЕК. Простой человек уподобляется свинье, а лукавый и хитрый человек сравнивается с лисой, змеей и другими животными, имеющими хвост. В модели ЧЕЛОВЕК–ЧЕЛОВЕК наблюдаются такие оппозиции, как глупец/прямик/простак — хитрец, хитрая женщина — бездарный мужчина, простак — дети, мать-отец — дети.

Библиографический список

1. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–41.
2. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
3. Серегина М.А. Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 1. С. 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
4. Лихун Го, Абдуллаева Ф.Э. Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец — сын) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 4 (22). С. 1061–1068. <https://www.doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

6. Семененко Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т.11. № 2. С. 213–232. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>
7. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской лингвокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10/25178/nit.2022.1.10>
8. Бредис М.А. Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 131–138.
9. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>
10. Болат-оол Р.В., Пелевина Н.Н. Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 29–32.
11. Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3>
12. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. 2019. Вып. 6. С. 50–59. <https://www.doi.org/10.203309/PhS.6-19/050>
13. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
14. Lomakina O.V. Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17. № 2. P. 125–135.
15. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. С. 14–53.
16. Николаева Е.К. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 238–243.
17. Лазутин С.Г. Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. 1986. — С. 3–9.
18. Alyoshin A., Zinovieva E. Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // Scandinavian Philology. 2021. № 19 (2). P. 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
19. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
20. Храмова Ю.А. Паремиологическая реализация концептуальной диады «Лицемерие — искренность» в русской и английской лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 124–131.
21. Дежужаева Е.А., Сарангаева Ж.Н. Концепт «Лесть» в английской и русской паремии // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки: сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа: Вестник науки, 2020. С. 167–170.
22. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: Эксмо Пресс, 2000.

23. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
24. Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Цышу Чубаньшэ, 2011.
25. Чжао Сыминь Лингвокультурный потенциал русских паремий со сравнительными оборотами на материале пословиц о лукавстве и прямоте (на фоне китайского языка) // Тезисы 50-й международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/36133/1/%d0%9c%d0%a4%d0%9a%202022%20%d1%82%d0%b5%d0%b7%d0%b8%d1%81%d1%8b.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).
26. Иванова Е.В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2006. № 3. С. 40–49.
27. Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.
28. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002.
29. Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11 № 1. С. 48–63. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63>
30. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

References

1. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 34–41. (In Russ.).
2. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265–284. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284> (In Russ.).
3. Seregina, M.A. (2016). Paremiology as a form of representation of people's knowledge in language: Cognitive-structural aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25> (In Russ.).
4. Lihong, Guo & Abdullaeva, F.E. (2020). Propositional frame-based analysis of the semantics of proverbs of the Russian and Chinese languages (based on frame father — son). *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(4), 1061–1068. <https://www.doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068> (In Russ.).
5. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of the Russian paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 4(54), 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
6. Semenenko, N.N. (2020). Axiology Proverbs in the Focus of the Problem of Cognitive-Discursive Modeling of the Semantics of Russian Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 213–232. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232> (In Russ.).
7. Nelyubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremiology as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
8. Bredis, M.A. (2016). Frugality and covetousness in the proverbs (based on Russian, Latvian, German, English and Tajik). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 131–138. (In Russ.).

9. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages, *Rusin*, 3(45), 119–128. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9> (In Russ.).
10. Bolat-ool, R.V. & Pelevina, N.N. (2017). On woman's image in Tuvian and German proverbs. *Bulletin of Khakassian State University. N.F. Katanov*, 21, 29–32. (In Russ.).
11. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F. (2018). Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Tomsk State University Journal of Philology*, 54, 42–58. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/54/3> (In Russ.).
12. Nelyubova, N.Yu. (2019). The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world. *Philological Sciences*, 6, 50–59. <https://www.doi.org/10.203309/PhS.6-19/050> (In Russ.).
13. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
14. Lomakina, O.V. (2021). Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, 17 (2), 125–135.
15. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2017). Cognitive-pragmatic nature of proverbs. In: *Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, comparative aspects*, T.N. Fedulenkova (Ed.). Vladimir: Vladimir State University publ. pp. 14–53. (In Russ.).
16. Nikolaeva, E.K. (2010). Set similes in Russian proverbs. *Problems of History, Philology and Culture*, 3(29), 238–245. (In Russ.).
17. Lazutin, S.G. (1986). Comparisons in proverbs and sayings. In: *Language and style of folklore. Interuniversity collection of scientific papers*. pp. 3–9. (In Russ.).
18. Alyoshin, A. & Zinovieva, E. (2021). Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias. *Scandinavian Philology*, 19, (2), 219–235. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2021.201>
19. Zinov'eva, E.I. & Aleshin, A.S. (2022). The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New research of Tuva*, 1, 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
20. Khramova, Yu.A. (2010). Paremiological realization of the conceptual dyad “hypocrisy — sincerity” in Russian and English linguistic cultures. *Humanitarian Research*, 1(33), 124–131. (In Russ.).
21. Dezhuzhaeva, E.A. & Sarangaeva, Zh.N. (2020). The concept of “Flattery” in English and Russian proverbs. In: *Fundamental and applied aspects of the development of modern science. Collection of articles based on materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Ufa: Vestnik nauki. pp. 167–170. (In Russ.).
22. Dal', V.I. (2000). *Proverbs of the Russian people*. Vol. 2. Moscow: JeKSMO. (In Russ.).
23. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
24. Ven', Duan'chzhen. (2011). *Large dictionary of Chinese proverbs*. Shanghai: Lexicographical Publishing House. (In Chinese).
25. Chzhao, Symin' (2022). Linguistic and cultural potential of Russian proverbs with comparative turns on the material of proverbs about slyness and directness (against the background of the Chinese language) In: *Abstracts of the 50th International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya*. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/36133/1/%d0%9c%d0%a4%d0%9a%202022%20%d1%82%d0%b5%d0%b7%d0%b8%d1%81%d1%8b.pdf> (accessed: 15.07.2022). (In Russ.).
26. Ivanova, E.V. (2006). Concept as one of the basic notions of cognitive linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3, 40–48. (In Russ.).
27. Tarlanov, Z.K. (1999). *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk. (In Russ.).

28. Bochina, T.G. (2002). *Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.).
29. Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 48–63. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63> (In Russ.).
30. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating tuvan proverbs in the light of normative and polylingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-6253-9739. SPIN-код: 9059-2243

Чжао Сыминь, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: паремиология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: st091469@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1706-1021. SPIN-код: 6285-5928

Information about the authors:

Elena I. Zinovieva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, St. Petersburg State University; *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-6253-9739. SPIN-code: 9059-2243

Simin Zhao, PhD Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, St. Petersburg State University; *Research interests*: paremiology, cognitive linguistics; *e-mail*: st091469@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1706-1021. SPIN-code: 6285-5928

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364

EDN: NGFUAO

УДК 811.161.1'22

Научная статья / Research article

Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира

С.Н. Стародубец , О.В. Белугина , О.Ю. КолеговаБрянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14 starodubets.madam@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается специфика осмысления идеологеми *русская идея* в русской концептуальной и языковой картинах мира. Предмет исследования — составное наименование *русская идея*, употребленное в философском и политическом дискурсах, фрагменты которых включены в Национальный корпус русского языка. Цель исследования — выполнить лингвокогнитивное моделирование идеологического концепта *русская идея* как единицы мышления, обосновав структурную и смысловую составляющие. Когнитивная матрица концепта включает уровни: прецедентный, прототипический, идеологически-оценочный, национально-культурный, идентификационный и ассоциативно-образный. С применением методики когнитивно-матричного анализа репрезентации знаний установлено, что план выражения идеологеми представлен пятью основными и четырьмя маргинальными вариантами; план содержания идеологеми определен, с одной стороны, концептуальной базой, спроецированной историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, содержанием, актуализированным в период второй половины XX — начала XXI веков. Идеологическая составляющая концепта амбивалентна, обусловлена парадигмой ситуативных моделей (фреймов) социально-политического, философского, религиозного характера, репрезентация которых говорящим предполагает эксплицитное либо имплицитное оценивание события. Результаты исследования расширяют границы лингвокогнитивного моделирования концептов. Предложенная модель когнитивной интерпретации идеологического концепта может быть использована при описании широкого спектра идеологем.

Ключевые слова: концепт, составное наименование, Национальный корпус русского языка, вторичная номинация, амбивалентность

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю. Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 347–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364>

“Russian Idea” Ideologeme in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World

Svetlana N. Starodubets , Olga V. Belugina , Oksana U. Kolegova

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
14, Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation, 241036

 starodubets.madam@yandex.ru

Abstract. The study examines the specifics of understanding the Russian idea ideologeme in the Russian conceptual and language pictures of the world. The subject of the study is the compound name of the Russian idea, used in philosophical and political discourses, fragments of which are included in the National Corpus of the Russian Language. The purpose of the study is to perform linguocognitive modeling of the ideological concept of the Russian idea as a unit of thinking, justifying the structural and semantic components. The cognitive matrix of the concept includes the following levels: precedent, prototypical, ideological-evaluative, national-cultural, identification and association-shaped. Having substantiated the structural and semantic components. The cognitive matrix of the concept includes such levels as: precedent, prototypical, ideological-evaluative, national-cultural, identification and association-shaped. Using the methodology of cognitive matrix analysis of knowledge representation, it was proved that the plane of expressing the ideologeme is represented by five main and four marginal options; the plane of the content of the ideologeme is determined, on the one hand, by the conceptual base, the projected historical and cultural component of the semantic field, on the other hand, by the content updated in the second half of the 20th — early 21st centuries. The ideological component of the concept is ambivalent, due to the paradigm of situational models (frames) of a socio-political, philosophical, religious nature, the representation of which by speakers implies an explicit or implicit assessment of the event. The results of the study extend the boundaries of linguocognitive modeling of concepts. The proposed model of cognitive interpretation of an ideological concept can be used in describing a wide range of ideologies.

Keywords: concept, ideologeme, compound name, national corpus of the Russian language, secondary nomination, ambivalence

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Starodubets, S.N., Belugina, O.V. & Kolegova, O.U. (2023). “Russian Idea” Ideologeme in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 347–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364>

Введение

Современная лингвистика, продолжая традиции советского языкознания, активно исследует ценностные ориентиры социума, воплощенные в знаке.

Как справедливо отмечали М. Николич и Н.В. Новоспасская, «одним из основных направлений исследования в языкознании становится описание концептосфер языков и отдельных концептов в их составе; проблемой работ такого рода является вопрос о том, что стоит в сознании носителей языков за номинацией концепта, какие лексические единицы его описывают, каковы особенности их функционирования» [1. С. 35].

Традиционно актуальны семантико-когнитивные работы, связанные с репрезентацией идеологических понятий, спецификой выявления идеологической оценочности и коннотации. Наиболее востребованным в лингвокогнитивистике стал небезызвестный термин «идеологема». Теория идеологем сегодня представлена фундаментальными работами А.П. Чудинова [2], Н.А. Купиной [3], Н.И. Клушиной [4], Т.Б. Радбиля [5] и др.

Считаем возможным согласиться с Е.Г. Малышевой и определить идеологему как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [6. С. 35]. Очевидно, что при таком понимании термины «идеологема» и «идеологический концепт» идентичны. (Например, см. определение термина «идеологический концепт» [7. С. 335].)

Тем не менее, на наш взгляд, предпочтительнее определить использование названных терминов следующим образом: идеологема — идеологическое понятие, зафиксированное в языковой картине мира социума посредством идеологизированного слова или составного наименования, идеологический концепт — ментальное образование, имеет место в концептуальной картине мира. Соответственно, идеологема в широком понимании = идеологический концепт, в узком — лексема с идеологическим компонентом значения.

Полагаем необходимым актуализировать внимание на том факте, что мы рассматриваем идеологические концепты в нескольких параметрах:

- базовые, являющиеся составляющей национальной когнитивной базы;
- групповые — репрезентанты русского религиозно-философского дискурса с учетом внутренних ее составляющих (философия всеединства, философия евразийства, философия Белого движения и др.);
- индивидуальные [8. С. 16–17].

Объект настоящего исследования — лингвокогнитивная интерпретация идеологемы *русская идея* в русской концептуальной и языковой картинах мира. Предметом исследования является составное наименование *русская идея*, употребленное в философском и политическом дискурсах, фрагменты

которых включены в Национальный корпус русского языка. **Цель исследования** — лингвокогнитивное моделирование идеологического концепта *русская идея* как единицы мышления, с обоснованием структурной и смысловой составляющих.

Считаем особенно продуктивными в настоящее время идеологемы, эксплицированные посредством составных наименований (СН) с этнонимом *русский*: *русский мир, русский человек, русская идея, русское Слово/слово, русское оружие, русский солдат, русская культура, русский вопрос, русский характер, русский стиль* и др.

Что касается статуса составных наименований, то концепция воспроизводимости, как известно, обуславливает широкое понимание фразеологизмов, при котором и фразеологические единицы, и составные наименования (СН) относятся к одной категории (В.Л. Архангельский, А.В. Кунин, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский и др.), в свою очередь семантическая концепция основана на критериях целостности, образности, экспрессивности, определяющих статус устойчивой языковой единицы (В.М. Мокиенко, Ю.П. Солодуб, В.Н. Телия и др.), предполагает невключение СН в группу фразеологических единиц языка.

Мы разделяем семантическую концепцию фразеологизма, считаем, что дифференциация СН и фразеологизмов обусловлена теми функциями, которые они выполняют в языке. Для СН, как и для слов, базовой является номинативная функция, образность и коннотативное значение являются маркером фразеологических единиц [9]. При этом нельзя отрицать, что коннотация не может быть приметой СН. Коннотативное со-значение в СН возможно, тем не менее функционально оно вторично и несколько не влияет на категориальную репрезентацию первичного номинативного значения словосочетания. Таким образом, функциональный подход к определению статуса устойчивых единиц позволяет, как нам представляется, дифференцировать фразеологизмы, образные устойчивые сочетания, и составные наименования (СН) — номинативные устойчивые сочетания.

Составными наименованиями являются сочетания слов, которые обозначают явления действительности и представляют собой объединение, обладающее смысловым и структурно-грамматическим единством, которое приравнивается к одному слову. Они выступают как общее понятие о каком-либо классе предметов реального мира. Своими структурно-семантическими свойствами они похожи на переменные словосочетания, а употреблением — на фразеологизмы. Тем не менее составные наименования представляют собой устойчивые словосочетания иного рода. Для них характерна лексическая делимость слов-компонентов [10. С. 40]. Соответственно, с семантической точки зрения данные языковые единицы фразеологизмами не являются.

Компоненты составных наименований выступают в качестве маркеров дифференциальных свойств обозначаемого, в связи с этим каждый из них не-

сет долю итогового смысла. Главным свойством их семантики является возможность разложения общего значения на составляющие. Устойчивая лексическая сочетаемость компонентов способствует созданию нового значения, заключающего в себе реалии внеязыковой действительности. Последнее является органически целым, качественно новым единством, доминирующим над значениями его составляющими и при этом сохраняющим ясность семантики компонентов.

Считаем возможным согласиться с позицией профессора А.А. Бурова, включающего составные наименования в зону номинационного анализма [11] (или контаминированного способа номинации): «Вводя понятие «номинационный анализм», мы предполагаем, что называющий знак проявляет номинационно-аналитические свойства в том случае, если он имеет описательную (дескрипционную) форму, обладает соотносительностью с единым, любой сложности, денотатом. Соотношение лексического и грамматического «компонентов» при этом осуществляется благодаря тексту: составная форма соответствует определенной синтаксической единице, ее структура играет роль грамматического показателя, а номинационная семантика проявляется нерасчлененно, в комплексе. <...> факты номинационного анализма относятся к области, связывающей словарь и текст (синтаксис), лексическую номинацию с синтаксической, это область контаминированного способа номинации» [11. С. 63–64].

Составное наименование *русская идея*, на наш взгляд, представляет собой двухкомпонентное образование, возникшее путем распространения имени существительного именем прилагательным, характеризуется контекстуальным контаминированным (философским, политическим, религиозным и эстетическим) планом содержания (в результате вторичной номинации, когда атрибут маркирует контекстуальное «приращение» плана содержания [8. С. 225]).

Методология исследования

Как было отмечено нами ранее, идеологема *русская идея* является ядром, вокруг которого иерархически концентрируется доминирующая система понятий, репрезентирующих религиозно-философскую картину мира русского зарубежья первой половины XX века. Типология вариантных составляющих концепта *русская идея* в русской лингвокультуре может быть представлена через концепт-образ, концепт-образ — концепт-фрейм, концепт-фрейм, концепт-прототип [12. С. 41–46]. Что касается дискурса произведений И.А. Ильина, то здесь необходимо говорить о концепте *русская идея* как о целостной совокупности образов («гештальтов»), ассоциирующихся с именем определенной абстрактной сущности, сама же совокупность образов, привлекаемых для дефинирования плана содержания

концепта *русская идея*, признана нами прототипической, апеллирующей к концептам *свобода, любовь, сердце*, насыщенным этнокультурным содержанием. Соответственно концепт *русская идея* в дискурсе И.А. Ильина репрезентирован как концепт-прототип.

Считаем необходимым установить, что в современном русском языке специфика концептуализации понятия *русская идея* может быть определена посредством когнитивно-матричного анализа концептуальных областей, релевантных для актуализации значения слова: «<...> матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Она обращена к нескольким концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной. <...> отражает набор концептуальных сфер, имеющих в силу нашего опыта и знания отношение к данному концепту» [13. С. 75–76].

Выбор когнитивно-матричного метода исследования определен тем, что идеологемы с означаемым компонентом «русский» опираются на пресуппозицию «в сравнении с признаком, не относящимся к русскому» («Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, <...> что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут» (Ф.М. Достоевски. Дневник писателя, 1877)). Следует подчеркнуть, что С.П. Шевыревым понимание *русской идеи* был изначально определено как идеи, «обратной» германской. Названная пресуппозиция предопределяет, «запускает» «когнитивный механизм сравнения» в контексте «соревновательной доминанты русской культуры» [14. С. 64, 72], который становится «пусковым механизмом процесса концептуализации» [13. С. 80].

Считаем возможным описание смыслового поля идеологем методом анализа фреймовой семантики [15; 16; 17. С. 26]. Нам представляется удачным выполненный таким образом концептуальный анализ смыслового поля идеологемы *русский мир* С.Е. Тимофеевым [18].

В работе также применяются методы: корпусный, статистический, контекстуальный, семантико-когнитивного анализа плана содержания идеологемы.

Лингвокогнитивное моделирование концепта русская идея

Когнитивная матрица концепта *русская идея* представляет собой следующую структуру:

1. **Прецедентный уровень.** Следует учитывать, что до непосредственного появления терминологического сочетания *русская идея* в XIX веке (в произведениях Ф.М. Достоевского) концепт *русская идея* су-

ществовал в латентном, скрытом виде, в «образе» [19. С. 62]. С этой позиции хронологическим «источком» концепта следует признать «Послание о неблагоприятных днях и часах» старца Филофея с его общеизвестной формулой «Москва — третий Рим».

2. **Прототипический уровень.** От Ф.М. Достоевского до наивысшей степени актуализации в произведениях русских религиозных философов в первой половине XX века. Определен концептами *свобода*, *любовь*, *сердце* (в понимании И.А. Ильина), *соборность* (в интерпретации славянофилов (А.С. Хомяков), Н. Лосского, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева), *всеединство* (в понимании Вл. Соловьёва), *русская словесность* (в понимании С.П. Шевырева: «*Древняя русская словесность выразила Божественное начало, содержащееся в христианском чувстве*» *русского народа. Русская церковь была опорой Русского государства в устройении единодержавия* (Шевырев 1860. Ч. 4. С. 20)); «*словесность народа в её высших проявлениях есть выражение национального духа в слове, выражение образованное и полное*» (Шевырев 1835а. С. 495); «*история русской словесности перерастает в русскую философию*» [14. С. 59, 69]: «*Русская идея становится критерием оценки словесности; на её основе критик определяет, в какой мере текущая словесность является воплощением национальной самобытности*» [14. С. 64]. Кроме того, фреймами, репрезентирующими ситуативные модели, описанные нами в работе «„Русская идея“ как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века», както: «отрицание смертной казни», «русский мессианизм», «сострадательность», «искание Царства Божьего», «народничество», «толстовство», «идея братства», «эсхатология», «анархизм», «Богочеловечество» [12. С. 41–46].
3. **Идеологически-оценочный уровень** (со второй половины XX века и до наших дней). Задан атрибутом *русский*, репрезентирующим базовые ценностные ориентиры, а также средствами микро- и макротекста, участвующими в дефинировании СН *русская идея*. Обуславливает идентификацию понятий концепт = идеологический концепт применительно к подобным ментальным образованиям. Считаем, что атрибут *русский* является «функтором-атрибутом», сосредоточивающим все потенциальные вариантные центробежные и центростремительные контекстуальные функции, эксплицирующим в дискурсе оценочность и коннотацию «духовность». *Русский* ↔ *национальный*, *русский* ↔ *духовный*, имеет место «семантическое заражение» атрибутов. Подчеркиваем, что атрибут детерминирует рассмотрение идеологии и как лингвокультуры (См.: В.В. Воробьев «Русская идея как лингвокультурологическое понятие» [20]).

4. **Национально-культурный уровень** (со второй половины XX века и до наших дней). Репрезентирован атрибутом *русский*, который является мифологическим этнокультурным архетипом, отсылающим адресата к парадигме сформированных в русской культуре ценностей, а именно: *русский мир*, *русский характер*, «*русский дух*» (фразеологизм), *русская душа*, *русский человек*, *русский солдат*, *русский народ*, *русская зима*, а также по И.А. Ильину: «*русская совесть*», «*русское сердце*», «*русская семья*», «*русская вера*».
5. **Идентификационный уровень**, реализован посредством персонификации лиц, символов и антисимволов: «*февронька*», «*не американская мечта*», «*Затулин*», «*Снегурочка*», «*Свистунов*», «*человек Ной*» и т.п.
6. **Ассоциативно-образный сквозной уровень**, представленный совокупностью концептуальных метафор: «*свет Русской Идеи*», «*ведет Русская Идея*»; «*Тимошенко оседлает русскую идею*», «*Медведи приватизируют русскую идею*» и др.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) [21]. По запросу было выявлено 140 документов употребления составного наименования *русская идея* в основном корпусе и 68 в газетном. Проанализируем план выражения составного наименования на основе выбранных из НКРЯ контекстов и план содержания атрибутивного составного наименования с учетом синтагматики микроконтекста.

В контекстах, представленных в НКРЯ, анализируемое составное наименование с наибольшей частотностью встречается в пяти вариантах: *Русская Идея*, «*Русская идея*», *Русская идея*, *русская идея*, «*русская идея*».

Вариант 1: Русская Идея

Составное наименование *Русская Идея* в основном Национальном корпусе русского языка употребляется в 9% от общего числа контекстов, а в газетном — в 8%.

1. Основной корпус:

«*Спасение Русской Идеи (и русской культуры в целом) я вижу в том, что она всегда располагалась на путях открытий законов природы и законов действительного общежития*» (Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990 гг.).

2. Газетный корпус: «*Он, может быть, и до сих пор не знает, в чем состоит та самая Великая Национальная Русская Идея*» (Александр Гамов. Успеет ли Путин спасти Россию? // Комсомольская правда, 2001.03.27).

Употребление двух прописных букв в написании СН определяет его особый символический смысл — персонификацию Божественного, Света как факта великой миссии России и ее интеллигенции («*Иногда эти светлые умы даже не догадываются, что их ведет Русская Идея*», «*Чтобы сбить свет Русской Идеи, необходимо было истребить цвет русской интеллигенции*» (Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990 гг.)).

Вариант 2: «Русская идея»

«Русская идея» в основном Национальном корпусе русского языка употребляется в 8 % от общего числа контекстов, а в газетном — в 6 %.

1. Основной корпус:

«В Москве прошла презентация книги бывшего президента Финляндии Мауно Койвисто «Русская идея» — курс русской истории от варягов до Путина на 241 странице» (Новости (2002) // «Витрина читающей России», 2002.09.13.).

2. Газетный корпус:

«Монография «Русская идея В.М. Шукишина» М., 1999 г. (Владимир Сигов: «Русский язык как второй государственный — полезен Украине» // Новый регион 2, 2007.11.13).

«Русская идея», исходя из представленных контекстов, — это наименование, используемое для обозначения названий книг, серий книг, телепрограмм.

Вариант 3: Русская идея

В основном корпусе встречается в 5 % случаев, в газетном корпусе — в 3 %.

1. Основной корпус:

- «Порожденная православным сознанием **Русская идея** постоянно вбирала в себя духовные свойства народа, одновременно выражая и его «особенную физиономию», как говорил Пушкин, видя ее «в образе мыслей и чувствований, тьме обычаев, поверий и привычек. <...> мы могли бы рассматривать «Снегурочку» как своеобразное формулирование на языке изобразительного искусства **Русской идеи**». (Марина Петрова. В.М. Васнецов «Снегурочка». Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте (2004) // «Наш современник», 2004.07.15);
- «В развернутом изложении содержания **Русской идеи** она предстает как выражение сущности русской (русско-славянской) цивилизации, русского образа жизни, для которого, по его словам» [Е.С. Троицкого — пояснение наше: С.С., О.В., О.Ю.], «были характерны понимание трудолюбия как добродетели, взаимопомощь, коллективизм в рамках общины и артели, вместе с тем подвижничество, предприимчивость, предпринимательство, инициатива, преклонение перед мужеством и удачью, следование высоким морально-этическим принципам честности и порядочности» (Актуальность русской этнополитологии (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.11.23);
- «Опонское царство и Русская мечта, Беловодье и Святая Русь, Вся Правда и Коммунизм, **Русская идея** и Духовность — все это лики должного» (Н.Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002)).

2. Газетный корпус:

- *«Существует ли Русская идея? <...> Русская идея для меня — воображение, понимание гармонии и красоты, эстетическое и нравственное осязание мира. <...> Русская идея — дети, не нюхающие клей в подвалах, а читающие Пушкина в школах. <...> Русская идея — люди разумные, а не люди прямоходящие, спиливающие мешающую им сосну и плюющие в ручей. <...> Русская идея — человек Ной, а не человек Потоп»* (Андрей Седов, Лариса Кафтан, Александр Гамов, Александр Ермаков и Алексей Енисенков («КП» — Калининград»), Эмма Кинас («КП» — Петропавловск-Камчатский»). Ищем Национальную идею России // Комсомольская правда, 2005.04.21).

Данный вариант фиксирует «выражение сущности русской цивилизации», многоликость ее духовного смысла как ценностной составляющей русской культуры наряду с «Русской мечтой», «Правдой», «Святой Русью».

Кроме того, данный вариант эксплицирует идентификационную зону концепта [22. С. 327] через персонифицированные прототипы концептуализируемого явления, а именно — пьесу Н.А. Островского «Снегурочка», образ Ноя.

Вариант 4: русская идея

Это наиболее распространенный вариант употребления данного составного наименования. В основном корпусе такое употребление встречается в 66 %, в газетном — в 62 %.

1. Основной корпус.

Концептуальная область «национальная, общественно-государственная, духовно-национальная».

- *«Русская идея есть теоретическая и духовная доктрина обеспечения независимости святой Руси, возрождения нации, ее превращения прежде всего в народ для себя, это ядро воссоздаваемой общественно-государственной идеологии великой России, осознание себя нацией, осмысленное стремление народа к утверждению национального государства, лучшей действительности, совершенствованию своей цивилизации и образа жизни, концентрированное и возвышенное проявление сущности Отечества, национальной психологии, мужества и жертвенности, воинской доблести, духовности нашего народа, его нужд и потребностей в экономике, политической, социальной, культурной, международной жизни»* (Русская идея: национальное и общероссийское (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Концептуальная область «православие, соборность».

- *«Русская идея была сформулирована как идея Соборности»* (Георгий Киреев. От национальной утопии к национальной идее (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16);

- «*Стало быть, русская идея — это во многом феномен религиозного сознания*» (Русская идея: национальное и общероссийское (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Следует подчеркнуть, что расположение СН в начале высказывания предполагает контаминацию двух способов выражения — *русская идея* и *Русская идея*: «**Русская идея** сегодня — это осознание русскими людьми, народом в целом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество» (О пользе общегосударственной идеи и попытках ее определения // «Жизнь национальностей», 2004.06.16).

2. Газетный корпус.

Концептуальная область «характеристики идеи».

- «*Её определений в текстах Бердяева много, но большей частью они представлены в манере «от противоположного»: русская идея — не буржуазная, не националистическая, не западная и не восточная, не похожа на идею германскую или немецкую и прочие негации и дихотомии, так любимые им*» (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма» // Известия, 2014.03.19);
- «*Федор Михайлович Достоевский писал, что русская идея — это всечеловечность и восприятие всей культуры мира*» (Елена Лаптева, Фото из семейного архива и Алекса Федечко-Мацкевича. Юрий Шевчук: Моя женщина должна есть и выпивать не меньше меня // Комсомольская правда, 2007.05.16);
- «*Вся русская идея при этом свелась к традиционному рыганию и производству больших куч продуктов переваривания*» (Валерий Лебедев. Новая элита — спасение России (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26).

Концептуальная область «лица/символы (антисимволы), олицетворяющие русскую идею в первоизданном либо трансформированном виде».

- «*<...> Затулин — автоматически враг русского народа и русской идеи*» (Оборотень в Госдуме: «ястреб Затулин подарил Крым Украине» // Новый регион 2, 2006.04.25);
- «*<...> И так будет до тех пор, пока там будет Свистунов, извращенец от русской идеи*» (Самая русская партия Украины вляпалась в «кассетный скандал» // Новый регион 2, 2007.03.17);
- «*Нам нужна русская идея, а не американская мечта*» (Андрей Седов, Александр Гамов, писатель и историк Александр Горянин: Мы — самый везучий народ! // Комсомольская правда, 2005.08.01);
- «*Кто знает, может, со временем мечта Андрея осуществится, и февронька станет частью национальной русской идеи, перебив по популярности пришедшую к нам с запада валентинку*» (Ольга Постнова. Валентинки на православный лад // Известия. 2011.02.07).

В рассмотренных нами вариантах, представленных в газетном корпусе, эксплицированы амбивалентные символы и антисимволы *русской идеи*.

Названный вариант репрезентирует, с одной стороны, ядерные составляющие смыслового поля, с другой стороны, ассоциативную часть семантики смыслового поля («*дети, читающие Пушкина в школах*», «*февронька*»).

Вариант 5: «*русская идея*»

В основном корпусе такое употребление встречается в 10 %, в газетном — в 18 %.

1. Основной корпус.

- «*Впервые же сам термин «русская идея» применил в 70-х годах XIX века наш великий мыслитель Ф.М. Достоевский*» (*Русская идея: национальное и общероссийское*) (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);
- «*Россия тоже колеблется между «западничеством» и «русской идеей» в конце концов создавая свою собственную модель общества*» (Михаэль Дорфман. Дмитрий Верхотуров. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом... (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.30).

Приведенный вариант оформления СН является маркером плана выражения первичного концептуального содержания терминологического характера. Используется в контекстах типа: «*обратиться к понятию “русская идея”*», «*книги о “русской идее”*», «*эссе о “русской идее”*» и т.п.

2. Газетный корпус.

«*Такова «русская идея» в понимании Бердяева: преодолеть буржуазную идеологию, но не остановиться на социализме или коммунизме*» (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма // Известия, 2014.03.19).

В газетном корпусе данный вариант используется в значении «перспективная партийная линия»: «*Партия с «русской идеей» сможет набрать в 2016 году до 10 % голосов, предупреждают эксперты*» (Алёна Сивкова. Общественная палата: националисты пройдут в следующую Госдуму // Известия, 2013.03.27).

Единичными являются варианты: **РУССКАЯ ИДЕЯ**, **РУССКАЯ идея**, «*русская» идея*, *русская «идея»* (2 % в основном и 3 % в газетном корпусе).

Использование прописных букв в приведенных СН предполагает доминирование воздействующей функции и зафиксировано в газетном корпусе. Кавычки в первом или втором слове предполагают критический либо иронический подтекст: «*Одни ваши коллекции строились на космической теме, другие — на прочих популярных на Западе „русских“ идеях*» (Татьяна

Медовникова. «В нашем Доме 99 работников. Я — сотый // Известия, 2012.09.13); «Славянофилы, действительно, преклонялись больше перед *русской «идеей»*, чем перед фактом и силой» (Н.А. Бердяев. О «вечно-бабьем» в русской душе (1915).

Исходя из положения, что «лексика языка представляет собой наиболее обширную, многомерную, сложную и подвижную систему» [23. С. 12], нами было охарактеризовано смысловое поле идеологического концепта (= идеологемы) *русская идея*.

В ядерной (интенциональной) части зафиксированы следующие концептуальные области:

- национальная, общественно-национальная, духовно-национальная;
- православие, соборность;
- характеристики идеи;
- лица/символы (антисимволы), олицетворяющие *русскую идею* в первоизданном либо трансформированном виде.

Названные семантические компоненты есть варианты макропропозиции «Идея России» (Павел Флоренский): «Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет своё ничтожество, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы <...> обратятся к Русской идее, к идее России» (Валерий Коновалов А остальное подробности // Труд-7, 2007.01.20).

Смысловое поле идеологического концепта *русская идея* материализуется в совокупности коммуникативных значений составного наименования *русская идея*:

- первое коммуникативное значение — «всечеловечность и восприятие всей культуры мира» (вслед за осмыслением этого феномена Ф.М. Достоевским): *русская идея*;
- второе коммуникативное значение — «ценностная доминанта русской языковой и концептуальной картин мира, основанная на глубинном осмыслении миссии русской цивилизации и русской культуры в истории и мире с позиции Д/духовного со'-бытия человека — личности — народа и Бога, обусловившего все составляющие общественного развития и национального самосознания, очерченного константами Духовности/духовности, соборности, любви, свободы, совести, сердца: *русская идея* / *Русская идея* / *Русская Идея* / *РУССКАЯ ИДЕЯ* / *РУССКАЯ идея*;
- третье коммуникативное значение — «теоретическая и духовная доктрина обеспечения независимости России, ядро общественно-государственной идеологии, основанное на возвышенном и высокодуховном осмыслении сущности Отечества, духовности народа, мужественности и жертвенности, культуры, правосознания и нравственности»: *русская идея* / *Русская идея*;

- четвертое коммуникативное значение — научная либо общественная теория успешного развития, возрождения народа, как то: «Третий Рим», «славянофильство», «социализм», «коммунизм»: *русская идея*;
- пятое коммуникативное значение — «названия книг, серий книг, телепрограмм: *«Русская идея»*.

Идеологическая составляющая концепта *русская идея* реализуется посредством следующих составляющих компонентов смыслового поля, таких как «национальная», «государственная», «Д/духовная», «православная», «С/соборная».

Кроме того, базовая часть смыслового поля идеологемы определена амбивалентной оценочностью идеологемы, зафиксированной посредством контекстуального дефинирования (*«новая русская идея: «Что хорошо для бизнеса — хорошо для России», «бей своих, чужие бояться будут», «Пугачёвщина», «погромные эмоции», «националистический антисемитизм», «русский фашизм», «традиционное рыгание и производство больших куч продуктов переваривания»*).

Считаем, что идеологический фокус знака в составном наименовании *русская идея* задан интенционалом. Такие языковые единицы мы определяем как сигнификативно-денотативно идеологизированные слова, которые «изначально не имели безоценочного значения, их социально-идеологический оценочный компонент содержания имманентно присущ и денотату, и сигнификату соответственно» [24. С. 36].

Имплицативный потенциал концепта реализован периферийной частью смыслового поля и представлен широким спектром ассоциатов: *«идея сердца», «созерцающая любовь», «божественный исторический замысел», «дети, читающие Пушкина», «водка — это, конечно, не русская идея, но довольно близко»*. Названные ассоциаты репрезентированы посредством дефинирования идеологемы. Необходимо учитывать, что имеют место и имплицированные ассоциаты, экспликация которых является следствием декодирования когнитивных метафор. К примеру, *«Тимошенко оседлает русскую идею»* (*русская идея* — «конь или осёл, которых можно оседлать»), *«Медведи приватизируют русскую идею»* (*русская идея* — объект приватизации), *«скрестить русскую идею с коммунизмом»* (*русская идея* — биологический объект для скрещивания с кем-либо, чем-либо).

Кроме того, импликационал концепта включает также и идентификационную составляющую смыслового поля — *«февронька», «человек Ной, а не человек Потоп», «пьеса „Снегурочка“* и др.

Таким образом, *русская идея* не просто идея (ср. в рекламе: «Русское радио не просто радио»), как концепт предполагает апелляцию адресанта и адресата к сложной концептуальной области, конфигурации смыслов, обусловленных историческими, социокультурными, идеологическими, духовными со-бытиями и со-знаниями.

Заключение

Когнитивная матрица идеологемы *русская идея* в русской концептуальной картине мира включает уровни: прецедентный, прототипический, идеологически-оценочный, национально-культурный, идентификационный и ассоциативно-образный.

Составное наименование *русская идея* — результат контаминированной вторичной номинации, соотнесенной с единым денотатом-образом, имеет пять коммуникативных значений, репрезентируемых русской языковой картиной мира.

План выражения идеологемы представлен пятью основными и четырьмя периферийными вариантами; план содержания идеологемы детерминирован, с одной стороны, концептуальной базой, спроецированной историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, содержанием, актуализированным в период второй половины XX — начала XXI века.

Идеологическая составляющая концепта амбивалентна, обусловлена спектром ситуативных моделей социально-политического, философского, религиозного характера, репрезентация которых говорящим предполагает эксплицитное либо имплицитное оценивание события.

Библиографический список

1. *Николич М., Новоспаская Н.В.* Термины родства в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 74–78.
2. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006.
3. *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, Изд-во Урал. ун-та, 1995.
4. *Клушина Н.И.* Контекстные измерения мифологемы // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. М., 2014. С. 154–157.
5. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта-Наука, 2010.
6. *Мальшева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4(30). С. 32–40.
7. *Голованевский А.Л.* Идеологические концепты в лексикографическом дискурсе: семантика, прагматика, синтагматика // Принципы и методы исследования филологии: Конец XX века: сб. статей научно-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 6. СПб.; Ставрополь, 2001. С. 335–339.
8. *Стародубец С.Н.* Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дис. ... д-ра филол.н.: 10.02.01. М., 2010.
9. *Чепкова Т.П.* Лингвистический статус составных наименований русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 162–168.
10. *Кожин А.Н.* Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) // Мысли о современном русском языке : сб. статей. М., 1969. С. 31–46.
11. *Буров А.А.* Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке: в 2 ч. Пятигорск, 1999.
12. *Стародубец С.Н.* «Русская идея» как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века // Преподаватель. XXI век. 2005. № 4. С. 41–46.

13. Куликов В.Г. Когнитивно-матричный анализ диалектных единиц // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 73–86.
14. Песков А.М. Русская идея русской словесности. С.П. Шевырев. Психологические аспекты русской историософии // «Русская идея» и «русская душа»: очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. С. 56–72.
15. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика: монография. М.–Берлин, 2016.
16. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–29.
17. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
18. Тимофеев С.Е. Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 186–200.
19. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
20. Воробьев В.В. Русская идея как лингвокультурологическое понятие // Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006. С. 147–155.
21. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.10.2021).
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. трудов / РАН. Институт языкознания ; Министерство образования и науки РФ ; ТГУ имени Г.Р. Державина; Е.С. Кубрякова (отв. ред.). М. ; Калуга: Эйдос, 2007. С. 322–329.
23. Денисенко В.Н. Общее значение единиц семантического поля: становление и содержание понятия // *Russian Journal of Linguistics*. 2012. № 3. С. 12–15.
24. Стародубец С.Н. Идеологическая оценочность и идеологическая коннотация составных наименований // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей V Междунар. симпозиума, программа Междунар. фестиваля «Великое русское слово». : в 2-х томах / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2021. Т. 1. С. 246–251.

References

1. Nikolic, M. & Novospasskaya, N.V. (2013.). Terms of kinship in Russian and Serbian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 74–78. (In Russ.).
2. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
3. Kupina, N.A. (1995). *Totalitarian language: vocabulary and speech reactions*. Ekaterinburg; Perm, Ural University Press. (In Russ.).
4. Klushina, N.I. (2014). Contextual Dimensions of mythologeme. In: *Stylistics Today and Tomorrow: Conference Proceedings*. Moscow. pp. 154–157. (In Russ.).
5. Radbil', T.B. (2010). *Fundamentals of the study of language mentality*. Moscow: Flinta-Nauka. (In Russ.).
6. Malysheva, E.G. (2009). Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification. *Political Linguistics*, 4(30), 32–40. (In Russ.).
7. Golovanevskij, A.L. (2001). Ideological Concepts in Lexicographic Discourse: Semantics, Pragmatics, Syntagmatics. In: *Principles and Methods of Philology Research: End of the 20th Century: Sat. articles scientific method. Seminar "TEXTUS"*. Vol. 6. St. Petersburg; Stavropol. pp. 335–339. (In Russ.).
8. Starodubets, S.N. (2010). *The specifics of the organization of linguistic symbolic means in the discourse of I.A. Ilyina* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).

9. Chepkova, T.P. (2007). Linguistic status of composite names of the Russian language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 20, 162–168. (In Russ.).
10. Kozhin, A.N. (1969). Compound names in Russian (on the basis of military business vocabulary). In: *Thoughts on the modern Russian language: a collection of articles*. Moscow. pp. 31–46. (In Russ.).
11. Burov, A.A. (1999). *Syntactic aspects of substantive nomination in modern Russian*: in 2 parts. Pyatigorsk. (In Russ.).
12. Starodubets, S.N. (2005). “Russian idea” as a basic concept of the religious philosophy of the Russian abroad in the first half of the twentieth century. *Lecturer. XXI Century*, 4, 41–46. (In Russ.).
13. Kulikov, V.G. (2008). Cognitive-matrix analysis of dialect units. In: *Principles and methods of cognitive language research: Collection of scientific papers*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ. pp. 73–86. (In Russ.).
14. Peskov, A.M. (2007). Russian idea of Russian literature. S.P. Shevyrev. Psychological aspects of Russian historiography. In: *“Russian idea” and “Russian soul”: Essays on Russian historiography*. Moscow: OGI. pp. 56–72. (In Russ.).
15. Boldyrev, N.N. (2016). *Cognitive Linguistics*: Monograph. Moscow–Berlin. (In Russ.).
16. Boldyrev, N.N. (2008). Principles and methods of cognitive language research. In: *Principles and methods of cognitive language research: Collection of scientific papers*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin Press. Pp. 11–29. (In Russ.).
17. Boldyrev, N.N. (2004). Conceptual space of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*, 1, 18–36. (In Russ.).
18. Timofeev, S.E. (2018). Ideologeme “Russian world” in modern political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 186–200. (In Russ.).
19. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.).
20. Vorobyov, V.V. (2006). Russian idea as a linguoculturological concept. In: *Linguoculturology*. Moscow: RUDN Publ. pp. 147–155. (In Russ.).
21. National corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 01.02.2021). (In Russ.).
22. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). Modeling the content of the concept (cognitive interpretation of the results of linguistic research). In: *Problems of representation (representation) in language. Types and formats of knowledge: Collection of scientific papers*. Moscow–Kaluga: Eidos. pp. 322–329. (In Russ.).
23. Denisenko, V.N. (2012). The general meaning of units of the semantic field: the formation and content of the concept. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 12–15. (In Russ.).
24. Starodubets, S.N. (2021). Ideological appraisal and ideological connotation of compound names. In: *Russian language in a multicultural world: Collection of scientific papers of V International Symposium, International Festival “The Great Russian Word”*: in 2 vols. E.Ya. Titarenko (Ed.). Simferopol. pp. 246–251. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Стародубец Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове); сфера научных интересов: политическая лингвистика, медиалингвистика, корпусная лингвистика, дискурсология; e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3135-6678; SPIN-code: 1485-6411

Белугина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове); *сфера научных интересов*: анализ дискурса, диалектология, политический дискурс; *e-mail*: OBelugina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1081-234X; SPIN-code: 9810-5917

Колегова Оксана Юрьевна, аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского; Старший преподаватель кафедры английского языка N 4 МГИМО МИД РФ; *сфера научных интересов*: политическая лингвистика, корпусная лингвистика, дискурсология; *e-mail*: troy79@mail.ru

Information about the authors:

Svetlana N. Starodubets, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); *Research interests*: political linguistics, media linguistics, corpus linguistics, discourse studies; *e-mail*: starodubets.madam@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3135-6678; SPIN-code: 1485-6411

Olga V. Belugina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); *Research interests*: discourse analysis, dialectology, political discourse; *e-mail*: OBelugina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1081-234X; SPIN-code: 9810-5917

Oksana U. Kolegova, PhD of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); Senior Lecturer at the Department of English Language N 4 MGIMO; *Research interests*: political linguistics, corpus linguistics, discourse studies; *e-mail*: troy79@mail.ru

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

LANGUAGE AND SOCIETY

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382

EDN: NUKXHP

UDC 316.77:003:811.111'373.612.2:32

Research article / Научная статья

Polycode Representation of Kinesthetic Phrasemes: Metaphorical and Semiotic Perspectives

Tatiana Yu. Tameryan¹ , Irina A. Zyubina² , Natalia N. Kislitsyna³

¹North Ossetian State University,
44–46, Vatutin str., Vladikavkaz, Russian Federation, 362025

²Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006

³V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Russian Federation, 295007

 tamertu@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of somatic metaphor in the political communication, considered as a syncretic metaphorical-semiotic structure, which serves as one of the ways to encode ideological, cultural, evaluative, emotional, argumentative and other types of meanings. The necessity for a detailed analysis of the implementation of the actional code in the media political space was dictated by the need to study the mechanisms of interaction between kinesthetic and linguistic signs as powerful means of persuasion and effective impact on the readership. The study is based on an integral semiotic approach which involves the use of semantic-cognitive analysis, discourse analysis, content analysis, methods of contextual interpretation and conceptual metaphorical modeling, as well as the involvement of interdisciplinary information of the fields of cultural studies, sociology, psychology of communication and political science. The material of the study is represented by electronic mass media analytical and news reports on the political subjects with the focus on verbal and non-verbal somatisms. It was found that the system of archaic ideas and ritual actions determines the metaphorization and symbolization of related and free phraseological formations, the origin of which is due to the markedness of the elements of the non-verbal body code. Intercultural analogy and pragmatic parallelism of non-verbal and verbal representations of somatic units along with semiotic interpretation of the original meaning is revealed. Differences in communicative pragmatics and axiology of somatisms identical in structure and content in the intercultural aspect are characterized. Techniques for constructing the external and internal syntax of the actional code are described, models for assembling kinesthetic

©Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Kislitsyna N.N., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

phrasemes into gestalt are demonstrated, and algorithms for unpacking/decoding of their meaning are demonstrated. The synergy of verbal and actional languages of communication in the construction of a cognitive-linguistic picture of the political world is noted.

Keywords: semiosis, metaphor, actional code, somatism, political communication, cultural differences

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Tameryan, T.Yu., Zyubina, I.A. & Kislitsyna, N.N. (2023). Polycode Representation of Kinesthetic Phrasemes: Metaphorical and Semiotic Perspectives. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 365–382. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382>

Поликодовая репрезентация кинестетических фразем: метафорико-семиотический ракурс

Т.Ю. Тамерьян¹ , И.А. Зюбина² , Н.Н. Кислицына³

¹Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46

²Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

³Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

 tamertu@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ соматической метафоры в пространстве политической коммуникации, рассматриваемой в качестве синкретичной метафорико-семиотической структуры, служащей одним из способов кодирования идеологического, культурного, оценочно-эмоционального, аргументативного и других типов смыслов. Необходимость детализированного анализа реализации акционального кода в медийном политическом пространстве была продиктована отсутствием системного описания механизмов взаимодействия кинестетических и языковых знаков, являющихся исключительно значимыми средствами персуазии и эффективного воздействия на читательскую аудиторию. Исследование опирается на интегральный семиотический подход, предполагающий использование семантико-когнитивного анализа, дискурсивного анализа, контент-анализа, метода контекстуальной интерпретации, а также метода концептуального метафорического моделирования. Привлечение междисциплинарных сведений из области культурологии, социологии, психологии, коммуникации и политологии призвано решить проблему фрагментарности применения узкоспециализированной методологии для анализа репрезентации кинестетических фразем с когнитивных позиций. Материалом исследования послужили информационно-аналитические и новостные сообщения электронных массмедиа политической тематики, содержащие вербальные и невербальные соматизмы. Было установлено, что система архаичных представлений и ритуальных действий обуславливает метафоризацию и символизацию связанных и свободных фразеологических образований, происхождение которых обусловлено маркированностью элементов невербального телесного кода. Выявлена интеркультурная аналогичность и прагматический параллелизм невербальных и вербальных репрезентаций соматических единиц наряду с семиотической интерпретацией исходного

значения. Охарактеризованы расхождения в коммуникативной прагматике и аксиологии идентичных по структуре и содержанию соматизмов в межкультурном аспекте. Описаны приемы построения внешнего и внутреннего синтаксиса акционального кода, продемонстрированы модели сборки кинестетических фразем в гештальт и продемонстрированы алгоритмы распаковки/декодирования их смысла. Зафиксирована синергия вербального и акционального языков коммуникации при построении когнитивно-языковой картины политического мира.

Ключевые слова: семиозис, метафора, акциональный код, соматизм, политическая коммуникация, культурные различия

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Kislytsyna N.N. Polycode Representation of Kinesthetic Phrasemes: Metaphorical and Semiotic Perspectives // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 365–382. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382>

Introduction

An integral part of modern communication belongs to political communication as an interdisciplinary trend that develops at the intersection of political science, sociology, communication science and linguistics. One of the forms of its implementation is the media discourse as the most important channel and means of persuasion that influences the interpretation of socially significant events and lays down patterns and guidelines for evaluation in civil society [1].

The British researcher J. Thomson developed a social theory of communication means and their impact on the formation of societies in the context of global communication networks: the development of the media has changed the spatial and temporal structure of social life, creating new forms of action and interaction viewed from various aspects of personal experience and self-education to the changing nature of power in public domain. J. Thomson proposed a linear model of political communication, including an intermediary between the communicator and the recipient and representing three levels: technical channels for transmitting information (technical level); verbal and non-verbal codes of communication (semantic level) and the degree of information influence on human consciousness (influential level) [2].

The linguistic space of political communication is characterized by a significant presence of affective linguistic means, which is due to the pragmatics of persuasiveness on the part of the messaging author, aiming at manipulative influence on the recipient in order to accept a certain social and humanitarian position or develop an assessment promoted by the author [3].

Possessing a multifaceted content, the metaphor concentrates the quintessence of the semantic content of analytical or news media material, forming in the reader's

audience an idea of the political situation or event in the country and the world planned by the addressee, unfolding the historical and cultural background and the national specifics of mentality.

Based on a broad interpretation of the phenomenon of political discourse, the metaphorical models analyzed in this study are hereby considered by us as multi-genre explicators of the political sphere of communication. Conceptual metaphors are considered as effective models for the implementation of the persuasion pragmatics.

The purpose of the article is the explication of the cognitive mechanisms of polycode communication, considered as layering on the main verbal channel of multicode communicative units that convey the multidimensional meanings of argumentative statements through a multidomain somatic metaphor used in the sphere of political communication.

Fragments of information-analytical and news reports of electronic mass media of political subjects, containing verbal and kinesthetic somatisms, served as **the research material**.

Research methods

The following methods and approaches are used as the methodological basis of the research: semiotic approach, semantic and cognitive analysis, discourse analysis, content analysis, contextual interpretation method, conceptual metaphorical modeling method.

Results and Discussion

Metaphor is one of the types of semiological signs that have a polycode potential, due to which metaphorical images exploit the verbal and non-verbal symbolism of the semiotic continuum. The key structural and semantic functions of metaphor in the composition of articles are those ones: representation of the political discourse concept; condensing the meaning as the title, expanding the argumentative and evidence block of the article; generalization of the meaning of the article in the form of the conclusion; explication and/or implication of the evaluation; forming the emotional tone of the presented material and the reference to cultural symbolism.

The active development of metaphorology began in the second half of the twentieth century. During this period, several theories of metaphor developed, which served as the basis for creating a number of classifications according to various parameters.

It is customary to distinguish several types of metaphors. Let us consider some of them. The figurative language metaphor reflects obvious signs, giving a new meaning to a well-known language unit, being used as a stylistic device [4]. Literary metaphor is a unique phenomenon, serving to create the author's aesthetics of the

text. Cognitive metaphor is a mental operation, a way and mechanism of cognition and structuring of knowledge and experience about one conceptual area through another [5].

V.N. Teliya reveals indicative, predicative, evaluative, emotive and figurative metaphors, the formation of which in some cases leads to the formation of a new meaning: in an indicative metaphor, similarity prevails over identity; in an expressive-figurative metaphor, similarity is given the appearance of identity; in an expressive-evaluative metaphor used for the explication of non-objective entities through objective ones by replacing real similarity with similarity to ideal concepts [6. P. 193].

Similar views on the nature of metaphor were expressed by Ch. Bally: “We liken abstract concepts to objects of the sensory world, because for us this is the only way to know them and acquaint others with them <...>. A metaphor is <...> a comparison in which the mind, under the influence of a tendency to bring together an abstract concept and a specific object, combines them in one word” [7. P. 89-90].

N.D. Arutyunova, in addition to a linguistic nominative metaphor, in which one meaning is replaced by another, and a figurative metaphor created as a result of the transition of an identifying meaning into a predicative one, proposes to single out a generalizing metaphor as an incentive for the development of logical polysemy, in which the boundaries of lexical meanings and logical order are reduced [8. P. 366].

Thus, such aspects were proposed for the analysis of metaphor as a purely linguistic phenomenon as nominative and subjective, formally logical, psychological and linguistic [9. P. 5].

To a lesser extent, the definition of a metaphor in the framework of epistemology is widespread. J. Ortega y Gasset reads: “We need a metaphor not only to make our thought accessible to other people thanks to the name we have received; we ourselves need it in order for the object to become accessible to our thought. Metaphor is not only a means of expression; metaphor is also an important tool of thinking [10. P. 71].

M. Black proposed to consider the metaphor from the point of view of the interactionist approach, introducing the parameter of interactionist characteristics. Its essence lies in the fact that a system of associated implications connected with an auxiliary subject is attached to the main subject [11. P. 168].

The images that arise in the mind are due to the psychophysical characteristics of perception, memory, imagination, intuition, and human experience. “Metaphors as linguistic expressions become possible precisely because there are metaphors in the human conceptual system” [12. P. 390]. G. Lakoff and M. Johnson, within the framework of cognitive semantics, propose a theory of conceptual metaphors that can form consistent conceptual structures of a more global level — cognitive models.

From a cognitive position metaphor is defined as one of the main mental operations, as a way of knowing, representing and storing knowledge in the framework

of perception, categorization, classification, evaluation and understanding of the world [13. P. 34].

Metaphorization serves as a mechanism for re-categorizing known phenomena and existing ideas, as a way of transforming cognitive and linguistic pictures of the world. The metaphorical representation of spaces contains colossal creative, ludic and aesthetic potential. G. Lakoff believes that the locus of metaphor is not at all in the language, but in how we conceptualize one mental area in terms of another area. The word “metaphor” began to denote the mapping of mental areas within our conceptual system [14. P. 203].

Zoltan Kövecses classifies conceptual metaphors from the standpoint of conventionality, according to functions, nature, and level of generality into structural, ontological and orientational metaphors [15. P. 29].

Metaphorization in cognitive clarification is the interaction of two knowledge structures — the cognitive structure of the source (source domain) and the cognitive structure of the target (target domain). This process assumes that individual areas of the target are structured according to the pattern of the source domain, that is, a metaphorical projection or cognitive mapping is carried out. Cognitions in the source area are organized in the form of schema-images — cognitive structures that are constantly reproduced in the process of human interaction with reality. Thus, new knowledge emerges from profiling some properties of the source not represented or hidden in the target area. Conceptual metaphors are able to form conceptual structures of a more complex level — cognitive models that are close in their characteristic structure to *gestalts*.

Therefore, the essence of cognitive metaphor involves a categorical shift and consists in comprehending phenomena of one kind through phenomena of another kind. In metaphorical transfer, one conceptual area is mapped onto (or, in other words, projected into) another. In this case, as a rule, not a stand-alone concept is displayed, but a whole conceptual structure: a frame or a script. Western researchers designate this process by the term ‘mapping’. G. Fauconnier, in particular, defines it as a relationship between two sets of conceptual components, according to which each component from the first set is assigned a correspondence from the second. The projection of one conceptual structure into another, defined as a relationship between two sets of conceptual components, when the components from the first set are matched in the second, is called mapping [16. P. XXV]. Such “mappings are a set of fixed conceptual correspondences that exist between constituent elements of the source and the target domain” [15. P. 12].

M. Turner and G. Fauconnier proposed to expand the two-domain model of metaphor with several spaces (many-space model), introducing two middle spaces into the study of cognitive metaphor. Thus, in contrast to the two conceptual domains in the theory of G. Lakoff and M. Johnson, it is proposed to consider four mental spaces: two initial spaces (input spaces), a common space (generic space) and a

mixed space (blended space) or blend. The number of input spaces associated with the source sphere and the target sphere is not limited. The shared space contains the roles, frames, and schemas inherent in each source space, i.e. serves as the basis of metaphorization at the most abstract level. Blend creates a new conceptual structure that has its own potential for development [17. P. 54–56].

In our study, we proceed from the concept of a multi-domain metaphorical structure as an algorithm for the endless generation of meanings.

The study of the polycode phenomenon in linguistics has been the focus of research attention since the second half of the 20th century (G.V. Eiger, V.L. Yukht; Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov; E.E. Anisimova; A.G. Sonin, V. E. Chernyavskaya, N. A. Kuzmina, M.B. Voroshilova, etc.). A polycode or multicode text is commonly understood as a text in which the message is encoded by semiotically heterogeneous means — verbal, visual, audio, and also non-verbal components. Thus, polycode is interpreted as the integrativity of message channels that form an integral structure of a text. These are information transmission codes, according to U. Eco [18. P. 57].

The authors' interpretation of polycode lies in the fact that other codes or ciphers are embedded in the basic verbal channel of information transmission — cultural, actional (ritual, traditional), behavioral (protocol), bodily (kinesthetic) and others. Within the framework of the study, the specifics of mass media codes and regulatory codes of professional political communication are significant. The conventionality of codes can be limited by cultural identity, professional environment, sphere of communicative interaction, age and gender characteristics, and other characteristics; at the same time, universal characteristics of coding also appear. From a semiotic point of view, both the assembly of code implementations into a message and their decoding are multifactorial, so the range of their unpacking varies from superficial reading to multivariate interpretation.

The authors also proceed from the modern interpretation of a communicative or pragmatic phraseme, which in discursive studies is understood as a communicative unit/communicative formula. Phrasemes in this study are presented as communicative units of various codes, filling situationally conditioned statements with content. At the same time, set phrases are one of the numerous explicators of phrasemes.

Physicality is seen as an integral part of culture. Based on the ideas of M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky about the sign and symbol and the theory of sign systems of A.A. Reformatsky, G.E. Kreidlin explored the **kinesthetic** aspects of communication, integrating verbal and non-verbal units of the communication semiotics [19. P. 581].

The focus of our attention is a parallel analysis of verbal and non-verbal communicative units and complexes of a metaphorical-semiotic nature, functioning in a communicative act.

In speech acts of political communication, various methods of creative processing of phraseological units are used through a language game: quantitative transformation of the structure in terms of adding or truncating their components,

replacing the component composition while maintaining the structure, playing around with the meanings of the unit's individual elements, etc.

The cognitive mechanisms of modern polycode communication operate under the conditions of a new paradigm that incorporates the synesthesia of codes, modes and channels of communication.

The emergence of cultural codes is associated with the most ancient archetypal ideas about the person's world, role, place and being in this world. The secrecy of codes formed on verbal, subject and actional platforms, which was originated in folklore ritual traditions, is most clearly manifested in the cognitive and communicative canvas of digital mass media.

The general socio-cultural context and political situation are involved in deciphering the stated phraseological unit in each fragment of the news discourse from the standpoint of a cognitive approach, in which linguistic facts and phenomena are studied through the prism of cognitive activity, when behind the "processes of linguistic reproduction and creativity there are general cognitive processes of derivational nature, having analogues in the culture as a whole, i.e. processes of conceptual derivation associated with the development of a conceptual system and the formation of a general and linguistic picture of the world" [20. P. 57–58].

The body code of culture contains a significant hermeneutic potential for the study of language, culture and society. The continual semiosis of a linguistic sign within the anthropic somatic code demonstrates the dynamics of perception of the image of the world.

S.N. Bredikhin considered kinesics and mimesics in a formulaic performative act in terms of the interaction of communicative codes [21. P. 12–21].

Reflection on the body, its parts, forms, structure, features and functions served as a source of conceptualization of the world and structuring of space as a whole. Motivational archaic worldview is organized topically, which is due to the primacy of visual perception.

Legs are a chthonic symbol denoting the connection of a man with the earth and natural energy in cosmogonic myths about the creation of the world. In the archaic division of the world, legs represent the bottom, the lower worlds. The orientation of the legs to the ground and the connection with the plant world give them a chthonic character. Functionally, the lower limbs, legs, symbolize support, stability and movement.

The specific postures of the actional code can be axiologically marked or convey neutral semantics in each culture [22]. The habit of putting legs on the table among Americans is associated with the times of the Wild West, when cowboys who were in the saddle for a long time needed to unload their legs, normalize blood flow in the lower extremities, and, in addition, it was an opportunity to demonstrate their status, they boasted expensive boots. The manners of the New World which did not differ in excessive moralizing have been preserved in the conventional behavior of the Americans.

The table in the Russian tradition is associated with ritual actions, it has a sacred status. In folk tradition, the table was likened to a church altar, was considered the hand of God, giving bread, the hand of the Mother of God, stretched out to people. The table is the center of the family hearth, a ritualized place for a family meal, accompanied by praying and gratitude to the Lord. Behavior at the table and attitude to the table is associated with signs and beliefs. The surface of the table and the space under it are interpreted in accordance with the archaic worldview and the evaluative qualification of the world order as *top — bottom, holiness — sinfulness* [22; 23. P. 223–242]. Thus, in the Russian Orthodox tradition and folk beliefs, the table personifies the sacred center of the dwelling, an integral part of the model of the world.

The result of the mentioned above cultural excursion is the conclusion that the table for the Russians is an object and a locus that concentrates spiritual values reflected in ritual behavior. Therefore, the appearance of the saying *allow a pig at table to sit and it'll put on the table its feet* (*posadi svin'yu za stol, ona i nogi na stol*) [24] is natural, it conveys a violation of the norms of behavior, a low level of education, and, in addition, shows a person who abuses the goodwill of others, acting solely for selfish purposes.

The semiotics of the table, close to Russian, also takes place in the Eastern tradition, where the pose with legs on the table is a non-verbal statement: *you are dirt on my shoes* or *kiss my shoes*. Whereas in the American kinesthetic code legs on the table is not a pragmatically marked phrase, since the table in the American mentality and value system is not considered as a special locus. This kind of cultural discrepancy with diplomatic etiquette non-compliance by the American side has repeatedly caused international scandals, for example, the former US President Barack Obama was repeatedly shown with his legs being put on the table.

Thus, Israel was offended by a photograph of Barack Obama taken during his telephone conversation with Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu.

“On it, the US President, whose State Department does not hesitate to be rude to other countries of the world, is filmed in an openly lordly and insulting pose — he leaned back in his chair and put his legs on the table, showing Israel his soles” (<https://newsland.com/post/2925451-obama-oskorbil-polmira-nogami-na-stole>. 17.08.2014).

The official representative of the Ministry of Foreign Affairs believes that in the United States they have returned to the cowboy times of the Wild West period in the international arena, where the observance of rules, traditions, formalities, and the attitude towards symbols have faded into the background. America's attitude to existing norms and traditions is characterized by the phrase *Take it or leave it*, i.e. they demand to be accepted as they are. They operate on the principle of convenience and functionality for themselves.

Note that in the English idioms of sports origin, a higher position of the legs in relation to the earth's surface, i.e. along the 'bottom — up' axis, means an advantage over someone: *to get a leg up, to have a leg up on someone* [25].

“Recently, **the United States** has abandoned the traditional form of behavior in foreign policy and **put its legs on the world table**” (https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/31_a_12893198.shtml 31.12.2019).

According to the ancient metonymic identification of the part and the whole, the legs, as an inseparable part of the body, replace a person in the totality of his/her manifestations.

In the metaphorical-semiotic complex, **the USA put its legs on the world table** on the basis of double personification as a special case of a metaphor according to the ‘legs→ person→ USA’ model, the subject of the action is formed, and the predicate in this case is **put its legs on the table**. A metaphorical statement of multipolar evaluativity, concretizing the figurative definition of the world, demonstrates the scale and scope of behavior that offends other countries, which is associated for the United States with the authoritarianism that they show, attributing to themselves the role of an absolute world leader.

During the St. Petersburg International Economic Forum, the President of the Russian Federation answered the discussion moderator Megyn Kelly’s question about relations between Russia and the United States as follows:

“**They got into our internal politics with their legs, sat on our heads, hung down their legs and chew a gum. They just having fun. This is a systematic, over the years, rude, absolutely unceremonious interference directly into our domestic politics, including at the level of diplomatic departments**” (<https://www.business-gazeta.ru/news/347709>. 2.06.2017).

The kinesthetic semiotics of the phraseological unit *to get somewhere with one’s legs* is based on an actional metaphor which means a violation of etiquette in a public place.

The figurative construction *to sit on the head* refers to the cultural code of the somatism *head*, associated with the control of the body, activity, and actions of the individual. The torso is usually associated with the bodily, physical component, and the head with the mind, consciousness. The dominant socio-cultural understanding of the head in the structure of the somatic whole is dominance, strength and power, while it does not matter on what side — good or evil. V.A. Maslova describes modern ideas about the head which indicate the operational abilities of a person to process information [26. P. 132].

Multi-headed creatures are found in ancient myths, religions and folklore. In Slavic beliefs and ideas: the pagan deity Triglav; three-headed dragon Zmey Gorynych; Chudo-Yudo, having a number of heads that is multiple of three — three, six, nine or twelve; in the Caucasian myths it is the cyclops Uaigi from the Ossetian mythology, etc.

Thus, *to sit on someone’s head* means to take over someone, to subordinate to someone’s own will [27]. *To sit on someone’s head* and at the same time *to hang down someone’s legs*, sitting comfortably, means forcing the world community, including Russia, to pursue American political goals and satisfy the ambitions of

global domination. The complex image is completed by *chewing a gum* as a symbol of rudeness, uncivilized behavior and permissiveness.

As is known, the United States became a superpower thanks to economic success, which was largely provided by immigrant inventors or American entrepreneurs who used other people's inventions. The same thing happened with a chewing gum.

Pieces of resin from coniferous trees or beeswax have served as affordable means for cleansing the oral cavity since ancient times. The Mayan tribes used hardened hevea juice — chicle — as chewing gum, it gives a natural gum known as rubber. From the juice of a rubber plant brought to America from Mexico for sale, chewing gum was 'cooked' and patented in 1869. Many types of chewing gum can be blown into bubbles, which gave the name 'bubble gum', that is, 'rubber for bubbles'.

If chewing a gum is entertainment for children and teenagers, indicating belonging to a certain group, then chewing a gum by adults in public places is regarded as bad manners. At the same time, social psychologists note that the use of chewing a gum, which is certainly a manifestation of bad taste, on the one hand, relaxes and calms in a state of increased nervousness, on the other hand, leads to the manifestation of aggression.

There is a transformation of the first part of the saying *put the pig to the table...* and the implicit omission of the second part in the article "Put Obama to the table..." about his visit to India:

"Well, yes, how can you not be nervous when your "worst partner" technique is in front of you? Although journalists believe that Obama is simply an "inadequate egoist": after all, he chews gum at all major events!" (<https://big-rostov.ru/posadi-obamu-za-stol/> 17.08.2014).

Now ex-US President Barack Obama, who was present in India at the Republic Day parade, lost his nerve when he had to watch the mass of Russian equipment in service with Delhi. The parade began with a flyby of the Russian military aircraft and the appearance of the Russian-made green and yellow T-90 tanks. In addition, Obama was reminded that the Indian aircraft carrier *Vikramaditya* was the former Russian cruiser *Admiral Gorshkov*.

"The editor of the Hindustan Times, Sonal Kalra, suggested that Obama was on edge. During the live broadcast of the event, the head of the United States was shown chewing gum even during the playing of the Indian anthem. Maybe he's nervous?" (<https://matveychev-oleg.livejournal.com/1906046.html> 26.01. 2015).

Constantly chewing a gum during international meetings and negotiations, even during the G20 summit, the ex-US president again insulted not only thousands of Indians, but also outraged his compatriots:

The article *'Obama insulted half of the world with his legs on the table'* reports that the world had been already shocked by the US president behavior at the celebrations in honor of the 70th anniversary of the Allied landing in Normandy — it offended the French, British and Russians. Then during the whole ceremony,

Barack Obama ... **was chewing a gum**. It was so open, even ostentatious — moving the jaws and almost blowing bubbles (<https://newsland.com/post/2925451-obama-oskorbil-polmira-nogami-na-stole> 17.08.2014).

The American expression **‘to walk and chew gum’** means to do several things at the same time [28]. Joe Biden is sure that the American political establishment should put its own rules in both domestic and foreign policy:

*“By the way, we should be able, it's a hackneyed expression, **to walk and chew gum at the same time**. There are aspects where it is in our common interest to work together. That's why I agreed to renew the Treaty on the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms with him. This happened when he was already doing all this, but the extension of the treaty was, first of all, in the interests of humanity”* (<https://www.vesti.ru/article/2538041> 17.03.2021).

Continuing the theme of the American world government, retired Lieutenant General Keith Kelloggstall, during the Senate hearings on the Armed Forces of the US Congress, stated the following:

*“It is better if we fight the overseas enemy without the involvement of American troops. By the way, Ukraine does not need our soldiers. Everyone with whom I spoke is confident that the country is capable of winning this fight on its own, with all the necessary tools. The American people need to be told: **you can walk down the street and chew gum at the same time**, so we need to solve problems both inside the United States and abroad”* (<https://www.vesti.ru/article/3234102> 05.03.2023).

But in relation to the common American people, the expression **‘to chew gum’** takes on a different meaning: not to think about anything, to live an asocial life, since the American aristocracy does not take into account the opinion of the people at all:

*“The business of the lower stratum of society is **to chew gum** and vote for whom they will say in elections”* (<https://iz.ru/news/607404.24> 03.03.2016).

The examples analyzed above reveal not only the behavioral semantics of chewing a gum, which is neutral for Americans, but also its positive association with some activity, just as the verb ‘go’ means a kind of movement and a purposeful action.

So, by collecting into a single whole behavioral signs based on actional metaphor and contextual culturological marking, phrase-by-phrase statements *with their legs got into our internal politics* | *sat on our heads* | *legs hung down* | *and chew a gum*, we build the architectonics of a complex metaphorical-semiotic image [24].

The idiom *to wipe one's legs on someone* [29] goes back to the archetypal oppositions ‘up — down’ and ‘clean/holy — dirty/sinful’, in which the opposition is built, on the one hand, on the spatial arrangement of the participants in the situation, when the winner or ruler occupies the upper position, the defeated or the humiliated person is below, at the level of his legs. Gestures of superiority and overthrow of the enemy were initially realized physically aggressively: the most ancient image

of the winner is shown at the moment when he puts his foot on the back of the defeated enemy, symbolically securing his conquest, or the master and lord kicks and tramples his servant and subordinate.

Dust and dirt on the soles symbolically correlate with the moral impurity of a person, thus deliberate humiliation, a demonstration of neglect and superiority over another person is likened to the process of soiling him/her with mud, wiping his/her feet on him. Such manifestations in the language of gestures in the spiritual code of culture are evaluated as vile deeds.

Consequently, the figurative expression *to wipe one's feet on someone* contains a metaphor based on the symbolic function of the feet as a means of moral humiliation and psychological suppression. For example, Vladimir Putin, considering the attitude of the United States towards the European Union as insulting and humiliating for the unification of European states, said that

“the European Union allowed Washington to wipe its feet on it. He expressed this opinion at a meeting of the Council for Strategic Development and National Project’s” (<https://www.rbc.ru/politics/15/12/2022/639b20f89a79475863548296> 15.12.2022).

The phrase *to wipe one's feet on someone* in everyday communication conveys a neutral connotation. But a political non-verbal act of insult is the gesture of wiping your feet on the flag of the self-proclaimed, but already recognized by Russia and a number of other countries (before joining the Russian Federation) of the Donetsk People's Republic. The flag is black-blue-red where black means the fertile land of Novorossia and the coal of Donbass, blue is the spirit of the people and the waters of the Azov Sea, red symbolizes the blood shed for the freedom of the people.

In a video posted on the Web, the Ukrainian delegation wipes its feet on the flag of the DPR at the meeting in the US Congress. The head of the State Duma Committee on International Affairs, Leonid Slutsky, emotionally and evaluatively commented on this with the following words:

“The Ukrainian thugs have staged a disgusting performance for fun in the US Congress. They publicly wiped their feet on the flag of the DPR specially transported across the ocean (it turns out that it is allowed by the American customs)” (<https://iz.ru/1437581/2022-12-08/v-gosdume-nazvali-otmorozkami-vytershikh-nogi-o-flag-dnr-chlenov-ukrainskoi-delegacii>. 12.08.2022).

‘This flag is very good for polishing shoes,’ said the Ukrainian actor who led the delegation, demonstrating with a laugh how he wiped his shoes with the flag and threw it under his feet. And then a delegation of six people diligently tramples, posing for video filming and photographing (<https://www.tvc.ru/news/show/id/255839> 08.12.2022). A flagrant example of disrespect for the free choice of people, American dignitaries did not condemn in any way: Congress representatives laughed and approved of what was happening with joyful exclamations.

The style of non-verbal communication in the political sphere is determined not so much by the psycho-physiological characteristics of its participants, but by the motivation of the chosen strategies and means of their implementation [30]. Playing out before Congress the humiliating scenario of hypothetical dominance in the Donbass and theatrical display of confidence in an American-backed Ukrainian victory were both an act of currying favor with the United States in the hope of getting another military aid package and intensifying hostilities with post-Soviet Russia.

Thus, after analyzing the episode of gestural kinesthetic behavior in the international area, we can conclude that even the symbolism of a visually manifested act of insult, which is situationally decoded as an enantosemantic unit of non-verbal communication, contains the potential for semantic multivariance [31].

Conclusion

The study of the synergy of the verbal and non-verbal body sign code as a combination of several sign subsystems (gestures, facial expressions, postures, etc.) in the construction of a metaphorical-semiotic fragment of the political picture of the world made it possible to formulate a number of regularities.

The primacy of kinesthetic signs in relation to their fixation by means of natural language is confirmed.

Within the same culture between the units of the verbal and non-verbal sign systems, there is an initial semantic proximity and functional identity of pragmatics.

The symbolization of certain parts of the body and related actions, movements and positions, going back to archaic ideas and explicated to modern reality, formed the basis for the formation of related and free word combinations, connotated positively or negatively.

The nomination of physiological movements and non-verbal signs by linguistic units is used to literally designate a certain gesture and / or signs of an actional code can undergo metaphorical or symbolic rethinking. Cross-cultural analogues demonstrate a partial coincidence of the semiotics of representations that describe the body and its functioning in different languages and non-verbal codes. The conventional and pragmatic characteristics of the communicative units of actional codes in different cultures and languages also do not demonstrate a complete coincidence of the basic prototypical features.

The external syntax of physically or metaphorically represented gestures is built as a chain of kinesthetic phrases that create a complete image of several frames. Kinesthetic elements can be lexicographically fixed phraseological units or free language units used for verbal illustration of semiotically distinguished actions. Unpacking of the meaning of complex sign formations in political discourse is carried out not only through the application of special linguistic procedures, but also taking into account sociocultural, psychological and ideological factors.

References

1. Kalinin, O.I. & Ignatenko, A.V. (2022). Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Russian, English and Chinese Media Texts of Informational and Influencing Nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1062–1082. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>
2. Thompson, J.B. (1995). *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge: Polity.
3. Kislitsyna, N.N. & Secret, K.A. (2022). Statistical representation of the volatility of scientific interest to the category of persuasiveness as a subject of linguistic research. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*, 2, 143–152. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-143-152> (In Russ.).
4. Kislitsyna, N.N. & Melnichenko, T.V. (2020). The Use of the Metaphor's Connotative Potential for Constructing a Woman Politician's Image (In English-Language Mass Media). *Bulletin of Tomsk State University Journal of Philology*, 65, 92–108. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/6> (In Russ.).
5. Vardzelashvili, Zh.A. (2002). On the dual essence of metaphor. In: *St. Petersburg State University and Tbilisi State University. Scientific works. Serie. "Philology"*. Iss. IV. Saint Petersburg–Tbilisi. pp. 66–77. (In Russ.).
6. Teliya, V.N. (1988). Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world. In: *The role of the human factor in language: Language and language picture of the world*. Moscow: Nauka. pp. 173–204. (In Russ.).
7. Bally, S. (2001). *French style*. Moscow: URSS. (In Russ.).
8. Arutyunova, N.D. (1988). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
9. Sklyarevskaya, G.N. (1993). *Metaphor in the system of language*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
10. Ortega y Gasset, H. (1990). Two great metaphors. In: *Theory of metaphor: collection*, D.N. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (eds.). Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Black, M. (1984). *Metaphor*. N.Y.
12. Lakoff, D. & Johnson, M. (1990). Metaphors we live by. In: *Theory of metaphor: collection*, D.N. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (eds.). Moscow: Progress. Pp. 387–415. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S. (1994). The initial stages of the formation of cognitivism: Linguistics — Psychology — Cognitive Science. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 34–47. (In Russ.).
14. Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. In: *Metaphor and Thought*, A. Ortony (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press. pp. 202–251.
15. Kovecses, Z. (2002) *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.
16. Fauconnier, G. (1985). *Mental Spaces*. Cambridge: MIT Press.
17. Chudinov, A.P. & Budaev E.V. (2007). Cognitive theory of metaphor at the present stage of development. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 54–56. (In Russ.).
18. Eco, U. (2006). *Missing structure. Introduction to semiology*. St. Petersburg: Symposium. (In Russ.).
19. Kreidlin, G.E. (2004). *Non-verbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
20. Boldyrev, N.N. (2021). The phenomenon of productivity in culture and language. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 57–69. (In Russ.).
21. Bredikhin, S.N. & Burgakova, L.Dzh. (2020). Performatives and prescriptives as markers of conventional-final component in ludic discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 12–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-12-21>
22. Denisova, G.L. (2021). Valuation Component of Metaphor UP vs. DOWN in German Political Cartoon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 559–575. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575> (In Russ.).
23. Toporkov, A.L. (1985). The origin of the elements of table etiquette among the Slavs. In: *Ethnic stereotypes of behavior*. Leningrad. pp. 223–242. (In Russ.).

24. Michelson's Big Explanatory Phraseological Dictionary. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8221/посади (accessed: 15.03.2023). (In Russ.).
25. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/have-a-leg-up-on> (accessed: 10.03.2023).
26. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow. (In Russ.).
27. Small academic dictionary. URL: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-73273.htm> (accessed: 11.02.2023). (In Russ.).
28. The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/walk+and+chew+gum> (accessed: 12.03.2023).
29. Phraseological dictionary of the Russian literary language. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/searchall.php?SWord=вытирать+о+кого-либо+ноги+&from=ru&to=xx&did=universal_en_ru&stype= (accessed: 15.03.2023). (In Russ.).
30. Tameryan, T.Yu., Zyubina, I.A. & Zheltukhina, M.R. (2022). Polycode as a strategic resource of intercultural communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 750–768.
31. Tameryan, T.Yu. (2013). Interdiscursive metaphorical models. *Cognitive studies of language*, 14, 236–240. (In Russ.).

Библиографический список

1. Калинин О.И., Игнатенко А.В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>
2. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge: Polity, 1995.
3. Кислицына Н.Н., Секрет К.А. Статистическое представление волатильности научного интереса к категории персуазивности как объекту лингвистических исследований // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 143–152. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-143-152>
4. Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Реализация коннотативного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика (на материале англоязычных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 92–108.
5. Вардзелашивили Ж.А. О двоякой сущности метафоры // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Сер. «Филология». Вып. IV. СПб–Тб., 2002. С. 66–77.
6. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
7. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
9. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
10. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник: общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс. 1990.
11. Black M. *Metaphor*. N.Y., 1984.
12. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
13. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
14. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought* [ed. by A. Ortony]. Cambridge: University Press, 1993. P. 202–251.
15. Kovecses Z. *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

16. *Fauconnier G.* Mental Spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
17. *Чудинов А.П., Будаев Э.В.* Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 54–56.
18. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2006.
19. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозрение, 2004.
20. *Болдырев Н.Н.* Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
21. *Бредихин С.Н., Бургакова Л.Дж.* Перформативы и прескрептивы как маркеры конвенционально-финального компонента в людическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 12–21. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-12-21>
22. *Денисова Г.Л.* Оценочная составляющая метафоры «верх — низ» в немецкой политической карикатуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 559–575. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575>.
23. *Топорков А.Л.* Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223–242.
24. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/8221/посади (дата обращения: 15.03.2023).
25. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/have-a-leg-up-on> (дата обращения: 10.03.2023).
26. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М., 2001.
27. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-73273.htm> (дата обращения: 11.02.2023).
28. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/walk+and+chew+gum> (дата обращения: 12.03.2023).
29. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://universal_en_ru.academic.ru/searchall.php?SWord=вытирать+о+кого-либо+ноги+&from=ru&to=xx&did=universal_en_ru&stype= (дата обращения: 15.03.2023).
30. *Тамерьян Т.Ю., Зюбина И.А., Желтухина М.Р.* Поликодовость как стратегический ресурс межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13(3). С. 750–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-750-768>.
31. *Тамерьян Т.Ю.* Интердискурсивные метафорические модели // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 236–240.

Information about the authors:

Tatiana Yu. Tameryan, Prof. Dr. habil. in Philology, Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University; *Research interests*: general and comparative linguistics, cognitive linguistics, psychological linguistics, anthropological linguistics, theory of discourse and intercultural communication metaphorology; *e-mail*: tamertu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus ID: 57110384400; SPIN-code:3901-9652

Irina A. Zyubina, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University (Rostov-on-Don); *Research interests*: pragmatic linguistics, theory of language, theoretical grammar, theory of speech acts, sociolinguistics, theory of discourse, semantics; *e-mail*: iazyubina@sfnu.ru
ORCID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017; Scopus ID: 57194704279; SPIN-code: 5470–5790

Natalia N. Kislitsyna, Dr. habil. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages No. 1, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; *Research interests*: cognitive linguistics, metaphorology, semantics, pragmatic linguistics; *e-mail*: nkislitsyna@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7360-5770; Researcher ID: P-7703-2017; Scopus ID: 57210155186; SPIN-code:8313-1008

Сведения об авторах:

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет; *научные интересы*: общее и сравнительное языкознание, когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса и межкультурная коммуникация, метафорология; *e-mail*: tamertu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus ID: 57110384400; SPIN-code:3901-9652

Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет; *научные интересы*: прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, теоретическая грамматика, теория речевых актов, социолингвистика, теория дискурса; *e-mail*: iazyubina@sfnu.ru
ORCID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017; Scopus ID: 57194704279; SPIN-code: 5470–5790

Кислицына Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, метафорология, семантика, прагмалингвистика; *e-mail*: nkislitsyna@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7360-5770; Researcher ID: P-7703-2017; Scopus ID: 57210155186; SPIN-code:8313-1008

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401

EDN: NUMMVP

УДК 811.161.1:343

Научная статья / Research article

Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертиологии: на примере установления признаков оскорбления

А.А. Лавицкий

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Советская, 18

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
210010, Республика Беларусь, Витебск, ул. М. Шагала, 8А

✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Представлено теоретическое обоснование авторской методики проведения судебной лингвистической экспертизы текста — параметрической триангуляции. Ее суть состоит в привлечении к ранее верифицированному методу параметризации принципов триангуляции — использование нескольких методов для решения одной задачи, а также нескольких источников при работе со словарями и справочными изданиями. Разработанная методика включает три последовательных аспекта экспертной работы: 1) установление параметров идентификации правонарушения, совершаемого вербальным способом; 2) определение перечня методов и алгоритма изучения языкового материала с целью установления соответствия его характеристик заданным параметрам; 3) количественно-качественная оценка результатов исследования. Практические вопросы использования предлагаемой методики подробно рассматриваются на примере экспертизы продуктов речевой деятельности, содержащих признаки оскорбления. Установлено, что исходя из зафиксированного в белорусском законодательстве определения оскорбления идентифицируют параметры атрибутированности (статусное понижение образа объекта речевого воздействия), ненормативности (использование в составе атрибутивных конструкций языковых единиц, относящихся к обценной лексике) и умышленности (чаще всего заменяется в экспертной практике фактологичностью), то есть наличие интенционального желания негативно охарактеризовать объект речевой агрессии. Заключение о соответствии конфликтного текста признакам оскорбления основывается на результатах, полученных при помощи нескольких методов, используемых для изучения текста по каждому параметру: логико-семантический, лексико-центрический и сравнительно-сопоставительный анализ для атрибутированности; словарный, стилистический и жанрово-стилистический анализ для ненормативности; методы синтаксического, прагмалингвистического и контекстуального анализа для умышленности (фактологичности). Представлены примеры изучения фактического материала,

© Лавицкий А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

включающие тексты из авторской практики проведения судебных лингвистических исследований. Актуальность предлагаемой методики доказывается достижением положительного эффекта в нивелировании возможной субъективизации экспертных выводов и повышении уровня их наглядности, а также минимизации допущения неточностей в заключении специалиста.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, параметризация, триангуляция, трансфер, лингвистическая методология, оскорбление, конфликтогенный текст

Финансирование. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

История статьи:

Дата поступления: 01.05.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Лавицкий А.А. Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертизе: на примере установления признаков оскорбления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>

Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult

Anton A. Lavitski

Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
18, *Sovetskaya str.*, Minsk, Republic of Belarus, 220030

Vitebsk Branch of the International University “MITSO”,
8A, *M. Chagall str.*, Vitebsk, Republic of Belarus, 210010

✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The article presents the theoretical substantiation of the author’s methodology for conducting a forensic linguistic examination of the text — parametric triangulation. Its essence is to attract to the previously verified method of parameterization the principles of triangulation — the use of several methods to solve one problem, as well as several sources when working with dictionaries and reference publications. The developed technique includes three consistent aspects of expert work: 1) the establishment of the parameters of identification of the offense committed in a verbal way; 2) determination of the list of methods and algorithm for studying language material in order to establish the compliance of its characteristics to the specified parameters; 3) quantitative-qualitative assessment of the results of the research. Practical issues of using the proposed methodology are considered in detail on the example of an expertise of speech activity products containing signs of insult. It has been established that based on the definition recorded in the Belarusian legislation, the insult is identified by the parameters of attributivity (status decrease in the image of the object of speech influence), non-normativity (the use of linguistic units related to the vocabulary as a part of the attributive constructions of the vocabulary) and deliberateness (In expert practice, most often replaced by factology), i.e., presence of intention to create a negative image of the victim. The

conclusion on whether the conflictogenic text corresponds to one of the parameters is drawn from the results obtained through application of several methods: logical-and-semantic, lexis-centric and comparative analyses to identify attributivity; lexical, stylistic and genre analyses to identify non-normativity; syntactic, pragmalinguistic and contextual analyses to identify deliberateness (factology). Examples of the study of actual material are presented, including texts from the author's practice of conducting judicial linguistic research. The relevance of the proposed methodology is proved by the achievement of a positive effect in the leveling of the possible subjectivity of expert conclusions and an increase in their level of visibility, as well as minimizing the assumption of inaccuracies in the conclusion of a specialist.

Keywords: parameterization, triangulation, transfer, linguistic methodology, conflictogenic text

Financing. Acknowledgements

The publication was prepared out within the framework of the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research Г22-074 “Linguistic explication of offences (extremism, threat, insult and defamation) in terms of forensic text analysis”.

Article history:

Received: 01.05.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Lavitski, A.A. (2023). Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>

Введение

Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) текста научно утвердилась как одна из интегральных составляющих юридической лингвистики и достаточно прочно закрепилась как неотъемлемый компонент процессуально-следственной и судебной деятельности. Тем не менее, в актуальной повестке дня по-прежнему сохраняются вопросы методик и методов ее проведения. Призванная решать проблемы, не входящие в компетенцию правоохранительной и судебной системы, СЛЭ должна обеспечивать их максимально объективными данными, которые могут быть верифицированы в понимании участников юридических процессов. Именно поэтому «структура экспертного заключения, а часто и суды, требуют, чтобы методы были представлены в явном виде» [1. С. 119].

Результаты лингвистической экспертизы, в первую очередь, зависят от выбора методики и методов исследовательской работы [2. С. 118]. В настоящее время их использование, равно как и обоснование актуальности по отношению к конкретному конфликтогенному тексту, входит в зону персональной ответственности эксперта и регламента экспертного учреждения, что не исключает фактора субъективности итоговых выводов исследования речевого материала. Именно поэтому как в научном сообществе, так и в системе правоприменительной и судебной практик достаточно часто поднима-

ется вопрос о нормализации (унификации) методологии проведения лингвистической экспертизы. При этом нормализация понимается как комплексное явление, охватывающие 1) первичное звено — методы как «способы познания явлений действительности и их закономерностей, 2) методики — алгоритмизированный набор методов исследовательской работы. Сама же методология рассматривается как «совокупность познавательных средств» [3. С. 170], то есть методик и методов.

Постановка проблемы

В настоящее время разработка и введение в практику СЛЭ унифицированных методик с ограниченным набором методов представляется несколько преждевременной. Поскольку количество коммуникативных ситуаций, которые могут стать предметом правового разбирательства, потенциально не ограничено, то и утверждение только одного метода как базового при изучении того или иного признака правонарушения, совершаемого вербальным способом, не исключит возможных экспертных ошибок. Специалистам-практикам хорошо известно, что, например, для установления значения лексемы в речевом высказывании чаще всего мало одного только обращения к лексикографическим источникам. Зачастую экспертам приходится дополнительно проводить прагмалингвистический или контекстуальный анализы, изучать жанрово-стилистические особенности текста и др.

Вариативность использования методов в СЛЭ, а также поиск новых методик следует рассматривать как одно из значимых направлений развития общей юрислингвистической теории и судебной экспертологии в частности. В результате планомерной работы в этой сфере современной методологический инструментарий судебной экспертологии обогатился, что позволило проводить комплексный лингвоправовой анализ конфликтогенного текста с опорой на широкий арсенал культивируемых в лингвистике методов, что немаловажно, так как «текст всегда анализируется полностью, а не только его отдельные компоненты, на которые имеются указания в вопросе эксперту» [4. С. 209]. Кроме того, свою продуктивность доказало и направление методологического трансфера. Так, метод параметризации, пришедший в лингвистическую экспертологию из инженерии и точных вычислений [5. С. 8], в настоящее время рассматривается не просто как отдельный способ исследовательской работы СЛЭ, а как базовая методика. Судебно-лингвистическая параметризация, теоретически обоснованная профессором М.А. Осадчим [5] и успешно апробированная в практике подготовки судебных лингвистических заключений по целому ряду правонарушений, совершаемых вербальным способом (оскорбление, угроза, клевета, экстремизм и т.д.), нам видится наиболее удачной базовой методикой лингвоправового анализа текста. Суть судебной лингвистической параметризации

сводится к установлению признаков, отличительных для каждого отдельного правонарушения, совершаемого вербальным способом, и их последующей количественной и качественной оценки.

Однако будет необъективным не принять во внимание и доводы о том, что отсутствие унифицированных методик и вариативность в использовании методов проведения судебного лингвистического исследования приводит и к возникновению спорных ситуаций. Представители юридической системы отмечают случаи, когда «в заключениях экспертов присутствуют: противоречия (внешняя и внутренняя противоречивость: если сравнить заключения по одному делу, наблюдаются не только противоположные выводы, но и категориальные противоречия); противоречивость выводов» [6]. Отдельные ученые выделяют даже такое понятие как «ангажированная лингвистическая экспертиза» [7; 8]. В данном случае речь идет об использовании специалистом исследовательских методов, либо не позволяющих получить достаточно данных для однозначного заключения по вопросам, поставленным на рассмотрение, либо разрешающих «подогнать» результаты работы под заранее заданные выводы. Кроме того, эксперты могут использовать только «подходящие» источники (словари, например), фрагментарно рассматривать конфликтогенные ситуации, то есть не обращаться к полному контексту речевого акта.

Таким образом, возникает диалектическая проблема: с одной стороны, введение в экспертную практику унифицированных методик и методов может привести к: а) дискриминации отдельных методов, верифицированных в практике проведения СЛЭ; б) регрессу в теоретических исследованиях лингвистической экспертологии; в) возможным следственно-процессуальным и судебным ошибкам. С другой стороны, наблюдаемая вариативность выводов при использовании различных методов специального анализа текста непозволительна для СЛЭ и имеет для нее дискредитирующий характер.

Актуализация вопроса внедрения триангуляционного метода в СЛЭ

Одно из возможных решений нормализации методологического инструментария лингвистической экспертологии видится в потенциале кратко обозначенной выше теории трансфера, а точнее — во внедрении новых методов, разработке новых методик судебного лингвистического исследования текста. Новацией здесь может стать использование принципов триангуляции — «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [9. С. 223]. Триангуляция ранее не активно использовалась в лингвистических исследованиях и никогда прежде не внедрялась в сферу судебной экспертной работы с текстовым материалом, однако ее возможности представляются достаточно актуальными.

Цель настоящей статьи — дать теоретические обоснования параметрической триангуляции как методике проведения судебной лингвистической экспертизы текста и представить ее практическую реализацию на материале такого вида правонарушения, как оскорбление.

Принято считать, что самое глубокое и системное описание триангуляции дает теория Н. Дензина, согласно которой можно выделить четыре формы триангуляции: 1) триангуляция данных (использование в одном исследовательском проекте различные типы данных); 2) триангуляция исследователей (работа в рамках единого проекта нескольких исследователей, получающих данные обособленно друг от друга); 3) теоретическая триангуляция (интерпретация данных на основе нескольких подходов); 4) методологическая триангуляция (использование для решения одной задачи нескольких методов) [10. С. 110]. Мы остановимся на первом и последнем из обозначенных аспектов и постараемся представить возможности методологического потенциала триангуляции в процессе проведения СЛЭ текста.

В парадигме лингвистических учений триангуляция пока не получила широко применения из-за ряда факторов. Во-первых, это достаточно трудоемкий эмпирический метод, так как он требует не только аналитического сопоставления результатов исследования, проведенных с использованием иных методов, но и собственно проведения указанных научных изысканий. Иными словами, сначала одну и ту же задачу следует решить различными способами либо получить данные из нескольких источников, и только потом новые сведения подвергнуть аналитическому рассмотрению. Такой подход несвойственен для лингвистики, так как она чаще всего отказывается от математической точности в обработке фактических данных, являясь «по своей природе принципиально неточной и субъективной наукой» [11. С. 175]. Во-вторых, триангуляционный алгоритм исследовательской деятельности значительно увеличивает исследовательские временные затраты. При подготовке судебного экспертного заключения это напрямую повлияет на экономическую эффективность работы специалиста, отразится на длительности процессуальных процедур правого разбирательства.

Однако положительный эффект от использования триангуляции в практике СЛЭ является несомненным. Во-первых, использование нескольких методов для решения одной задачи позволяет получить валидные для дальнейшего сравнения данные. Во-вторых, сопоставительный анализ таких данных минимизирует фактор возможной субъективизации экспертной оценки. В-третьих, внедрение триангуляции позволяет разработать алгоритм изучения конфликтогенного текста, то есть методику, что повышает эффективность и наглядность исследовательской работы, в том числе это касается и количественно-качественной оценки речевого материала: процессуальный аспект триангуляции позволяет «сделать саму процедуру максимально прозрачной и “тиражируемой”» [12. С. 142]. В конечном итоге такой положитель-

ный эффект оправдывает представленные выше негативные экономико-временные последствия внедрения триангуляции, ибо речь идет о возможности минимизировать юридические риски, дать беспристрастную и объективную правовую оценку спорного текста.

Алгоритмизация параметрическо-триангуляционного исследования конфликтогенного текста

Алгоритмизация исследовательской работы при использовании параметрической триангуляции включает в себя три ступени: 1) установление перечня параметров идентификации признаков правонарушения, совершаемого вербальным способом; 2) определение методов их экспертного изучения; 3) количественно-качественную оценку результатов специального исследования.

Остановимся на таком правонарушении, как оскорбление, и представим наглядный пример. Рассмотрим данный тип противоправного деяния на примере белорусского законодательства. В статье 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях обнаруживаем следующую формулировку: **оскорбление** — умышленное унижение чести и достоинства, выраженное неприличным способом. Таким образом, экспертное лингвистическое исследование на предмет наличия/отсутствия в тексте признаков оскорбления включает в себя облигаторное исследование следующих аспектов: 1) *атрибутированности* (корректировка образа лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего); 2) *ненормативности* (использование лексем, реализующих характеристику атрибутированности речевого высказывания и относящихся к бранным, стилистически сниженным) [5. С. 97], а также 3) *умышленности* (о понимании умышленности в СЛЭ см. ниже). Здесь также кратко отметим, что понятия чести и достоинства. Обе категории включают морально-нравственные и этические характеристики человека: первая локализована вне личности, то есть отношение к ней со стороны социального окружения, вторая — это самооценка личностных качеств. Хотя честь и достоинство не являются полными синонимами, с юридической точки зрения это не имеет значения: в диспозиции обозначенной выше статьи сложено понимание достоинства как безусловной ценности личности.

Разработанная нами методика параметрической триангуляции основывается на привлечении нескольких методов для решения одной исследовательской проблемы. Так, для определения наличия или отсутствия признаков атрибутированности речевого высказывания набор таких исследовательских процедур включает три типа анализа: 1) логико-семантический (поиск атрибутивных конструкций с негативной характеристикой образа объекта); 2) лексико-центрический (семантическая интерпретации атрибутивной кон-

струкции) и 3) сравнительно-сопоставительный (изучение образов объекта и субъекта).

Логико-семантическое исследование, суть которого заключается в установлении перечня лексем, дающих негативную характеристику личности, повсеместно распространено в СЛЭ. В данном случае экспертная работа включает в себя поиск языковых конструкций, формирующих отрицательный образ адресата. К числу таких единиц относят различные типы словосочетаний, которые можно выделить на логическом уровне и один из компонентов которых указывает на объект речевого воздействия. Для логико-семантического анализа важно также установить значение лексических единиц, реализующих параметр атрибутивности. Именно поэтому метод не рассматривается нами изолировано от лексико-центрического анализа, устанавливающего оценочную семантику посредством изучения лексикографических источников. Часто допускаемой ошибкой в исследованиях, связанных с изучением семантики атрибутивного высказывания, является обращение только к одному типу словарей, как правило, толковым. Триангуляция позволяет избежать такого рода неудачи и проверить не только правильность интерпретации атрибутивной семантики речевого высказывания, но и ее соответствие идентифицирующему признаку — выражение негативной характеристики личности. Приведем пример из реальной практики:

На исследование было представлено высказывание «Ты прокурор с...ка свое еще получишь!» (знаки препинания не расставлены, так как фраза была произнесена устно и не пояснена адресантом). Эксперту был поставлен вопрос о наличии в тексте слов со значением негативной характеристики личности, именуемой как прокурор.

На формально-логическом уровне в искомой фразе можно выделить одну конструкцию «*прокурор — с...ка*». Оценочное значение существительного «*с...ка*» при этом интерпретируется как негативное, исходя из дефиниций, обнаруживаемых в толковых словарях: «**с...ка** — негодяй, мерзавец (бранное слово)» (Толковые словари С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой и др.). Однако обращение к специализированным лексикографическим изданиям обценной лексики показывает, что слово «*с...ка*» имеет также значения «межд. часто в конструкциях типа: “во бл...дь!”, “ну, бл...дь!”, “ах, бл...дь!”; активно используется для “связки слов”, в качестве фонетической запятой» [13. С. 13]. Повсеместное наличие такого рода лексики в речевом потоке может быть и естественной формой языкового поведения личности. Таким образом, в отсутствие пояснений адресанта указанные выше значения обценной лексики дают основания усомниться в наличии в представленной на экспертное рассмотрение фразе атрибутивных конструкций, характеризующих личность, именуемую как «прокурор».

Представленный пример является демонстрацией принципа триангуляции данных в СЛЭ — использование различных типов источников. Для

экспертной работы по установлению семантики речевого высказывания следует использовать, как минимум, три вида словарей: 1) толковые словари; 2) специализированные словари обценных выражений, матизмов и 3) словари арго и жаргонной лексики. Использование вариативных типов словарных изданий обусловлено несколькими причинами, а именно: а) значение в словаре отражено «относительно полно и не всегда современно» [14. С. 259]; б) стилистические пометы в лексикографических источниках непоследовательны; в) любая словарная статья авторски субъективизирована.

Так как параметр атрибутированности выполняется в случае, если высказывание адресанта статусно понижает образ объекта, то в судебной экспертной практике логично использовать сравнительно-сопоставительный анализ. Например, если представить область атрибутивной характеристики субъекта и объекта коммуникативного взаимодействия в виде оси Y системы координат, то статусно более слабую позицию будет занимать тот, кто на этой оси находится ниже. При этом образы объекта и субъекта могут быть представлены как в системе положительных, так и отрицательных коннотаций, то есть выше или ниже исходной точки — нуля. При нахождении образа объекта в зоне положительной коннотации его характеристика не может быть признана умаленной, то есть признать, что отсутствует сам факт оскорбления, например: *Ты, конечно, не вундеркинд, но и не придурок*. Отсутствие в тексте описания образов самого автора и объекта его воздействия позволяет определить их нахождение на оси Y в нулевой точке. Например, во фразе *Ты полный идиот* образ автора вербально не обозначен, следовательно, он будет располагаться в предложенной схеме в точке «0» системы координат, а образ объекта — ниже данной точки, то есть параметр атрибутированности выполняется. В высказывании *Мы все твари еще те, но ты превзошел нас* образы объекта и субъекта находятся в системе отрицательных коннотаций, однако субъект рассматривается как имеющий большую степень негативной характеристики. Следовательно, параметр атрибутированности выполняется статусный образ объекта находится ниже, чем определяет себя сам субъект. А в примере *Я такой же придурок, как и ты — ввязался в какую-то ерунду* образы субъекта и объекта находятся в одной точке системы негативных коннотаций, то есть статус объекта речевого воздействия не находится ниже статуса субъекта — параметр атрибутированности не выполняется.

Параметр ненормативности ориентирован на исследование лексем, реализующих атрибутированность речевого высказывания. На первый взгляд, категория ненормативности лексики представляется достаточно размытой для использования в прикладной судебной экспертной работе. Достаточно вспомнить, что в лингвистической теории различают кодифицированную и некодифицированную норму, используют оппозицию «норма — узус». Отнести этот вопрос только в сферу этико-лингвистических норм представляется не до конца оправданным, ибо нормы эти «абсолютны и ситуацион-

ны, они объективны и субъективны» [15. С. 106]. Выходит проблема и за границы генристики текста, как минимум вследствие диффузности жанров. В то же время СЛЭ в целом справляется с поставленной задачей и выработала несколько алгоритмов работы по установлению маркеров ненормативности лексических единиц.

В изучении конкретных лексических единиц в экспертной практике сложилась традиция опираться на словарный анализ. Так, В.И. Жельвис считает, что ненормативными (неприличными) являются обценные слова и выражения, а также речевые формы, содержащие непристойности [16. С. 193]. Профессор М.А. Осадчий предлагает дополнить этот подход стилистическим анализом и признать ненормативными лексемы с «„радикальными“ стилистическими пометами — *бран., руг., груб.-прост.*» [5. С. 85]. В целом соглашаясь с представленным мнением, обозначим лишь, что в данном случае необходимо соблюдать описанный выше принцип триангуляции данных, касающийся использования словарных источников. Хотя и этого иногда бывает недостаточно. Дело в том, что, например, единицы, внесенные в лексикографические издания жаргона и арго, играют особую функциональную роль, осуществляя «языковую маскировку содержания коммуникации» [17. С. 38]. Этим нередко пользуются правозащитники, апеллируя в суде, что функционально такие слова нельзя отнести к нецензурной брани, что в целом соответствует лингвистической логике.

Представим пример из нашей экспертной практики: *Гражданин А. разместил в социальной сети комментарий, в котором назвал сотрудника органов внутренних дел Б. пид...ром*. В процессе следственного и судебного разбирательств адвокат гражданина А. настаивал на том, что его клиент, действительно, считает Б. представителем сексуального меньшинства, а использованное слово обнаруживается в словаре арго, следовательно, является сленговым вариантом номинации и не относится к ненормативной лексике. Более того, такая интерпретация снимала и вопрос атрубитированности речевого высказывания, так как его содержание в этом случае не умаляло честь и достоинство Б.

Логика представленных адвокатом доводов понятна и имеет право на существование. Однако проведенный жанрово-стилистический анализ всего текста комментария, а также других сообщений, опубликованных гражданином А. в социальной сети, позволил прийти к выводу, что автор единично использовал спорную лексему и не употребляет такого рода слова в других текстах. Это дает основания утверждать, что инвективная единица не является маркером принадлежности адресата к некоей субкультуре и в речевом высказывании является ненормативной. Таким образом, в предлагаемую параметрическо-триангуляционную модель исследования ненормативности речевого высказывания следует внести метод жанрово-стилистического и корпусного анализов (последний как факультативный).

Не менее сложным представляется исследование параметра умышленности, который чаще всего заменяется в экспертной практике категорией фактологичности. Дело в том, что понятие умысла в правовой интерпретации не может быть экстраполировано в сферу СЛЭ. Функционально юридическая категория умышленности — это форма вины [18. С. 193]. Для преступления наличие умысла — этоотягчающее его обстоятельство, а отсутствие — смягчающее. Очевидно, что в диспозиции правовой нормы, регламентирующей нанесение оскорбления, вложено совершенное иное понимание рассматриваемого феномена. Здесь умышленность следует трактовать как «элемент мотивационно-потребностной сферы», то есть «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [19. С. 128] (нанести моральный вред), не принимая во внимание осмысление потенциального последствия — привлечения к юридической ответственности. Таким образом, умышленность требует обращения к исследованию понятия целенаправленности действий, значит, она может определяться как форма реализации намеренности действия, детерминированного мотивом [20. С. 32]. При этом мотив определяется максимально широко — как основа любой осознанной деятельности [21].

Такое расхождение в концептуальном значении умышленности отразилось на реальной экспертной работе: при рассмотрении дел об оскорбительности речевого высказывания перед специалистом чаще всего ставится вопрос о наличии в тексте фактологических утверждений. Формулировка вопроса обычно звучит следующим образом: *Имеются ли в представленном на исследование тексте указания, умаляющие честь и достоинства кого-либо в форме утверждения о факт(е) ах?* Логика постановки вопроса просматривается и по отношению к значимости оппозиции *факт — мнение*: первый компонент может быть предметом правового разбирательства, второй — нет, ввиду наличия конституционной нормы, позволяющей личности беспрепятственно высказывать собственные воззрения.

Наш опыт показывает, что зачастую при установлении признака фактологичности высказывания эксперты ограничиваются синтаксическим анализом, строя свои выводы на основании определения типа конструкции предложения: повествовательная, восклицательная, вопросительная. Первые два типа синтаксического оформления речевого акта, как правило, признаются фактологическими, третий — нет. При несомненной необходимости такого исследования сам обозначенный подход не всегда дает однозначно безапелляционные результаты и позволяет отразить реальные намерения адресанта. Сравним: *Он полный идиот* и *Разве я не должен сказать ему, что он полный идиот?* Во втором высказывании можно выделить главное предложение *Разве я не должен сказать ему?*, которое является вопросительным, и утвердительное придаточное *Он полный идиот*.

Лингвистическая теория неслучайно не использует категорию умышленности, а активно оперирует иными (синонимичными), в частности ин-

тенцией. Данное понятие даже шире, нежели намерение [20. С. 30], так как согласно Дж. Серлю интенция является направленностью на объекты или положения дел в мире: «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» [22. С. 37]. Одним из способов изучения интенции высказывания является прагмалингвистический анализ. Для судебной экспертологии полезными будут два его аспекта: установление типа речевого акта и определение его иллокутивной цели. Фактологический тип высказывания реализуют репрезентатив (констатация, утверждение), констатив (подтверждение), декларация (демонстрация решения) и др. А оскорбительность его цели — соответствие иллокутивной составляющей желанию нанести моральный вред объекту, представив его негативную атрибутивную характеристику.

К методам, позволяющим выявить признаки умышленности речевого высказывания, относится контекстуальный анализ. Для СЛЭ аксиоматично утверждение: чем шире контекст, тем более достоверны выводы специалиста. Дело в том, что коммуникативный акт не возникает ниоткуда: он является реакцией на обстоятельства, объективизированные когнитивной деятельностью личности. Контекст — это «условия употребления данной языковой единицы в речи, языковое окружение, а в широком смысле — также ситуация речевого общения» [3. С. 134]. Приведем пример: высказывание *Да таких бл..дей, как ты еще поискать надо!* очевидно соответствует всем параметрам оскорбительного речевого высказывания, и его автора можно привлечь к правовой ответственности. Однако представим, что данный вербальный акт в контексте последовал после фразы *Вчера по телевизору сказали, что таких, как ты, теперь принято называть «женщина с пониженной социальной ответственностью»*. Очевидно, что такое высказывание играет функцию триггера референтной ситуации (по В.И. Шаховскому, референтная ситуация — это «реверсное переосмысление», корректирующее коммуникативное поведение [23]), является оскорбительным с позиции коммуникативной лингвистики, хотя, с точки зрения правового контроля, не относится к наказуемой деятельности (не соблюдается параметр ненормативности). Более того, семантика обеих инвектив практически идентична. Это может свидетельствовать о том, что автор референтного речевого акта спровоцировал негативное высказывание в свой адрес, а отвечающий выразил таким образом самозащиту с презумпцией «не хотел оскорбиться» [23].

Итак, контекстуальный анализ позволяет заключить, что оба высказывания синонимичны и реализуются в форме экспрессивных речевых актов, однако различаются в своем лексическом наполнении и по иллокутивной цели. Текст с лексическим компонентом «женщина с пониженной социальной ответственностью» а) ориентирован на нанесение морального вреда адресату и б) не содержит слов, относящихся к обценным и ненор-

мативным. В речевом акте с компонентом «бл...дь» идентифицируются а) вариативные типы иллокутивной цели (1) вербальная самозащита или 2) причинение морального ущерба) и б) обценная лексема (использование табуированной лексики может быть расценено как особенность коммуникативного поведения автора или языковое средство, усиливающее выражение агрессии). Таким образом, если иллокутивная составляющая начала референтной ситуации ориентирована на нанесение морально-психологического вреда, то следующее за ним оскорбительное (с правовой позиции) высказывание, выраженное экспрессивным коммуникативным актом, с высокой долей вероятности может быть признано экспертом как форма инстинктивной речевой реакции (самозащиты) — неумышленное высказывание. Такие примеры относятся различным типам нарушения личностных прав и свобод (унижение, троллинг, буллинг, др.), а также к проявлениям клеветы, угрозы.

Отдельно следует остановиться на критериях оценки результатов исследования конфликтогенного текста с использованием методики парметрической триангуляции. Основной принцип методологической триангуляции заключается в возможности верификации исследовательского вывода посредством использования нескольких экспертных процедур. Таким образом обеспечивается достоверность результатов. В общем виде это можно представить в виде утверждения: *Вывод является верным, если это подтверждают результаты Метода 1, Метода 2... Метода X* (триангуляция не ограничивает возможное количество методов). Однако, как мы уже отмечали выше, лингвистике (а СЛЭ входит в парадигму ее научных дисциплин) не свойственна математическая точность. Поэтому возможны случаи, когда при использовании различных методов специалисты будут получать неидентичные данные. Это вполне нормально, ибо коммуникация — это речемыслительная деятельность, основанная на когнитивной специфике языковой личности и связанная с множеством экстралингвистических факторов (принадлежность к лингвокультурной общности, институциональность ситуации общения, эмоциональный фон и т.д.). Данные параметры практически не поддаются научному измерению в конкретных величинах, например, невозможно указать, что эмоциональность текста равна 5 условным единицам. Во-первых, восприятие речи адресата и адресанта не может быть абсолютно одинаковым, ввиду их собственной индивидуальности (касается это и массового адресата, где каждая отдельная языковая личность будет воспринимать текст сквозь призму собственного социального опыта и специфики своего мышления, физиологии и др.). Во-вторых, далеко не всегда можно определить конкретные измеримые характеристики текста, например, его экспрессивность.

Лингвистический инструментарий позволяет вывить количество тех или иных языковых явлений в тексте (лексем, синтаксических конструкций,

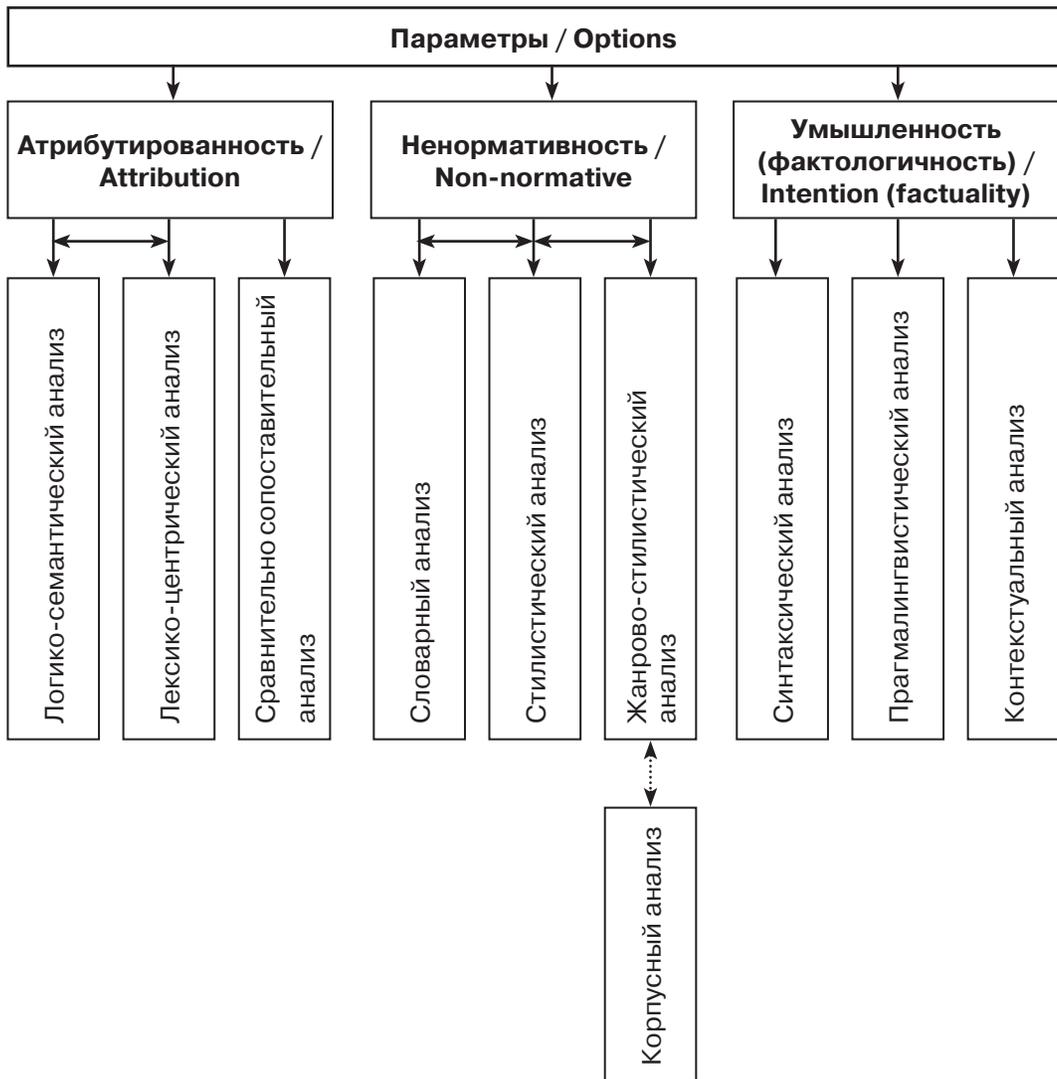
тропов и т.д.) и на этом основании сделать выводы, для которых чаще всего используются более абстрактные, нежели физические единицы, параметры: например, уровень, частотность могут быть высокими, средними, низкими. Так, сложность перевода текста определяется по степени его лакунарной напряженности (количество языковых явлений, не имеющих прямых эквивалентов и вызывающих трудности при передаче на язык перевода), которая измеряется как сильная, средняя, слабая. СЛЭ не является исключением, поэтому вполне оправданно может оперировать такими оценочными характеристиками, как «с большой/малой долей вероятности», «невозможно достоверно установить».

Если в процессе проведения судебного лингвистического исследования все используемые методы изучения соответствия конфликтогенного текста тому или иному параметру дают одинаковый результат (материал содержит/не содержит соответствующие признаки), специалист делает однозначный вывод. Если полученные разными методами данные различаются, то экспертная оценка может быть как однозначной (например, в высказывании отсутствуют лексемы, относящиеся к ненормативной форме речевого высказывания и реализующие атрибутивную характеристику кого-либо), так и оформлена при помощи обозначенных выше измерительных характеристик (например, с большой долей вероятности коммуникативный акт является умышленной формой речевой деятельности). Ответственность за формулировку вывода в таком случае ложится на эксперта, который, основываясь на собственном опыте, своей квалификации, имеет право самостоятельно определить уровень возможной достоверности результатов исследования. Такая практика не противоречит общепринятым принципам экспертной деятельности: сравним медицинское заключение «*Удар был нанесен тупым, предположительно круглым, предметом*» или техническое — «*Причиной неисправности могли стать как усталость материала конструкции, так и заводской брак механизма*».

Несоответствие конфликтогенного текста одному из параметров позволяет правоохранительным, следственным органам или суду в дальнейшем сделать вывод об отсутствии состава преступления в речевой деятельности.

Таким образом, алгоритм проведения параметрическо-триангуляционного судебного лингвистического исследования на предмет наличия в тексте признаков оскорбления (рисунок) включает в себя рассмотрение трех идентифицирующих признаков: атрибутированности, ненормативности и умышленности (фактологичности). Представленная методика позволяет получить достоверные результаты экспертного изучения конфликтогенного текста за счет использования нескольких специальных методов для решения одной задачи.

**Алгоритм проведения параметрическо-триангуляционного
судебного лингвистического исследования на предмет наличия
в тексте признаков оскорбления /
Algorithm for Parametric-Triangulation Forensic Linguistic Study for the Presence
of Signs of Insult in the Text**

Для изучения параметра атрибутированности (выявление лексических единиц, создающих негативный образ объекта речевого воздействия) используются логико-семантический, лексико-центрический и сравнительно сопоставительный анализы. Первые два исследовательских метода взаимодополняют друг друга, они позволяют установить перечень атрибутивных лексических компонентов и провести оценку их семантики. Метод сравнительно-сопоставительного анализа используется для выявления соотношения образа объекта речевого воздействия и автора.

Параметр ненормативности (установление принадлежности лексем, входящих в состав атрибутивных конструкций, к обценным) требует использования взаимодополняемых методов словарного, стилистического и жанрово-стилистического анализов. Последний может дополняться корпусным исследованием текстов адресанта конфликтогенного высказывания с целью установления особенностей его коммуникативной активности. Словарный анализ позволяет установить, закреплены ли спорные единицы в специальных лексикографических источниках — словарях матизмов, бранной лексики. Стилистический анализ, как дополняющий указанный выше метод, ориентирован на изучение словарных помет атрибутивных лексем.

Параметр умышленности в процессуально-следственной и судебной практике чаще всего заменяется категорией фактологичности. Терминологическая замена в данном случае вполне оправданна, так как в юридическом значении понятие «умысел» не может быть экстраполировано по отношению к речевому намерению. В лингвистике используются синонимичные единицы: интенция, иллокуция, характеристики которых позволяют определить метод синтаксического, прагмалингвистического и контекстуального анализов. Использование первого из указанных методов позволяет установить на формальном уровне наличие утверждения. Прагмалингвистический анализ разрешает вопрос оценки иллокутивной составляющей речевого высказывания. Контекстуальное изучение материала дает характеристику ситуации языкового взаимодействия. В ряде случаев данная экспертная процедура позволяет выявить наличие референтной коммуникативной ситуации и оценить эмоциональность конфликтогенного высказывания.

Заключение

Несмотря на достаточно серьезную теоретическую базу и накопленный опыт прикладных исследований, современной судебной лингвистической экспертологии еще предстоит решить вопрос об унификации своего методологического инструментария. Очевидно, что эта подотрасль правовой лингвистики способна не только успешно применять методы изучения продуктов речевой деятельности, верифицированные в языкознании, но и самостоятельно разрабатывать новые, экспортировать их из смежных научных парадигм, а также из сферы естественнонаучного знания. Последние нашло отражение в использовании подходов и принципов параметризации и триангуляции. И если параметрическое моделирование уже используется в практике проведения специальных исследований языкового материала на предмет выявления в его содержании признаков противоправной деятельности, то триангуляция впервые представлена в системе методов лингвоправового изучения конфликтогенных текстов.

Разработанная методика параметрической триангуляции призвана решить несколько проблемных вопросов, вызывающих критику как в отношении отдельных заключений, так и всей системы судебной лингвистической экспертизы. Во-первых, это повышение уровня наглядности исследовательского процесса и его последовательная алгоритмизация. Во-вторых, минимизация возможных экспертных ошибок и неточностей. В-третьих, предлагаемая методика не исключает, а наоборот, приветствует применение успешно используемых в настоящее время методов изучения спорных текстов, а также привлечение новых.

Библиографический список

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 118–126.
2. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение. Краснодар: Дом — ЮГ, 2012.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018.
4. Яковлева Е.А., Аблин М.В. Принципы судебной лингвистической экспертизы в юрлингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6(1). С. 208–213.
5. Осадчий М.А. Русский язык в судебном процессе. М.: Ленанд, 2019.
6. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1(2). Режим доступа: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (дата обращения: 04.01.2022).
7. Галышина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышляя после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12(3). С. 33–39.
8. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 48–51.
9. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
10. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970.
11. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. № 16(2). С. 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
12. Пергаменецкий Л.А., Новак Н.Г. Методологическая триангуляция как способ построения психологического исследования // Вестник Брестского университета. Сер. Филология. Педагогика. Психология. 2015. № 2. С. 138–143.
13. Русский мат (Антология) / под ред. Ф.Н. Ильясова. М.: Лада М, 1994.
14. Бутакова Л.О. Лингвистическая экспертиза текста в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом // Юрлингвистика. 2008. № 9. С. 251–269.
15. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
16. Жельвис В.И. Инвектива // Антология речевых жанров. М.: Лабиринт, 2007. С. 187–195.
17. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.

18. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
19. Новиков А.М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: ИЭТ, 2013.
20. Маслова В.А., Лавицкий А.А. Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 21–34.
21. Concise Encyclopedia of Psychology [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (дата обращения: 01.06.2019).
22. Searl J.R. *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. New York: Basic Books, 1998.
23. Шаховский В.И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. Режим доступа: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. Kukushkina, O.V. (2016). Methods used in Forensic Linguistic Analysis. *Theory and practice of forensic science*, 1(41), 118–126. (In Russ.).
2. Kusov, G.V. (2012). *Forensic linguistic expertise: concept, principles, procedural significance*. Krasnodar: House — Yug Publ. (In Russ.).
3. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018). *Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of teaching languages*. Moscow: Russian language. Courses Publ. (In Russ.).
4. Yakovleva, E.A. & Ablin, M.V. (2014). Principles of Forensic Linguistic Expertise in Forensic Linguistics. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6(1), 208–213. (In Russ.).
5. Osadchi, M.A. (2019). *Russian language in litigation*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.).
6. Sekerazh, T.N. (2011). Methodological problems of the study of controversial texts in cases of extremism [Electronic resource]. *Psychology and Law*, 1(2). URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (accessed: 04.01.2022). (In Russ.).
7. Galyashina, E.I. (2017). Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics). *Theory and practice of forensic science*, 12(3), 33–39. (In Russ.).
8. Salimovsky, V.A. & Mekhonina, E.N. (2010). Typical Mistakes (tricks) in Improper Forensic Linguistic Expertise. *Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2, 48–51. (In Russ.).
9. Yanchuk, V.A. (2005). *Introduction to modern social psychology*. Minsk: ACAR Publ. (In Russ.).
10. Denzin, N. (1970). *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine Publ.
11. Maslova, V.A. (2018). The main Trends and Principles of Modern Linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16(2), 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190> (In Russ.).
12. Pergamenschik, L.A. & Novak, N.G. (2015). Methodological Triangulation as the Way to Create Psychological Research. *Bulletin of Brest University. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2, 138–143. (In Russ.).
13. Russian mat (Anthology) (1994). F.N. Ilyasov (Ed.). Moscow: Lada M Publ. (In Russ.).
14. Butakova, L.O. (2008). Linguistic Examination of the Text in the Space of Linguistic Analysis of Speech Works, or What a Linguist Should Know to be a Good Expert. *Yurislingvistika*, 9, 251–269. (In Russ.).
15. Brinev, K.I. (2009). *Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Expertise*, N.D. Golev (Ed.). Barnaul: Publ. of Altai State Pedagogical Academy. (In Russ.).

16. Zhelvis, V.I. (2007). *Invective*. In: *Anthology of speech genres*. Moscow: Labyrinth Publ. pp. 187–195. (In Russ.).
17. Vasil'eva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shakhnarovich, A.M. (1995). *Brief dictionary of linguistic terms*. Moscow: Russian language Publ. (In Russ.).
18. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (2003). *Big legal dictionary*. Moscow: Infra-M. Publ. (In Russ.).
19. Novikov, A.M. (2013). *Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy*. Moscow: IET Publ. (In Russ.).
20. Maslova, V.A. & Lavitski, A.A. (2019). Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 21–34. (In Russ.).
21. Concise Encyclopedia of Psychology [Electronic resource]. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (accessed: 01.06.2019).
22. Searl, J.R. (1998). *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. New York: Basic Books Publ.
23. Shakhovsky, V.I. Semantics and semiotics of insult in a conflict communicative situation [Electronic resource]. *World of Linguistics and Communication*. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 03.01.2022). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, докторант, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал Международного университета «МИТСО». *Область научных интересов:* юрислингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail:* anton_lavitski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9102-4440. Researcher ID: M-2526-2018. SPIN 7318-7002

Information about the author:

Anton A. Lavitski, PhD in Philology, Associate Professor, Postdoctoral student, Belarusian State Pedagogical M. Tank University, Professor of the Department of Law and the Humanitie, Vitebsk branch of the International University "MITSO". *Research interests:* forensic linguistic expertise, linguoculturology, cognitive linguistics; *e-mail:* anton_lavitski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9102-4440, Researcher ID: M-2526-2018, SPIN 7318–7002

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417

EDN: OFHECB

UDC 81'27

Review article / Обзорная статья

Language as an Instrument of Social Control and People Management

Irina I. Klimova , Nina A. Kozlovtseva Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 125167 IIKlimova@mail.ru

Abstract. Since ancient times the importance of human language in the process of social management has been very high. The emergence of rhetoric in Ancient Greece and Rome as an art of eloquence and its further development in the theory of argumentation (In the Russian science — the theory of persuasion) contributed to the understanding of language as an instrument of control and management of public opinion. In today's world of information wars, the policy of soft power acquires particular relevance, primarily based on these functions of language. Word is now not only a key tool in information wars, but also one of the most efficient means of defense. Of course, there is already a number of researches on the role and place of language as a management tool, but it is generally dominated by works of foreign scientists. It seems important to follow the development of Russian in-home scientific thought regarding the issues under study, as well as to determine within which sciences at the present stage this issue is being studied. In this regard, the purpose of the research is to streamline approaches to understanding language as a tool of control and management of a society and assess the prospects of language development as an efficient tool of society management, which would help to identify the key aspects for the implementation of efficient language policy of the state in the era of world information wars.

Keywords: language policy, language planning, interdisciplinarity, management, control

Financing. Acknowledgements

The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Klimova, I.I. & Kozlovtseva, N.A. (2023). Language as an Instrument of Social Control and People Management. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 402–417. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417>

© Klimova I.I., Kozlovtseva N.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Authors' contribution:

Klimova I.I. — the concept of the study, the collection of materials; Kozlovtsseva N.A. — collection and processing of materials, analysis of the data obtained, writing the text.

Язык как инструмент контроля и управления обществом

И.И. Климова , Н.А. Козловцева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

 ИKlimova@mail.ru

Аннотация. Значимость человеческого языка в процессе управления обществом высоко ценилась с древнейших времен. Риторика, появившаяся еще в Древнем Риме и Греции и трансформировавшаяся позднее в теорию аргументации (или же теорию убеждения), стала отправным пунктом для понимания языка в качестве инструмента контроля и управления мнением общества. На современном этапе информационных войн особую актуальность приобретает политика «мягкой силы», основанная в первую очередь на данных функциях языка. Слово на современном этапе развития общества является не только ключевым инструментом в информационных войнах, но также и одним из наиболее эффективных средств защиты. Несомненно, уже существует значительная база исследований, посвященных роли и месту языка как инструмента управления, однако же, как правило, в ней преобладают работы зарубежных исследователей. Представляется значимым проследить развитие отечественной научной мысли относительно изучаемого вопроса, а также определить, в рамках каких наук на современном этапе изучается данный вопрос. В связи с этим цель исследования заключается в систематизации отечественных подходов к пониманию языка как инструмента контроля и управления обществом и оценке перспектив развития языка в данном направлении, что будет способствовать выявлению ключевых аспектов для проведения эффективной языковой политики государства в эпоху мировых информационных войн.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, междисциплинарность, управление, контроль

Финансирование. Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Klimova I.I., Kozlovtsseva N.A. Language as an Instrument of Social Control and People Management // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 402–417. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417>

Вклад авторов:

Климова И.И. — концепция исследования, сбор материалов; Козловцева Н.А. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Introduction

On the modern stage of the civilizational development language becomes the main means not only for human communication, but also the means to control the social organization. Such understanding of the role of language has been formed in the course of millennia (starting from Ancient Greece and Ancient Roma), and nowadays it's reflected in a great many of interdisciplinary studies as well as directly in the linguistic policies of certain states. As to the Russian in-home science, the issues of the language role in the management of a society have been underway not in a single decade period, still, the bulk of the studies is based on the foreign research, while in this country during the centuries there have existed in-home scientific-research studies on the issue both in the framework of proper linguistic studies and the adjoining scientific fields. Studies and generalization of the achievements of the Russian in-home scientific research ideas determine the *novelty* and *relevance* of this work.

In this connection, *the goal of the study* is the analysis and generalization of the domestic research results, dealing with both synchronic and diachronic studies of the language function reflecting the control and management of a society considering not only proper linguistic, but also interdisciplinary approaches.

The tasks of the work include:

- 1) diachronic analysis of linguistic studies of the issue under investigation;
- 2) synchronic analysis of the interdisciplinary layer of Russian studies dealing with the issue under investigation;
- 3) description of the language development prospects in the digital space and the specifics of its use as a tool of control and management of a society taking into consideration new realia.

In this work, the *object* of the study is language as a tool of control and management of a society, and the *subject* is the achievements of the Russian in-home scientific research understanding language as a tool of control and management of a society both in synchronic and diachronic aspects.

The works of Russian in-home linguists make up the *material* of the study. As to the diachronic aspect, there were selected the works treating language, to a variety degree, from the perspective of its controlling function. As to the synchronic aspect, there was selected the layer of relevant studies concerning various aspects of language as a tool of control and management of a society from the point of view of various scientific-research activities. In the final part, a number of trends and prospects of modern language development was allocated, mainly those which are able to influence the realization of its function of control and management of a society. This part of the work treats modern, primarily linguistic studies dealing with the specifics of the Internet discourse, trends and prospects of the Internet communication development and introduction of the artificial intelligence in various spheres of human communication.

The analysis and generalization of the given material allowed determine Russian domestic trends of the controlling function of language, modern understanding of the realization of this function by means of various sciences and the trends of linguistic development considering their influence on the function of control and management of a society.

The *methodology* of the study is based on the application of inductive, deductive and descriptive methods used to observe, analyze and generalize various approaches of issues under the investigation. Within the frames of the descriptive method, we used the procedures of observation and interpretation, classification and systematization of the analyzed phenomena.

Diachronic aspect of studying language as a tool of control and management of a society

The research of the language role in the control and management of a society is traditionally based on the linguistic studies. In Russian in-home linguistics, M.V. Lomonosov was the first scholar who wrote about such understanding of language, and he stated that “the eloquence is the art to speak about each and every given matter with elegance, and in doing this, to persuade others into your own opinion” [1. P. 15]. In the opinion of M.V. Lomonosov, the Russian language with all its might has got a natural abundance, beauty and power, whereas it doesn't give way to any single European language” [1. P. 16]. In the context of high popularity of the French language in Russia of that time this remark has acquired a specific significance.

A.A. Barsov as a Lomonosov's disciple and the author of the Russian language grammar stated the importance of fixing the norms of the State official language which is used in the country to maintain document circulation saying that the Russian Grammar means the skills to read properly, speak and write in Russian according to its best and most rational use [2].

I.S. Ryzhskij became the first one among the Russian in-home linguists who spoke about proper “physiognomy (face)” of various languages reflecting peculiarities of national understanding of the world (i.e., linguistic worldview). He insisted that while the appearance of representatives of different nations had got peculiar features, so every language had got its unique peculiarities, as well [3]. Similar understanding of the role of language as a mirror of peculiarities of thought and world perception of its bearers was shared by I.I. Sreznevskij, who remarked that “reason and activity of a nation are reflected in the national language <...>. Changes taking place in the reason and activity of the nation do reflect, as well, in its language” [4. P. 37]. It's also significant that in the Russian science he was the first scholar to distinguish not only inner, interior, but also outer, exterior factors (social, political, economic, religious, etc.) influencing changes in language.

F.I. Buslayev paid special attention to studying dialects of the Russian language and their correlation with the literary norm. In his opinion, they mirror the history and worldview of the nation much deeper due to the power of their imagery, which is why their studies allow provide the existence of the Russian language as the only one State language over the country's territory [5].

The significant area of the scientific thought maintaining the understanding of the process of management of a society by means of language comprised the study of connections between ideas and words, launched by A.A. Potyebnya [6]. According to his opinion, word functions as a mediator in the course of human communication and helps establish the communication among people. In his works, A.A. Potyebnya developed the ideas of W. von Humboldt who studied peculiarities of an addressee perception of speech. At this, from the point of view of A.A. Potyebnya, the communication doesn't mean simply to convey one's ideas and thoughts to any other person, but to provoke a conversation partner create his own ideas and thoughts [7]. This thesis formed the emerging basis of the Russian psycholinguistics reviewing the principles of efficient interaction of the authorities and society by means of language.

In his works, F.F. Fortunatov mentioned the social aspect of language considering every language to have got its own history, and therefore studying human language in the context of its history makes an integral part of the science about life and activity of social communities [8].

A.A. Shakhmatov also shared the opinion about the high significance of social factors in the process of language development. He elaborated the theory of psychological communication proceeding from a psychological approach to understanding the specifics of communication process. From his point of view, human mentality is based on the definite amount of perceptions which are determined by men's precedent experience and the events surpassed, and emotions. Communication means a mental action based on similar perceptions [9]. In this connection, non-efficiency of communication could be stipulated by the differences in experience and feelings, i.e., it's vital to consider similar experience of both sides of the communication process.

In his writings, I.A. Baudouin de Courtenay followed the theory of W. von Humboldt and developed Humboldt's ideas. In his opinion, "the worldview characteristic of linguistic thinking, becomes a general worldview of a man" [10]. He put forward his personal idea and understanding of the nature of language's origins. He believed that the problem should be interpreted from the point of view of psychology. A man could be able of psychological development only through communication with other people, therefore he defines linguistics to be a psychological-and-sociological science.

Further elaboration of I.A. Baudouin de Courtenay's ideas took place in the works by Eu.D. Polyvanov, and the Russian linguistics assigns the creation of the term of "language policy" to him. The linguist highlighted anew the

tasks of linguistics. As to him, a linguist is an expert able to fulfill various functions: 1) be a constructor of modern linguistic cultures; 2) be a linguistic politician who is able to present a picture of linguistic future; 3) “be a general linguist” and linguistic historiographer; 4) be an historian of culture and some definite cultures [11].

The notion of language as a means to unite people “in their common activity” thanks to “common understanding” as “the sociological factor of primary importance” was accepted by V.A. Bogoroditskij [12]. In the context of such understanding of language, its development is determined not only by cultural aspects of social development, but also by economic progress so that consequently, societies being at different stages of economic development would operate different “mental tools”, and thus possess different linguistic toolkits.

Proceeding from the said above, issues of interaction and interdependence of society and language were of great interest among the Russian in-home linguists from the very start of the science in Russia. Later on, such understanding of language has spread beyond the limits of proper linguistic studies and acquired the interdisciplinary context.

Synchronic aspect of linguistic studies as a tool of control and management of a society

As is known, a distinctive, unique feature of modern science lies in its *interdisciplinary approach* which enables the possibility to observe objects under the study by means of methodologies of various scientific spheres. As was proved above, even earlier in Russian in-home science research, there were attempts to study the role and functions of language not only in the frames of linguistics. Denoting psychological and social dependence of language, Russian scholars of the previous centuries created the basis for interdisciplinary linguistic research as a tool of control and management of a society.

From the end of the 19th century, representatives of the Russian in-home science viewed language as a social phenomenon which laid the fundamentals of its studies *in the frames of sociological sciences*.

In the opinion of a sociologist and culturologist P.A. Sorokin, the basic unit of the society analysis should be considered “social interaction” including individuals, acts and conductors. At this, according to P.A. Sorokin, two key conductors of social interaction are language and writing system. He also marked such a specific feature of political language as its transformations under the revolutionary influence which is speech coarsening [13].

Modern sociologists emphasize the importance of forming of compatible, highly cultural and professionally mobile personality as the key implication of a society and labour market. Crucial elements of training such employees are both linguistic and communicative aspects [14].

No doubt, the sociological approach to language studies is one of the key approaches in understanding language as a tool of control and management of a society because it involves both sides of the study — language and society. Sociology of language (sociolinguistics) has been formed in the context of the research of social language function of understanding and describing social processes, relations and various ways of their representation in language.

Language as the object of study *in psychology* was discussed in Russian in-home science from the times of I.A. Baudouin de Courtenay. Psychologists devoted quite a number of works to study language, thinking and consciousness. It's impossible to speak adequately about the function of language to control a society without taking into account psychological aspects of its use. According to the opinion of L.S. Vygotskij, a word represents a socio-cultural mediator between the world and an individual [15]. According to S.L. Rubinshtein, it is only speech that could open for an interlocutor the consciousness of another person, thus making it available for influences of various types [16]. In the opinion of A.N. Leontyev, the task of any psychological theory of speech activity includes the study of interrelations between the individual worldview of a man and his speech [17].

At the interface of linguistics and psychology, there emerged psycholinguistics as a part of scientific knowledge. The research of a psycholinguist I.N. Gorelov deals with non-verbal communication studies. One of the schools of psycholinguistics comprised neurological linguistic approaches. Neurolinguistics compiling methods of neuropsychology and linguistics was developed by a psychologist A.R. Luria. The object of his research made up the role of speech in forming consciousness of a man [18].

The significance of the psychological approach for linguistic studies was stressed by the acceleration of pseudoscientific theories, e.g., a theory of neurolinguistic programming (NLP), whose authors declared the existing links of neurological processes with language and behaviour patterns by means of special techniques to reach the goals set. Although the efficiency of NLP isn't proved scientifically, the idea itself denoted a vivid potential of language as a tool of control and management of a society.

As to *philosophical knowledge*, a world reflected in language is an object of human activity. "Philosophy improves the overlapping of a linguistic worldview and the real, and, to a certain extent, governs the world construction primarily in the social sphere" [19. P. 97]. In the opinion of Z.M. Orudzhev, even if a man would lose labour tools, he would still retain a word. If there were a word, "the loss of labour tools itself just slightly changes the situation" [20. P. 53].

It seems of interest to study the interconnection of emergence and development of civilization and language from a socio-philosophical point of view. As is proved, every civilization type possesses its own specific character of interrelations with language [21]. The majority of representatives of humanities carry out their studies in a socio-cultural context, which is stipulated by linguistic specifics to be the

mirror of national culture” [22]. “Language is a tool of culture. It is formed by a personality of a man, a language bearer, through imposed on him by language and comprised in language the view of the world, mentality, attitudes to other people, etc., i.e., through the national culture of people using this language as the means of communication” [22. P. 86]. However, R.O. Shor thinks language to be a cultural tool which is created and transmitted by an aggregate group of people [23]. Such understanding gives way to study language within the frames of culturology.

From the point of view of culture studies, language is reviewed in two aspects: as an entity determining the cultural processes and an entity being formed under the influence of a culture. A culturologist and philologist D.S. Likhachev introduced a notion of the language “conceptual sphere” as a concentrate of culture which contains not only general culture of a certain nation, but its individual representation [24]. In his opinion, “any language conserves “the inner powers” of a nation — its predisposition to emotion, the variety of characters and attitudes towards the world” [25. P. 424]. These remarks are extremely useful for considering national and cultural peculiarities in the course of intercultural communication.

In all modern societies, linguistic issues are subjected to regulation on behalf of the state [26], thereby making the objects of linguistic policies. In *political sciences* language is viewed both as a tool of authorities and as an object of influence of the policies themselves [27]. Such understanding of language formed the object of studies of political linguistics and linguopolitology.

The term “language policy and planning” (LPP) was put forward by O.A. Seliverstova. Its author understands LPP as “activity for planning and realization of affecting language and its functioning in a society, as well as theoretical prerequisites forming the base of this activity” [28. P. 16]. LPP could have inner, interior and outer, exterior predisposition, while the exterior LPP is connected with the spread of language and culture beyond the state’s borders making a part of its policy of “Soft Power” [28].

Modern linguistic policy is studied both by means of sociological and proper linguistic methods [29]. In the frames of linguistic policies, language fulfills a number of functions (revealing exterior and interior predispositions):

“1. Integration (interior) means a union of nations of a state in general socio-cultural space on the basis of the state (official) language.

2. Sociolization (interior) means the assistance to foreign citizens in mastering sociocultural norms and values of the state by linguistic means.

3. Translation (exterior) means the formation of the adequate image of the country in the world community.

4. Communication (exterior/interior) let create an adequate intercultural dialogue among various nations of the country, and also with representatives of other countries” [30. P. 57].

Language policy served to be the base to form two scientific-research trends: sociolinguistics and linguistic sociology, studying political and ideological aspects

of language policy and also possible consequences of its realization [29]. In its turn, political linguistics studies the issues of language convergence and the policy to form the language of politics and the immediate activity of politicians and politologists. [31].

No doubt, at present language is still an object of *linguistic research*. In Russian mentality, on its own, the notion of “Power” is one of the basic dimensions of social stratification in the society and is considered to be a value [32]. So, for example, according to the data of the latest research, the Russian generation Z representatives demonstrated substantial growth of the strife to obtain the authority power (from 1 % to 9,3 %) to compare with the two previous generations which were reflected in the core of linguistic consciousness [33. P. 644].

The final goal of any speech strategy concerns the improvement of the worldview modeling of its addressee [34], which puts a great responsibility on the people using language for control and management of public opinion. At that, the existence of the definite goal of speech determines not only the presentation of facts, but it also determines speech structure and the choice of linguistic means [35] to influence the willing, intellectual and emotional spheres of an addressee [36].

In this context, the pragmatic function of language starts to dominate, because it renders the purposeful influence on the behavior and psychological condition of a man which in its essence, could be considered as a linguistic manipulation, that is the influence by linguistic means necessary for hidden intrusion into the psyche and mentality of an addressee, the goals, wishes, intentions, relations and orientations different from his own.

The most vivid example of the realization of the function of control and management of a society is its application in advertising technologies, which reveal the tasks to strengthen positive features of an object or phenomenon and smothering a negative influence of any demolishing features. It facilitates the image of goods and services by means of purposeful merging of perception and focusing on their advantages.

Generalizing the said above, let’s note that a broad spectrum of the results of the Russian in-home interdisciplinary studies allows discuss the issues of control and management of a society by means of language from different positions which nowadays is of critical significance, when word becomes the arms and the most important tool of defense in informational wars, and language occupies a new level of the digital transformation.

Modern vectors of the development of language as a tool of control and management of a society

In the 21st century, the limits of using human language have substantially widened, and the functional area of its implementation have undergone radical changes. The industrial epoch starting with the great English bourgeois revolution

made it cornerwise “technology” and technical progress as the means of the efficiency of human labour. By the end of the 20th century, the technological space has completely overtaken the space of a man’s life, embracing his whole life down to the ground, his habits and needs; it has changed the character of his life and, in the core, the shape of mentality. Then 21st century got to the mark of the new post-industrial change of the essence of life: the life space of a man was filled with digital technologies which transformed the *analogue* space of a man’s life into a *digital* one. Instead of a vast spectrum of shades of meanings and senses, now for the goals of communication, one has to choose such set of shades which could be relevant to the current moment of history and the current generation for clearly denoted goals. Language pragmatics becomes the object of observation of programmers whose tasks are to turn language into the governed tool of application and controlled perception.

Described processes came into being in the language space which nowadays functions as a mighty tool of management of a human society and state institutions. Human speech materialized in key documents of state and society management is perceived not as the area of the structured discourse space, but as a set of management data. In the context described hereby, under the notion of “data” one has to understand fixed collocations of large and small lexico-syntactical structures being regularly reproduced in the restricted specified types of discourse and other conventionally independent contexts. These lexico-grammatical collocations are revealed not by a man himself, but by a machine which receives as a pattern to decipher a certain final list of interpretations presenting an etalon pattern to decipher other analogous collocations in the frame of a definite synonymic matrix.

In this case, the co-occurrence of the elements of language and speech is explained not from the standpoint of well-known in linguistic categories of language, but from the standpoint of frequency, reproduction of lexico-morphological sequence. The interpretation of the result of applying human speech (like, for example, the appearance of a number of ‘motional replies to the human speech, public reaction, significant events in human life, etc.) would be explained not through semantics, or sematic sequences, but from the point of view of frequency, reproduction of such a lexico-grammatical sequences and the frequency of forthcoming predictable reactions, which have been earlier identified in other similar communicative contexts. In the given context, special significance is attained to various elements of the Internet discourse, e.g., hashtags, analysis of cognitive mechanisms and communicative intentions lying in the basis of selecting, or the creation of those give the evidence of different communicative intentions of communicators. Modern researchers distinguish the following types of hashtags depending on communicative intentions: hashtags-imperatives, hashtags-performatives, hashtags-metaphors, hashtags-thematic markers, hashtags-subject headings, hashtags-summaries, hashtags-meta-texts [37]. One more significant phenomenon is the use of foreign re-decoded lexis in modern media- and Internet space [38].

Under the conditions of digitalization of human society by means of language, the crucial factor makes the unification of language as the means of human communication which primarily supposes the unification of lexical sequence and lexico-syntactical forms within the vividly structured communicative space. In this case, the more unified becomes the reproduction of speech by people, the easier and more efficient seems the management of the speech space, and consequently, of the society itself. In its turn, the given unification is complicated by an outside influence, conditioned by various types of crises at present which dynamically come one after another and serve to facilitate situational discourses. Thus, the study of perforated, end-to-end schemes of neo-formations of the same time sample (e.g., the coronavirus pandemic) demonstrate the actualization of the process of nominating the most relevant notions and realia, the growth of usual and occasional neo-formations taking into account national specifics [39].

One of the keys means to make an algorithm of speech use, the first step to teach human speech to “clever machines” and essential narrowing of the controlled speech use makes a thesaurus which ensures the space of everyday language use be exclusively limited by the use of codified lexis and fixed speech collocations under the new experts’ control — “engineers of digital communication”. Such “mapping” of the language functional sphere is realized with *the system of headings classification*. Specialized thesauruses are divided into hierarchical rubrics, constructed on the principle of notional-semantic inclusion (nesting) and distribution of lexical units in each sector according to its functional loading. In fact, each sector (rubric) determines the order of using linguistic units belonging to it, and thus putting beforehand communicative accents of the future professional speech acts.

There are elaborated and actively introduced into use programmes to process live human speech. Grammarly, Google Smart, DeepL and many other programmes provide for the automation of translation and text editing in compliance with the adopted standards of managing and conserving information in the given format so that any act of communication, which have earlier occurred in the group of communicants could be easily discovered and defined by means of search tools be used to self-teaching of a digital machine in the frames of the already formed communicative algorithm. With the allocation of quite a big amount of reference texts to be analyzed, the automatically applied norms of speech use by means of regulated supplements are able to embrace completely and in detail involve the whole space of human communication managing and regulating it.

To a greater extent, the described communicative mechanization processes is supported by the line of linguistic studies started with Noam Chomsky and structural linguistic theories. The core of this idea contains the active search of “the generative origins” of language which would have allowed substantially faster “to diagnose” text characteristics and adapt it to specific communicative needs of people. The results of those studies have an applied significance in the discourse theory and cognitive linguistics.

For the scholars conducting the studies of various types of discourse, there arose the task to determine linguistic limits of a communicative code in the frames of professional and near-professional communities which firstly let determine communicative norms of those communities and exclude from a communicative sphere “aliens” which don’t comply with composed speech practices: and secondly support the acceleration of discourse algorithmization and the following use of the determined algorithms to manage a society through the elaborated digital services.

Conclusion

On the basis of the carried out analysis, it seems possible to conclude that the use of language as the tool of control and management of a society is determined by the inventory of quite a number of various factors not linguistic proper, but also political, social, psychological, cultural, and the other ones. They have to be understood and taken into consideration because without them the discussed function of language couldn’t be fully evaluated and realized. The origins of this process date back into the history of “the pagmatization” of language and the efforts to normalize its use. Regarding of the Russian in-home approached towards the study of these issues both in synchronic and diachronic aspects and also the standpoints of various sciences would allow more fully and adequately form the language policy of any state and fulfill linguistic planning on the basis of the data completed.

The understanding of the modern state of language development and the key trends influencing its transformation in the context of realization of the function of control and management of a society looks like more significant in the context of forming the basis of linguistic studies and determining the perspective scientific trends of research in the given sphere.

One might think that the obtained results of the study could ensure more efficient linguistic planning which would have reflected the specifics of the poly-cultural Russian society, and also the exterior and interior socio-cultural and geopolitical challenges.

References

1. Lomonosov, M.V. (1952). Brief guide to eloquence. In: *Complete collection of works, Tom the seventh. Works on philology (1739–1758)*. Moscow—Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/rukovodstvo-k-krasnorechiyu/index.htm> (accessed: 28.08.2022) (In Russ.).
2. Russian grammar (1981). B.A. Uspensky (Ed.). Moscow. (In Russ.).
3. Rijskiy, I. (1806). *Introduction to the circle of literature*. Kharkov. (In Russ.).
4. Sreznevsky, I.I. (1959). *Thoughts on the history of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
5. Buslaev, F.I. (2023). *On the teaching of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).

6. Potebnya, A.A. (1989). *Word and myth*. Moscow. (In Russ.).
7. Potebnya, A.A. (1999). *Complete Works: Thought and Language*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
8. Fortunatov, F.F. (1956–1957). *Selected works*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.).
9. Shakhmatov, A.A. (1925). *Russian Syntax*. Leningrad. (In Russ.).
10. Baudouin de Courtenay, J. (1929). Influence of language on worldview and mood. *Prace Filologiczne*, XIV, 184–225. (In Germ.)
11. Polivanov, E.D. (1931). Historical linguistics and language policy. In: *For Marxist linguistics*. Moscow: Federatsiya. pp. 10–35. (In Russ.).
12. Bogoroditsky, V.A. (1991). *Essays on Linguistics and Russian language*. Moscow. (In Russ.).
13. Sorokin, P.A. (2010). *Sociology of the Revolution*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russ.).
14. Staritsyna, O.A. (2010). *Linguistic Management Culture: Analysis of the State and Conceptual Definition of its Optimization* [dissertation]. Ufa. (In Russ.).
15. Vygotsky, L.S. (1996). *Thinking and speech*. Moscow. (In Russ.).
16. Rubinstein, S.L. (2017). *Basics of general psychology*. Saint Petersburg: Peter. (In Russ.).
17. Leontiev, A.N. (1969). *Language, speech, speech activity*. Moscow. (In Russ.).
18. Luria, A.R. (1979). *Language and consciousness*, E.D. Chomsky (Ed.). Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
19. Lavrenyuk, K.V. (2002). *Language in the System of Social Relations: Social and Philosophical Aspect* [dissertation]. Stavropol. (In Russ.).
20. Orugev, Z.M. (2004). *Way of thinking of the epoch. Philosophy of the past*. Moscow: URSS. (In Russ.).
21. Khayrova, S.R. (2003). *Language and Civilization: The Social and Philosophical Aspect of the Interaction* [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
22. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Language and Intercultural Communication*. Moscow: Slovo. (In Russ.).
23. Shor, R.O. (2019). *Language and Society: Sociolinguistics Research. Criticism of «Naive Ideas» of people about their language and linguistic prejudices*. (In Russ.).
24. Lihachev, D.S. (1993). Concept of the Russian language. *Izvestija. Akademii nauk. Serija literaturny iazyka*, 52 (1), 3–9. (In Russ.).
25. Lihachev, D.S. (1989). *Notes and observations: From notebooks of different years*, Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 410–436. (In Russ.).
26. Blinov, E.N. (2011). Political Philosophy of Language: Towards a New Typology of Actuality. *Epistemology & Philosophy of Science*, 29 (3), 165–175. (In Russ.).
27. Chernych, S.S. (2017). Language and speech as instruments of power. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 12 (86), 197–200. (In Russ.).
28. Seliverstov, O.A. (2017). *Language policy as a tool for the implementation of «soft power» in the political discourse of the XXI century (on the material of Russian, American and Chinese media)* [dissertation]. Great Novgorod. (In Russ.).
29. Grishaeva, E.B. (2018). Language as an instrument of political power and as an object of influence of politics. *Language and culture*, 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zyk-kak-instrument-realizatsii-politicheskoy-vlasti-i-kakobekt-vozdeystiya-politiki> (accessed: 28.08.2022). (In Russ.).
30. Kozlovtsseva, N.A. (2018). *Formation of the image of the Russian world in modern conditions: potential of humanitarian cooperation* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
31. Taisina, E.A. (2012). Language is not neutral. *Scientific notes of Kazan University*, 154 (6), 131–142. (In Russ.).
32. Philippovich, A.Y. & Cherkasova, G.A. (2021). *Man, state, power — associative base (Republic of Crimea)*. Simferopol. (In Russ.).

33. Ufimtseva, N.V. (2022). The image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (3), 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647> (In Russ.).
34. Issers, O.S. (1999). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Omsk. (In Russ.).
35. Odintsov, V.V. (1982). *Compositional types of speech*. In: Kozhin A.N. et al. *Functional types of Russian speech*. Moscow. (In Russ.).
36. Borisova, I.N. (1999). Purpose category and aspects of text analysis. In: *Genres of speech*. Saratov. pp. 81–97. (In Russ.).
37. Yudina, N.V. & Seliverstova, O.A. (2022). Hashtag as a Unit of Internet Discourse: Cognitive and Pragmatic Perspective. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 108–115. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-108-115> (In Russ.).
38. Merkulova, I.A. & Protsenko, E.A. (2022). Recoded words in Russian media space. *Russian Language Studies*, 20 (3), 284–297. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297> (In Russ.).
39. Marinova, E.V. (2022). Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20 (4), 449–466. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466> (In Russ.).

Библиографический список

1. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1952.
2. Российская грамматика / под ред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1981.
3. Рижский И. Введение в круг словесности. Харьков, 1806.
4. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., Учпедгиз, 1959.
5. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка М.: Юрайт, 2023.
6. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
7. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
8. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 томах. М.: Учпедгиз, 1956–1957.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1925.
10. Baudouin de Courtenay J. Einfluß der Sprache auf Weltanschauung und Stimmung // *Prace Filologiczne*. 1929. Т. XIV. С. 184–225.
11. Поливанов Е.Д. Историческое языкознание и языковая политика // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 10–35.
12. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. М.: Лабиринт, 1991.
13. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
14. Старицына О.А. Языковая культура управления: анализ состояния и концептуальное определение ее оптимизации тема: дисс. ... канд. социологических наук. Уфа, 2010.
15. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2017.
17. Леонтьев А.Н. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
18. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
19. Лавренко К.В. Язык в системе общественных отношений: социально-философский аспект: дисс. ... канд. философских наук. Ставрополь, 2002.
20. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М.: Едиториал УРСС, 2004.
21. Хайрова С.Р. Язык и цивилизация: социально-философский аспект взаимодействия: дисс. ... канд. философских наук. Волгоград, 2003.
22. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

23. Шор Р.О. Язык и общество: исследование по социолингвистике. Критика «наивных представлений» людей о своем языке и языковых предрассудков. Киров: Изд-во Вятского гос. университета, 2019.
24. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
25. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения // Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. С. 410–436.
26. Блинов Е.Н. Политическая философия языка: к новой типологии взиккулярности // Эпистемология & Философия науки. 2011. № 29 (3). С. 165–175.
27. Черных С.С. Язык и речь как инструменты власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 4. С. 197–200.
28. Селиверстова О.А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века (на материале российских, американских и китайских СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2017.
29. Гришаева Е.Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. 2018. № 41. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-instrument-realizatsii-politicheskoy-vlasti-i-kak-obekt-vozdeystviya-politiki> (дата обращения: 28.08.2022).
30. Козловцева Н.А. Формирование образа Русского мира в современных условиях: потенциал гуманитарного сотрудничества: дисс. ... канд. культурологии. М., 2018.
31. Тайсина Э.А. Язык не бывает нейтральным // Ученые записки Казанского университета. 2012. № 154 (6). С. 131–142.
32. Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. Человек, государство, власть — ассоциативная база (Республика Крым) / под ред. Уфимцевой Н.В., Титаренко Е.Я. Симферополь, 2021.
33. Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 3. С. 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647>
34. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи. Омск, 1999.
35. Одинцов В.В. Композиционные типы речи // Функциональные типы русской речи. / А.Н. Кожин и др. М.: Высшая школа, 1982.
36. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов, 1999. С. 81–97.
37. Юдина Н.В., Селиверстова О.А. Хештег как единица интернет-дискурса: когнитивно-прагматический подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 3. С. 108–115. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-108-115>
38. Меркулова И.А., Проценко Е.А. Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 284–297. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-284-297>
39. Маринова Е.В. Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 449–466. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466>

Information about the authors:

Irina I. Klimova, PhD in Philology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; *e-mail*: IKlimova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5142-1890; eLibrary SPIN-code 9951-3145

Nina A. Kozlovitseva, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; *e-mail*: nina_kozlovitseva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2323-0752; eLibrary SPIN-code 1115-0523

Сведения об авторах:

Климова Ирина Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор, руководитель департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; *e-mail*: PKlimova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5142-1890; eLibrary SPIN-код 9951–3145

Козловцева Нина Александровна, кандидат культурологии, доцент, заместитель руководителя по научной работе и международной деятельности департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; *e-mail*: nina_kozlovtseva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2323-0752; eLibrary SPIN-код 1115-0523

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434

EDN: MUHMWM

УДК 811.581'361'373

Научная статья / Research article

Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка

Т.В. Демидова¹ , С.А. Баров² , Т.М. Соловьева³ ¹Независимый исследователь²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 SABarov@fa.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос освоения грамматики глаголов китайского языка через образное восприятие семантической информации в связи с природной образностью и иконичностью китайского языка и его идеографии. Делается акцент на необходимости критически оценить европеизированный подход к основным единицам китайского языка в связи с вопросами преподавания. Представленные взгляды сопровождаются примерами с глаголами перемещения в пространстве. Авторы рассматривают приемы и принципы преподавания китайского языка с точки зрения необходимости пересмотра некоторых методологических установок, негласно присутствующих в учебных планах и материалах, а также предлагают альтернативные подходы к усвоению учащимися знаний с учетом их когнитивно-психологических механизмов. Акцентируется внимание на существенной недооценке специфики китайского языка как в типологическом, структурном, так и в содержательном аспектах, а также на том, что в трактовке грамматических явлений должным образом не отражены когнитивно-семантические параметры китайского языкового измерения. Подвергается критике общая парадигма преподавания китайского языка, оцениваемая как вестернизированная, то есть построенная по лекалам методик преподавания западных языков, существенно отличающихся от китайского языка по структурно-содержательным параметрам.

Ключевые слова: иероглифы, лингводидактика, когнитивно-семантический анализ, иконичность

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Демидова Т.В., Баров С.А., Соловьева Т.М. Объяснение лексико-грамматического материала при изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434>

Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese Language

Tatyana V. Demidova¹ , Sergey A. Barov² , Tatyana M. Soloveva³

¹Independent researcher

²Financial University,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 125993

³RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 SABarov@fa.ru

Abstract. The study conducts a survey about the use of grammatical verbs in the Chinese language through the descriptive perception of linguistic information in connection with the meaningful world structure of the Chinese language and its characters. The research advises on the need to closely evaluate the European approach to the basics of the Chinese language in connection with teaching methods. The particular idea (research) provided by examples with verbs of movement in space. The authors judging by them long teaching experience advises and considers to revise some methodological rules that are general present in curricula and other materials, in addition, the authors suggests an alternative approach of mastering Chinese language for the western trainees by including into account their cognitive and psychological thinking process. Strong attention is focused on the underestimation of specific dimensional structure of the Chinese language the main reason of this statement is proven by the lack of cognitive-semantic patterns. The article also puts into a question the general methods of teaching Chinese famously known as the westernized which is significantly different in way of structural and content parameter.

Keywords: character, language didactics, cognitive-semantic analysis, iconography

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Demidova, T.V., Barov, S.A. & Soloveva, T.M. (2023). Specifics of Lexical and Grammatical Rules in the Chinese language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 418–434. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-418-434>

Введение

Главная проблема, преследующая китаистов в практике преподавания китайского языка, — это вопросы, касающиеся основной его единицы. Преподавание часто ведется «по молчаливому принятию» такого положения дел, когда термин «слово», существующий на подсознательном уровне

у носителей индоевропейских языков как его основная единица, приравнен к «словоподобным» единицам китайского языка. В то же время многие китайские лингвисты, в частности основоположник современного китайского языкознания Чжао Юаньжень (赵元任 Zhào Yuánrèn), в своих трудах очень критично оценивают навязывание китайскому языку «уровневой теории» (морфем-слов) (см. подробнее: [1–3]). Общий посыл их рассуждений сводится к отрицанию возможности применения условно «западного подхода» в рассмотрении языковой структуры китайского языка, поскольку в китайском языке нет соответствия тому, что в индоевропейских языках называется понятием «слово», а называть иероглиф 字 (zì) «цзы» морфемой или словом неоправданно.

В силу сложности данной проблемы преподавание китайского языка зачастую ведется без должного учета его специфики, проявляющейся в когнитивно-семантическом плане. Нарочитая условность приравнивания понятия слова «европейского формата» к китайскому слову приводит к негативным последствиям в процессе преподавания. Авторами предлагается в качестве основной, базовой единицы языка рассматривать не любую номинацию, а тот *словознак* или *корнезнак* (термин А.М. Карапетьянца), который представлен на письме иероглифическим знаком «цзы» [4].

Корнезнак, представленный иероглифическим знаком 字 (zì) 'цзы'

В рамках «уровневой теории» этот базовый элемент языка еще часто называют «корнеслог». Именно вследствие слабовыраженной противопоставленности слова и знаменательной морфемы («корня») и неясности границы между ними китайцы вынуждены прибегать к терминам «корнеслог», «цзы» и т.п., покрывающим все случаи употребления значимого моносиллаба. Для подчеркивания особого, специфического статуса этой единицы, нам в своих статьях приходится называть ее в соответствии с китайской традиционной лингвистической традицией термином 字 (zì) 'цзы' (иероглиф) вслед за китайскими лингвистами Пан Вэньго и другими сторонниками теории 字本位 (zì běnwèi) — «цзы как основной единицы» [5]. Это простая односложная единица, несущая определенное значение и фонетически состоящая из одного слога, на письме представлена иероглифом. Единственный аргумент против введения ее в качестве основной единицы языка со стороны защитников «сосюрковского толкования» слова в парадигме языкового знака заключается в том, что в современном языке она редко функционирует как самостоятельный член предложения. Чаще всего такие единицы сочетаются с другими им подобными, образуя новую сложную по структуре номинацию, и как двусложное образование они уже могут самостоятельно использоваться в речи.

Тот факт, что в современном китайском дискурсе преобладают не односложные, простые «цзы», а именно двусложные, составные или производные «слова» также не позволяет лингвистам придавать простой единице статус основной в языке. Действительно, таковой считается статистически доминирующая двусложная единица, в китайской лингвистической традиции называемая «цзы» 词 (cí) — собственно ‘слово’. Эта единица (в дальнейшем называем ее по-китайски «цзы») имеет свойства слова на том основании, что она может выступать в предложении как его самостоятельный член.

Существенным отличием этой единицы от слов индоевропейского происхождения, является выделение из состава слова исходных элементов в неизменной форме и с сохранением первоначального значения. Китайское сложное слово «цзы» чаще всего имеет два элемента, которые можно интерпретировать как корни сложного слова (отсюда термин «корнеслог» по Н.Н. Короткову), каждый из которых при выделении из сложного образования может также выступать как самостоятельная единица номинации или, по крайней мере, как единица, сохраняющее свое вещественное значение (семантическое содержание). Действительно, многие из этих единиц утратили способность в речи выступать как самостоятельные слова, выполняющие определенную функцию в предложении. Это в первую очередь относится к единицам, которые несут не конкретный, а обобщенный или абстрактный смысл, например, слово 建设 (jiànshè) ‘строительство’, ‘построение’, — которое главным образом используется для описания процесса построения того или иного государственного строя, создания, образования института власти и прочего «контента», связанного с абстрактными идеями. Каждый из входящих в это слово элементов, выраженных иероглифами 建 (jiàn) и 设 (shè), в современном языке редко используется самостоятельно. В то же время, любой прошедший обучение в средней школе китаец осознает отдельные значения этих иероглифов и не испытывает затруднений при идентификации других слов («цзы»), содержащих в иных комбинациях эти элементы. Например, 建立 (jiànlì) ‘воздвигать’, ‘устанавливать’; 建筑 (jiànzhù) ‘возводить’, ‘сооружать’, ‘строение’; 建成 (jiànchéng) ‘построить’, ‘образоваться’; 建国 (jiànguó) ‘основать (образовать) государств’. Или же примеры с 设 (shè): 设立 (shèlì) ‘учредить’, ‘основать’; 安设 (ānshè) ‘установить’, ‘оборудовать’; 设计 (shèjì) ‘дизайн’, ‘планировать’.

Изначально иероглифы китайцами мыслились одновременно и с точки зрения их смысловой автономности, и как составляющие некоего общего смысла. Как пишет выдающийся советский филолог-китаист, профессор ИСАА МГУ А.М. Карапетьянц: «иероглиф китайского языка может представляться в сознании его носителей как элемент некоторой пары. Поскольку предикативность — динамическое представление действительности — и системность являются характерным свойством китайского языка вообще, эта пара, как правило, антонимична. Такие пары (антонимические и синонимические) в случае необходимости задаются текстами эксплицитно» [б. С. 117].

Применительно к вопросу функционирования в языке иероглифы, каждый из которых в древности представлял собой самодостаточное слово, сочетаясь с другими, образовывали новые смыслы, таким образом происходило увеличение лексики, что служило лучшему отражению в языке окружающей нас действительности. И по мере развития китайского языка постепенно начал происходить переход от односложной системы к двусложной, а «цзы» в этой связи выступали в качестве естественных производных от «цзы», многие из которых со временем потеряли свою прежнюю семантическую самостоятельность.

Заметим попутно, что данная статья ориентирована на проблематику дидактическую, потому «лингвистические коллизии» рассматриваются именно под углом зрения практики преподавания и на основе собственного языкового опыта авторов и не могут претендовать на окончательное решение лингвистических проблем выделения «китайского слова» как такового. В связи с тем, что основополагающим элементом китайского языка является именно «цзы», то и «цзы»-центричный подход является наиболее эффективным в отношении формирования лексических навыков у обучающихся, поскольку позволяет как бы перенести в их сознание языковую картину носителей китайского языка (см.: [7]). Что же касается вышеприведенных примеров и им подобных «сложных» слов, то в силу их множественности и неяркими, с психолингвистической точки зрения, различиями между значениями их запоминание чрезвычайно затруднительно для не-носителей китайского языка. Заглушенное семантикой переводных слов «строить», «посторонние» и пр. сознание носителей, в частности, русского языка не вполне успешно справляется с задачей запоминания, осмысления и использования соответствующих китайских слов, находясь как бы «в путах», «сетях» иной языковой картины мира.

В то же время большинство подобных элементов, входящих в состав сложных номинаций, в той или иной степени способны выступать в современном языке как отдельные самостоятельные слова. Например, 设宴会 (shè yànhuì) ‘устроить банкет’; 设一所学校 (shè yīsuǒ xuéxiào) ‘открыть школу’. Или примеры с 建 (jiàn): 建家 (jiànjiā) ‘создать семью’; 建塔 (jiàntǎ) ‘строить пагоду’ и пр. Таким образом, главнейшей и наименее решенной проблемой в методике преподавания китайского языка является именно игнорирование факта существования иного измерения языка не через призму «западного» (европейского) языкознания и его базовых постулатов о слове, а через аутентичное китайскому языковому сознанию и структуре этого языка измерение в опоре на термин «цзы».

Итак, что же скрывается за 字 «цзы»? «Цзы» — это монолитное, простое по форме — один знак (один слог) — и привязанное к определенному значению образование (единица). Его можно условно назвать «простым словом». Слова же сложные (词 «цзы») не обладают монолитностью формы и часто делаются «на ходу» по интенции говорящего (ср. с русскими окказио-

нальными словами). Для этого у носителей китайского языка есть свой психолингвистический ресурс — когнитивно-семантический элемент — знак «цзы». По всей вероятности, знаки «цзы» в сознании носителей распределены по ассоциативно-семантическим полям, каждый пребывая в определенной ячейке в зависимости от особенностей своей семантики. Многие комплексы, действительно, часто употребляясь в одной и той же комбинации, превращаются в более спаянные между собой единицы, и их-то и можно причислить к сложным словам. Другие же, в основном глагольные «цзы» формируются непосредственно в речи по определенным законам семантической синтагматики и парадигматики. Последняя определяется характером вещественного значения «цзы». Игнорирование постулата о первичности «цзы» приводит к системным ошибкам в преподавании китайского языка.

На данном этапе в наших программах и учебниках нет места отдельному курсу по лексической семантике, который бы смог восполнить эти пробелы в преподавании, хотя знания в этой области помогли бы осваивать и осмысливать то, что в языке первично и стабильно — семантика отдельных «цзы», и то, что вторично и производно — грамматика и семантика производных лексических единиц «цзы». С точки зрения психолингвистических факторов усвоения лексико-грамматического материала современного китайского языка единица производная (в семантическом плане структурно сложная) не может служить базовой для запоминания ее учащимися с иным психолингвистическим фоном, носителями иного языкового строя и иной грамматической системы.

О существенном отличии «западного» (индоевропейского) слова от китайского уже давно писал известный китайский лингвист Люй Шусян. Он подчеркивал, что «слово в европейских языках является готовой единицей и на основании его анализа вычленяется морфема. В китайском же языке наоборот, готовой (то есть непроемной — Т.В. Демидова, С.А. Баров, Т.М. Соловьева) единицей является именно «цзы» [8]. Люй Шусян также отмечал запутанность и невозможность решения вопроса о китайском слове на основе «западных» языковедческих теорий, утверждая в частности, что отличить слово от словосочетания порой не представляется возможным [Там же]. В силу определенных причин так сложилось, что основное движение в методике преподавания китайского языка иностранцам задали именно те китайские лингвисты, которые в отличие от Лю Шусяна являются сторонниками «западного подхода» к исследованию языка и выступают за теорию, согласно которой «цзы» берется как основная единица. Этот подход и утвердился в последние 40–50 лет в китаистике. Под этим углом зрения и почти во всех учебниках и учебных пособиях алгоритм преподавания развернут по схеме «фонетика — письменность (иероглифика) — лексика (а что это в китайском языке зачастую остается для учащихся непонятным) — грамматика (а она-то и детерминирована не структурными свойствами «цзы»)»-сло-

ва, а — семантической наполненностью «цзы»-корнеслова)». Игнорирование важнейшей особенности китайского языка (в силу множественности семантически неделимых единиц «цзы») — выразить любую мысль и ее оттенки с использованием его номинативно-семантического арсенала и синтагматической последовательности значимых элементов — приводит к большим негативным последствиям в постижении аутентичности китайского языка как иного культурно-ментального явления.

Подобный подход в методике преподавания вступает в противоречие с самой природой китайского языка, являющегося, как и любой другой язык, прежде всего знаковым образованием. «Язык по своей цели — знаковая система; чтобы полностью удовлетворять этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков, новых слов...» [9. С. 305]. В современном китайском языке новые знаки односложного порядка, «первознаки», практически не производятся, так как в нем имеется многотысячный «арсенал» из древнекитайского языка. И хотя этих «первознаков» значительное множество, список наиболее употребительных не превышает 3–4 тысяч. На их основе создается бесчисленное множество знаков более сложного строения — двусложных слов, где каждый дериват мотивирован семантикой входящих в его состав «первознаков» — «цзы».

При кажущемся избыточном количестве знаков «цзы» китайский язык вполне удовлетворяет своим функциям и легко усваивается его носителями. Это объясняется двумя факторами: 1. *психолингвистическим* — звучание (слоги, а не последовательности отдельных звуков коррелируют с отдельными иероглифами, которые воспринимаются визуально как гештальт-картинки, а не в результате анализа последовательности фигур); 2. *культурно-социальными* — информационно-образовательными процессами — грамотный китаец обычно с той или иной степенью четкости осознает значение отдельных «цзы». В Китае существуют специальные словари, в которых толкуются непроемные слова, а именно отдельные иероглифы, например *Словарь иероглифов Синьхуа* (新华字典 *xīnhuá zìdiǎn*). Сам факт существования таких подтверждает мысль о первичности именно «цзы» в языковой структуре, тем более что классический китайский язык вэньянь основывался именно на «цзы» в качестве своего базисного элемента (см.: [10. С. 14]). Изучающий же китайский язык иностранец при знакомстве с этим восточным языком опирается на основные парадигмы родного языка, тем более что формат стандартной методики зачастую «подыгрывает» его языковому менталитету и структурам.

Существенная опора в этой парадигме как раз и заключается в восприятии китайских слов без учета их структурно-семантических особенностей по образцу и подобию с индоевропейскими словами. Эта проблема, главным образом, касается усвоения тех слов, которые, если проводить аналогию с русским языком, по большей части в речи ведут себя как глагольные сло-

восочетания. К таковым, в первую очередь, относятся глаголы со значением перемещения в пространстве.

Как показывает многолетний опыт преподавания, в силу указанных выше причин студенты с большими трудностями воспринимают грамматический материал, касающийся так называемых глагольных модификаторов и результативных глаголов. Ошибки в использовании этих глаголов и непонимание их природы продолжается в течение всего периода обучения, особенно в условиях ограниченности аудиторного времени. Соответствующий материал признается грамматически значимым и потому рассматривается в разделах, перегруженных теорией и обобщенно-абстрактной терминологией. Все это негативно сказывается на овладении материалом современными студентами, воспитанными на «клиповой информации» и прочих «гаджетных технологиях». Необходимость совершенствования методики преподавания данных грамматических тем, впрочем, обусловлена не столько вызовами нового времени, сколько структурно-семантическими факторами собственно китайского языка, о которых сказано выше.

В связи со всем вышеупомянутым предлагаем подойти к трактовке грамматических явлений указанного рода глаголов с помощью семантико-когнитивных интерпретаций. Как пишет известный российский филолог, почетный президент «Российской ассоциации лингвистов-когнитологов» Н.Н. Болдырев, «формирование языкового значения напрямую связано и определяется тем, как представлено в слове то или иное концептуальное содержание и с какой конкретной категорией оно соотносено, то есть процессами концептуализации и категоризации» [11. С. 248]. В определенном смысле, чтобы изучать китайский язык с учетом его «особенностей», необходимо научить студентов концептуализировать и категоризировать мир в соответствии с китайским языковым мышлением. Обучающихся необходимо включить в ту языковую картину мира и ту семантическую сеть, которая присуща именно китайскому языковому сознанию и опосредовано представлена в значениях именно производных языковых единиц — «цзы».

Преподаватель должен учитывать, что изучающий язык опирается на неосознанное им знание семантики родных слов и их значения студент по наитию переносит на похожие китайские слова, что приводит к хаотическому встраиванию китайских концептов в иноязычную картину мира, принципиально отличную от китайской (см. подробнее: [12–14]). Единственным критерием, на наш взгляд, определения вектора и местоположения той или иной «чужой» семантической единицы может быть не нечто языковое, формально-знаковое, а именно третий угол семантического треугольника Огдена-Ричардса — сама действительность, сам денотат. Визуальное представление предметов и явлений, которые подлежат обозначению средствами китайских «цзы», помогает осознать и подобрать нужный знак. К необходимости обучать китайскому языку

через визуализацию соответствующих русских концептов подводит сама природа китайского языка. По знаковой характеристике он принадлежит к тем знаковым системам, которые называются иконическими. Как пишет российский синолог, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН А. Крушинский, «с философской точки зрения иконичность (в смысле Ч. Пирса) китайской письменности свидетельствует о безусловном доминировании образности и схематизма в стиле мышления китайцев» [15. С. 104–108]. Каждый «цзы»-иероглиф-словознак — это подобие некоторой картинки, символичной по своему характеру. Это особенно справедливо в отношении «цзы» с конкретной глагольной семантикой типа 拿 (ná) ‘*брать рукой*’, 踢 (tī) ‘*пинать ногой*’, 叼 (diāo) ‘*держат в рту (в зубах)*’, 挑 (tiāo) — ‘*нести на плечах*’ и т.п. Здесь орудие совершения действия — *рука* или же *нога* и *пр.* — интегрировано в сам «цзы»-знак в виде соответствующего рисунка (ключа или детерминатива).

Прежде чем приступить к обучению непосредственно грамматическим категориям, связанным с понятиями перемещения в пространстве, и, в целом, умению визуализировать некий образ, необходимо проводить с учащимися определенную подготовительную работу по преодолению стереотипов, сформировавшихся у них на базе изучения индоевропейских языков, где нет необходимости переключать сознание на визуализацию образа. Например, в английском и русском языках значительная часть лексического состава, естественно имеющего свои специфические черты и особенности, не вступает в конфликт или же какое-либо существенное противоречие по основным жизненно важными концептами перемещения в пространстве, типа *ходить-ехать*, *нести-брать* и подобными, как это имеет место быть при столкновении таких ментально разных когнитивно-семантических систем как русская, шире, европейская и китайская (см.: [16]).

Эта работа по психологической установке сознания «в нужное русло» во многом напоминает работу кинорежиссера на съемочной площадке. В первую очередь необходимо научить студентов видеть за глаголами соответствующие сценки-картинки, перевести пласт информации, связанной с соответствующими глаголами родного языка, из подсознания в сознание. Для этого можно, например, просить истолковать значение того или иного слова с помощью жестов, интерпретаций или примеров. Тот же глагол *брать* обычно интерпретируют телесно, показывая жестом как это действие происходит. В то же время производные от него другие глаголы русского языка типа *отобрать*, *забрать*, *выбрать* и т.п. жестово-указательными приемами истолковать уже гораздо сложнее, так как к интерпретации соответствующих действий необходимо привлекать еще и других лиц, другие предметы, местоположения и прочее. Технически работа по переключению сознания от родных лексических единиц к их образно-семантическому интерпретированию перекликается с компонентным анализом в лексической семантике,

целью которого является раскрытие содержания значений слов путем перечисления соответствующих признаков действия.

Формирование у студентов навыков за каким-либо конкретным действием видеть некую картинку, сценку этого действия помогает подвести их к пониманию того, что представляет в реальности то или иное значение, содержание глагольного знака «цзы». Навык делать осознанным и «видимым», например, значения таких слов, как *идти, войти, выйти, подойти, перейти* и т.п. помогает мысленно вычленивать разные модусы действий. В вышеприведенных примерах достаточно четко выявляется два компонента: собственно перемещение в пространстве с помощью ног и вектор этого направления перемещения в пространстве относительно субъекта действия или говорящего, или относительно оппонента — объекта, адресата. На примере этих глаголов и их семантики необходимо дать возможность «увидеть» два основных момента: 1-й — это перемещение в пространстве с помощью ног без обозначения направления; 2-й — это направленность движения относительно его первоначального местонахождения: *войти* — движение от внешней точки некоего помещения в его замкнутый контур, *выйти* — из некоего помещения наружу и так далее (см.: [17]). Это в некотором роде переформатирование уже абстрактного, основанного на флективных формах русского языка, распознавания как бы в более примитивное, «младенческое» состояние, что порой вызывает недоумение у студентов, готовых более к аналитическому мышлению, чем к такому визуализированному, образно-изобразительному. В то же время, преодолев «снобистское» отношение к подобной методике, они научаются и в дальнейшем на более сложных и абстрактных понятиях и словах находить психолингвистическую опору для запоминания значений более сложных концептов на базе картинок-сценок. Как в свое время сказал немецкий филолог В. Гумбольдт об изучении иностранных языков: «если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа» [18. С. 349].

Подобное утверждение справедливо и в отношении собственно семантического своеобразия китайского языка, как сохранившего в своих «цзы» образное восприятие мира древними китайцами в целом и его глагольной лексики в частности. Только после того, как этот семантический анализ осознается студентами, можно приступать к объяснению, по каким синтагматическим правилам такие действия будут описываться в китайском языке. В данном объяснении также необходимо подчеркнуть, что в китайском языке глаголов, обозначающих различные виды перемещения в пространстве, гораздо больше, чем в русском языке, и все они несут более конкретную и четко прописанную характеристику. Те основные глаголы, которые соответствуют

действиям самого субъекта — человека или животного, без направленности на объект, семантически подобны глаголам русского языка *идти* — 走 (zǒu) ‘идти’, ‘бежать’ — 跑 (pǎo) ‘бежать’, *лететь* — 飞 (fēi) ‘лететь’. Другие же, типа *плыть* — 泳 (yǒng) ‘плыть’, *карабкаться* — 爬 (pá) ‘карабкаться’, — не во всех ситуациях однозначны своим аналогам.

Для объяснения указанной темы достаточно ограничиться списком наиболее употребительных глаголов и на их примерах выявить основные лексико-грамматические особенности таковых. Глаголы, обозначающие действия перемещения объекта в пространстве, в китайском языке имеют гораздо более разветвленную семантическую сеть и отличаются от русских глаголов в первую очередь по признаку орудия совершения действия, то есть в зависимости от того перемещается ли объект с помощью руки, головы, ноги, на спине, на плечах, вместе с кем-то или еще каким-либо иным способом. Причем глаголы, обозначающие перемещение рукой, в свою очередь, имеют более конкретные наименования в зависимости от способа осуществления захвата рукой — пальцами, ногтями (когтями применительно к животным), в охапку или подмышкой и так далее. Каждому такому действию соответствуют различные глаголы-«цзы», тогда как в русском языке данное семантическое пространство покрывается значением одного глагола *нести* и его производных. Таким образом, описание различных ситуаций, каждая из которых имеет свое индивидуальное наименование, помогает учащемуся погрузиться в те фрагменты языковой картины мира китайцев, которые специфическим образом в ней прорисованы и не совпадают по своим границам с более обобщенными и абстрактными по содержанию глаголами русского языка. Далее семантические интерпретации и толкования можно переводить в структурно-семантическую область. Под структурой в данном случае подразумевается лишь некоторая синтагматическая последовательность сочетания «цзы»-корнезнаков между собой, соответствующая или же «параллельная» физическому опыту. Как отмечает канадский лингвист Дж. Хэйманом о языке вообще, «порядок элементов в языке параллелен с физическим опытом или порядком знания» [19. Р. 528].

Следует подчеркнуть, что в китайском языке, кроме множества глаголов, описывающих конкретные физические действия, имеется небольшой ограниченный список глаголов, в значениях которых не прослеживается никакой конкретной информации о характере действия, а отражается лишь его направленность. Точкой отсчета в этой направленности могут быть две координаты. Во-первых, сам повествующий, тот, кто говорит о действиях, и самое общее направление некоторого движения в сторону этого повествующего лица репрезентируется глаголом 来 (lái) — ‘прийти’ (ко мне), в обратную сторону — глаголом 去 (qù) ‘уйти’ (от меня). Во-вторых, некоторое местонахождение, локация первоначальной точки лица или объекта и ее конечного пункта относительно некоторого помещения, емкости и так далее.

Это те глаголы, которые принято называть модификаторами движения, такие, как 上 (shàng) ‘подниматься’, 下 (xià) ‘опускаться’, 进 (jìn) ‘входить’, 出 (chū) ‘выходить’, 过 (guò) ‘подходить-проходить’, 回 (huí) ‘возвращаться (приходить домой)’, 起 (qǐ) ‘подниматься’ (отрываясь от поверхности), 到 (dào) — ‘дойти до’.

Заметим, что тот перевод, которым снабжены эти примеры, очень условно передает значение соответствующих китайских глаголов. Например, 来 (lái) или 去 (qù) передают некоторую общую идею вектора движения *к кому/чему* или *от кого/чего*. Их значение, как наиболее абстрактное в своем концептуально-когнитивном измерении, в зависимости от контекста, от фона ситуации используется в значении *приходить* или *уходить*. Более четкую их характеристику необходимо сопровождать в аудитории конкретными примерами и наглядными средствами. Это основные глаголы с идеей направления перемещения как лица, так и объекта. Данные глаголы, в отличие от вышеприведенных, имеют более обобщенную семантику и могут как самостоятельно, так и в составе сложной номинации описывать или уточнять направленность движения лица или объекта относительно некоторой локации или замкнутого пространства. До учащихся необходимо донести мысль о том, что эти глаголы по семантике напоминают приставки или предлоги, но их позиция отличается от позиции в производных глаголах русского языка — перед корнем.

Позиция соответствующих китайских глаголов направленности определяется логикой или характером самого физического действия или самой сцены реальности, которую требуется означить. Фактическое действия (его манипуляционный алгоритм) совершается в результате последовательности актов, одного за другим или параллельности действия (например, ходьбы и т.п.) и его направленности, например, вверх или вниз. Как в реальности мы начинаем действие с поступи 走 (zǒu) и затем или почти одновременно (но не перед основным действием) направляем свою поступь вверх — 走上 (zǒushàng) или вниз 走下 (zǒuxià). Если же идем/перемещаемся в некий контур, вместилище, то 走进 (zǒujìn) ‘входить внутрь’. Если действие осуществляется мимо/через что-либо или до чего-либо, то — 走过 (zǒuguò), а если в обратном направлении (т.е. до места, где субъект проживает, обитает, учится и пр.), то — 走回 (zǒuhuí) и так далее. Важность этой психолингвистической и когнитивной установки на реальность, живую картинку бытия во многом предопределяет и логику последовательности действий с помощью «цзы» со значением некоторого конкретного действия и затем его направления либо некоего результата (здесь переключка с так называемыми результативными глаголами) (см.: [20]).

Подобная когнитивная установка со всеми предшествующими объяснениями и интерпретациями действительности через семантику русских лексем позволяет избежать негативного влияния со стороны семантической

и грамматической систем русского языка. Это способствует правильному формированию, встраиванию китайского языкового сознания как дополнительной когнитивной опции в наше слово-ориентированное мышление. Приведем для наглядности ряд примеров. *Выйти / выбежать / вынести* — 走出 (zǒuchū) ‘*выйти*’ / 跑出 (pǎochū) ‘*выбежать*’ / 拿出 (náchū) ‘*вынести*’. ‘*Войти/вбежать/внести*’ — 走进 (zǒujìn) / 跑进 (pǎojìn) / 拿进 (nájìn). Общая синтагматическая схема представляет последовательность «*цзы*» с семантикой от конкретного действия (*идти, бежать*) указывающего на сам характер его совершения к менее конкретной семантике векторного характера перемещения в пространстве вообще любых объектов, денотатов (наружу/внутри, верх/вниз). В зависимости от других лингво-структурных или лингво-содержательных обстоятельств, данные номинации могут состоять из трех компонентов. В таком случае в третьей позиции можно ставить самый общий показатель направления движения *от* или *к* говорящему 来 (lái) и 去 (qù). Например, ‘*выйти ко мне*’ — 走出来 (zǒuchū lái), — или ‘*выйти от меня*’ — 走出去 (zǒuchū qù).

Методическая установка на обозначение образа или картинке совершения действия позволяет выработать правильную стратегию при изучении грамматики китайского языка, которая в своей основе лексически ориентирована, то есть большинство категорий передаются лексико-семантическими средствами. Грамматика китайского языка лучше усваивается и понимается студентами, если задействованы механизмы визуализации обозначаемых действий, за которыми при переводе стоят концепты в их априори менее прорисованном контуре членения внеязыковой действительности. Контрастивная особенность семантики русского языка (в сравнении с китайской) и побуждает выйти из плана ее формы и содержания в план самой действительности и, оттолкнувшись от конкретной картинке (иконки), постигать семантику и грамматику китайского языка.

Как утверждает известный датский лингвист, создатель глоссематики Л. Ельмслев, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи» [21. С. 305]. Данная мысль вполне справедлива и для современного китайского языка, хотя ее нельзя воспринимать буквально. Речь идет о том, что в современном китайском языке основной содержательной единицей выступает не слово европейского формата, а «слово-корень», выраженный на письме с помощью иероглифа, заключающего в себе некую картинку действительности древних китайцев и со временем превратившегося в понятийный знак мышления и языка.

Как пишет американский лингвист, представитель функционального направления Т. Гивон, «при всех прочих равных условиях кодированный опыт легче хранить, получать и передавать, если этот код максимально изоморфен

опыту» [22. С. 189]. Можно утверждать, что китайский языковой код в гораздо большей степени изоморфен опыту, реальности в отличие от русского и прочих индоевропейских, посему и преподавание китайского языка должно учитывать данную его базовую характеристику. Обучающийся с самого начала должен осознавать, что китайский язык предельно детализирован или, иначе, «конкретен», потому и мышление в его рамках должно быть максимально иконичным, выстраиваться как бы в противоположность образности, абстрактности мышления носителей тех языков, в основе которых лежит понятие «слова», как некой новой, «надстроечной» номинации.

Выводы

В силу того, что иероглифы возникли в древности как «носители» понятийной картины мира древних китайцев, где каждый знак выступал как представитель некоего чаще образного понятия, в современном языке эти образы переправляясь в формы новых, сложных номинаций, сохраняют эту образность и ее мотивированность внеязыковым опытом, что отражается в семантике его единиц и их синтагматических принципах. Данные свойства языка, а именно мотивированность его знаков и их иконичность, как его онтологические свойства не отражены должным образом в методике преподавания китайского языка как в России, так и за рубежом. Обращение в процессе освоения лексико-грамматического материала, посвященного глаголам перемещения в пространстве к внеязыковому опыту, позволяет осознавать механизмы семиозиса единиц китайского языка и на этой базе наглядно и эффективно формировать соответствующие знания, умения и навыки.

Таким образом, в силу иконичности китайской знаковой системы, более логичным представляется преподавание грамматики вообще и глагольный в частности, с опорой на структуру реального опыта. И в этом направлении необходимо формировать навык видения данного опыта не через призму родного, русского языка (и прочих индоевропейских), а через отраженную в знаках «цзы» реальную картину действительности носителей китайского языка, китайскую языковую картину мира. Наиболее благоприятной с точки зрения формирования психолингвистических механизмов подобных навыков является именно глагольная лексика китайского языка с идеей перемещения в пространстве как наиболее изоморфная структуре реального опыта и наименее изоморфная содержательным структурам русского языка, в первую очередь, его лексике.

Библиографический список

1. Zhao (Chao) Yuanren. Aspects of Chinese Sociolinguistics: Essays (Language Science and National Development). Stanford: Stanford University Press, 1976.
2. Zhao (Chao) Yuanren. Language and Symbolic Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

3. Zhao (Chao) Yuanren, Wu Zongji, Zhao Xinna. *Linguistic essays*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2006.
4. Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология / отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Наука, 2015.
5. Pan Wenguo. *Zi ben wei yu han yu yan jiu*. Shanghai: Hua dong shi fan da xue chu ban she, 2002.
6. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
7. Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 48–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63>
8. Lǚ Shūxiāng. *Yǔwén chángtán* (Люй Шусян. Рассуждения о китайской филологии). Shēnghuó: dúshū, xīnzhī sānlíán shūdiàn, 2008.
9. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука, 1968.
10. Карапетьянц А.М., Тань Аошун. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001.
11. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. 2011. № 33(248). С. 11–16.
12. Рубец М.В. Роль китайской языковой картины мира в организации когнитивных процессов ее носителей // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 513–530.
13. Тань Аошун. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
15. Крушинский А.А. Стиль мышления древнего Китая: логико-методологический аспект // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 104–108.
16. Youmei G. Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. *Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching* // Creative Education. 2011. № 2. P. 354–362.
17. Yin Hui. The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs // Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. 2011. № 21. P. 118–125.
18. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
19. Haiman J. The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation // *Language*. 1980. № 56(3). P. 515–540.
20. Zhang Liulin, Jiang Song. A Cognitive Linguistics Approach to Chinese Classifier Teaching: An Experimental Study // *Journal of Language Teaching and Research*. 2016. Vol. 7. № 3. P. 467–475. <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0703.05>
21. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 305.
22. Givón T. I concity, isomorphism, and non-arbitrary coding in syntax // I concity in Syntax: Proceedings of a Symposium on I concity in Syntax, Stanford, June 24–6, 1983. Amsterdam/Philadelphia, 1985. P. 187–219.

References

1. Zhao (Chao), Yuanren. (1976). *Aspects of Chinese Sociolinguistics: Essays (Language Science and National Development)*. Stanford: Stanford University Press.
2. Zhao (Chao), Yuanren. (1968). *Language and Symbolic Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Zhao (Chao), Yuanren, Wu, Zongji, & Zhao, Xinna. (2006). *Linguistic essays*. Beijing: Shangwu yinshuguan.

4. Karapet'yants, A.M. (2015). *Early Chinese systemology*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (In Russ.).
5. Pan, Wenguo. (2002). *Zi ben wei yu han yu yan jiu*. Shanghai: Hua dong shi fan da xue chu ban she.
6. Karapetyants, A.M. (2010). *At the origins of Chinese literature*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (In Russ.).
7. Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of the Modern Chinese language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(11), 48–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63> (In Russ.).
8. Lu, Shuxiang. (2008). *Reflections on Chinese Philology*. Shēnghuó: dúshū, xīnzhī sānlíán shūdiàn.
9. Korotkov, N.N. (1968). The main features of the morphological structure of the Chinese language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Karapet'yants, A.M. & Tan', Aoshchuan. (2001). *Textbook of classical Chinese language Wenyan'*. Moscow: Muravey. (In Russ.).
11. Boldyrev, N.N. (2011). Interpreting function of language. *Messenger of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 33 ((248) 60), 1–16. (In Russ.).
12. Rubets, M.V. (2016). Role of the Chinese linguistic picture of the world in the organization of cognitive processes of its carriers. In: *Society and the state in China*. Vol. XLVI. Ch. 2. Moscow: IV RAN. pp. 513–530. (In Russ.).
13. Tan' Aoshuan. (2004). *Chinese picture of the world. Language, culture, mentality*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.).
14. Tan' Aoshuan. (2002). *Problems of hidden grammar*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.).
15. Krushinsky, A.A. (2009). Thinking style of ancient China: logical and methodological aspect. *Questions of Philosophy*, 1, 104–108. (In Russ.).
16. Youmei, G. (2011). Cognitive Linguistics-Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. Cognitive Linguistics–Inspired Empirical Study of Chinese EFL Teaching. *Creative Education*, 2, 354–362.
17. Yin, Hui. (2011). The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs. *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 21, 118–125.
18. Humboldt, V. (1985). *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Haiman, J. (1980). The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation. *Language*, 56(3), 515–540.
20. Zhang, Liulin & Jiang, Song. (2016). A Cognitive Linguistics Approach to Chinese Classifier Teaching: An Experimental Study. *Journal of Language Teaching and Research*, 7(3), 467–475. <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0703.05>
21. Givón, T. (1983). I concity, isomorphism, and non-arbitrary coding in syntax. In: *I concity in Syntax: Proceedings of a Symposium on I concity in Syntax, Stanford, June 24–6*. Amsterdam/Philadelphia. pp. 187–219.

Сведения об авторах:

Демидова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук; независимый исследователь; научные интересы: когнитивная лингвистика; e-mail: tademidova52@mail.ru
ORCID: 0009-0001-0332-871X

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; научные интересы: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; e-mail: sabarov@fa.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549

Соловьева Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: solovevatm@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7492-1422

Information about the authors:

Tatyana V. Demidova, PhD in Philology, Independent researcher; *Research interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: tademidova52@mail.ru

ORCID: 0009-0001-0332-871X

Sergey A. Barov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Faculty of International Economic Relations; *Research interests*: contrastive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: sabarov@fa.ru

ORCID: 0009-0008-4844-1549

Tatyana M. Soloveva, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *Research interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: solovevatm@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7492-1422

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-435-445

EDN: LCJJAR

UDC 81'22'23:003

Research article / Научная статья

Semiotic Approach in Psycholinguistics

Elena S. Nikitina

Moscow Financial and Law University,
17–1, Serpukhov val str., Moscow, Russian Federation, 115191

✉ m1253076@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to psycholinguistics as one of the angles of the study of consciousness. The relevance of the study is due to the fact that psycholinguistics has not yet succeeded in constructing a valid ontological picture defining the specific “reality” of a given science, and finding a place for it in the scientific picture of the world. If we take into account the spatial structure of the sign, then we can assume the presence of at least three points of view on semiotics as a subject of study of the sign organization of consciousness. These are linguistic semiotics, philosophical semiotics and psychological-hermeneutical semiotics. The novelty of the study lies in the introduction of psycholinguistics into the intersubject communicative space of disciplines that study consciousness in order to highlight its subject-methodological features. The symbolic nature of consciousness makes it possible to consider semiotics not only as a scientific subject of study, but also as a method of organizing and transferring experience. As a result of the analysis of the problem, the statement can be proposed that psycholinguistics methodically explores understanding as an accompanying function of text creation. In culture, relations between people are reified, and this reification is semiotic. In the psyche, these relationships are psycholinguistic. The socio-cultural encounter of these relationships occurs at the metacognition level.

Keywords: sign, consciousness, psycholinguistics, text, evidential paradigm, understanding, meta-cognition

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Nikitina, E.S. (2023). Semiotic. Approach in Psycholinguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 435–445. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-435-445>

© Nikitina E.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Семиотический подход в психолингвистике

Е.С. Никитина

Московский финансово-юридический университет,
115191, Российская Федерация, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1

✉ m1253076@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено психолингвистике как одному из ракурсов изучения сознания. Актуальность исследования обусловлена тем, что психолингвистике до сих пор не удалось построить специальную онтологическую картину, задающую особую «действительность» данной науки, и найти ей место в научной картине мира. Если принять во внимание пространственную структуру знака, то можно предположить наличие, по крайней мере, трех точек зрения на семиотику как предмет изучения знаковой организации сознания. Это лингвистическая семиотика, философская семиотика и психолого-герменевтическая семиотика. Новизна исследования состоит во введении психолингвистики в межпредметное коммуникативное пространство дисциплин, изучающих сознание, с целью высветивания ее предметно-методических особенностей. Знаковая природа сознания позволяет рассмотреть семиотику не только как научный предмет изучения, но и как метод организации и передачи опыта. Результатом анализа проблемы может быть предложено утверждение, что психолингвистика в методическом плане исследует понимание как сопровождающую функцию творения текста. В культуре отношения между людьми овеществляются, и это овеществление семиотично. В психике эти отношения психолингвистичны. Социокультурная встреча этих взаимоотношений происходит на уровне метасознания.

Ключевые слова: знак, сознание, семиотика, психолингвистика, текст, уликовая парадигма, понимание, метасознание

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Nikitina E.S. Semiotic. Approach in Psycholinguistics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 435–445.
<https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-435-445>

Introduction

According to the dictionary definition semiotics is a branch of science that investigates the qualities of signs and systems of signs. It's a scientific discipline that explores communicative systems and the signs constituting them [1]. Signs are ubiquitous, present in various areas of our life: monetary signs (money), astrological signs (Zodiac), graphical punctuation signs, signs of mathematical operations as addition, subtraction, etc., musical signs (notes), military insignia, the signs on the roads, commercial brands, the signs pertaining to human behaviour and relations like appreciation and respect, consent or disagreement, etiquette. Everything around can be treated as a sign [2]. But is there anything that is not a sign? Yes, that is only human consciousness. It generates signs. Consequently, it should

be acknowledged that the sign is the material aspect of consciousness (“the curse of matter” as K. Marx claimed, is primarily dependent on the spirit). Consciousness as a human quality also has a sign form presenting itself to an individual as such). Hence, it is co-knowledge. Moreover, the entire objective world, including cultural human practice can be considered the content of consciousness, therefore a sign. Does it mean then that signs are outside scientific knowledge taking into account the stringent criteria of the classical scientific paradigm?

Semiotic Approach

It’s implied or expressed that the status of a science in a classical paradigm depends on the object of research, methods and techniques of investigation, a specific language of description [3]. Semiotics since its emergence at the turn of the 19th and 20th centuries deviates from the accepted paradigm of knowledge, which is why its scientific status isn’t universally acknowledged.

Primarily, semiotics hasn’t yet developed its own research method or methods, if by method we mean a set of operations which allow a theoretical or practical grasp of reality. It is more accurate to say that it embraces any method in principle, without considering any connection between method and worldview. Next, semiotics virtually denies the distinction between the object of description and the language of description, treating both as two isomorphic languages. This is perhaps the only case in culture where synchronicity (the state of an object at the moment of its use in communication) wholly explains its diachronicity (the historical development of an object over time).

If semiotics is not an outlook or a method, since it is addressed by people of various views of the world, from idealist theologians to materialist atheists, it absorbs all existing methods of humanities (sociological, psychoanalytic, linguistic, logical, etc.) or, conversely, becomes one component of each method in its own right. If semiotics is not a viewpoint or a set of opinions of particular semioticians, because the special construction of the semiotic apparatus and the metalinguistic nature of representation prevent these opinions from fully manifesting their subjective nature, but inflict a number of rules-restrictions on it. It can be assumed that the subject of semiotics is not precisely delineated or misnamed. It is not only “a way of human existence inside the language it creates”, but also outside it — “as soon as the illocutionary act ceases to be a pure action and moves into the sphere of reflexion, we objectively get into the space of semiotics” [4. P. 47]. This means that it is a science of human consciousness. Only consciousness can be both “outside” and “inside” the entity it denotes, since it has no place of its own (according to Kant, the metaphysical problem of the place of the soul is not only unsolvable, but also internally contradictory). Human consciousness is written in the language of meanings, semiotics tries to describe the laws of meaning-making by seeking them out in diverse constellations of signs.

One of the classics of semiotic studies, Charles William Morris, included semiotics in the encyclopedia of knowledge back in 1946. Recognizing that the salient feature of human intelligence is generation of signs, Ch. Morris claimed that semiotics is designed to solve the problem of unifying sciences [5].

The semiotic approach allows the study of complex processes and structures as sign forms of human consciousness. For the humanities, this approach is similar to the role of mathematics in the subjects of the natural science cycle. The symbolic nature of consciousness allows us to consider semiotics not so much as a scientific subject of study, but as a method of organizing and transferring experience [6]. Thus, Carlo Ginzburg's evidential paradigm highlights this very aspect of human consciousness. Let us believe the researcher who claims that man has been a hunter for thousands of years: "In the course of countless chases he learned to reconstruct the shapes and movements of his invisible prey from tracks on the ground, broken branches, excrement, tufts of hair, entangled feathers, stagnating odors. He learned to sniff out, record, interpret, and classify such infinitesimal traces as trails of spittle. He learned how to execute complex mental operations with lightning speed, in the depth of a forest or in a prairie with its hidden dangers. This rich storehouse of knowledge has been passed down by hunters over the generations. <...> This knowledge is characterized by the ability to construct from apparently insignificant experimental data a complex reality that could not be experienced directly. Also, the data is always arranged by the observer in such a way as to produce a narrative sequence, which could be expressed most simply as "someone passed this way." Perhaps the actual idea of narration (as distinct from charms, exorcisms, or invocation) may have originated in a hunting society, relating the experience of deciphering tracks. This obviously undemonstrable hypothesis nevertheless seems to be reinforced by the fact that the rhetorical figures on which the language of venatic deduction still rests today – the part in relation to the whole, the effect in relation to the cause — are traceable to the narrative axis of metonymy, with the rigorous exclusion of metaphor. <...> Consequently, we can speak of a presumptive or divinatory paradigm, directed, depending on the forms of knowledge, towards the past, present, or future. For the future, there was divination in a strict sense; for the past, the present, and the future, there was medical semiotics in its twofold aspect, diagnostic and prognostic; for the past, there was jurisprudence. But behind this presumptive or divinatory paradigm we perceive what may be the oldest act in the intellectual history of the human race: the hunter squatting on the ground, studying the tracks of his quarry" [7. P. 102–104].

Thus, in the history of mankind, a set of disciplines arose based on deciphering the signs of various kinds, from symptoms to written signs. The body, language and history of human beings were for the first time subjected to an unprejudiced analysis which in principle ruled out divine intervention. Even today, we live with the effects of this decisive shift that defined the culture of the polis. A paramount role in this shift was played by a paradigm called the semiotic or evidence-based

paradigm. Doctors, historians, politicians, potters, carpenters, sailors, hunters, fishermen, and women were just a few of the social categories that served as the vast field of presumptive knowledge in the eyes of the Greeks.

These are disciplines that basically operate with qualities, not quantities; having as their object individual cases, situations and documents just as individual phenomena and that is why they arrive at results that carry an irreducible element of chance.

To connect to the semiotic paradigm, the object of study should be first delineated because the sign has three components: name — denotatum — meaning. True, there can be signs without a name (null sign), without a denotatum (empty sign) and without meaning (bare sign). But the significance of the sign — its place in the system of other signs — makes up for this absence [8]. Then determine the vector (aspect) of semiosis.

It was Ch. Morris who identified three dimensions of semiosis: syntactics, which characterizes the relationship of one sign to another or others, semantics, which characterizes the relationship of a sign to a meaning, and pragmatics, which characterizes the relationship of a sign to a user (interpreter) [9].

And, finally, those ones determine the issue of the units of analysis, which contain, like a molecule, all the main properties of the sense produced. Every semiotic system is characterized by:

- 1) an operational method;
- 2) the scope;
- 3) the nature and number of signs;
- 4) the type of operation.

An operational method is the way through which the system acts, namely that sensation (sight, hearing, taste, etc.) through which it is perceived.

Scope is an area where the system is mandatory, recognized, and influences behavior.

The nature and number of signs are derived from the above conditions.

The type of operation is the relation that connects signs and imparts them a differentiating (distinctive) function.

Only after this, by analogy with other sciences, three classes of methods can be distinguished in semiotics:

- Theoretical, where the subject is related with the mental pattern of the object (more precisely, the subject of study). These involve linguistic methods of analyzing sign systems.
- Empirical, by which the external real correlation of the subject and the object of the investigation is performed. For example, the construction of languages.
- Interpretations and descriptions, by which the subject is “externally” linked up with the symbolic presentation of the object (graphs, tables, diagrams, texts).

Using of theoretical methods results in knowledge about the object in natural-linguistic, sign-symbolic or spatial-schematic forms. Empirical methods give us data

that fix the state of the object by readings from instruments, conditions of the subject, computer memory, activity effects, etc. Latterly, interpretive-descriptive methods are the “assembly point” for the outcome of the implementation of theoretical and experimental methods and the point of their interacting.

The data of an empirical study, as the first option, are initially exposed to elaboration and proffering complying with the demands on the results of the theory, pattern, and the inductive hypothesis underlying the research. As another option, the data under study can be viewed in terms of contesting conceptions for consistency with the hypothesis results.

The products of interpretation are fact, empirical dependence and, ultimately, substantiation or rejection of the hypothesis [10].

According to Niels Bohr’s principle of complementarity, mutually exclusive, additional classes of concepts are needed to reproduce an integral phenomenon in a sign system. For the sign itself, the principle is unalterable. Representing consciousness in communication, the sign carries with it the properties of consciousness, its discrete-continuous nature. This is a four-dimensional space-time existence (three coordinates of space and one coordinate of time), and non-redundancy in the coexistence of sign systems, and double signifying: an object and knowledge about it, and the ability to “enter” another sign, expanding its meaning. Herewith follows one of the main problems of semiotics — the allocation of units for the analysis of sign systems and their hierarchy in the structure of consciousness.

According to U. Eco, “the most and the least that semiology is capable of (we are talking about research, the possibility of which is still looming), is to recognize in the way of articulating the signifier certain laws corresponding to *constant mechanisms of thinking*, unchanged for all cultures and civilizations, and, therefore, to assume — as a hypothesis — that, ultimately, each message contains the most imperative indication of how it should be read, due to the immutability of the mechanisms of articulation, schemes of generating statements, from which no one has ever been able to free themselves. The semiotic concept of *constancy of communication* rests on this utopian concept of *immutability of the human mind*. But these general research stances should not divert attention from another related task: to constantly monitor the changes in the forms of communication, the restructuring of codes, the birth of ideologies” [11. P. 114].

Text in Psycholinguistics

If we take into account the spatial structure of the sign, we can assume the presence of at least three points of view on semiotics as a subject of study of the sign organization of consciousness. While F. de Saussure and Charles Peirce stood at the origins of the first two semiotics, the third one was mainly developed by Russian scientists: G.G. Shpet, L.S. Vygotsky, M.M. Bakhtin, V.Ya. Propp, the school of “Russian formalists”, S.M. Eisenstein and others. In this sense, psycholinguistics

can also be viewed as a section of pragmatics, if we stand on the activity oriented position: “The subject of psycholinguistics is the relationship of the personality to the structure and functions of speech activity, on the one hand, and language as the main human world image “shaping factor”, on the other” [12. P. 19].

The study of the place and role of sign systems in human life is becoming a very urgent task for modern humanities, since signs, symbols and their systems act as material carriers of human modes of life and transmission of specifically human abilities over generations. It is not by chance that Ernst Cassirer spoke of man as a “symbolic animal” [13], and M.M. Bakhtin suggested calling “symbolology” the method of the humanities [14].

Being interested in the relationship between languages and mental processes, psycholinguistics falls under the jurisdiction of the semiotic consciousness-working paradigm [15].

In the post-nonclassical scholarly paradigm, consciousness is not considered an object, it cannot be treated as such in the classical cognitive stratagem of subject-object relations. The deficiency of the notion that self-consciousness is “apparent”, and it is the most essential and principal foundation of knowledge (*cogito ergo sum*), where the object of knowledge and the means of cognition converge, have become evident. For consciousness per se (rather than its comprehension) cannot be sustained by us in reality, alternatively, it cannot be a life experience for us, and consequently it cannot be an item of positive knowledge. It is not just that it cannot be the object of one’s own background, despite the fact that it is also significant, but it cannot be an object for us. We believe that we deal with consciousness, that we are involved in cognizance of consciousness particularly as it is inconceivable to define consciousness, to deal with consciousness as it is, and not with its understanding. Accordingly, new terms and notions should be presented, that should be referred not to consciousness as an object of study, but to “dealings” with it, and hence these terms and concepts will be fixed as assets of the very work with consciousness itself.

Understanding is a prerequisite for working with consciousness (not “work” of consciousness”, but “work with consciousness”), which is a very important basis of cognition.

“Here a special role is played by some internal negative ability, which is expressed in a kind of “struggle with consciousness”. The struggle with consciousness comes from the desire of a person to ensure that consciousness ceases to be something spontaneous and self-acting. Consciousness becomes cognition, and at this time (the word “time” here has no physical meaning) ceases to be consciousness, and, as it were, becomes meta-consciousness — and then we will conventionally call the terms and statements of this latter meta-theory. And what inevitably pushes us towards the metatheory of consciousness is the need to struggle with consciousness. The task is, firstly, to determine the conditions in which the problem of the struggle with consciousness arises and, secondly, to reveal this struggle with consciousness as being itself a source of knowledge. The struggle with consciousness

follows from the very way of existence of an individual person as a conscious being and is a manifestation of this way, in this sense it is a pragmatic problem, because a person encounters it, no matter what activity he is engaged in. A person solves this problem as a problem of his own way of existence” [16. P. 28].

In metatheory, consciousness is not just a single mental process, but there is a level at which all distinct mental operations are consolidated (including other levels, such as the unconscious), and which are no longer themselves here because at such a level they relate to consciousness. That’s why every cognitive operation can be looked at from both the conscious and the object sides. Consideration of the second aspect of the consciousness side implies a synthesis of the knowledge of the disciplines studying it.

Interdisciplinary Approach

A significant characteristics of any interdisciplinary research is its problem orientation, leading to the emergence of fundamentally new knowledge at the junction of individual, specified disciplines. Moreover, the disciplines themselves, after such integration, do not cease to exist, but are enriched with new principles of research. Thus, if hermeneutics has emerged as a protective mechanism for preservation and transmission of meanings, since the latter are sometimes subjective and can be distorted in the process of translation, storage, or reproduction. “Hermeneutics as an activity ultimately has practical goals: to understand, to have understood, to become understanding (that is, to become smarter), to help others to become understanding (smart), to improve mutual understanding between people and nations, to explain the foundations of one’s own or someone else’s understanding (to interpret) and help others interpret something, to get rid of a deaf misunderstanding and help others in this, more broadly — to enrich the spiritual life of an individual and a clan, making people smarter, better and cleaner” [17].

Then psycholinguistics picked up the tradition of the rhetorical canon to create a text as a speech product that affects another person. It was psycholinguistics that was interested in the process of not only perception, but also generation of a speech utterance, more broadly, a text. Here it moved further, presenting the stages of text generation in the form of separate sense loci. Thus combining the rhetorical tradition with hermeneutic [18]. The range of problems discussed in psycholinguistics includes the unification of the tasks of understanding and interpreting a text, since only in a dialogue with another (sometimes of a higher status — initiated into the secrets of interpretation), encountering other senses, the identity of truth can be established. In its methodological aspect psycholinguistics explores understanding as an accompanying function of text creation [19].

Ontology, material, structure, objectives, methods and procedures suggest that disciplines such as psycholinguistics, semiotics and hermeneutics are united

into a single academic complex that describes the life of consciousness [20]. Understanding, on the other hand, links cognition, communication and the expansion of consciousness into a single knot. Problems and material, structure and ontology, methods and procedures suggest that disciplines such as psycholinguistics, semiotics and hermeneutics are united into a single academic complex that describes the life of consciousness. On the other hand, understanding links cognition, communication and the expansion of consciousness into a single knot. As a semantic whole (and the sense cannot be divided into components, as this mental unit is not discrete, like any function of the content of a sign), consciousness should be considered a text. So, texts, as more stable and constrained formations, tend to move from one context to another, as is usually the case with relatively durable works of art: moving to another cultural context, they behave like an informant, moved to a new communicative situation — they actualize previously hidden aspects of their coding system. This “recoding of oneself” in accordance with the situation reveals the analogy between the sign behavior of a person and a text. Thus, the text, on the one hand, likened to the cultural macrocosm, becomes more significant than itself and acquires the features of a cultural model, and on the other hand, it tends to implement independent conduct, assimilating to an autonomous personality” [21. P. 161].

Conclusion

Signs, symbols, texts act as existential transporters of the human way of life and the intergenerational transmission of specifically human abilities, consciousness integrating these abilities. The semiotic approach confronts different positions, forming a single interdisciplinary communicative space for solving complex object problems. In recent decades, philosophers, psychologists, linguists, and cultural studies experts have become increasingly interested in the emerging interdisciplinary fields of knowledge covering the issues of common for them cultural phenomena of sign, sense, symbol, meaning, word, text, interpretation, understanding, etc. Psycholinguistics, psychosemiotics and psychohermeneutics formed on the basis of this interest as new branches of humanitarian knowledge introduce the factor of consciousness and ways of its functioning into the sciences of sign systems, into the problem of understanding texts expressed in different languages, into the issues of interpreting reality and constructing a world picture. Psycholinguistics, psychosemiotics and psychohermeneutics, formed on the basis of this interest, as novel disciplines of humanitarian studies, bring up the factor of consciousness and its operating modes into semiotics, the abilities of understanding texts represented in different languages, into the issues of interpreting reality and constructing a world view. Nonetheless, each of these disciplines has its own subject in the constructed object of study. A semiotician is confronted with the sense structure of consciousness as the object of study. This

framework is set not only by language, but also by many other sign systems, in the broader sense — by culture as an iconic formation. Semiotics, as a designing field of study, endeavors to create a language for communicative interaction in a heterogeneous cultural environment of signs.

References

1. Semiotics. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. (2021). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/8181> (accessed: 01.02.2021). (In Russ.).
2. Martin, Br. & Ringkhem F. (2009). *Dictionary of Semiotics*. Moscow: URSS. P. 253. (In Russ.).
3. Zotov, A.F. (2011). Scientific rationality: history, modernity, prospects. *Questions of philosophy*, 5, 5–17. (In Russ.).
4. Shatin, Yu.V. (1996). Three vectors of semiotics. *Discourse*, 2, 41–47. (In Russ.).
5. Morris, Ch. (1946): *Signs, Language and Behavior*. New York: Prentice Hall.
6. Makhlina, S.T. (2010). *Lectures on semiotics of culture and linguistics*. St. Petersburg: SPbKO. (In Russ.).
7. Ginzburg, C. (1989). Clues: Roots of an Evidential Paradigm. In: *Clues, Myths, and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. pp. 96–125.
8. Nikitina, E.S. (2006). *Semiotics. Course of lectures*. Moscow: Academic Project; Trickst. (In Russ.).
9. Morris, Ch.U. (1983). Foundation of the sign theory. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. (In Russ.).
10. Lebedev, S.A. (2014). *Course of lectures on the philosophy of science*. Moscow. (In Russ.).
11. Eko, U. (1998). *Missing structure. Introduction to semiology*. Moscow: Petrópolis. (In Russ.).
12. Leont'ev, A.A. (1997). *Basics of psycholinguistics*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
13. Kassirer, E. (2002). *Philosophy of symbolic forms*. Moscow: Univer. kn.; SPb., Yazyk. (In Russ.).
14. Averintsev, S.S. (1976). Symbol. In: *Brief literary encyclopedia*. Vol. 6. Moscow. P. 828. (In Russ.).
15. Sapogova, E.E. (1999). Psycholinguistics for psychologists: in search of didactic paradigm. *Izvestiya TulGU. Series: Problems of linguistics*, 2, 63–72. (In Russ.).
16. Mamardashvili, M.K. & Pyatigorsky, A.M. (1997). *Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
17. Bogin, G.I. (2001). *Gaining the Ability to Understand. Introduction to Philological Hermeneutics*. Moscow: Psychology and Business OnLine. (In Russ.).
18. Brudnyi, A.A. (1998). *Psychological hermeneutics*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
19. Nikitina, E.S. (2016). *Semantic analysis of the text: psychosemiotic approach*. Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.).
20. Sapogova, E.E. (2006). Chronotop Bakhtina: the temptation of penetration. *Cultural and historical psychology*, 2(1), 94–98. (In Russ.).
21. Lotman, Yu.M. (2002). Semiotics of Culture and the Concept of the Text. In: *History and Typology of Russian Culture*. St. Petersburg: Art. pp. 158–162. (In Russ.).

Библиографический список

1. Семиотика. Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/8181> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Мартин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики. М.: URSS, 2009.
3. Зотов А.Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 5–17.

4. Шатин Ю.В. Три вектора семиотики // Дискурс. 1996. № 2. С. 41–47.
5. Morris Ch. Signs, Language and Behavior. New York: Prentice Hall, 1946.
6. Махлина С.Т. Лекции по семиотике культуры и лингвистике. СПб: СПбКО, 2010.
7. Ginzburg C. Clues: Roots of an Evidential Paradigm // Clues, Myths, and the Historical Method. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 96–125.
8. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций. М.: Академический Проект; Трикста, 2006.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
10. Лебедев С.А. Курс лекций по философии науки. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Петрополис, 1998.
12. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
13. Кассирер Э. Философия символических форм. М.: Универ. кн.; СПб.: Язык, 2002.
14. Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1976. С. 828.
15. Сапогова Е.Е. Психолингвистика для психологов: в поисках дидактической парадигмы // Известия ТулГУ. Серия: Проблемы языкознания. 1999. Вып. 2. С. 63–72.
16. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997.
17. Богин Г.И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001.
18. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998.
19. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста: психосемиотический подход. М.: URSS: Ленанд, 2016.
20. Сапогова Е.Е. Хронотоп Бахтина: соблазн проникновения // Культурно-историческая психология. 2006. № 2(1). С. 94–98.
21. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. Санкт–Петербург: Искусство, 2002. С. 158–162.

Information about the author:

Elena S. Nikitina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and PR, MFUA; *Research interests*: semiotics, psycholinguistics, hermeneutics, communication theory, text analysis, applied psycholinguistics; *e-mail*: m1253076@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6985-802X; SPIN-code: 9565-1834

Сведения об авторе:

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и PR, МФЮА; *сфера научных интересов*: семиотика, психолингвистика, герменевтика, теория коммуникации, анализ текста, прикладная психолингвистика; *e-mail*: m1253076@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6985-802X; SPIN-код: 9565-1834

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-446-465

EDN: MMFOIU

УДК 811.161.1'27(470.11-470.53-470.51)

Научная статья / Research article

Некоторые факторы динамики языковых ситуаций в регионах России: на примере Архангельской области, Пермского края и Удмуртской Республики

Н.В. Юдина , А.А. Хачатрян , И.И. Камашев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т., д. 49/2

 nvyudina@fa.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в определении и изучении факторов динамики языковых ситуаций в условиях информационного общества и выявлении речевых тенденций, характерных для ряда субъектов Российской Федерации. Результаты исследования опираются на материалы опроса 1050 носителей русского языка, проживающих в Архангельской области, Пермском крае, Удмуртской Республике. Опрос осуществлен в двух формах: онлайн-интервью с помощью аудиозвонков и интернет-опроса посредством Google Forms. Изучены речевые особенности разговорной речи жителей анализируемых субъектов. Выявлен ряд интегральных и дифференциальных тенденций, характерных для речи русскоязычной языковой личности отдельных регионов России. Предложены пути активизации языковой политики в указанных субъектах.

Ключевые слова: информационное общество, языковая политика, речевые тенденции, диалектные особенности

Финансирование. Благодарности

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовый университета при Правительстве Российской Федерации по теме: «Язык как инструмент контроля и управления обществом».

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Юдина Н.В., Хачатрян А.А., Камашев И.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Юдина Н.В., Хачатрян А.А., Камашев И.И. Некоторые факторы динамики языковых ситуаций в регионах России: на примере Архангельской области, Пермского края и Удмуртской Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 446–465. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-446-465>

Factors of the Dynamics of Language Situations in the Regions of Russia on the example of the Arkhangelsk Region, the Perm Region and the Udmurt Republic

Natalia V. Yudina , **Astghik A. Khachatryan** ,
Ivan I. Kamashev

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 125993
 nvyudina@fa.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify and study factors of the dynamics of language situations in the information society and to identify speech trends that are characteristic of a number of constituent entities of the Russian Federation. The results of the study are based on a survey of 1,050 Russian speakers living in the Arkhangelsk Region, the Perm Territory and the Udmurt Republic. The survey was carried out in two forms: an online interview using audio calls and an Internet survey using Google Forms. The speech features of the colloquial speech of the inhabitants of the analyzed subjects have been studied. A number of integral and differential tendencies have been identified that are characteristic of the speech of a Russian-speaking linguistic personality in Russia as a whole and in its individual regions. The ways of activating the language policy in these subjects are proposed.

Keywords: information society, language policy, speech trends, dialect features

Financing. Acknowledgements

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation on the topic: “Language as a tool for controlling and managing of a society”.

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Yudina, N.V., Khachatryan, A.A. & Kamashev, I.I., (2023). Factors of the Dynamics of Language Situations in the Regions of Russia (on the example of the Arkhangelsk Region, the Perm Region and the Udmurt Republic). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 446–465. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-446-465>

Введение

В условиях третьего десятилетия XXI века подвергаются изменениям все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и язык как одна из самых сложных знаковых систем. Более того, в последнее время лексика, как наиболее подвижный языковой ярус, изменяется, а открытый характер языка допускает образование и частотное заимствование новых слов. Последнее подобное внедрение множества новых лексем произошло в период пандемии COVID-19, во время которой стали употребляться и до сих пор активно используются такие новые слова, как «удаленка», «ковид», лексема «корона» в значении «коронавирусная инфекция» и многие другие. В современном обществе подобное быстрое распространение новых лексических единиц стало возможно во многом благодаря развитию информационных технологий, а также глобальной сети Интернет и традиционных средств массовой информации, в том числе телевидения и радио.

Вполне очевидно, что динамика экстралингвистических процессов неизменно влечет за собой и изменения языковых ситуаций как в мировом глобальном пространстве, так и в отдельных регионах. В этой связи вопросы государственной языковой политики как на федеральном, так и на региональном уровне признаются актуальными и требуют постоянного внимания со стороны лингвистического сообщества (ср. работы М.Е. Алексеева [1], С.В. Былковой [2], Н.И. Ивановой [3] и ряда других лингвистов).

Наша работа подключается к серии исследований, отвечающих на вопрос о том, изменилась ли речь носителей русского языка, проживающих в регионах России, под влиянием Интернета, средств массовой информации и открытого доступа к мировой информации в целом. На примере анализа ответов респондентов, проживающих в трех субъектах Российской Федерации (Архангельская область, Пермский край, Удмуртская Республика), представлены некоторые выводы, содержащие информацию о региональных речевых особенностях носителей русского языка с учетом места проживания, возраста и профессиональной сферы респондентов. Проведенные в форме онлайн-интервью и интернет-опросов исследования позволили описать некоторые тенденции, которые смогут помочь сформировать новые инструменты реализации языковой политики в Российской Федерации и в ее субъектах в третьем десятилетии XXI века.

Обзор литературы

Термин «информационное общество» был введен в научный обиход в 60-е годы XX века одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао [4]. Информационное общество как новая историческая фаза развития цивилизации оказало влияние на все сферы жизнедеятельности

общества, в том числе породив определенную унифицированную модель языка, которая передается посредством различных каналов и, в первую очередь, с помощью средств массовой информации. Под влиянием средств массовой информации меняются речевые характеристики носителей языка, нивелируются их региональные особенности в сторону общелитературного русского языка. Согласно позиции Т.И. Вендиной указанный процесс создает определенный круг проблем для диалектов, которые в ближайшее время могут оказаться на грани вымирания [5].

Среди причин нивелирования диалектной нормы исследователи называют и реализацию унифицированной языковой политики на территории Советского Союза, и отсутствие поддержки со стороны органов власти субъектов РФ по сохранению языков малых народов, проживающих на территориях регионов. Не менее важной причиной потери диалектных особенностей можно считать расширение социальной базы литературного языка, явившееся следствием миграции населения из небольших населенных пунктов (сел, деревень) в города, и процесса урбанизации, в ходе которых диалекты все реже использовались представителями молодого поколения, в то время как хранителей диалектной нормы с годами становилось все меньше и меньше.

Однако, несмотря на все указанные процессы, некоторые региональные особенности по-прежнему сохраняются в речи носителей русского языка. Подтверждение данному факту можно найти в проводимых на протяжении последнего столетия научными и образовательными учреждениями высшего образования в регионах России исследованиях. Результатами данных мероприятий становятся многочисленные диалектологические атласы и материалы сборников научных конференций, посвященных русской диалектологии. В центре внимания современных диалектологических исследований находятся вопросы создания адекватного представления о структуре диалекта как синхронно функционирующего языкового идиома, а также изучение новейших факторов, влияющих на текущие языковые ситуации в регионах [6–9], с опорой на классические труды отечественных диалектологов и социолингвистов. Кроме того, современные диалектологические исследования проводятся с помощью новейших методов изучения и анализа языкового материала [10].

Актуальными для настоящего исследования являются вопросы изменения некоторых диалектных особенностей [11] носителей русского языка, проживающих в трех субъектах Российской Федерации: Архангельской области, Пермском крае и Удмуртской Республике. Основанием выбора указанных регионов явилась весомая социополитическая и культурологическая разница между ними. При этом, как показали проведенные опросы, факторы динамики языковых ситуаций в указанных субъектах во многом являются идентичными. Кроме того, особый интерес в рамках нашего

исследования представляют и отдельные территориальные особенности, к примеру, вопросы классификации говоров позднего расселения в связи с необходимостью их описания на территориях трех изучаемых субъектов Российской Федерации. При этом наибольшую трудность вызывает классификация говоров позднего расселения применительно к современным респондентам, проживающим в Пермском крае, — представителям уральских говоров, относящийся к гибриднему типу, в фундамент которого заложено несколько различных диалектных основ (более подробно о причинах появления указанных диалектных образований и оснований для их изучения см. в [12]).

Помимо актуальных собственно лингвистических вопросов в сфере диалектологии в центре нашего внимания находятся и социолингвистические вопросы, связанные с целесообразностью поддержки национальных языков, диалектов и региональных особенностей в субъектах Российской Федерации и предпринимаемых в этом направлении мер в виде поддержки национальных общественных организаций и объединений, проведения масштабных политических, административных и общественных мероприятий, посвященных национальным языкам и культурам, сохранения двуязычной наружной рекламы и вывесок в больших и малых муниципальных образованиях.

Языковым региональным особенностям трех анализируемых субъектов Российской Федерации посвящено много научной лингвистической литературы. Так, диалектная лексикография, посвященная *Пермскому краю*, зародилась еще в 40-х годах XX века, и на сегодняшний день известно более 50 различных словарей, содержащих лексику как пермских говоров в целом, (ср., например: «Словарь пермских говоров» под редакцией А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой (2001–2002), так и отдельных населенных пунктов и территорий Пермского края — в частности (например, «Словарь говора деревни Акчим Пермской области» под ред. Ф.Л. Скитовой (1984–2011)). Известна научная литература, посвященная таким лексическим единицам Пермского края, как фразеологизмы, свадебная терминология, географические термины, флора и фауна, промысловая лексика, традиционная одежда и обувь и др. (ср., напр., [13] и др.). Что касается исследования диалектов *удмуртского языка*, то одним из наиболее системных, на наш взгляд, является монография Л.Л. Карповой [14], представляющая собой описание фонетической и морфологической систем современных удмуртских диалектов. Изучению и описанию *архангельских говоров* также посвящена обширная литература, но особого внимания, на наш взгляд, заслуживает «Архангельский областной словарь» (ср., напр., [15], являющийся результатом многолетнего проекта, реализованного учеными Московского государственного университета.

Ход исследования

В целях выполнения задач исследования для выявления некоторых факторов динамики языковых ситуаций в регионах на основе использования социолингвистических методов анкетирования и интервью мы выборочно изучили некоторые языковые и речевые особенности жителей трех субъектов Российской Федерации: Пермского края, Удмуртии и Архангельской области.

Так, в *Удмуртской Республике*, например, статус официальных имеют два языка — русский и удмуртский. На примере региона можно рассмотреть некоторые факторы, влияющие на формирование языковой личности, владеющей одновременно двумя языками, принадлежащими к разным языковым группам. В свою очередь, *Пермский край* — самый густонаселенный из выбранных регионов, где проживают более 2 миллионов человек, а столица края является городом-миллионником. В субъектах такого типа преобладает городское население, и соответственно речь людей больше подвержена влиянию современных информационных технологий и меньше сохраняет региональные и диалектные традиции, становясь унифицированной.

Архангельская область выбрана как самый малочисленный из трех анализируемых регионов, где проживает чуть более 1 миллиона человек. Стоит также учесть, что Архангельская область является одним из старейших регионов страны: именно здесь находится сердце русского севера и до сих пор проживают поморы. Их язык отличается большим разнообразием лексических средств, так как населенные пункты располагаются далеко друг от друга, и для каждого из них характерны свои региональные и даже диалектные особенности. Не менее разнообразен и демографический ландшафт Архангельской области: от семей военнослужащих, командированных из центральной России, до коренных жителей архангельских деревень.

Таким образом, как кажется, выбор трех указанных субъектов Российской Федерации, отличающихся геополитическими характеристиками, количественным и качественным составом населения, а также различными региональными особенностями, позволит выявить некоторые общие факторы динамики языковых ситуаций в российских регионах.

В качестве инструментов исследования с целью изучения языковой ситуации в трех выбранных регионах были использованы цифровые средства связи (платформы Skype, Microsoft Teams, VK, мессенджеры WhatsApp, Viber, Telegram), выбранные по желанию респондента по причине удобства и их широкого применения.

Некоторые тенденции в *устной разговорной речи* были выявлены благодаря проведенным онлайн-интервью продолжительностью от 5 до 10 минут, состоявших из нескольких блоков и включавших в себя вопросы общего характера о состоянии дел в населенном пункте проживания респондента, а также вопросы, связанные с мнением респондента относительно его языковых

региональных особенностей, использования региональных и диалектных особенностей представителями молодого поколения, существующих отличиях в речи старших и младших родственников. Третий блок вопросов касался использования диалектизмов в повседневном общении информантов и возможностей самостоятельно описать существующие (при наличии) диалектные и региональные особенности жителей территориального образования, в котором проживает информант, с учетом его личного жизненного опыта, окружения и текущей языковой ситуации.

Помимо устного общения с информантами был также разработан письменный опрос в Google Forms, включающий в себя следующий перечень вопросов:

1. Укажите свой пол, возраст, регион и уровень образования.
2. Поменялась ли, на Ваш взгляд, речь в Вашем регионе за прошедшие 20 лет? Обоснуйте ответ.
3. Какие особые слова, свойственные жителям только Вашего региона, Вам знакомы?
4. Часто ли Вы слышите сленг в речи молодежи?
5. Можете ли Вы отличить речь Ваших земляков и жителей других регионов? В чем проявляются особенности речи Вашего региона?
6. Играет ли, по Вашему мнению, Интернет особую роль в изменении речевого портрета жителей Вашего региона?

В интернет-опросе приняло участие 1050 человек — от 18 до 82 лет, имеющих от начального общего до высшего образования (рис. 2) и равномерно представленных в количественном отношении (ср.: респонденты из Пермского края (33,5 %), из Удмуртской Республики (33,5 %) и из Архангельской области (33 %) (рис. 1). Респонденты, опрошенные путем телефонного разговора, представляют собой различные социальные категории с разным уровнем образования. Примечательно, что большинство взрослых респондентов окончили высшее учебное заведение, работают по специальности, в частности — врачами, учителями и социальными работниками.

Приведем основные ответы респондентов из числа зафиксированных нами. Информанты **Пермского края** выделили несколько региональных тенденций.

1. Так, например, по мнению респондентов, сохранилась характерная интонация уральского говора и ускорился темп речи. Кроме того, по мнению информанта Ларисы Ивановны, взрослое население, в отличие от молодежи, говорит «по-книжному». Ср.:

Лариса, 67, Пермь:

— *Как, по вашему мнению, изменилась речь в регионе, если сравнить старшие и младшие поколения?*

— Ну // как сказать-то / конечно старое поколение, оно говорит медленнее, вот / и больше / как / присутствуют старые слова / а [цас] в основном молодой / свежий, как говорится / сленг идет [...] учитывая, что говорили раньше, так сказать, по-книжному...

Из какого Вы субъекта РФ ? / What subject of the Russian Federation are you from?

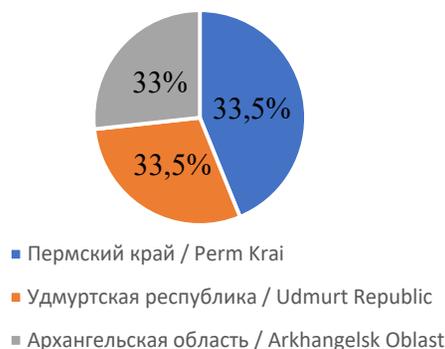

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по регионам
Источник: составлено авторами, данные опроса Google Forms.

Figure 1. The answers of the respondents grouped by regions
Source: compiled by the authors, Google Forms survey data.

Укажите уровень Вашего образования: / Specify the level of your education:

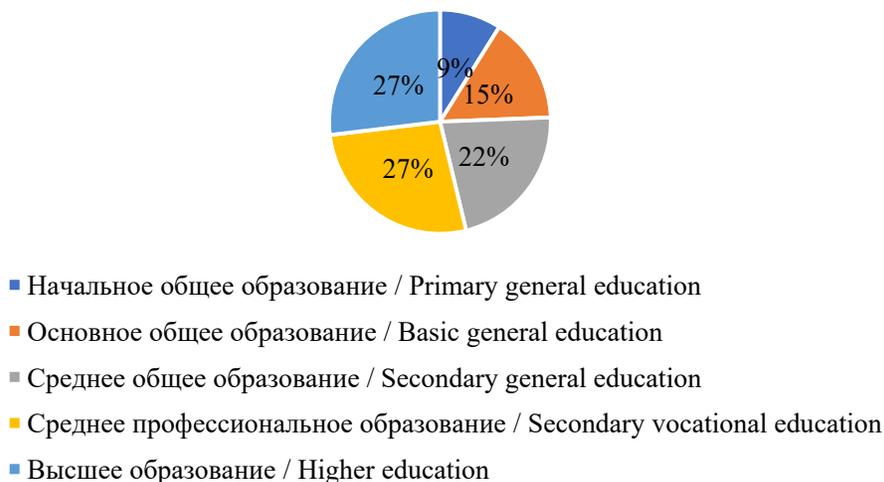

Рис. 2. Уровень образования респондентов
Источник: составлено авторами, данные опроса Google Forms.

Figure 2. The level of education of the respondents
Source: compiled by the authors, Google Forms survey data.

2. По мнению респондентов всех возрастов, на речь жителей Пермского края большое влияние оказывает Интернет, что проявляется, в первую очередь, в использовании заимствовании из английского языка. Ср.: Лиза, 20, Пермь:

— *Новые появляются слова, заимствуются из английского, иногда возникают небольшие трудности, допустим / старшее поколение не совсем понимает, о чем мы говорим.*

— *Вы утверждаете, что Интернет влияет на речь населения в вашем регионе?*

— *Да, да, конечно.*

Ольга, 64, Пермь:

— *Интернет влияет на речь вашего региона?*

— *Обязательно, тут даже и говорить нечего...*

Полина, 18, Пермь:

— *Безусловно, Интернет влияет на речь, [...] в особенности на произношение, может быть.*

— *Как вы думаете, в связи с тем, что информация из Интернета, которую вы получаете, преподносится на литературном варианте языка, влияет ли это на характерные особенности говора вашего региона?*

— *Да, она может меняться, могут приобретаться какие-то новые навыки / особенности для произношения.*

3. Респонденты всех возрастов назвали ряд диалектизмов и региональных лексем, которые они слышали и слышат в регионе проживания. К таким единицам относятся, например: *вёдро* в значении «тепло и сухо», *вехотка* — «мочалка», *шаньга* — «ватрушка с картофелем и творогом», *посекунчики* — «пирожки с мясом», *баской* — «красивый», *портки* — «брюки», *сиверко* — «северный ветер», *шипца* — «бородавка», *чуни* — «свободная обувь». Ср., например:

Валентина, 71, Пермь:

— *Ну / есть / вот / такие отдельные слова / как например вёдро / сегодня вёдро / не вёдра, а вёдро / это значит тепло и сухо...*

— *Татьяна, 46, Пермь:*

— *У ваших родителей были какие-то особые слова, которые сейчас уже вышли из употребления?*

— *Ну / не знаю даже / ну вот / вёдро / да / [...] вот в деревне, куда мы выезжаем, еще употребляется.*

С лингвокультурологической точки зрения сохранение указанных единиц если не в активном, то в пассивном лексическом запасе вполне очевидно. С опорой на концепцию «свой — чужой» можно предположить, что носитель языка использует лексические единицы в зависимости от принадлежности к своему близкому кругу общения: личному пространству, семье, населенному пункту. Кроме того, указанные единицы обозначают традиционные (и частично — уникальные) для региона предметы одежды (ср.: *чуни*), традиционные блюда (ср.: *посекунчики, шаньга*), предметы личной гигиены (ср.: *вехотка*), а также природные явления, характерные для территории проживания респондентов (ср.: *сиверко*, а также характерное для использования в сельской местности других регионов «вёдро»).

4. Интересно, что, в свою очередь, представители молодежи отметили факт использования взрослым поколением лексических единиц, непонятных им. В качестве таких слов названы *кулёк* (в значении «пакет») и *мультифора* (в значении «файл»), что свидетельствует об особенностях использования отдельных лексических единиц разными поколениями носителей языка. Ср.:

Алина, 22, Пермь:

— *Старшие родственники могут употреблять такие / довольно древнего происхождения слова, которые мы / допустим / обозначения их не знаем.*

5. В качестве одной из самых проблематичных современных речевых тенденций в Пермском крае респонденты всех возрастов отметили использование обсценной лексики. Ср.:

Олег, 34, Пермь:

— *Как, по вашему мнению, поменялась речь в регионе за последнее время?*

— *На самом деле очень сильно поменялась, люди стали очень / много материться... очень много стало мата // у молодого поколения, у меня очень много мата / у старшего меньше гораздо.*

Валентина, 67, Пермь:

— *Можете ли Вы сравнить речь ваших старших и младших родственников?*

— *Да, ну отличия / наверное / только в том / что я больше слышу мат, слов матерных...*

6. Из интересных лингвистических наблюдений респондентов можно отметить факт проявления эпентезы, на который обратил внимание респондент Василий. Ср.:

Василий, 34, Пермь:

— Ну // допустим / вот / смотри / есть тоже вот у нас эспланада / эспланада/, но почему-то большая часть процентов населения говорит эКспланада / и я-от этого вообще не понимаю...

На основе анализа опроса среди жителей **Удмуртской Республики** выделяются следующие проблемы и тенденции.

1. Кодной из характерных особенностей, отмеченных всеми респондентами Удмуртской Республики, относится тот факт, что речь подростков сельской местности мало чем отличается от речи их родителей, бабушек и дедушек, несмотря на переход с удмуртского языка на русский. Из-за более сложного доступа к Интернету, плохого качества связи и вовлеченности удмуртской молодежи в сельский быт, помощь старшим и высокий уровень занятости в их речь редко включены новые слова, активно используемые городской молодежью. Действительно, в деревне существует строгий распорядок дня, особенно если в семье есть большое хозяйство, включая животных, за которыми требуется постоянный уход.
2. При проведении опроса в Google Forms респонденты привели в пример различную диалектную лексику своего региона, в том числе: *чеберистый* и *баский* — красивый, *гликось* — смотри, *деется* — происходит, *дотункать* — додуматься, *дуботолок* — здоровый парень и др.
3. Проведенный опрос позволил выявить еще одну тенденцию: будущее удмуртского языка подвергается респондентами сомнению. Главный вопрос состоит в том, насколько широко используется и будет использоваться в перспективе удмуртский язык. Респонденты давали на этот счет различные мнения, однако тенденция перехода сел и деревень на русский язык ощутима. Так, один из респондентов, бывшая учительница удмуртского языка Ирина, рассказала о том, что в их сельской школе удмуртский язык перешел из обязательного для изучения предмета в кружок по интересу. Данную информацию подтверждает и сайт проекта Института языкознания РАН «Малые языки России» [16], где представлена информация об удмуртском языке в различных сферах. Так, в 2020-м году удмуртский язык изучало всего 10 % процентов школьников региона, а в 10–11 классах преподавание удмуртского вовсе не велось. Национальная литература преподавалась всего в среднем 2 часа в неделю, и данный процесс напрямую связан с отмиранием языка. По данным переписи населения 2010 года, из 552 299 удмуртов всего 54,2 % владеют удмуртским языком, а на данный момент можно предположить, что эта доля уменьшилась. Ведение судопроизводства,

производственной и административной деятельности исключительно на русском языке ведет к потере населением знания удмуртского языка. Данная проблема остается актуальной не только для Удмуртии, но и для ряда других полиязычных субъектов.

Подобную тенденцию подчеркивает и Нина, соседка Ирины, утверждая, что речь молодежи все чаще звучит на русском языке. Ср.:

— Ну / мы / наш возраст / мы еще разговариваем, общаемся по-удмуртски, но молодежь уже мало знает / ведь / удмуртский язык, они хоть знают, понимают, но разговаривать уже не разговаривают.

— Опасаетесь ли Вы, что с таким положением дел удмуртский язык может получить статус исчезающего?

— В исчезающие / наверное не попадет, потому что ведь есть еще в Удмуртии деревни / чисто удмуртские, и в /.../ школы сейчас открываются удмуртские / и детские сады даже, так что не исчезнет.

Нина также заметила, что Интернет не так сильно влияет на молодежь их села. Ср.:

— Скорее в деревне еще такого нету, как..., у нас все-таки ведь работа / и домашние дела / они (молодежь) помогают / работают еще / не даем в интернете сидеть полностью.

4. В связи с тем, что большая часть удмуртоговорящего населения (69 %) проживает в сельской местности, а русскоговорящие живут в основном в городах, образуется невидимый «барьер» между двумя этническими группами, следствием чего может стать сокращение носителей удмуртского языка, которое в долгосрочной перспективе может привести к потере удмуртского языка в целом. Именно поэтому необходимо создавать общее пространство для людей обеих культур, обеспечивая их постоянный контакт путем развития средств массовой информации, двуязычного образования и др. К примеру, дублирование рекламы и дорожных знаков на удмуртском языке может способствовать данному контакту культур.

Подобная межкультурная коммуникация позволяет устанавливать языковой контакт между людьми разных народов и включать носителей одного языка и одной культуры в другую среду, создавая общность и единение языков и культур. Подобную практику можно применить и в Удмуртской Республике при условии, если институты государственной власти будут поддерживать государственный язык указанного субъекта.

Не менее интересными и практико-ориентированными являются предложения, высказанные в статье Т.Ц. Дугаровой, С.А. Боргоякова, Е.М. Ермошкиной, Л.А. Цыбаевой, А.А. Ооржак, Б.А. Дамдинова

«Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы», где в качестве актуальных решений в сфере образования представлены идеи формирования и развития полиязыковой компетентности обучающихся; сохранения и развития языков и культур народов РФ как важного условия их интеграции в общероссийскую гражданскую нацию без ассимиляции; обеспечения подготовки и переподготовки педагогов [7].

Опрос, проведенный среди респондентов, проживающих в **Архангельской области**, продемонстрировал следующие особенности и тенденции.

1. Большинство респондентов, проживающих в Архангельской области, отметили, что затрудняются сформировать свои серьезные региональные отличия. Ср.:

Владимир, 50, Северодвинск:

— *Говорят вроде бы все обычно, без всяких...ну, в отличие там. Москва акает, Вологда окает...*

2. Не выявлены отличия и в сфере интонации. Респондентами очень редко используются диалектизмы. Большая часть опрошенных не смогла вспомнить диалектизмов их региона, однако некоторые все же смогли привести достойные примеры. Так, житель Северодвинска рассказал, что его родственники до сих пор говорят «падем за околу грибы рвать», и это демонстрирует некоторую сохранность архангельских говоров. Сохранились и некоторые грамматические особенности. Ср.:

Владимир, 50, Северодвинск:

— *Они (дети, подростки) сидят в ИнтернетЫ...*

В данном предложении представлен случай, где во 2-м склонении в предложном падеже в части архангельских говоров встречается окончание «и»-«ы» (на кон-«и», об отц-«ы»).

2. Вместе с тем результаты онлайн-опроса в Google Forms показали высокий уровень знания и владения местными диалектизмами; ср.: *наблюдник* — полка для блюд, *отпрядывать* — отлетать, *голомень* — открытое море, *лахта* — небольшой залив, *гарчит* — тихо лает, *для сустатку* — для согрева, *лихорадка* — беспокойный ребенок, *божатка* — крестная, *заблюдник* — открытая полка для посуды, *межуток* — территория во дворе дома, *кыча* — собака, *путочка* — птичка, *примета* — сторож, *лыпы* — вилы, *прохавое место* — продуваемое ветрами и т.д. Указанные лексемы демонстрируют сохранившуюся широту архангельской лексики, до сих пор употребляемой жителями региона в сфере обозначения природных объектов и явлений, а также для

описания ряда бытовых ситуаций. Сложившиеся особенности будней северян и суровые климатические условия, точнее описываемые диалектной лексикой, чем литературными лексемами, не приспособленными к этому, во многом легко объясняют данную тенденцию.

3. Подавляющее большинство опрошенных на вопрос о влиянии Интернета и СМИ на речь жителей Архангельской области ответили положительно. Они считают, что язык современности формируется именно благодаря сетевым ресурсам. Тем не менее, по мнению старшего поколения, это влияние оказывается в большей степени на детей и подростков, а на речи взрослого населения с уже сформированными тенденциями и традициями этот фактор не сказывается. Вместе с тем дети и подростки большой разницы между своей речью и речью своих родителей не замечают. Ср.:
Александр, 22, Архангельск:

— *Стали некоторые слова заменять на современные // а так ничего не изменилось...*

4. Результаты опроса в Google Forms совпадают с результатами устного интервью. Большинство опрошенных считает, что Интернет влияет на речь жителей региона (рис. 3) и что молодежь достаточно часто использует сленговые единицы на постоянной основе (рис. 4). Тем не менее меньшинство может отличить речь земляков от речи жителей других субъектов (рис. 5), что также свидетельствует о нивелировании диалектных и региональных особенностей.

Как Вы считаете, играет ли Интернет особую роль в изменении речи Вашего региона? / Do you think the Internet plays a special role in changing the speech of your region?

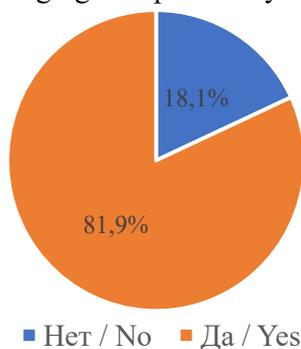

Рис. 3. Влияние Интернета на речь
Источник: составлено авторами, данные опроса Google Forms.

Figure 3. The influence of the Internet on the speech
Source: compiled by the authors, Google Forms survey data.

Часто ли Вы слышите сленг (современные слова) в речи молодежи? / Do you often hear slang (modern colloquial words) in the speech of young people?

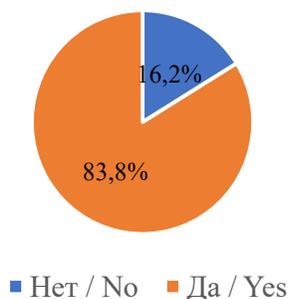

Рис. 4. Частота использования сленга у молодежи.
Источник: составлено авторами, данные опроса Google Forms.
Figure 4. The frequency of slang used by teenagers
Source: compiled by the authors, Google Forms survey data.

Можете ли Вы отличить речь своих земляков от речи людей из других регионов? / Can you distinguish the speech of your fellow townsmen (countrymen) from the speech of people from other regions?

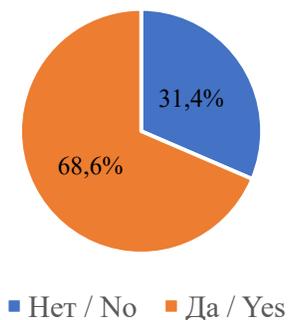

Рис. 5. Способность сравнения своей речи с речью жителей других регионов
Источник: составлено авторами, данные опроса Google Forms.
Figure 5. The speech regions comparison ability
Source: compiled by the authors, Google Forms survey data.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного исследования на материале речевых тенденций жителей Пермского края, Удмуртской Республики и Архангельской области можно сформулировать некоторые выводы, включающие в себя описание некоторых общих и частных речевых тенденций, свойственных жителям Российской Федерации (таблица).

Речевые тенденции жителей Российской Федерации (на примере Пермского края, Удмуртской Республики и Архангельской области) / Speech tendencies of the inhabitants of the Russian Federation (on the example of the Perm Territory, the Udmurt Republic and the Arkhangelsk Region)

Тенденции (Trends)	Пермский край (Perm region)	Удмуртская Республика (Udmurt republic)	Архангельская область (Arkhangelsk region)
Общие (general)	Нивелирование диалектной лексики, потеря диалектных и региональных особенностей в пользу унификации и использования литературной нормы, особенно в молодежной среде (Leveling of dialect vocabulary, loss of dialect and regional features in favor of unification and use of the literary norm, especially among young people)		
	Постепенная утрата диалектной и региональной нормы в пользу унифицированной разговорной речи (The gradual loss of the dialect and regional norm in favor of a unified colloquial speech)		
	В речи старшего поколения до сих пор присутствуют атипичные для литературного языка конструкции и выражения (In the speech of the older generation, there are still constructions and expressions atypical for the literary language)		
Частные (региональные, уникальные) Private (regional, unique)	Сохранение некоторых фонетических особенностей уральского говора (Preservation of some phonetic features of the Ural dialect)	Наличие самобытной интонации (The presence of original intonation)	Приближение фонетических особенностей к литературной норме (Approximation of phonetic features to the literary norm)
	Значительные различия в речи молодежи и взрослого населения (Significant differences in the speech of young people and adults)	Отличие молодежной лексики от лексики старшего поколения малозаметно (The difference between youth vocabulary and vocabulary of the older generation is hardly noticeable)	Отличия по возрастным характеристикам респондентами не отмечаются (Respondents did not notice differences in age characteristics)
	Сохранение и использование диалектных слов и выражений в речи носителей русского языка (Preservation and use of dialect words and expressions in the speech of native speakers of the Russian language)	Постепенный переход удмуртоговорящего населения на русский язык (Gradual transition of the Udmurt-speaking population to Russian)	Высокий уровень знаний диалектизмов, однако редкое их использование в разговорной речи (A high level of knowledge of dialectisms, but their rare use in colloquial speech)

Источник: составлено авторами

Заключение

Проведенный опрос позволил выявить некоторые общие речевые тенденции, характерные для носителей русского языка, проживающих в разных регионах:

- 1) нивелирование диалектной лексики,
- 2) частичную потерю диалектных и региональных особенностей в пользу унификации и использования литературной нормы, особенно в молодежной среде;
- 3) постепенную утрату диалектной и региональной нормы в пользу унифицированной разговорной речи.

Среди основных факторов, влияющих на динамику языковой ситуации, выделяются геополитические, демографические и социокультурные основания. Однако в рамках проведенного опроса в качестве причин, влияющих на речевую ситуацию в регионах, респонденты назвали следующие:

- 1) влияние Интернета как основного источника информации во всех регионах России;
- 2) недостаточная просветительская роль средств массовой информации,
- 3) недостаточная эффективность имеющихся образовательных и культурных мероприятий, поддерживающих статус родного языка, родной культуры и литературы в субъектах Российской Федерации.

В качестве мер, повышающих эффективность реализации языковой региональной политики, можно было бы предложить следующие:

- 1) развитие диалектов и языков народов России, а также поддержание региональных особенностей в виде реализации ряда образовательных программ и повышения их эффективности посредством выработки ключевых показателей результативности;
- 2) поддержку культуры, в том числе увеличение финансирования культурных объектов, осуществляющих просветительскую деятельность в регионах, создание особенных для региональной речи источников информации, направленных на поддержку региональной языковой политики в сфере национальных языков или диалектов;
- 3) рассмотрение возможности сдавать национальные языки в качестве предмета по выбору на Едином государственном экзамене. Не менее важно создавать возможности для региональных источников информации публиковать и освещать вопросы конкретного субъекта с целью привлечения внимания населения к своей малой Родине. Это позволит поднять региональное самосознание и укрепить связи органов власти и широкой общественности российских субъектов, а также всего государства и его населения в целом.

Таким образом, несмотря на частичное стирание диалектных и региональных особенностей, сохранившихся в речи жителей указанных территорий, эти особенности все еще можно сохранить, причем не только в сельской местности, но и в городской среде. Основное, что следует осознать применительно к языковой проблематике России, — это разнообразие культур и особенностей населения страны, что позволяет поддерживать многообразие российских традиций и обычаев, делает

народ менее уязвимым к стиранию своей языковой и культурной идентичности и окажет положительное влияние на нивелирование процессов глобализации, так активно оказывающих влияние на речь российских жителей и формирование языковых ситуаций в регионах современной России.

Библиографический список

1. *Алексеев М.Е.* Языки народов России и постсоветского пространства: проблемы изучения и перспективы развития // *Родной язык*. 2013. № 1. С. 8–17.
2. *Былкова С.В., Кочетова А.С.* Языки народов России и их правовой статус // *Молодой исследователь Дона*. 2018. № 3(12). С. 175–177.
3. *Иванова Н.И.* Речевое поведение в условиях межкультурной коммуникации: социолингвистическая реальность Якутии // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 88. С. 132–140.
4. *Белов А.В.* Информационное общество и информационная культура в России: к постановке проблемы // *Logos et Praxis*. 2009. № 1. С. 198–202.
5. *Вендина Т.И.* Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной ситуации // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2016. № 11. С. 425–440.
6. *Иванова С.В.* Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 2. С. 9–16.
7. *Дугарова Т.Ц., Боргояков С.А., Ермошкина Е.М., Цыбаева Л.А., Ооржак А.А., Дамдинов Б.А.* Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы // *Вестник ВятГУ*. 2020. № 3. С. 76–87.
8. *Карабулатова И.С.* Специфика русскоязычной языковой личности в условиях российско-казахстанского приграничья // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3(45). С. 115–116.
9. *Красовский А.В.* Русский язык в контексте языковой ситуации в приграничном с Россией городе Хэйхэ КНР // *Гуманитарный вектор*. 2018. № 1. С. 24–31.
10. *Пожарицкая С.* Русская диалектология. Прага: Animedia Company, 2016. 231 с. Режим доступа: по подписке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=453526> (дата обращения: 18.10.2022).
11. *Петрулевич И.А., Месропян Л.М.* Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире*. Международная конференция. М., 2014. С. 11–24.
12. *Баранникова Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // *Общее и русское языкознание (Избранные работы)*. М.: КомКнига, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vja.ruslang.ru/archive/1975-2.pdf> (дата обращения: 30.10.2022).
13. *Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва; отв. ред. И.И. Русинова*. СПб.: Издательство Маматов, 2019.
14. *Карпова Л.Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: монография. Ижевск: МарШак, 2020.
15. *Архангельский областной словарь 2010 / под ред. О.Г. Гецово*. М.: Наука, 1999. Вып. 13.
16. *Малые языки России: сайт проекта Института языкознания РАН*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minlang.site/> (дата обращения: 30.10.2022)

References

1. Alekseev, M.E. (2013). Languages of the peoples of Russia and the post-Soviet space: problems of study and development prospects. *Rodnoy Yazyk*, 1, 8–17. (In Russ.).
2. By'lkova, S.V. & Kochetova, A.S. (2018). Languages of the peoples of Russia and their legal status. *Young don researcher*, 3(12), 175–177. (In Russ.).
3. Ivanova, N.I. (2008). Speech behavior in conditions of intercultural communication: the sociolinguistic reality of Yakutia. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 88, 132–140. (In Russ.).
4. Belov, A.V. (2009). Information Society and Information Culture in Russia: Toward a Problem Statement. *Logos et Praxis*, 1, 198–202. (In Russ.).
5. Vendina, T.I. (2016). Russian dialects in the modern ethnolinguistic and ethnocultural situation. *Slavic World in the Third Millennium*, 11, 425–440. (In Russ.).
6. Ivanova, S.V. (2016). Linguoculturology: studying the linguocultural universe. *Russian Journal of Linguistics*, 20(2), 9–16. (In Russ.).
7. Dugarova, T.Cz., Borgoyakov, S.A., Ermoshkina, E.M., Cybaeva, L.A., Oorzhak, A.A. & Damdinov, B.A. (2020). Preservation and development of the languages of the peoples of Russia: problems and prospects. *Herald of Vyatka State University*, 3, 76–87. (In Russ.).
8. Karabulatova, I.S. (2014). The specificity of the Russian-speaking linguistic personality in the conditions of the Russian-Kazakhstan border. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 3(45), 115–116. (In Russ.).
9. Krasovskij, A.V. (2018). The Russian language in the context of the language situation in the border city of Heihe, China. *Humanitarian vector*, 1, 24–31. (In Russ.).
10. Pozhariczskaya, S. (2016). Russian dialectology. Prague: Animedia Company. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=453526> (accessed: 18.10.2022). (In Russ.).
11. Petrulevich, I.A. & Mesropyan, L.M. (2014). Modern language policy of the Russian Federation: main vectors and development trends. In: *Language policy and language conflicts in the modern world. International Conference*. Moscow, pp. 11–24.
12. Barannikova, L.I. (2005). Dialects of territories of late settlement and the problem of their classification. In: *General and Russian Linguistics (Selected Works)*. Moscow: KomKniga. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1975-2.pdf> (accessed: 30.10.2022). (In Russ.).
13. Rusinova, I.I., Cherny`x, A.V., Shumov, K.E. & Korolyova, S.Yu. (2019). *Ethno-dialect dictionary of mythological stories of the Perm region*. St. Petersburg: Mamatov Publ. (In Russ.).
14. Karpova, L.L. (2020). *Dialects of the northern dialect of the Udmurt language: formation and current state: monograph*. Izhevsk: MarShak. (In Russ.).
15. Arkhangelsk Regional Dictionary. (2010). O.G. Geczova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Minor languages of Russia: site of the project of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://minlang.site/> (accessed: 30.10.2022) (In Russ.).

Сведения об авторах:

Юдина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, директор Дирекции по контролю за деятельностью и развитием филиалов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание, языковая политика; *e-mail*: nvyudina@fa.ru
 ORCID: 0000-0002-1888-5666; SPIN: 6022–5830; AuthorID: 487060

Хачатрян Астхик Аркадьевна, младший научный сотрудник департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, старший преподаватель департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, *сфера научных интересов*: менеджмент, маркетинг, языковая политика; *e-mail*: AANachatryan@fa.ru

ORCID: 0000-0001-6493-680X; SPIN: 2695–2955; AuthorID: 627466

Камашев Иван Ильич, лаборант-исследователь департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание, языковая политика; *e-mail*: tugezakam@gmail.com

ORCID: 0009-0000-8516-5987

Information about the authors:

Natalya V. Yudina, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher and Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economics, Director of the Directorate for Control over the Activities and Development of Branches, Financial University under the Government of the Russian Federation, *Research interests*: theoretical and applied linguistics, language policy; *e-mail*: nvyudina@fa.ru
ORCID: 0000-0002-1888-5666; SPIN: 6022–5830; AuthorID: 487060

Astghik A. Khachatryan, Junior Researcher at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economic Relations, Senior Lecturer at the Department of Management and Innovation of the Faculty of the Graduate School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, *Research interests*: management, marketing, language policy; *e-mail*: AANachatryan@fa.ru
ORCID: 0000-0001-6493-680X; SPIN: 2695–2955; AuthorID: 627466

Ivan I. Kamashev, laboratory researcher at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, *Research interests*: theoretical and applied linguistics, language policy; *e-mail*: tugezakam@gmail.com
ORCID: 0009-0000-8516-5987

ЛИНГВИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482

EDN: LZNZYS

УДК 811.161.1'373.612.2:82-14

Научная статья / Research article

Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения

Л.Н. Синельникова

Луганский государственный педагогический университет,
91011, Российская Федерация, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

✉ prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация. В основе статьи лежит доклад, прочитанный на заседании круглого стола «Язык как искусство», посвященного 90-летию со дня рождения замечательного лингвиста Л.А. Новикова, труды которого по проблемам языкового значения, эстетическим аспектам языка получили широкое признание и вошли в золотой фонд филологической науки. Выбор темы исследования методологически согласован с концепцией словесного искусства Л.А. Новикова, концентрированно представленной в термине «поэтема». Эмотивы (лексика, называющая, выражающая и описывающая эмоции) можно отнести к классу поэтем, поскольку процесс вербализации эмоций в поэзии связан с их эстетической трансформацией. Описание эмоций проведено по нескольким направлениям, каждое из которых значимо для понимания специфики вербализации эмоций в стихотворении. Новый аспект рассмотрения поэтической семантики эмотивов автор связывает с влиянием грамматического значения наклонения глагола на иллокутивную функцию вербализованных эмоций, участвующих в волеизъявлении. Кроме того, повелительное наклонение и инфинитив акцентируют семантику экстравертности (эмоции для других и для себя), сослагательное наклонение интравертно (эмоции для себя). Внимание к сопровождающим эмотив неопределенным, указательным, отрицательным и притяжательным местоимениям позволило получить дополнительные сведения о контекстных свойствах эмоций. Показано, что метафорические ряды эмоций организуют личностный ментальный образ мира поэта. Базовые поэтические эмоции, выявленные по факту аттрактивности (взаимное притяжение, сближение), имеют отношение к русской ментальности в целом. Комплекс рассмотренных проблем значим для наполнения содержанием формирующегося понятия «эмоциональная картина мира».

Ключевые слова: эмотив, эмотивный анализ, эмотивная метафора, эмоциональная картина мира, ментальность, грамматика поэзии

© Синельникова Л.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Синельникова Л.Н. Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 466–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482>

Emotions in the Mental and Linguistic Space of Lyric Poems

Lara N. Sinelnikova

Lugansk State Pedagogical University,
2, Oboronnaya str., Lugansk, Russian Federation, 91011

✉ prof.sinelnikova@gmail.com

Abstract. The article is based on a report given in course of the round table meeting 'Language as an art', dedicated to the 90th anniversary since the birth of the outstanding linguist L.A. Novikov, whose reknown works on the issues of linguistic meaning and the aesthetic aspects of language have attracted wide critical acclaim and become a valuable part of philology as a science. The choice of the topic is methodologically adjusted to L.A. Novikov's conception of verbal arts, which is succinctly represented in the term 'poetheme'. Emotives (vocabulary that names, expresses and describes emotions) can be categorised as poethemes, since the verbalisation process of emotions in poetry is related to their aesthetic transformation. The description of emotions in the article is conducted in multiple directions, each of which is significant in order to understand the specifics of the verbalisation of emotions in poems. The author relates the new aspect of viewing the poetic semantics of emotives to the influence of the grammatical meaning of the verb mood on the illocutionary function of verbalised emotions that take part in the declaration of intent. Besides, the imperative mood and the infinitive accentuate the extravert semantics (emotions for others and for oneself), the subjunctive mood being introvert (emotions for oneself). Additional information regarding the contextual features of emotions could be acquired through the emphasis on the indefinite, demonstrative, negative and possessive pronouns, which accompany emotives. The article demonstrates that metaphorical rows of emotions organise the personal mental image of the poet's world. Basic poetic emotions, established due to the fact of attractiveness (mutual attraction, approach), are related to Russian mentality as a whole. The range of problems dealt with in the article is significant to filling the forming term 'emotional picture of the world' with content.

Keywords: emotive, emotive analysis, emotive metaphor, emotional picture of the world, mentality, grammar of poetry.

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Sinelnikova, L.N. (2023). Emotions. in the Mental and Linguistic Space of Lyric Poems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 466–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482>

Введение

Ценностно-интенциональная согласованность представленных материалов с концепциями искусства слова Л.А. Новикова естественна: труды ученого зафиксировали научный ренессанс конца 80-х — 90-х годов XX века и вошли в список источников, знакомство с которыми определяет уровень профессиональности филолога. Приведем показательную для мышления и стиля Л.А. Новикова цитату: «Мир слов — многообразен, интересен, увлекателен и еще до конца не разгадан: он так же неисчерпаем, как космос, вселенная. Возьмем хотя бы литературу: какая бездна глубоких мыслей, идей, образов и эмоций! И все это из слов, тех обычных и, казалось бы, ничем не приметных слов, которые выстроились по алфавиту в словаре, ожидая, когда писатель призовет их и заставит сверкать в своих произведениях всеми цветами смысловой и эмоциональной радуги, вдохнет в них жизнь», — так проникновенно, с любовью к слову, к русской литературе писал Лев Алексеевич Новиков в предисловии к книге «Искусство слова» [1]. Книга вышла в серии «Ученые школьнику», но уже в этой цитате есть триггер (импульс, переключатель) в виде метафоры «смысловая и эмоциональная радуга», которая в проекции на поэзию может быть образным аналогом научного понятия «ментально-языковое пространство».

В работах Л.А. Новикова были заложены живые, готовые к развитию в новых парадигмальных условиях, «ростки». Значительная часть изданной в 2021 году статьи В.В. Фещенко «Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории» [2] отсылает к деятельно-коммуникативной концепции словесного искусства Л.А. Новикова, представленной во 2-м томе избранных трудов ученого [3]. Автор статьи не просто напоминает об исследованиях Льва Алексеевича, а вводит его идеи в контекст мировой науки, сопоставляя имя Л.А. Новикова с именами Г. Фреге, Ч. Пирса, Г. Шпета, Я. Мукаржовского, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, А. Потемби У. Эко.

Лингвоэстетическая теория Л.А. Новикова остается современной и востребованной во множестве методологически важных позиций: в подходе к искусству как «не только художественному познанию и моделированию мира, но и особого рода эстетической коммуникации» [3. С. 21] — это то, чем занимаются исследователи когнитивной поэтики и рецептивной эстетики; художественное значение отличается от общеязыкового сильным модальным (эстетически оценочным) компонентом, который «создается в тексте за счет взаимодействия с семантикой других слов и присущ данному слову именно как результат такого взаимодействия» [3. С. 49] — направленность на изучение единиц языка не в изолированном состоянии, а в их контекстуальных связях. Ряд такого рода проекций может быть продолжен. Инвариантную единицу языка как искусства Л.А. Новиков назвал поэмой. Поэтическую образность

аргументированно соотнес с приемом остраннения (необычного, странного для «практического языка» выражения — термин В.Б. Шкловского), который получил у Л.А. Новикова четкую характеристику: остраннение — инвариант образности.

На множестве примеров из художественной литературы Л.А. Новиков подтвердил, что остраннение может быть «положено в основу всей образности как общий приём» [3. С. 70]. Поэтема в таком ее понимании имеет безусловное отношение к эстетическим эмоциям, которые вызывает поэзия, и «остраненные» структуры, рождающие эффект новизны, входят в эмоциональную картину мира.

Креативный потенциал остраннения рассматривается в статье М.Л. Новиковой [4]. Автор по принципу дополнительности сохраняет основные характеристики отстраненного знака, но расширяет интерпретацию в условиях «когнитивно-дискурсивной парадигмы»: от отстраненного слова к отстраненному высказыванию и далее к структуре образного компонента всего текста.

Новые подходы обнаруживают продуктивность феномена «остраннение». Участники Международного круглого стола «Удивление от текста: остран (н) ение в аспекте когнитивной прагматики» (МГУ, 29 марта 2021 года) акцентировали внимание на остраннении как способе познания через переживание неожиданного, в том числе в виде «удивляющих структур языка», которые удерживают внимание на текстовом объекте [5]. Поэтема соотносима с «удивляющими структурами языка», и в этом качестве естественно ее вхождение в типологическую матрицу остраннения.

Идентификационные признаки поэтем определяются на разных основаниях. Поэтемы могут быть инструментом анализа творчества одной личности [6] и обеспечивать типологический подход, позволяющий систематизировать эмпирический материал, извлеченный из произведений разных авторов. Такой подход позволяет представить обобщенные модели, на фоне которых выявляются закономерности в организации стихотворных текстов и намечаются перспективы сравнительного анализа идиостилей. Эмпирическая типология фиксирует признаки поэтем и, соответственно, создает возможности для их интерпретации.

Поэтемы, организующие эмоциональную сферу, относятся к числу сложных и трудно квалифицируемых, как и сами эмоции. Выбор и группировка материала в статье обусловлены стремлением расширить представление об эмоциональном регистре поэзии через категоризацию эмотивов. Применен метод группировки поэтем-эмотивов по нескольким параметрам: грамматическому, тропеическому, звукословесному. Метод групп согласуется с методологическим принципом инвариантности, и эмпирическая валидность в этом случае понимается как валидность по отношению к обозначенному критерию.

О ментально-языковом пространстве и эмоциональной картине мира

История формирования теоретико-познавательной категории «ментально-языковое пространство» связана с именами зарубежных и отечественных исследователей, таких как Ж. Фоконье, Дж. Лакофф, М. Тернер; В.Б. Касевич, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.В. Колесов, Л.Г. Бабенко, Л.Я. Буянова, Л.В. Балашова и др. Различия в характеристике сложного понятия неизбежны (конкуренция теорий и научных парадигм — системно-структурной и антропоцентрической; применение разных наукометрических методов; мера привлечения эмпирического материала и др.), но есть и единство в понимании того, что ментальные пространства и отношения между ними организует и транслирует язык и что вербальные выражения обуславливаются экстралингвистическими факторами разной природы.

В русле заявленной темы ментальность можно квалифицировать как способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций. Это зафиксировано в пушкинском «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» и в определении поэтического мастерства П.А. Вяземским: «Уменье чувствовать и мыслить нараспев». Поэзия — это универсум эмоций, поэт — мощная эмоциональная личность. «Чувствующая мысль» лежит в основе научного обоснования эмоциональной картины мира — мира, воспринимаемого и оцениваемого сквозь призму человеческих эмоций. Эмоциональная картина мира, по мнению В.И. Шаховского, — вариант и фрагмент языковой картины мира, результат эмоционального осмысления мира языковой личностью и языковым сообществом [7].

Терминологическая конвенция относительно эмоциональной картины мира отсутствует, но ряд важных понятий получил толкование. *Эмотиология* — лингвистика эмоций, наука о вербализации эмоций. Основу теории эмотиологии составили исследования Волгоградской научной школы эмотиологов во главе с В.И. Шаховским. По мере развития этой области знания утверждался междисциплинарный подход к описанию эмоций: социокультурный, психофизиологический, экологический и др. [8].

В русле междисциплинарного подхода определяется теоретический инструментарий эмотиологии: *эмотивность* — отражение эмоционального мира человека в семантике языковых единиц, интегрированных в тексты; *эмотивный* — связанный с эмоциональной сферой; *эмотивы* — языковые средства (преимущественно лексика эмоций и эмоциональные концепты), выражающие и описывающие эмоции. *Эмотивный анализ* — рассмотрение присутствия эмоции на всех уровнях поэтического текста — фонетическом, лексико-морфологическом, синтаксическом, ритмико-интонационном, интеграция которых характерна для методологии текстоцентричной и когнитивно-дискурсивной парадигмы [9].

Лирика демонстрирует максимально проявленную природную потребность человека в эмоциональном насыщении. Эмоции в поэзии выполняют «миссионерскую» роль: через их посредство поэт соединяют материальный и духовный мир, но процесс такого соединения зависит от множества причин: литературного направления, жанра, индивидуального стиля поэта и др. Показательны размышления Наума Коржавина о том, что поэтов «золотого» XIX века отличала «непосредственная, сама собой разумеющаяся и не вызывающая у них никаких сомнений уверенность как в ценности, реальности и высоте духовного начала вообще, так и в своей безусловной причастности к этому началу», поэты «серебряного» века должны были доказывать себе и другим свое отношение к высоким духовным чувствам» [10. С. 104]. Если продолжить заявленный поэтом критерий, можно утверждать, что поэты 2-й половины XX века, на примеры из которой мы далее будем ориентироваться, вынуждены просить о духовности, призывать к высоким чувствам и говорить об опасности духовных потерь.

Эмотиология и грамматика: взаимное обогащение

Эмотивная природа поэтического текста проявляется на разных уровнях, в том числе — на грамматическом. Поэтическая морфология, поэтический синтаксис имеют общее название — «грамматика поэзии». Введению эмотивов в социальный контекст способствует семантика грамматической категории наклонения.

Носителем грамматической суггестии (установки на воздействие, убеждение) является повелительное наклонение. В лирике утвердился ряд грамматических моделей представления эмоций, фиксирующих самоустрашение лирического героя от «присвоенной», то есть лично переживаемой эмоции, что было характерно для поэзии XIX и начала XX века, и утвердилось желание обратить внимание на важность эмоций для существования человека как личности и гражданина. Эта позиция привела к повышению степени дидактичности и морализаторства, своеобразному «навязыванию» эмоций. Семантика волеизъявления, носителем которого является повелительное наклонение, органично связана с прагматикой речевой деятельности и имеет возможность проявить в поэтической коммуникации все оттенки волеизъявления: побуждение, желание, необходимость, ответственность. Призыв культивировать определенные эмоции поэт обращает к другим и к себе одновременно:

Иди дорогою любви / По солнечному кругу / И не назло врагу живи / — Живи на радость другу! (М. Дудин). *Забудь на время о покое. / К нему дорога заперта. / Смотри, ведь время-то какое: / Преображенье, стройка, взлёт* (В. Казанцев). *Иди, иди, иди, иди, / Не мучайся обидой, / Ты на счастливец не гляди, / Ты сам себе завидуи* (В. Шефнер).

Если в художественной прозе императивные конструкции есть основания оценивать в контексте речевого поведения языковой личности персонажа [11], то в поэзии императив приобретает особые свойства, поскольку по закону лирического жанра (для себя и для всех) относится и к самому поэту, и к гипотетическому читателю.

Характерное для поэзии XIX–XXI веков «инфинитивное письмо» (А.К. Жолковский) проявляет особый тип амбивалентности, предоставляя читателю выбрать *я-эмоцию* и (или) *мы-эмоцию*:

Ток по проволоке струится, / Спутник ходит по небесам... / Человеку стоит дивиться / человеческим чудесам (В. Шефнер). *Нет времени друг друга пожалеть, / от несчастья от чужого ошалеть* (Ю. Левитанский). *Сникерснуть / Сделать паузу — скушать Твикс / Оттянуться по полной / Почувствовать разницу* (Т. Кибиров).

В стихотворении с «инфинитивной доминантой» [12] могут размещаться ряды лексических эмотивов разнообразной семантики:

*Владеть всем тем, что нам дано,
Чем человек богат и чуток!
Не опускаться до того,
Чтобы руководил рассудок!*

*А отдаваться тем земным,
Слепым, глухим и безрассудным
Желаньям — тем, что мы храним
Наперекор понятиям скудным, —*

*Любви, сочувствию, слезам,
Прощенью, отвращенью к крови.
Все это, относясь к азам,
Естественно в своей основе.*

(Д. Самойлов)

Грамматическое значение сослагательного наклонения позволяет совместить в эмотиве желание испытать эмоциональное состояние и трудность или даже невозможность реализовать такое желание: *Я мог бы стать нежней / рыдающих берез / в лесоповале дней... Да не хватает слез* (Г. Горбовский). *Для веры мне б еще тоски, / еще отчаянья немного* (О. Хлебников).

Особый когнитивно-психологический ракурс оценки эмоционального состояния представлен в структурах антиципации. Если в психологии антиципация трактуется как упреждение действия [13], то для поэтического эмотива подходит другая трактовка: предугадывание, предвосхищение эмоций, их напряженное ожидание:

И хочется любви с предчувствием ошибки (О. Хлебников). Но предчувствием древней беды / я ни с кем не могу поделиться; пугает предчувствием сложным и грустным; в жару предчувствия плохого (Ю. Кузнецов). Застывший крик. Предвосхищенье крика. / Блаженный миг! Предвосхищенье мига (В. Казанцев). Мотив предчувствия, предвестия / того, что двигалось сюда, / как тема смерти и воздействия / и тема Страшного суда; Повторенье дороги, предчувствие, предваренье. / Тихое настроенье, словно идёт снег (Ю. Левитанский). Это было предчувствием боли, / Как бывает у птиц и зверей (Д. Самойлов).

Обратим внимание на когнитивные отличия эмотивов, помещенных в рамки трех грамматических категорий: повелительное наклонение и инфинитив акцентируют семантику экстравертности (эмоции для других и для себя), сослагательное наклонение интравертно (эмоции для себя). Опыт познания эмоций в рамках категории наклонений важен для понимания условий реализации эмоций как в жизни, так и в тексте. В целом же «грамматические особенности поэзии (как и фонетические и лексические) возникают тогда, когда потенции языковой системы преломляются через призму сущностных свойств поэтического текста» [14. С. 55].

Местоименное сопровождение эмотивов

Местоимения оказываются семантическим (и семиотическим) «мостиком», с помощью которого осуществляется переход от грамматики языка к грамматике поэзии. Каждая группа местоимений в той или иной степени значима для эмотиологии.

Богатство функций характерно для нереферентных неопределенных местоимений, которые могут передавать неясность эмоциональных переживаний лирического героя; фиксировать ускользающее от четкого определения чувство, природа которого непонятна лирическому герою; свидетельствовать о невозможности назвать все эмоциональные переживания:

Даже дитя, велосипед / влекущее, вертя педалью, / вдруг поглядит на белый свет / с какой-то ясною печалью (Б. Ахмадулина). ... чувство тревоги и смутное чувство вины перед кем-то, кто мне неведом (Ю. Левитанский). Но сердце ощущает всё сильнее / трагическую подоснову мира. / И я чего-то напряженно жду (Е. Винокуров). Что-то щемит мою грудь, / Жалко чего-то до слез (И. Шкляревский).

Указательные местоимения сохраняют в стихотворении семантику индикатива — настоящего времени момента восприятия, проявляя при этом когнитивную гибкость в переходе от видимого к ощущаемому, от материальных сущностей к идеальным. Эмотивное поле указательности может включать разные эмоции, комплекс которых формирует эмоциогенную ситуацию, проявляющую лирического героя как субъекта, познающего мир собственных эмоций:

*А эта страсть к небесной воле,
К большой воде, где синь и мгла,
Она во мне не от того ли,
Что я когда-то, в прежней доле,
Бродячим облаком была?*

*А эта боль (не жженье пули —
В повздошье чувство остря),
Что, видно, и в меня метнули
Копье средь прочего зверья?*

*В глуши времен... А эта тяга
К огню, а слух на дальний шаг,
А вечный страх, что темь и влага,
Беда, косящая из мрака,
Вот-вот погасят мой очаг...*

(И. Снегова)

Когнитивная (познавательная) семантика отрицательных местоимений связана с несуществованием, непредставленностью чего-либо. Глобальное отрицание замыкает и охраняет пространство эмоции:

*И кто с невольною тревогой
Не слышал голоса того?
— Здесь много боли, много Бога,
А за чертою — никого...*

(Л. Владимирова)

Синтаксические и прагматические свойства конструкции «ничего кроме» в поэзии дополняются когнитивной семантикой — семантикой несуществования, заложенной в отрицательном местоимении, в пространство которого эмоция не входит, поскольку заполняет все пространство существующего:

*– В этих крепких и громких стихах
Неприятная нотка застыла.
– Но какой в них широкий размах
И какая в них твердая сила.
– Ни огня, ни лица своего.
Ни большого. Крутого размаха.
Ничего. Ничего. Ничего!
...Кроме смутного, тайного страха!*

(В. Казанцев)

*Дай Родине моей
Удачи и покоя!
И больше ничего?
И больше ничего!*

(В. Костров)

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни
Кроме нас не оплачет никто*

(Ю. Кузнецов)

*Никто никогда не узнает,
Зачем за пустынной рекой
Свободное небо рыдает
И сводит с ума синевою*

(И. Шкляревский)

Участие отрицательных местоимений в лирическом обобщении, строящемся на алогизме, свидетельствует об их возможностях отрицать обобщая: Только одному любовь и учит, / что что она не учит ничему (В. Соколов). Не страшно — что ответа нет, / а страшно — вдруг никто не спросит (О. Хлебников). Семь небес никого не спасут / От былой и грядущей печали (Ю. Кузнецов).

Инклюзивность притяжательных местоимений проявляется в реализации стратегии «вовлечения» [15] в вариантах: *наш* как «свой круг» и *наш* как социальный объединитель:

Для поздних наших чувств / признанья не приличны (В. Костров). Пусть же слово просится все чаще, / Рвется грусть за рубежи. / Что прочней, что горестней, что слаще / нашей общности, скажи? (Л. Владимирова).

В пространстве общности «размещаются» оценочные характеристики, жизненных событий, значимых для многих, в том числе и для лирического героя:

*Ну а листья — им что, они смотрят вокруг,
Широко раскрывая глаза,
Как свободно и весело майская дышит гроза
И звенит освежающий дождик, такой молодой,
Над Отечеством нашим,
Над нашей печалью,
Над нашей бедой*

(Ю. Левитанский)

Стратегию «вовлечения» в мир эмоций реализуют вопросы-вопрошания. Вопрос с эмотивом представляет собой внутренний диалог лирического героя, его стремление разобраться в собственном мире ценностей:

Предмагазинною горою / я шла, и грустно было мне. / Свет, радость, Жизнь! Ночной порою / тебе певцу, тебе герою, / не страшно ль в этой стороне? (Б. Ахмадулина) *Что небу эти муки жданья... / сомненья жалкие... терзанья... / неразглашаемые сны?* (М. Аввакумова). *В который раз встает из праха / Всё умиротворяющий недуг / Благополучия и страха?* (Л. Владимирова). *Разве кто-нибудь станет счастливей / От строфы, сочиненной навзрыд?* (В. Резник). *Ярость ли стала кротче, кротость ли разъярилась, / жизнь ли по просьбе «Отче...» как-то остановилась?* (Ю. Кублановский).

Приведенные примеры согласуются с мнением о том, что «Местоимения, по-видимому, могут быть причислены к тем языковым средствам, которые создают каркас для вербализации ментальных категорий, выступая в качестве общих структурных элементов, скрепляющих семантическое, семиотическое и концептуальное пространства в коммуникативной и когнитивной деятельности человека» [16. С. 126].

Эмотив в метафорическом представлении: когнитивные приобретения

Когнитивная функция метафоры — представлять деятельность сознания по организации познанного и познаваемого через расширение семантических связей слов, включенных в метафорическую конструкцию. Возникновение каждой новой метафоры, в которую «упаковывается» эмоция, представляет собой когнитивное событие: метафора вербализует ментальное знание об эмоции и включается в безграничное пространство создаваемых поэтами «возможных миров». Пересечение и переплетение значений слов в метафоре создает зону образности, которая может расширяться вплоть до текста всего стихотворения. «Метафорическая истина» с позиции эпистемологии представляет собой достоверное знание о мире.

Приведем примеры эмотивных метафор у разных поэтов:

Б. Ахмадулина: *Улыбки доблестный цветок, возросший из расщелин плача, печали синяя свирель, гнев весны, осень счастья, плач нежности, пекло совести, хищность жизнелюбья.*

О. Седакова: *бич стыда, жало умиления, надежды кнут, состраданья мгла, горн состраданья, ласточка одушевления, огонь восхищения, ларчик восхищения, облако боли, свечи счастья, печали дар.*

А. Тарковский: *мешок обид, ветер страха, дерзость страсти, тревожный покой, печаль отчужденья.*

В. Шефнер: *вороны страстей, коришны зла и обмана, равнодушия ледок, звезда печали, ангел терпенья, зёрна счастья и печали, отмели темных желаний, мелкой зависти ил, отложенья умерших обид.*

М. Дудин: *клубок страстей, песня сомнений, надежды и любви раке-тодром, тоска житейской прозы.*

А. Межиров: *зависти жала, отчаянья зигзаг, ад тоски, подкова счастья.*

Ю. Кузнецов: *окровавленный узел страстей, ропот тревоги, фимиама хандры, оползни сомненья, червь сомненья, кобры любви.*

Ю. Левитанский: *золотой песок простодушья, ветер безумия, горчащая радость.*

В. Костров: *кладбище надежд, луч надежды, обиды мутные ручьи, вакханалия страха, стон последней любви, липкое равнодушие, горечь разочарованья, бескорыстная печаль, смутная печаль.*

Материал даже небольшой выборки дает основание для некоторых обобщений: проявлена амбивалентная семантика эмотива «печаль» (*печали синяя свирель, печали дар, звезда печали, бескорыстная печаль, смутная печаль*); выявлена отрицательная коннотация эмотива «страсть» (*вороны страстей, клубок страстей*); зафиксированы примеры включения эмотива в оксюморонную структуру (*тревожный покой, горчащая радость*).

Отношения между дискретностью и континуальностью эмотивов в поэзии отличаются своеобразием: эмоция может получать автономное и самодостаточное описание, но может быть актуально значимой в соединении с другой эмоцией. Аттракция (взаимное притяжение, сближение) слов-эмотивов позволяет поэтам передать некое единство разного. Причем у каждого поэта есть свой набор активных аттрактантов: *сожаление и гнев, страх и тоска, тоска и горе, любовь и гнев, стыд и боль, раскованность и испуг* (М. Дудин); *страх, тревога и печаль, счастье и вина, злоба и жалость* (А. Межиров); *страх и боль, любовь и покой, печаль и любовь* (Ю. Кузнецов); *облегченье и надежды, ликование и отчаянье, веселье и тоска, тоска и ужас, гнев и печаль, надежды, радости и боли, тревога и вина, беда и мука, праздник и мученье, мука и томленье* (Ю. Левитанский); *счастье и горе, любовь и горе, страдание и счастье, любовь и тоска* (А. Кушнер); *любовь, сочувствие и слезы* (Д. Самойлов); *скорбь и стыд* (Л. Владимирова); *бред и восторг, грусть и радость, уныние и предсчастье, совесть и боль, мука и блаженство, страдать и сострадать, любовь, беспокойство и тоска, беда и печаль, тоска и счастье, гнев и милость, тоска и нега, дерзость и угрюмость, гордость и горесть* (Б. Ахмадулина); *робость и надежда* (А. Тарковский); *нежность и рыданье, свобода и любовь, любовь и страданье, надежда и любовь, отрада и печаль, страсти и беды* (В. Костров). Устойчивая аттрактивная связь закреплена между эмоциями *тоска, горе, страх; страх, печаль, боль; любовь, печаль, тоска; грусть, радость*. В сое-

динении противоположностей, считают психологи, протекает эмоциональная жизнь человека. Когнитивно-семантические открытия в эмоциональной картине мира связаны с совместностью эмоций, с реализацией возможности порождать и обуславливать друг друга, формировать когнитивно целостный эмотив [17]. Достаточно вспомнить пушкинское: *Мне грустно и легко, печаль моя светла.*

Эмотивная континуальность, совмещаемая с дискретностью, может реализовываться в такой конструкции, как парцелляция. Парцелляция рассматривается с разных точек зрения: синтаксической (конструкция экспрессивного синтаксиса), риторической (повышение экспрессивности речи), прагматической (актуализация интенций субъектов речи). Когнитивно-семиотическая концепция парцелляции [18] интегрирует все подходы, и в русле этой концепции можно представить эмотив как конвергенцию парцелляции и метафоры: *Тоска. Наваждение. Плен* (В. Костров). *Море терпенья. Берег забвенья. Бухта отчаянья. Последней надежды туманные острова.* (Ю. Левитанский). *Работа! Тоска! Чудотворство!* (Л. Владимиров). Парцелляция как выделяет эмоции, так и обеспечивает их совместность в условиях целостности восприятия чувственно-предметного мира: *Ведь в зазоре между радостью и отчаянием — / Тихо. Жутко* (Н. Матвеева).

Эмотивы в условиях расширения пространства звукосмысловых связей

В начале XX века эмоции активно осваивают паронимическое пространство стихотворных текстов. «Паронимические сочетания перестают быть фактом собственно звуковой организации стиха и становятся носителями смысловых связей» [19. С. 168]: печаль — плачет (А. Белый); дрожь — вторженье, гнетёшь — гнёшь, душа — душна, тоскливый — тусклый, терпенье — терпкое (Б. Пастернак); страсти — ярость (А. Блок); боль — былль (А. Твардовский); трепеща — отрепье (А. Тарковский); стон — стынет (В. Каменский); слабость — сладость (В. Луговской); старость — сотрясает (В. Орлов, Д. Кудрин). Паронимические сближения как способ смыслового представления эмоций представляют собой поэтому, проявленную в семантико-фонетическом комплексе: *Отдайте горесть мне, / Себе возьмите голос; Ты думаешь, что я из гордости / хожу, с тобою не дружу? / Я не из гордости — из горести / так прямо голову держу* (Б. Ахмадулина); ... *что тоской по страданью и страсти / ты была и пребудешь горда; —Где бы ты ни был — ты был, как луч в луче, / в горячем плаче на моём плече* (О. Седакова); *Вот круглая печать: «Прописан в океане». / Вот светлая печаль по дорогой земле, / по жителям её* (И. Шкляревский).

Звуковые связи в метафоре мотивируют образное сближение слов, и звуковая метафора получает статус поэмы: *баллада самообладанья* (Б. Пастернак), *гнев огня* (М. Волошин), *ритмы рыданья* (Ю. Левитанский), *ангел гнева* (А. Тарковский), *счастья сласть* (Т. Смертина), *облако боли* (О. Седакова), *гири горя* (А. Кушнер).

Заключение

Едва ли не все исследования, связанные с миром эмоций, начинаются с привычного «общего места» о сложности проблемы. Упрощения не предвидится: такова суть эмоций. «Эмоциональная картина мира» вполне справедливо пополнила реестр «картин мира», и, хотя эмоционально значимые явления мира вообще и мира текстов описаны во множестве работ, есть нужда в расширении эмпирической базы наблюдений и в их согласованности с теориями, сформированными в разных научных парадигмах. Ментальное и эмоциональное, эмоции и мысли неразделимы и в жизни, и в поэзии. Поэт всегда видит и понимает эмоцию особо, и способы передачи эмоционального опыта разнообразны. Очевидны возможности включения грамматической семантики в описание ментально-языкового пространства эмоций. Грамматические «рамки» эмотива согласуются с эстетическими и когнитивными установками лирического субъекта. Внимание к резервам грамматических форм в организации эмотивного события позволяет укрепить межуровневые связи в описании эмоций. Стратегия вовлеченности адресата в мир эмоций реализуется в вопросах, которые в поэзии имеют авторефлексивный характер. Картина мира — когнитивный феномен, и эмотивная метафора является носителем такого свойства. Показательны возможности метафоры быть средством глубинного познания эмоций, в том числе через аттрактивные связи между разными эмотивами. Звукосмысловые связи подтверждают коннотативно-ассоциативные возможности фоносемантики. Эмотивы в поэзии расширяют возможность доступа к когнитивной сфере человека, а поэма и остраннение, как апробированные практикой приемы описания художественного материала, способствуют рецептивности (повышенному состоянию восприятия) эмотивов разной природы.

Исследователи обращают внимание на наступление нового, постклассического, этапа в изучении эмоций, проявляющегося во внимании к эмотивным параметрам интернет-коммуникации, эмотивной составляющей лингвоэкологии и лингвоконфликтологии, эмоциональному взаимодействию в межкультурной коммуникации и др., и классические ориентиры, заложенные в трудах Л.А. Новикова, органично включаются в новые методологические и практические контексты.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1982.
2. Феценко В.В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингво-эстетической теории // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. № 12(1). С. 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
3. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остраннение. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001.
4. Новикова. М.Л. Креативный потенциал остраннения. Функционально-грамматический принцип изучения структуры остранненного знака // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 2. С. 19–27.
5. Швеца А. Остраннение как способ познания: проблемы и перспективы. Международный круглый стол «Удивление от текста: остран (н) ение в аспекте когнитивной прагматики» (МГУ, 29 марта 2021 года) // Новое литературное обозрение. 2021. № 5(171).
6. Темригазина З.К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>
7. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
8. Ионова С.В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 26–39. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39>
9. Колядко С.В. Эмотивный анализ поэтического произведения // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1(24). С. 45–51. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51>
10. Коржавин Н. Игра с дьяволом (По поводу стихотворения Александра Блока «К музе» // Поэзия: Альманах. Вып. 59. М.: Молодая гвардия, 1991.
11. Васильева А.А. Императивные высказывания — одна из форм репрезентации языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 185–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195>
12. Милютин М.Г. Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 276–288. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/21>
13. Пантелева Г.В. Определение термина антиципация в отечественной психологии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 8(174). С. 282–288.
14. Сидорова М.Ю., Липгарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: линейризация и синтаксические техники // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 52–71.
15. Северская О.И. «Побудь со мной. Поговори со мной»: стратегии взаимодействия с читателем в современной поэзии // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(2). С. 419–436. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).419-436](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).419-436)
16. Федюнина Г.В. Местоимения в контексте когнитивной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 124–128.
17. Киселева Л.А. Современная лингвистика эмоций: постклассический этап // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 2. С. 11–18.
18. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 5–16.
19. Кожевникова Н.А. Звуковая организация стиха // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990.

References

20. Novikov, L.A. (1982). *The Art of the Word*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
21. Feshchenko, V.V. (2021). Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics. *Slovo.ru: baltic accent*, 12(1), 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1> (In Russ.).
22. Novikov, L.A. (2001). Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
23. Novikova, M.L. (2010). The Creative Potential of Ostrannenie. Functional and Grammatical Principle of Ostrannenie Sing Structure Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 19–27. (In Russ.).
24. Shvets, A. (2021). Estrangement as a way of cognition: problems and prospects. International round table “Surprise from the text: ostan (n) in the aspect of cognitive pragmatics” (Moscow State University, March 29, 2021). *New Literary Review*, 5(171). (In Russ.).
25. Temirgazina, Z.K. (2022). A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261> (In Russ.).
26. Shakhovsky, V.I. (2019). Emotional worldview of the in verbal presentation. *Russian Word World*, 1, 35–43. (In Russ.).
27. Ionova, S.V. (2022). Linguopsychology of emotions in the modern linguistics concepts. *Journal of Psycholinguistics*, 1(51), 26–39. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39>. (In Russ.).
28. Kolyadko, S.V. (2021). Emotive analysis of a poetic work. *Verkhnevolzhsky. Philological Bulletin*, 1(24), 45–51. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51>. (In Russ.).
29. Korzhavin, N. (1991). Playing with the devil (About Alexander Blok's poem “To the Muse”). In: *Poetry: Almanac*. Iss. 59. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
30. Vasileva, A.A. (2021). Imperative Statements — one of the Forms of Representation of a Linguistic Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 185–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195>. (In Russ.).
31. Milyutina, M.G. (2021). Functional grammar in the service of poetry (infinitive writing in poetical texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner). *Siberian Journal of Philology*, 4, 276–288 <https://doi.org/10.17223/18137083/77/21>. (In Russ.).
32. Panteleeva, G.V. (2019). Definition of the term anticipation in Russian psychology. *Scientific notes of the P.F. Lesgaft University*, 8(174), 282–288. (In Russ.).
33. Sidorova, M.Yu. & Lipgart, A.A. (2018). Grammar of modern Russian poetry: linearization and syntactic techniques. *The world of the Russian word*, 3, 52–71. (In Russ.).
34. Severskaya, O.I. (2020). “Stay with me. Talk to me”: reader interaction strategies in modern poetry. *Communication Studies*, 7(2), 419–436. (In Russ.).
35. Fedyunina, G.V. (2009). Pronouns in the context of cognitive linguistics. *Siberian Philological Journal*, 3, 124 — 128. (In Russ.).
36. Kiseleva, L.A. (2020). Modern linguistics of emotions: postclassical stage. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 2, 11–18. (In Russ.).
37. Bogoyavlenskaya, Y.V. (2018). Parcelling as a cognitive and semiotic phenomenon. *Tomsk State University Journal of Philology*, 55, 5–16. <https://doi.org/10.17223/19986645/55/1>. (In Russ.).
38. Kozhevnikova, N.A. (1990). Sound organization of verse. In: *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle: General questions. Sound organization of the text*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганский государственный педагогический университет. *Сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, дискурсология, когнитивистика, стилистика, риторика; *e-mail*: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8140-5648; SPIN-код: 3053–7270

Information about the author:

Lara N. Sinelnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Lugansk State Pedagogical University. *Research interests*: linguistic poetics, discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, rhetoric; *e-mail*: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8140-5648; SPIN-code: 3053–7270

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-483-501

EDN: LNKREA

УДК 811.161.1'373:821.161.1P-32

Научная статья / Research article

Репрезентация текстовых микрополей ЗИМА и ЧЕЛОВЕК на материале рассказов советского писателя Юрия Шамшурина

О.А. Мельничук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58

✉ oa.melnichuk@s-vfu.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется обращением к антропоцентрическому аспекту художественного текста, к ментальным репрезентациям Арктики в авторской картине мира, а также востребованностью гуманитарного познания жителей арктических регионов и их культуры в связи с технологическим освоением Арктики. Цель исследования — моделирование текстовых ассоциативно-семантических микрополей ЗИМА и ЧЕЛОВЕК в арктическом дискурсе советского писателя Юрия Шамшурина, а также определение точек их соприкосновений и пересечений. Новизна исследования заключается в использовании когнитивно-дискурсивного подхода к анализу творчества Ю. Шамшурина. Исследованию подверглись лексические единицы, моделирующие вторичную реальность в его рассказах. Основными методами, используемыми в исследовании, являются полевой, семантический и контекстуальный методы анализа, а также когнитивная интерпретация данных. В результате исследования выделены ядерные лексико-тематические группы микрополей ЧЕЛОВЕК и ЗИМА, такие, как ПРОМЫСЕЛ и ВЕТЕР, выявлены точки пересечения лексико-тематических групп обоих микрополей. Также определены основные признаки зимы в ментальной репрезентации арктического дискурса в произведениях Ю. Шамшурина, каковыми являются ветер и холод, как явления, с которыми человек сталкивается в первую очередь во время своей промысловой деятельности. Полярное сияние, не имеющее пересечений с микрополем ЧЕЛОВЕК, но представляющее уникальное природное явление, также является одним из основных признаков. Кроме того, выявлено, что при пересечении лексико-тематических групп наблюдается подвижность их границ, что может привести к созданию новой лексико-тематической подгруппы в микрополе. Выявлена также проблема определения лексико-тематических групп с лексическими единицами, выполняющими художественную функцию в одном определенном рассказе, например, сюжетообразующую или символическую. В таком случае они не являются репрезентативными для своей группы в данном микрополе.

© Мельничук О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: арктический дискурс, текстовое ассоциативно-тематическое поле, русский язык

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Мельничук О.А. Репрезентация текстовых микрополей ЗИМА и ЧЕЛОВЕК на материале рассказов советского писателя Юрия Шамшурина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 483–501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-483-501>

Textual Microfields WINTER and MAN in Short Stories by Soviet Writer Yuri Shamshurin

Olga A. Melnichuk

North-Eastern Federal University n.a. M.K. Ammosov,
58, Belinsky str., Yakutsk, Russian Federation, 677000

✉ oa.melnichuk@s-vfu.ru

Abstract. The research addresses to the anthropocentric aspect of a literary text and mental representations of the Arctics in the author's image of the world. The relevance of this study is defined by the demand for humanitarian knowledge and culture of the inhabitants of the Arctic regions in connection with the technological development of the Arctics. The goal of this article is to design a model of textual associative semantic micro-fields WINTER and MAN in the Arctic discourse of Soviet-era author Yuri Shamshurin and identify the points where these micro-fields meet or cross each other. The study is focused on those lexical items which participate in building the secondary reality in Shamshurin's short stories. The novelty of the study lies in applying cognitive-discursive approach to the study of the Arctic fictional discourse. The key methods of analysis used in this study are field analysis, lexical-and-semantic analysis, contextual analysis and cognitive interpretation method. As a result of the study, the nuclear lexical-and-thematic groups of the microfields MAN and WINTER were identified, such as CRAFT and WIND, as well as the intersection points of lexical-and-thematic groups for both microfields. The main attributes of winter identified in the mental representation of the Arctic discourse in Shamshurin's short stories are wind and cold, being the phenomena which a man encounters first and foremost during his daily activities. The northern lights, which have no intersections with the microfield MAN but represent a unique natural phenomenon, are also one of the main attributes. In addition, it has been revealed that when lexical-and-thematic groups intersect their boundaries become mobile, which can lead to the creation of a new lexical-and-thematic subgroup within the microfield. An issue has been revealed that is connected with defining the lexical-and-thematic groups containing lexical items that perform an artistic function in a particular story, such as a plot-forming or symbolic function. In this case, they are not representative of their group in a given microfield.

Keywords: Arctic discourse, textual associative-and-thematic field, Russian language

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Melnichuk, O.A. (2023). Textual. Microfields WINTER and MAN in Short Stories by Soviet Writer Yuri Shamshurin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 483–501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-483-501>

Введение

В последнее время Арктика вызывает большой интерес с точки зрения экономического развития и промышленного освоения, которые могут привести к дальнейшему нарушению традиционного образа жизни коренных народов Севера, сокращению площадей угодий для пастбищ, углублению кризиса самобытной национальной культуры, традиций, обычаев [1]. Об усилении гуманитарного вектора арктических исследований пишет канадский ученый Даниэль Шартье, по мнению которого Север и Арктика большей частью осмыслились с точки зрения «южноцентричной» культуры, что привело к упрощению представлений о них как о белом, холодном, пустом и замороженном мире, а также к игнорированию человеческого опыта на этих территориях. Актуальной задачей становится включение в исследования Севера и Арктики культурных и гуманитарных аспектов, о которых забывают при создании арктических программ, научно-технических проектов и подписании различных соглашений [2].

В советском арктическом дискурсе 30-х годов Арктика, а особенно ее природа, по мнению исследователей, рассматривалась как «другой», как враг, ее необходимо было победить, приручить, при этом предполагалось, что человек (как правило, не коренной житель, представитель другой культуры) отделен от природы, «иначе он не мог бы вмешиваться в нее» [3. С. 29]. Тематикой арктического художественного дискурса XX века, включающего произведения В. Каверина, О. Куваева, Б. Пильняка, Б. Горбатова и других, также является история освоения Арктики, где есть место и полярной романтике, и северной экзотике, и настоящей дружбе, взаимовыручке, и величию арктической природы, но в то же время Арктика воспринимается и как «территория суровой борьбы с непокорными силами природы» [4. С. 23]. Как отмечает Э.Я. Фесенко: «В их книгах сложилось в какой-то степени мифологизированное представление о «сильной и капризной» Арктике, с которой люди ведут поединок и выигрывают его» [5. С. 134].

В отличие от вышеназванных произведений, «в которых актуализированы ментальные черты русского человека, оказавшегося в экстремальных условиях» [5. С. 134], большинство персонажей рассказов Ю. Шамшурина — эвены, юкагиры, чукчи, якуты — коренные жители Севера. Они не осваивают Арктику, они здесь родились, живут и работают. Если они и ведут борьбу, то это не борьба с природой или Арктикой, а борьба за выживание в трудных условиях. Сам Юрий Иванович Шамшурин — не коренной житель Севера,

но с детства жил в Якутии, работал в арктических районах. Писатель одним из первых поднял тему Крайнего Севера в литературе Якутии, он жил и работал бок о бок с северянами, прекрасно знал их взгляды, характеры, жизнь и быт «изнутри», что определило его северную ментальность [6; 7]. Арктика стала «своей» для него.

Целью данной статьи является моделирование текстовых ассоциативно-семантических микрополей (ТАСМП) ЗИМА и ЧЕЛОВЕК, определение точек их соприкосновений и пересечений, что позволит в дальнейшем сконструировать концепты ЗИМА и ЧЕЛОВЕК в арктическом художественном дискурсе Юрия Шамшурина. Исследование микрополей ЗИМА и ЧЕЛОВЕК на материале нескольких текстов является первым этапом моделирования дискурсивного поля АРКТИКА для последующего выявления концептосферы арктического дискурса Юрия Шамшурина. Под арктическим дискурсом понимается «комплексный дискурс, представляющий совокупность текстов культуры, объединенных как арктической, так и более широкой, северной тематикой; его знаковыми коррелятами могут выступать различные социально-культурные практики» [8. С. 107]. Арктический дискурс отдельного писателя представляет собой один из случаев «междискурсивного взаимодействия» или «взаимовлияния дискурсов» [см. 9. С. 9], поскольку он является одновременно художественным дискурсом и частью комплексного арктического дискурса и представляет совокупность художественных текстов данного писателя, посвященных проблемам Арктики.

Методология

Представляется, что полевой подход является одним из эффективных способов изучения полевой структуры концепта. Несмотря на то, что исследования полей начались более ста лет тому назад, «метод системного описания единиц разных уровней» [10. С. 8] по-прежнему актуален. Лексические единицы могут объединяться в поля по семантическому принципу (инвариантное значение, базисное для поля понятие, семантическая мотивированность) либо по функциональному (общность функций на базе определенной семантической категории или их вариативность), либо по ассоциативному (ассоциации), в связи с чем выделяются лексико-грамматические или функционально-семантические поля, мотивационные поля, вариационные, фразео-семантические, ассоциативные и др. [см. 11–13].

Текстовое семантическое поле, теорию которого разрабатывал профессор Л.А. Новиков, и которая сейчас успешно используется для изучения как языка отдельных произведений художественной литературы, так и художественного дискурса отдельных писателей (см. [14–18] и др.), описывает фрагмент языковой картины мира писателя и позволяет выявить особенности его восприятия и интерпретации действительности [19. С. 82]. По сравнению

с семантическим полем языка текстовое семантическое поле обладает протяженностью, его содержание и структура более подвижны и менее четки, поскольку определяются закономерностями структуры текста и его смысловым развертыванием, границы его ядра и периферии изменчивы [см. 10; 20; 21. С. 198], что позволяет выявлять новые ассоциации, оппозиции и смыслы.

Исследователи отмечают, что при построении текстового семантического поля возникают сложности при определении ядра поля и имени поля, поскольку «значения составляющих его единиц и семантические отношения между ними обуславливаются контекстом» [16. С. 563]. В художественном тексте связи между единицами поля могут устанавливаться не только семантически, но и тематически, и ассоциативно, поэтому для выявления связей между художественными концептами некоторые ученые предлагают анализировать не просто текстовое семантическое поле, а ассоциативное текстовое поле (см., например, [22]) или текстовое ассоциативно-семантическое поле (ТАСП), определяемое как «семантически и структурно неоднородное нечеткое множество с размытыми границами» [23. С. 17]. ТАСП состоит из лексико-тематических групп (ЛТГ), которые в свою очередь объединяют лексические единицы (ЛЕ), «обнаруживающие семантическую и тематическую близость в рамках конкретного текстового фрагмента» [23. С. 17].

Как известно, мир художественного произведения содержит одновременно фиктивную модель (вымышленный мир: персонажи, сюжет, события) и реальную — предметный мир, который окружает персонажи (вещи, пейзаж, природные объекты и т. д.) и создает вторичную реальность, аналогичную действительности и моделирующую ее [24. С. 55]. Для того, чтобы выявить основные признаки в репрезентации зимы (и в дальнейшем Арктики) в арктическом дискурсе Ю. Шамшурина, мы сосредоточили анализ на предметном мире.

Поскольку моделирование дискурсивного поля АРКТИКА в произведениях Юрия Шамшурина — кропотливый процесс, требующий исследования большого объема материала, мы разделили его на текстовые микрополя (ТАСП). При выборе имен микрополей учитывалась «семантическая емкость имени, под которой понимается способность слова выступать в роли стимула достаточно большого числа текстовых ассоциаций» [23. С. 17]. В данной статье представлены результаты исследования двух микрополей — ЗИМА и ЧЕЛОВЕК — на материале пяти рассказов Ю. Шамшурина, где действие происходит в зимний период: «Дед Аким и Никишка», «Аниська-тракторист», «В плену льдов», «Огонь в яранге», «Горящий камень» [25].

Помимо полевого подхода исследование проводилось также с позиций семантико-когнитивного подхода, подразумевающего семантический анализ средств вербализации концепта или понятия и когнитивную интерпретацию его результатов (см. 26. С. 154–161).

Извлечение лексических единиц для исследования проводилось методом сплошной выборки с применением семантического и контекстуального методов анализа. Выбирались такие ЛЕ, референты которых являются специфическими для арктических регионов (например, *меховая одежда, строганина* и т.д.) или выполняют важные функции жизнеобеспечения в условиях Арктики (*охота, огонь, печь* и др.). Методы семантического и контекстуального анализа использовались также при распределении по микрополям ЛЕ, репрезентирующих понятия ЧЕЛОВЕК и ЗИМА. Следует также отметить, что оба текстовых микрополя создавались на базе лексических единиц, выбранных из пяти рассказов.

Следующий этап — распределение ЛЕ по лексико-тематическим группам, которые выделялись с учетом частотности использования ключевых слов, а также их семантических и тематических связей между ЛЕ. При этом также применялись методы лексико-семантического и контекстуального анализа.

Выделение и ранжирование ядерных и периферийных лексико-тематических групп в структуре выбранных микрополей проводилось путем построения круговой диаграммы в приложении Microsoft Word для визуализации и вычисления долей числовых значений ЛТГ от общего количества.

Говоря о структуре поля, ученые отмечают существование внутри поля элементов или микросистем (в нашем случае — это лексико-тематические группы и подгруппы), которые могут вступать в связь (перекрещивание, наложение) с элементами или микросистемами как внутри поля, так и вне его (связь между элементами/ЛТГ других полей) [см. 11. С. 96; 13. С. 235]. Мы будем использовать термины пересечение (активное взаимодействие ЛТГ разных микрополей) и соприкосновение (взаимодействие на уровне нескольких лексических единиц разных ЛТГ). Установление точек пересечения и соприкосновения ЛТГ обоих полей проводилось на уровне синтагм с привлечением контекстуального метода анализа.

На последнем этапе исследования при моделировании полей проведена когнитивная интерпретация данных, полученных в ходе семантического анализа языковых средств репрезентации микрополей ЧЕЛОВЕК и ЗИМА, с целью: 1) осмыслить лексико-тематические группы как концептуальные признаки микрополей; 2) представить структуры микрополей как модели когнитивных структур знания, в частности, ментальной репрезентации характеристик зимы в концептосфере Ю. Шамшурина на материале его рассказов.

Результаты исследования

Имя микрополя ЧЕЛОВЕК выбрано как семантически емкое, объединяющее коренных жителей Севера (охотники, оленеводы) и «приезжих» (работники рыбозавода). Данное ТАСМП содержит 1569 ЛЕ (слов

и словосочетаний). Следует отметить, что это только фрагмент микрополя ЧЕЛОВЕК, поскольку большинство вошедших в него лексических единиц связаны только с зимним периодом. Выделено 10 лексико-тематических групп: «Промысел», в которую вошли 578 ЛЕ, относящиеся к таким видам деятельности, как охота (действия охотников, орудия и приспособления для охоты), оленеводство (действия пастухов и их снаряжение), рыбный промысел (действия и снаряжения работников рыбозавода); «Звери», включающая 303 единицы (наименования пушных зверей — объектов охоты, оленей и их врагов-волков, описание их поведения); «Одежда» (126 ЛЕ), «Огонь» (124), «Внешность» (73), «Характеристика» (59), «Место проживания» (51), «Еда» (34), «Приметы» (30). ЛТГ «Настоящее/прошлое» включает 154 ЛЕ, из которых 124 использованы только в рассказе «Огонь в яранге», повествующем о конфликте старшего и молодого поколений из-за взглядов на роль женщины. В этом рассказе огонь в очаге выступает сначала символом прошлого, указывая на место женщины в жизни, предопределенное традицией, а затем символом семейного согласия и победы девушки в борьбе за право самой решать свою судьбу. В ЛТГ «Настоящее/прошлое» только 30 ЛЕ относятся к предметному миру; представляется, что остальные 124 ЛЕ могут репрезентировать отдельный художественный концепт, поэтому в нашем исследовании не учитывались.

Для ранжирования ЛТГ была построена диаграмма (рис. 1), демонстрирующая процентное соотношение ЛТГ в структуре микрополя. Диаграмма показывает, что ЛТГ «Промысел» составляет 40 %, ЛТГ «Звери» — 21 %. Таким образом, обе ЛТГ занимают 61 % всей структуры микрополя, показывая роль деятельности человека и связанных с ней объектов в рассказах Ю. Шамшурина о зимнем периоде в Арктике.

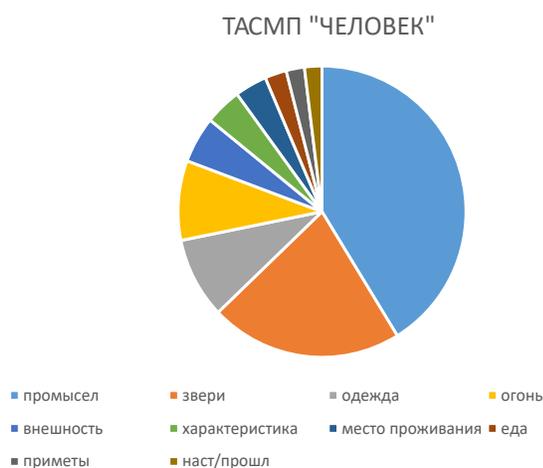

Рис. 1. Доли ЛТГ в ТАСМП ЧЕЛОВЕК

Fig. 1. Shares of lexico-and-semantic group in microfield of the text associative-and-semantic field MAN

Ранжирование ЛТГ при помощи диаграммы позволило предложить следующую структуру ТАСМП ЧЕЛОВЕК (рис. 2).

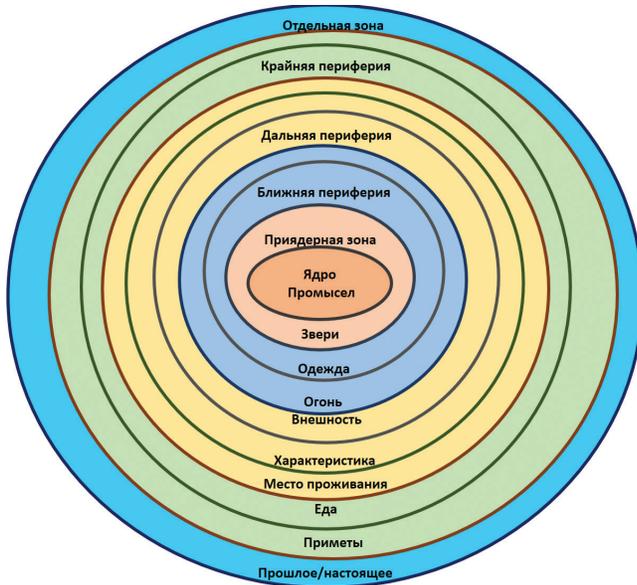

Рис. 2. Структура ТАСМП ЧЕЛОВЕК

Fig. 2. Structure of microfield of the text associative-and-semantic field MAN

В ядре поля находится ЛТГ «Промысел», в приядерной зоне расположилась ЛТГ «Звери», на периферии по порядку убывания — ЛТГ «Одежда», «Огонь», «Внешность», «Характеристика», «Место проживания», «Еда», «Приметы». В отдельную зону на крайней периферии пришлось поместить ЛТГ «Настоящее/прошлое».

ТАСМП ЗИМА содержит 781 ЛЕ, которые были распределены по шести ЛТГ: «Ветер» (166 ЛЕ), «Холод» (141), «Полярное сияние» (109), «Солнце» (93), «Снег» (63). ЛТГ «Лед» включает 181 ЛЕ, из которых 122 приходится на рассказ «В плену льдов», в котором повествуется о борьбе рыбаков, оказавшихся на оторванной льдине, дрейфующей в Ледовитом океане, за свою жизнь. В этом рассказе лед не только представляет предметный мир, но и выполняет функции художественной детали, символизируя угрожающую необузданность Ледовитого океана. Так же, как и в случае с ЛТГ «Прошлое/настоящее», эти 122 единицы не учитывались при построении структуры микрополя. Ранжирование ЛТГ в структуре ТАСМП ЗИМА показано на рис. 3.

Диаграмма (рис. 3) показывает, что в структуре микрополя ЗИМА почти одинаковые доли занимают ЛТГ «Ветер» (25,2 %) и «ЛТГ «Холод» (21,4 %). Вместе они представляют 46,6 % всей структуры микрополя. ЛТГ «Полярное сияние» (17 %) и «Солнце» (14 %) представляют 30 % и, наряду с ветром

и холодом, также являются представительными характеристиками зимы в рассказах. В соответствии с диаграммой выявлена структура микрополя ЗИМА (рис. 4).

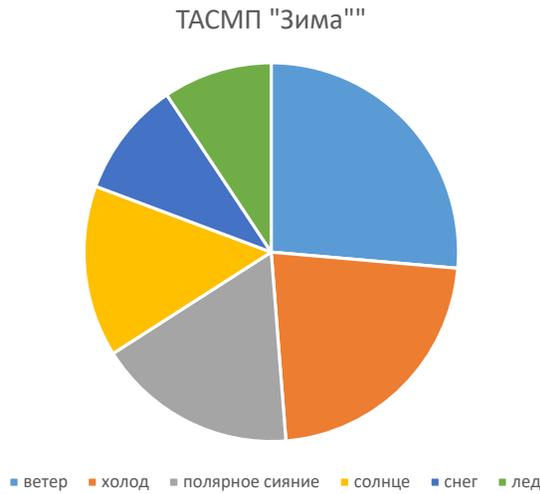

Рис. 3. Доли ЛТГ в ТАСМП ЗИМА

Fig. 3. Shares of lexico-and-semantic group in microfield of the text associative-and-semantic field WINTER

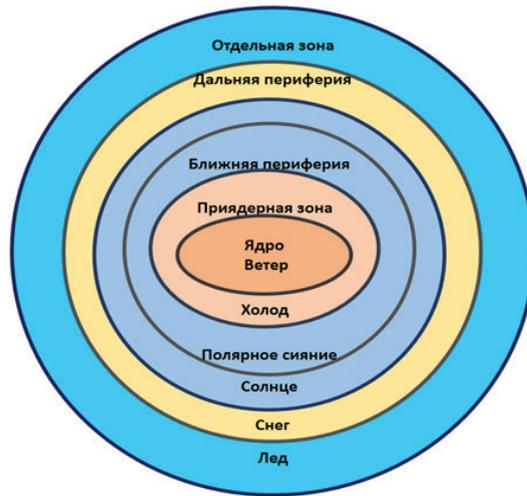

Рис. 4. Структура ТАСМП ЗИМА

Fig. 4. Structure of microfield of the text associative-and-semantic field WINTER

В ядре ТАСМП ЗИМА находится ЛТГ «Ветер», далее в приядерной зоне располагается ЛТГ «Холод», на ближней периферии — ЛТГ «Полярное сияние» и «Солнце», на крайней периферии — «Снег» (63). ЛТГ «Лед» пришлось разместить на крайней периферии как в отдельной зоне.

Далее мы рассмотрим точки пересечения и соприкосновения двух микрополей. Из ТАСМП ЧЕЛОВЕК ЛТГ «Промысел», «Одежда», «Еда», «Огонь» пересекаются или соприкасаются с ЛТГ «Ветер», «Холод», «Солнце», «Снег», «Лед» микрополя ЗИМА.

Лексико-тематическая группа «Ветер»

В ЛТГ «Ветер» вошли ключевые слова *ветер* (22 ЛЕ), *ветерок* (4), *пурга* (12), *поземка* (5), *непогода* (3), *хнус* (1) и другие ЛЕ, выражающие их признаки. Существительное ветер легло в основу названия ЛТГ по критерию частотности использования, кроме того, оно является синонимом к слову *пурга*, которая определяется как «сильная снежная вьюга» [27] или «сильная метель» [28. С. 1271]. В свою очередь слово *вьюга* определяется как «сильная метель» [27], а *метель* как «сильный ветер со снегом» [27]; «перенос снега ветром в приземном слое воздуха» [27. С. 939]. Поземка также определяется через лексему *ветер*: *поземка* — «метель без снегопада, во время которой снег переносится ветром по поверхности земли или снежного покрова» [27]; *поземок* — «перенос снега ветром над самой поверхностью снежного покрова при отсутствии снегопада» [28. С. 1206]. Слово *хнус* определяется в примечании автора как «несильный, но холодный ветер» [25. С. 27]. Лексема *непогода* — «плохая погода, ненастье» [27] — имеет более общее значение, но конкретизируется в контексте лексемами *ветер* и *пурга*: *Ночью разыгралась непогода. Ветер налетал так яростно, словно пытался сорвать и унести крышу... По углам скреблась пурга, царапалась в дверь, тонко и жалобно завывала в трубе* [25. С. 11].

Ветер в рассказах характеризуется как ледящий, резкий, жестокий; ветры — безжалостные; хнус — пронизывающий. Пурга — особенно яростная, жестокая, неугомонная; поземка — сухая колючая. Прилагательные, характеризующие данные явления, образуют лексико-тематическую подгруппу (ЛТПГ) «Характеристика». Ветер налетает, взлетает вверх, свистит, как старый, опытный пастух и перегоняет *с места на место табуны снега* [25. С. 21]. Ветерок набегает, налетает, озорничает, хнус тянет. Поземка течет и шуршит (ЛТПГ «Действие»).

Человек слышит звуки непогоды: то монотонный, то пронзительный свист ветра, его угрожающее гудение, вой, рев, угрожающий клекот и т. д.; тонкое и жалобное завывание пурги, ее рев, многозвучные всхлипывания и др.; шорох и шуршание поземки (ЛТПГ «Звуки»). Они словно хотят ворваться внутрь: ветер пытается сорвать и унести крышу, пурга царапается в дверь, поземка стучится в дверь.

Использованные средства (эпитеты, глаголы, существительные звучания) выражают своего рода персонификацию, ветер уподобляется пастуху (свистит и перегоняет табуны снега), ветерок — мальчишке (озорничает, швыряет снегом), но в целом создается образ огромного агрессивного безжалостного

зверя, который воет, ревет, завывает, издает угрожающие звуки, кусает, впивается в тело.

Ветер и пурга мешают человеку в его промысле, угрожают его здоровью и жизни: *Трудно, очень трудно пастуху, когда метет неугомонная пурга* [25. С. 57]; *Беда, если пурга застигнет путника в тундре! Трудно ему будет найти укрытие от ледящего ветра* [он же: С. 11]. Человек ощущает непогоду физически: *Ветер остервенело хлестал по лицу, перехватывал дыхание, забираясь под одежду, кусал тело* [25. С. 33]; ... *даже через двойную меховую одежду ветер пронизывал тело* [он же, С. 56]; ... *тянул пронизывающий хнус, колючками впивался в щеки* [он же, С. 27] и т.п. Здесь мы не только наблюдаем пересечение ЛТГ «Промысел» и ЛТГ «Ветер», но и соприкосновение обеих ЛТГ с ЛТГ «Холод».

Пурга доставляет много неприятностей людям, но она вызывает не только негативные эмоции, персонажи отзываются о ней уважительно: *Замела, матушка!* [25. С. 21, 33].

Лексико-тематическая группа «Холод»

В приядерной зоне находится ЛТГ «Холод», представленная ключевыми словами *холод* и *мороз*. Лексема *холод* имеет общее значение «низкая температура воздуха (обычно ниже 0 градусов по Цельсию); погода с такой температурой» [27], лексема *мороз* реализует в рассказах Ю. Шамшурина три значения из четырех: 1. Холод, стужа // Температура воздуха ниже нуля. 2. обычно мн.: морозы, -ов. Холодная зимняя погода; холода. 3. О месте, где холодно [27], все они содержат сему «холод».

Исследователи отмечают, что холод невидим, он проявляется через воздействие на материалы и живые тела, относителен, поскольку ощущается людьми субъективно, в зависимости от знаний, ресурсов, культуры [29. С. 2]. Холод в рассказах не имеет цветовых (*холод пополз невидимыми струйками*) и звуковых признаков, характеризуется как крепкий, злой, он ползет, проползает, сковывает, украшает шапки, серебрит ресницы. Холод репрезентирован лексическими единицами, обозначающими результаты его воздействия на человека: *озябшие руки, замерзшие пальцы, черные обмороженные лица, Морозный воздух обжигал легкие, першил в горле, вызывая судорожный кашель* [25. С. 38].

Человек реагирует на холод/мороз двояко. С одной стороны, он привыкает к нему: *Весь день пробыл на морозе* [25. С. 11], ... *охотник не замечал его, Он даже не представлял себе, как это можно жить ... без холодов* [он же. С. 6]. Здесь мы наблюдаем пересечение с ЛТГ «Промысел». Человек использует холод, принимая в пищу строганину — мороженую рыбу (соприкосновение с ЛТГ «Еда»), а также замораживая рыбу в больших количествах при ловле.

С другой стороны, человек борется с холодом при помощи:

1) определенных действий — отогревая пальцы дыханием; толкая друг друга; стуча ногами; двигаясь и др.; 2) теплой меховой одежды (пересечение с ЛТГ «Одежда»): оленья кухлянка, доха, камусы, туранки, ичиги, унты и т.д.; 3) огня/печи/дров (частичное пересечение с ЛТГ «Огонь»). Представляется, что фрагменты ЛТГ «Промысел», «Одежда» и «Огонь», пересекаясь с микрополем «Холод», образуют в нем новую лексико-тематическую подгруппу «Борьба с холодом».

Лексико-тематическая группа «Полярное сияние»

ЛТГ «Полярное сияние» представляет третий из основных признаков зимы в рассказах Ю. Шамшурина. Ключевые единицы: полярное (северное) сияние — «свечение верхних слоёв атмосферы в полярных областях под действием потока частиц, вторгающихся в атмосферу из космоса» [27], небо, звезды, полярная ночь — «часть года за Полярным кругом, в течение которой солнце не восходит» [27].

Полярное сияние описывается практически в каждом рассказе (75 ЛЕ из 109). Например, *На густо-синем небе, расшитом затейливой гладью звезд, во всю свою необъятную ширь развертывались пурпурные знамена полярного сияния. Между ними бушевало бледно-голубое пламя, ярко разгораясь то тут, то там, выбрасывая вверх длинные пучки игл. Казалось, вот-вот раздастся удар, от которого содрогнется земля* [25. С. 37], но *Было тихо* [он же. С. 47]. Вопрос о звуках полярного сияния долгое время оставался дискуссионным, считалось, что их не существует, что очень редко человеческое ухо способно уловить потрескивание или шипение [см. 30–32]. Никаких описаний звуков в рассказах Ю. Шамшурина не обнаружено.

Зато красочно и подробно описываются цветовая гамма и формы свечения участков ночного неба: *полоска трепетного полярного сияния, поблескивающая оттенками различных цветов; гигантские колеблющиеся столбы, рассеченные тонкими стрелками; блики зеленоватого мертвенного света, огромные разноцветные столбы, пламя северного сияния* и т.д.

Мощь и сила сияния передаются при помощи глаголов: *пламя бушует и разливается, столбы (северного сияния) гоняются друг за другом, полыхают по небу, расползаются в стороны, обнимая полнеба; знамена развертываются.*

Данное микрополе не имеет ни пересечений, ни соприкосновений с микрополем ЧЕЛОВЕК. Ни один персонаж не любит полярное сияние, не восхищается его великолепием и красотой. Это привычный для них пейзаж полярной ночи. Создается впечатление, что автор использует

колоративы и метафоры (*развертывались знамена, столбы гонялись друг за другом, пучки светящихся игл, словно огромные щупальца* и др.) для того, чтобы читатель, никогда не видевший этого явления, смог представить его себе. Описание полярного сияния не влияет в рассказах ни на сюжет, ни на характеристику персонажей. Тем не менее, представляется, что наличие описания полярного сияния в каждом «зимнем» рассказе, выбор эпитетов и метафор, показывающих его мощь и великолепие, свидетельствуют о невысказанном автором открыто в тексте своем восхищении этим природным явлением.

Лексико-тематическая группа «Солнце»

ЛТГ «Солнце» (93 ЛЕ) расположена на ближней периферии после ЛТГ «Полярное сияние». В нее вошли ключевые слова *солнце* (14 ЛЕ), *солнышко* (1 ЛЕ), *диск* (1 ЛЕ) и другие. Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с ЛТГ, входящей в микрополе ЗИМА, то есть речь идет о зимнем солнце, которое *среди зимы ... покидает мир* [25. С. 46]. Зимнее солнце — *красное* (2 ЛЕ), *мутно-красное, неяркое, потускневшее*. Лексема солнце в рассказах связана с лексемой горизонт (5 ЛЕ): *Солнце, словно огромное красное блюдо, катилось за горизонт* [25. С. 7], оно чуть высывается из-за горизонта, низко висит над горизонтом, краешком касается горизонта и т. д. Однако с каждым днем оно поднимается выше (3 ЛЕ). Лексема солнце также связана с лексемой тени (4 ЛЕ). Тени — *вестники солнца, которые оно посылает на землю* [25. С. 52]. Тени — *плотные* (2 ЛЕ), *длинные* (2 ЛЕ), *черные, как мазки сажи, или короткие, резко очерченные*. Они то *лежат* (2 ЛЕ), то *движутся* (2 ЛЕ), украшают окружающий пейзаж в *полосатый убор* [там же].

Такого пересечения с микрополем ЧЕЛОВЕК, как у ЛТГ «Ветер» и «Холод», когда взаимодействие с ветром и холодом происходит на физическом уровне, у ЛТГ «Солнце» не наблюдается. Зимнее солнце не светит и не греет. Тем не менее ЛТГ «Солнце» соприкасается на периферии с микрополем ЧЕЛОВЕК. Соприкосновение происходит, во-первых, благодаря олицетворению солнца и теней, например, *Солнце чуть высывалось из-за горизонта, точно предупреждало: не забывайте меня, я скоро вернусь* [25. С. 7], *их приветствовал выглянувший из-за горизонта мутно-красный диск солнца* [он же. С. 34], *Они (тени) неотступно следовали за людьми* [он же. С. 39]. Во-вторых, люди реагируют на солнце в конце зимы, но это, скорее, уже весеннее солнце: *Вот и солнышко! — грустно сказал Прокопчук, смотря на бесконечную заснеженную равнину, загроможденную торосистыми валунами. Там, на земле, день появления солнца после полярной ночи отмечался, как праздник* [25. С. 34].

Лексико-тематические группы «Снег» и «Лед»

На крайней периферии микрополя ЗИМА находятся ЛТГ «Снег» и «Лед». ЛТГ «Снег» (63 ЛЕ) включает такие ключевые единицы, как *снег* (30 ЛЕ), *снежный* (4 ЛЕ), *сугроб* (2 ЛЕ) и др. Снег представлен в рассказах в разных формах: *пласты снега, сугробы, снежинки, снежная сыпь, мутная пелена, завитки*, а также метафорически — *табуны снега*. Снег характеризуется как *колкий, колючий, мелкий, сухой, слежавшийся, плотный, отвердевший* (пласт), *в снегу можно утонуть по грудь*. Снег издает *скрип* (3 ЛЕ), *шуршание, шорох* или не имеет звуков (*безмолвие снеговой равнины*). В цветовой гамме преобладает белый цвет: *бескрайняя белизна* (2 ЛЕ), *однообразно-белая пустыня, молочная* (пелена), изредка попадаются оттенки — *розовеющий снег; с зеленоватыми мертвенными от полярного сияния бликами; с голубоватым отсветом* или *искристые*.

Снег также доставляет неудобства людям, чей промысел связан с охотой или оленеводством: *Особенно трудно идти навстречу клубящемуся потоку снега. Он больно резал глаза, выжимая слезы. Ноги глубоко увязали в только что наметенных сугробах* [25. С. 56]. Колючие снежинки больно впиваются в щеки, пропитанная снегом одежда давит на плечи. Но, с другой стороны, охотники используют снег в своей деятельности, они могут припорошить приманку снегом, а *...четкие следы на плотном, слежавшемся снегу, были для охотника словно раскрытая книга* [он же. С. 26]. Таким образом, ЛТГ «Снег» пересекается на периферии с ЛТГ «Промысел».

ЛТГ «Лед» включает 181 ЛЕ, из которых 122 ЛЕ обнаружены в рассказе «В плену льда», в котором льдину с рыбаками оторвало от припая и понесло в открытое море, где *на много километров один только лед и лед, а под ним и вокруг — студеное море* [25. С. 30]. Торчащие, как клыки, льдины, острые пики ледяных куч, мелкий битый лед не только затрудняют движение, но и ранят руки и рвут одежду. Сталкивающиеся и трескающиеся льдины издают угрожающие звуки: *Вдруг совсем рядом с гулом, грохотом, визгом задвигался лед. Что-то трещало, ухало, шумно ворочалось. Казалось, весь этот вал хаотических звуков со скрежетом ползет на палатку* [25. С. 31]. Поскольку использованные лексические единицы не просто показывают вторичную реальность в предметном мире, а выполняют сюжетобразующую функцию в рассказе, описывающем экстремальную ситуацию, представляется, что они могут быть отнесены к другому текстовому полю или ЛТГ, например, «Угроза» или «Опасность», или рассматриваться как художественный концепт. По этой причине они не включены в ЛТГ «Лед». Таким образом в ЛТГ «Лед» представлено 59 ЛЕ из других рассказов, ключевым является существительное лед (8 ЛЕ). Лед в рассказах предстает в форме кристаллов, пластинок, торосов, ледяной пыли и инея (2 ЛЕ), который представляет собой *«тонкий слой ледяных кристаллов, образующийся на почве, траве и наземных предметах при охлаждении земной поверхности...»* [28. С. 578]. Кристаллы

льда оживают, мигают, искрятся, *попав в полосу света, вспыхивают на миг необычайно ярко, напоминая алмаз* [25. С. 19]. Иней блестит, серебрит шапку, брови и ресницы.

За исключением рассказа «В плену льда», где ЛТГ «Лед» накладывается на ЛТГ «Промысел», в других рассказах наблюдается слабое соприкосновение микрополя ЧЕЛОВЕК и ЛТГ «Лед». С одной стороны, человек кипятит растаявший лед и пьет его, с другой стороны, от ледяной пыли, висящей в воздухе, першит и щекочет в горле.

Заключение

Исследование показало, что в ядре ТАСМП ЧЕЛОВЕК в рассказах Ю. Шамшурина находится ЛТГ «Промысел», деятельность, лежащая в основе жизни северян: охота и оленеводство у коренных жителей и рыболовный промысел у приезжих. В приядерной зоне расположена ЛТГ «Звери», тесно связанная с промыслом — охотой и оленеводством.

В ядре ТАСМП ЗИМА расположилась ЛТГ «Ветер», что объясняется деятельностью человека: охотники, оленеводы и рыбаки занимаются своим промыслом в тундре или на побережье, поэтому в первую очередь сталкиваются с ветром, пургой, которые доставляют им значительные неудобства. В приядерной зоне расположилась ЛТГ «Холод». Холод так же, как ветер и пурга, сопровождает северян во время промысла, угрожает их здоровью. Поэтому пересекаются ядерные ЛТГ «Промысел», «Ветер» и «Холод». При этом ветер и холод персонифицируются в образе злого и агрессивного зверя: холод — ползучего, ветер — ревущего и кусачего.

Полярное сияние — явление, характерное для арктических регионов, их визитная карточка, но оно не влияет непосредственно на деятельность живущих там людей, поэтому никаких пересечений и соприкосновений с ТАСМП ЧЕЛОВЕК не наблюдается. Тем не менее, полярное сияние как уникальный феномен является одним из главных признаков зимы. Ю. Шамшурин представляет его как грандиозный, разноцветный, динамичный спектакль.

Таким образом, ветер, холод и полярное сияние оказываются основными признаками арктической зимы в дискурсе Ю. Шамшурина. Периферийными признаками зимы являются зимнее солнце, снег и лед, которые слабо соприкасаются с микрополем ЧЕЛОВЕК.

При пересечении ЛТГ наблюдается подвижность их границ, возможно создание новой подгруппы, например, при пересечении ЛТГ «Промысел», «Одежда» и «Огонь» микрополя ЧЕЛОВЕК с ЛТГ «Холод» микрополя ЗИМА в последней группе образовалась подгруппа «Борьба с холодом».

Лексико-тематические группы, в которых большинство лексических единиц относятся к одному рассказу и помимо функции представления вторичной реальности выполняют художественную функцию, например,

играют сюжетообразующую роль (рассказ «В плену льдов») или выступают символом, раскрывающим основную идею произведения («Огонь в яранге»), не включаются в общую структуру поля в силу своей нерепрезентативности. В таком случае структура поля осложняется, мы поместили подобные ЛТГ в «отдельные зоны», которые требуют дальнейшего исследования в качестве художественных концептов.

Представляется перспективным выделение других микрополей (например, ЛЕТО, ВЕСНА, ОСЕНЬ, ПРИРОДА и др.) и проведение подобного исследования на их материале для выявления их основных признаков и конструирования дискурсивного поля «Арктика», что позволит смоделировать концептосферу АРКТИКА в арктическом дискурсе Юрия Шамшурина.

Библиографический список

1. *Гюрджинян А.С., Барбаков О.М., Белоножко М.Л.* Защита коренных малочисленных народов Севера // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2018. № 2. С. 7–14.
2. *Шартье Д.* Что такое «Воображаемый Север»? Этические принципы. Русская версия. P Harstad, Arctic Arts Summit. Nord Isberg. Montréal: Imaginaire, 2018. P. 95–115.
3. *Jahkola A.* Две природы Арктики. Освоение советской Арктики в травелогах Владимира Визе. Хельсинки: Хельсинский университет, 2020. Режим доступа: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/316746/Jahkola_Anna_Pro_gradu_2020.pdf?sequence=3&isAllowed=y (дата обращения 15.11.2021).
4. *Крюкова О.С.* Стереотипы восприятия Арктики в России: литература и искусство, современные СМИ // *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2020. № 1(26). С. 21–24.
5. *Фесенко Э.Я.* Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 4. С. 134–147. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134>
6. *Башарина З.К.* Взаимодействие русской и якутской литератур в XX веке (история и проблемы взаимосвязей). Якутск: ИД СВФУ, 2013.
7. *Пашкевич О.И.* Северная ментальность в русскоязычной прозе Якутии // *Развитие науки и образования. Монография. Чебоксары: Среда*, 2019. С. 26–35. Режим доступа: phsreda.com (дата обращения 14.12.2021).
8. *Мельничук О.А., Павлов С.С.* «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? // *Научный диалог*. 2022. № 11(4). С. 106–130. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130>.
9. *Соколова О.В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014.
10. *Новиков Л.А.* Эскиз семантического поля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2011. № 2(2). С. 7–17.
11. *Башарина А.К.* Понятие «семантическое поле» // *Вестник СВФУ*. 2007. № 4(1). С. 93–96.
12. *Куренкова Т.Н.* Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // *Сибирский аэрокосмический журнал*. 2006. № 4(11). С. 173–178.
13. *Нерушева Т.В.* Функционально семантические и ассоциативные поля // *Вестник ЮУрГГПУ*. 2009. № 10–2. С. 233–242.
14. *Чурилина Л.Н.* Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2003. № 5. С. 63–75.

15. Булгарова Б.А. Использование метода семантического поля и градации при анализе лексико-семантической группы (в произведениях М.А. Булгакова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 4. С. 108–111.
16. Ван На, Кобылко Я. Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 560–571. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571>
17. Королькова А.В. Семантические поля «Ум/Безумие» и «Смех» комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2(87). С. 74–78.
18. Красовская Н.А. «Народные рассказы» Л.Н. Толстого: семантическое поле движения // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. № 4(36). С. 12–22. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2020-1-4-12-22>
19. Ермакова Л.А. Семантическое поле «Женщина» в лирике М. Цветаевой // Вестник КГУ. 2012. № 4. С. 82–85.
20. Новикова М.Л. Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста. М.: РУДН, 2005.
21. Носенко Е.А. Проблема текстового семантического поля в русской лингвистической традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 191–198.
22. Баркова Т.П. Текстовое ассоциативное поле и моделирование структуры концепта // Концепт. 2015. № 11. С. 151–155.
23. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры. Автореф. дис...докт. филол. наук. СПб., 2003.
24. Нестерова Е.А. Вещь: место в структуре мира произведения (на материале фэнтези) // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 51–62. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2017-00046>
25. Шамишурин Ю.И. Избранное. Рассказы, повести. Якутск: Кн. изд-во, 1975.
26. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания/ Научный ред. З.Д. Попова. Воронеж: «Истоки» 2008.
27. Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://gramota.ru/> (дата обращения 12.03.2022)
28. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
29. *Borm J., Chartier D.* (2018). *Le froid. Adaptation, production, effets, représentations.* Presses de l'Université du Québec.
30. Издают ли северные сияния звуки, которые мы можем услышать? Режим доступа: https://pikabu.ru/story/izdayut_li_severnyie_siyaniya_zvuki_kotoryie_myi_mozhem_uslyishat_otvet_ne_tak_prost_8720820 (дата обращения 20.07.2022).
31. Песнь северного сияния. Режим доступа: <https://shuwany.livejournal.com/235799.html> (дата обращения 20.07.2022).
32. Ученые: у северного сияния есть звук. Режим доступа: <https://android-robot.com/uchenie-u-severnogo-siyaniya-est-zvuk/> (дата обращения 20.07.2022).

References

1. Gjurdzhinjan, A.S., Barbakov, O.M. & Belonozhko, M.L. (2018). Protection of the indigenous peoples of the North. *News from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics*, 2, 7–14. (In Russ.).

2. Chartier, D. (2018). What is “Imaginary North”? Ethical principles. Russian version. P Harstad, Arctic Arts Summit. In: *Nord Isberg*. Montréal: Imaginaire. pp. 95–115. (In Russ.).
3. Jahkola, A. (2020). Two natures of the Arctic. Exploration of the Soviet Arctic in the Travelogues of Vladimir Vize. Helsinki: University of Helsinki. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/316746/Jahkola_Anna_Pro_gradu_2020.pdf?sequence=3&isAllowed=y (accessed 15.11.2021). (In Russ.).
4. Kryukova, O.S. (2020). Stereotypes of perception of the Arctic in Russia: literature and art, modern media. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*, 1(26), 21–24. (In Russ.).
5. Fesenko, E.Ya. (2016). Arctic Vector in the Lives of the Characters of Twentieth-Century Russian Prose. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 4, 134–147. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134> (In Russ.).
6. Basharina, Z.K. (2013). *Interaction of Russian and Yakut Literatures in the 20th Century (On the Issues of History and Connections)*. Yakutsk. (In Russ.).
7. Pashkevich, O.I. (2019). Northern mentality in the Russian-language prose of Yakutia. *Development of science and education*. Monograph. Cheboksary: Sreda. pp. 26–35. URL: phsreda.com (accessed 12/14/2021). (In Russ.).
8. Melnichuk, O.A. & Pavlov, S.S. (2022). ‘Nordicity’, ‘Imagined North’ or ‘Concept Sphere of Arctic Discourse’? *Nauchnyi dialog*, 11(4), 106–130. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130>. (In Russ.).
9. Sokolova, O.V. (2014). *Typology of active impact discourses: poetic avant-garde, advertising and PR*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Novikov, L.A. (2011). A sketch of a semantic field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2(2), 7–17. (In Russ.).
11. Basharina, A.K. (2007). The concept of “semantic field”. *Vestnik of NEFU*, 4(1), 93–96. (In Russ.).
12. Kurenkova, T.N. (2006). Lexical-semantic field and other fields in modern linguistics. *Sibirskij ajerokosmicheskij zhurnal*, 4(11), 173–178. (In Russ.).
13. Nerusheva, T.V. (2009). Functional-semantic and associative fields. *Vestnik JuUrGGPU*, 10–2, 233–242. (In Russ.).
14. Churilina, L.N. (2003). Anthropocentric principle in the study of the lexical structure of a literary text. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 5, 63–75. (In Russ.).
15. Bulgarova, B.A. (2010). Graduation and method for semantic field as a way lexical-semantic group (In the works of Bulgakov). *RUDN Journal of Linguistics*, 4, 108–111. (In Russ.).
16. Van, Na & Kobylko, J. (2020). Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study to study Literary Text: on the Material of the Novel “HOME OF THE GENTRY” by I.S. Turgenev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 560–571. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571> (In Russ.).
17. Korol'kova, A.V. (2020). Semantic fields "Mind/Madness" and "Laughter" in A.S. Griboedov's comedy “Woe from Wit”. *Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»*, 2(87), 74–78. (In Russ.).
18. Krasovskaja, N.A. (2020). “Folk Stories” by L.N. Tolstoy: the semantic field of movement. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstoy*, 4(36), 12–22. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2020-1-4-12-22> (In Russ.).
19. Ermakova, L.A. (2012). Semantic field "Woman" in the poetry of M. Tsvetaeva. *Vestnik KGU*. No. 4, 82–85. (In Russ.).
20. Novikova, M.L. (2005). *Ostranenie as the basis of figurative linguistic semantics and the structure of a literary text*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ. (In Russ.).
21. Nosenko, E.A. (2004). Problem of a text semantic field in Russian linguistic tradition. *RUDN Journal of Linguistics*, 6, 191–198. (In Russ.).
22. Barkova, T.P. (2015). Textual associative field and concept structure modeling. *Concept*. No. 11. 151–155. (In Russ.).

23. Churilina, L.N. (2003). Anthropocentrism of a literary text as an organizing principle for its lexical structure. Abstract dis...doct.philol.sci. Saint-Petersburg. (In Russ.).
24. Nesterova, E.A. (2017). A Thing: its place in the structure of the world of a literary text (study in fantasy fiction). *Novyj filologicheskij vestnik*. No. 2(41), 51–62. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2017-00046> (In Russ.).
25. Shamshurin, Ju.I. (1975). *Selected works. Stories, short novels*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.).
26. Sternin, I.A. (2008). *Selected works. Theoretical and applied problems of linguistics*. Z.D. Popova (Ed.). Voronezh: Istoki. (In Russ.).
27. The large explanatory dictionary of the Russian language. URL: <http://gramota.ru/> (accessed 03.12.2022). (In Russ.).
28. The large Russian Encyclopedic Dictionary (2003). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. (In Russ.).
29. Borm, J., & Chartier, D. (2018). *Le froid. Adaptation, production, effets, représentations*. Presses de l'Université du Québec. (In French).
30. Do the northern lights make sounds that we can hear? URL: https://pikabu.ru/story/izdayut_li_severnyie_siyaniya_zvuki_kotoryie_myi_mozhem_uslyishat_answer_ne_tak_prost_8720820 (accessed 07.20.2022). (In Russ.).
31. Song of the Northern Lights. URL: <https://shuwany.livejournal.com/235799.html> (accessed 07.20.2022). (In Russ.).
32. Scientists: the northern lights have a sound. URL: <https://android-robot.com/uchenie-u-severnogo-siyaniya-est-zvuk/> (accessed 07.20.2022). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французской филологии института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. *Области научных интересов*: когнитивная лингвистика, дискурс; *e-mail*: oa.melnichuk@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-5864-3434. ResearcherID: AAH-8031-2019; Scopus ID 57193705912.
SPIN-код: 4998–1287

Information about the author:

Olga A. Melnichuk, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of French Philology, Institute of Modern Languages and Regional Studies, North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk). *Research interests*: cognitive linguistics, discourse; *e-mail*: oa.melnichuk@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-5864-3434. ResearcherID: AAH-8031-2019; Scopus ID 57193705912

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513

EDN: MVVVSP

УДК 811.161.1'373:821.161.1-1

Научная статья / Research article

Поэтическое слово в свете учения Л.А. Новикова об эстетическом восприятии

О.В. Данич , Н.Л. Дружина , В.А. Маслова Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
210038, Республика Беларусь, г. Витебск, пр-т Московский, 33 mvavit@tut.by

Аннотация. Предметом исследования является поэтическое слово как особый вид эстетического. Эстетическое — это универсальное отношение человека к миру, самому себе, искусству вообще и поэтическому тексту в частности. Цель исследования — установить соотношение традиции и новых идей в концепции Л.А. Новикова о языке как искусстве; выявить специфику реализации эстетической функции языка в поэтических текстах. Методологической основой стали труды Л.А. Новикова, М.Л. Гаспарова, Р.О. Якобсона, М.М. Бахтина. В качестве материала для исследования были выбраны поэтические тексты классических и современных авторов. Показано, что эстетические смыслы в поэтическом тексте уходят за пределы значений слов, используемых в стихотворении. На примерах поэзии М. Цветаевой и современных поэтов Е.К. Ольшанской и Дм. Бурого продемонстрировано нелинейное видение мира, которое обеспечивает эстетический эффект. Понять загадочные поэтические смыслы (коннотации, подтексты, с помощью которых читатель достраивает или трансформирует авторский поэтический образ) помогает разработанная Л.А. Новиковым теория орнаментального поля и теория эстетического в языке. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: язык является объектом эстетики и средством создания автором многомерной реальности, которая и является культурой; полноценное эстетическое восприятие поэзии обеспечивается личностью самого автора, феноменом текста (его мотивами, палитрой языковых средств и приемов), личностью читателя, типом культуры и др.

Ключевые слова: категория эстетического, эстетическая функция, поэтический текст, литературоведческая, лингвистическая поэтика, лингвокультурологическая поэтика

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2021

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Данич О.В., Дружина Н.Л., Маслова В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Данич О.В., Дружина Н.Л., Маслова В.А. Поэтическое слово в свете учения Л.А. Новикова об эстетическом восприятии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513>

Poetic Word in the Light of L.A. Novikov's Teaching on Aesthetic Perception

Oksana V. Danich , Natalya L. Druzhina , Valentina A. Maslova

Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov,
33, Moskovskiy avenue, Vitebsk, Republic of Belarus, 210038
✉ mvavit@tut.by

Abstract. The subject of the study is the poetic word as a special kind of aesthetic instrument. The aesthetics is the universal relation of a person to the world, to himself, to art in general, and to the poetic text in particular. The purpose of the research is to establish the relationship between tradition and new ideas in L.A. Novikov's concept of language as art; to identify the specifics of the implementation of the aesthetic function of language in poetic texts. The methodological basis was the works of L.A. Novikov, M. Gasparov, R.O. Jakobson, and M.M. Bakhtin. Poetic texts of classical and modern authors were chosen as the material for the study. The research shows that the aesthetic meanings in the poetic text go beyond the meanings of the words used in the poem. On the examples of the poetry of M. Tsvetaeva and modern poets E.K. Olshanskaya and D.M. Burago we demonstrate a non-linear vision of the world, which provides an aesthetic effect. L.A. Novikov's theory of the ornamental field and the theory of the aesthetic in language helps to understand the mysterious poetic meanings (connotations, subtexts, with the help of which the reader completes or transforms the author's poetic image). The conducted research allowed us to draw the following conclusions: language is an object of aesthetics and a means of creating by the author a multidimensional reality, which is cultural; a full-fledged aesthetic perception of poetry is provided by the personality of the author himself, the phenomenon of the text (its motives, the palette of language means and techniques), the personality of the reader, the type of culture, etc.).

Keywords: category of aesthetic, aesthetic function, poetic text, literary, linguistic poetic, linguoculturological poetic

Article history:

Received: 01.10.2021

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Danich, O.V., Druzhina, N.L. & Maslova, V.A. (2023). Poetic Word in the Light of L.A. Novikov's Teaching on Aesthetic Perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513>

Введение

Тема конференции по творческому наследию Л.А. Новикова предполагает знакомство с интереснейшими, тесно связанными областями лингвистики — язык как искусство, язык художественной литературы, поэтика, ко-

торым посвящен целый том «Избранных трудов» Льва Алексеевича, работы которого во многом являют собой открытие новых путей в филологии.

Чтение трудов Л.А. Новикова, отличающихся высокой гуманитарной культурой, — это живое общение, дающее, помимо филологического знания, глубокое эстетическое переживание. Целый ряд идей, представленных в данной книге, звучит чрезвычайно актуально и сегодня, хотя написаны они были несколько десятилетий назад.

Цель исследования — установить соотношение традиции и новых идей в концепции Л.А. Новикова о языке как искусстве; проследить специфику реализации эстетической функции языка в поэзии.

Основная часть

В соответствии с поставленной целью рассмотрим лишь две проблемы, обозначенные Л.А. Новиковым как ключевые: а) объединение «литературоведческой» и «лингвистической» поэтик и б) восприятие эстетического в поэзии.

а) Существующая классическая литература по теоретической поэтике (от Аристотеля до В.В. Виноградова и Ю.С. Степанова) свидетельствует о возможности выделения нескольких поэтик: традиционной литературоведческой, более новых — лингвистической, семиотической и психолингвистической. Разработка трех из четырех активно велась Л.А. Новиковым. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Литературоведческая поэтика анализирует структуру и функции художественных произведений, а также систему эстетических средств (Ю. Тынянов, В.Б. Шкловский, Ю.М. Лотман и др.). М.Л. Гаспаров еще в середине 90-х годов прошлого века говорил, что в традиционной литературоведческой поэтике все исследовано, а потому революций здесь не предвидится [1. С. 5].

Лингвопоэтика исследует смысловые и стилистические возможности авторского языка, которые создают эстетическое восприятие текста (В.П. Григорьев, О.Г. Ревзина, И.И. Ковтунова и др.).

Известно, что семиотика была заявлена Ю.М. Лотманом как метанаука, оперирующая понятием знака. Теперь можно говорить о развитии семиотической поэтики (М.-Р. Майенова, Е. Фарыно, Ю.С. Степанов и др.). Семиотическая поэтика позволяет объяснить многие аспекты употребления знака, например, бесконечные возможности поэтического знака в его сочетании с другими знаками (так, у А. Блока сочетаются, казалось бы, несочетаемые знаки и рождаются новые смыслы: *у безнадежности надежды, у бесконечности — конец*). Продуктивные идеи семиотической поэтики получили тонкое осмысление в работе Л.А. Новикова «Семиотика орнаментальной прозы А. Белого», где, выявляя специфику эстетического знака, он прозорливо объясняет его свойства так: «Эстетический знак с его

глубинным смыслом выступает у писателя в многомерном «пространстве» языка, в различных его свойствах, связях и опосредованиях и потому так емко и выразителен» [2. С. 343]. Данное высказывание Л.А. Новикова еще раз объясняет тот факт, что смысл стихотворения гораздо больше простой суммы значений единиц языка, входящих в конкретный текст, и поэтому мы обнаруживаем в поэзии нелинейное видение мира.

Проиллюстрируем сказанное примером — стихотворением украинской поэтессы Е.К. Ольшанской «В древнем городе моем»:

*В древнем городе моем
На ладонях держат горы
Златоглавые соборы
Синий, синий окоём.
Там каштаны, как всегда,
В бабье лето созревают.
Там внезапно прозревают:
Время льется, как вода.
Смотрит купол золотой,
Словно чуточку робея,
На могилу Кочубея,
Что сражен был клеветой.
Справа — Лысая гора,
Ну а слева — перемены:
Белый город современный
Выплывает из Днепра.*

Это стихотворение кажется очень простым, понятным, потому что оно лишено сложных метафор, кроме одной: *На ладонях держат горы / Златоглавые соборы*. Да и эта метафора легко прочитывается как образ Печерского монастыря, лежащего на холмах. Поэт рисует, казалось бы, чисто внешний облик города, но мы чувствуем душу этого города. Сквозь созревающие осенние каштаны просвечивают покой и умиротворение. Город очень красив, отсюда обилие красок, переданных цветообозначениями: *синий окоём, златоглавые соборы, белый город*. Поэту удалось создать праздничный, яркий образ города, который вполне реалистичен: город новый на фоне синего Днепра, могила Кочубея. Только одно таинственное место названо в стихотворении — Лысая гора, полная мистики. Это энергетический центр Киева, геопатогенная зона, с которой связано много преданий, легенд, сказаний. Но все это — в сознании автора и читателя, обладающего некоторыми культурными знаниями.

Из обычных слов создается незабываемый образ города Киева, который омывается Днепром, в котором даже соборы и их купола оживают:

Смотрит купол золотой, словно чуточку робея. По-особому представлено время, над решением проблемы которого ученые бьются со времен Гераклита Эфесского. Русский ученый Николай Козырев доказал, что время — самая мощная энергия во вселенной. Для одних народов оно циклично, для других — это дорога между прошлым и будущим, по которой идет народ. В данном стихотворении оно текуче, как вода. В стихотворении создан одновременно простой, но яркий облик города; это своего рода ткань текста, сквозь которую сияют неожиданные смыслы: *синий, синий окоём* — и мы видим город, окруженный синими водами Днепра. Отмеченные здесь приемы способствуют возникновению тончайших смыслов, рождающих оригинальный образ любимого поэтом города, который передает впечатление от встречи с городом и внутреннее состояние поэта. Это город, каким он видится автору (воображаемая реальность), а не какой он есть. Эта способность поэтического образа передавать чувства и мысли автора и заражать ими читателя выводит анализ на ментальный уровень.

Концепция Л.А. Новикова о необходимости слияния поэтик вместо «искусственного расщепления единой науки на «литературоведческую» и «лингвистическую» получила новое дыхание в *лингвокультурологической* поэтике, разрабатываемой нами. В ней поэтический текст рассматривается как представление ментальных структур, как набор концептуальных моделей, соотносимых с конкретной национальной культурой. Соответственно, лингвокультурологическая поэтика включает в себя не только лингвистическую и литературоведческую поэтики, к чему призывал Л.А. Новиков, но и объединяет в себе важнейшие положения лингвоконцептологии, лингвокультурологии, эстетики, философии, семиотики. Фактически, формируется еще более новая «новая оптика».

Основоположник философской эстетики А. Баумгартен считал поэзию *гетерокосмосом*. Мы видим, что поэзия действительно создает особый новый эвристический мир, в котором все реалии ведут себя по-иному, не так, как в реальной жизни:

*Тропинка в поле кочевала,
к закату ускользнула в лес,
как будто помыслы верстала
о неизбежности чудес*
(Дм. Бурого)

Тропинка не просто кочует в поле, но и имеет свои помыслы.

Поэзия не просто одна из форм существования культуры, она творец культуры, потому что в любой культуре «живут» свои культурные смыслы. «Мир, в котором нет смысла, — это мир, в котором господствует Хаос» [3. С. 40].

Называя реалию, слово как бы творит ее, вытаскивает ее из хаоса мира, устанавливает гармонию в мире.

Возможности нести креативную эстетическую информацию заложены в каждом слове, но отсюда вовсе не следует, что каждое слово в поэтическом слове эстетически значимо: большинство из них создают фон, на котором ярче проявляются эстетически значимые элементы. Не случайно считается, что поэзия — это нож, завернутый в бархат, именно в поэзии *«срывают грозы звук из высохших наречий, / из воспаленных трав, из горемычных строк, / снимают пену слов с парной крестьянской речи...»* (Дм. Бурого). В приведенных строчках создается более глубокий смысл, чем закрепленный за этими словами в обыденной речи. Это происходит за счет обманутых ожиданий, навязываемые обыденным языком, за счет неожиданным образом соединенных слов: крестьянская речь — *парная*, травы *воспаленные* и т.д. А вся поэзия, по словам Ф. Гарсиа Лорки, *«...союз двух слов, о которых никто не подозревал, что они могут соединиться и что, соединившись, они будут выражать новую тайну всякий раз, как их произнесут»* [4. С. 218]. Близка к такому пониманию и М. Цветаева:

*Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит!
Вещь и бедность — явная свара.
И не то спарит язык!*

(«Лестница»).

Особую глубину поэзии придает ее тесная связь с культурой, которую, вслед за Э. Бенвенистом, Ю.М. Лотманом, В.Н. Телия, мы понимаем как деятельностный и символический феномен. По словам Эрнста Кассирера, повторенных затем Ю.М. Лотманом, культура — символическая Вселенная. Хотя культура порождается обществом, народом, ее творцами являются отдельные личности. Л.А. Новиков также отводил значительную роль при анализе художественного текста культуре, утверждая, что вся филологическая наука изучает *«культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве»* [5. С. 176].

Приведем отрывок одного из самых известных стихотворений М. Цветаевой; оно положено на музыку и звучит в культовом фильме «Ирония судьбы». Это стихотворение *«Зеркало»: Хочу у зеркала, где муть / И сон туманящий, / Я выпытать — куда ваш путь / И где пристанище... Из приведенных строк видно, что речь идет о гадании, причем, лирическая героиня гадает на зеркале. Мотив гадания часто встречается в русской литературе. О нем писали В.А. Жуковский («Светлана»), А.С. Пушкин («Евгений Онегин») и др. Гадали на Руси издревле; гадали в пограничные периоды времени — между*

Рождеством и Крещением. Девушка, которая хотела узнать свою судьбу, сидела между двумя зеркалами и начинала вглядываться в мутные, неясные тени отражения (*сонтуманящий*). Все в полумраке, тумане: *Я вижу: мачты корабля, / И вы — на палубе... Вы — в дыме поезда...* Гадания на Руси — это культурный код нации, ключ к пониманию стихотворения М. Цветаевой, в котором можно найти несколько слоев этнокультурной информации.

Культурный подтекст имеет и следующая фраза: *Вечерние поля в росе, Над ними — вороны...* Ворон в русском культурном коде — это ветер, который приносит бурю, это символ несчастья. Отсюда и реакция лирической героини, отпускающей своего суженого, потому что она не желает ему плохого: *Благословляю Вас на все / Четыре стороны!* Важна также в данном стихотворении символика числа 4, которое *воплощает горизонтальную модель Вселенной, это символ устойчивости мира*. Таким образом, благопожелание поэта (*Благословляю Вас*) еще усиливается символикой числа «четыре».

Еще один пример из творчества М. Цветаевой — стихотворение «Мракобесие. — Смерч. — Содом»:

*Обведите свой дом — межой,
Да не ввидет в него — Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.*

Чтобы понять данные строки, нужен некоторый культурный фон: знание того, что крестьяне на Руси (особенно в период эпидемий) опаживали свою деревню или дом бороздой, считая, что так они избавляются от зла и болезней, что являлось особым ритуальное действие было для них оберегом. Поэт призывает беречь *дедов холм*, а это и есть присущая русским «любовь к отеческим гробам». Как видим, основные мотивы и темы в ее творчестве раскрывались согласно русскому душевному складу народа.

Особо следует сказать об интертекстуальности, которая становится понятной в результате знания определенного пласта культуры и с помощью которой реализуется не только национальная, но и мировая культура. Это диалогическое взаимодействие текстов в процессе функционирования, которое обеспечивает приращение смысла и широко используется в современной поэзии. Таково, например, стихотворение Ивана Соловьева «Цикада»:

*Цикада громкая в саду,
Какое странное уменье —
Твердить свое без промедленья,
Без утомленья, без сомненья,
Без божества, без вдохновенья...
Не пригодится ли в аду?*

Выделенная фраза резко усиливает экспрессивный эффект и воздействующую силу стихотворения, заполняя строки эхом более ранних текстов, что дает панорамное восприятие (поэзии). Данный феномен интертекстуальности описывался как отечественными — Б.М. Гаспаровым, Ю.И. Левиным, И.П. Смирновым, так и зарубежными исследователями — Ю. Кристевой, Р. Бартом, А.К. Жолковским, Ц. Тодоровым и др. Главное в интертекстуальности не то, что сквозь авторский текст просматриваются иные сюжеты, мотивы, фразы, ритмы широко известных читателю текстов, здесь важны приращения смыслов, возникающих за счет диалога и полилога с другими текстами культуры. Поэтому национальная поэзия не может быть рассмотрена вне культуры, ее традиций и ритуалов.

Итак, при создании поэтического произведения важна не только сила творческой индивидуальности поэта, но и культура, которая так сильно проникает в текст, что без кодов культуры стихотворение остается не до конца понятным. Любой поэтический язык функционирует в особом лингвокультурном пространстве, т.е. он погружен в контекст национальной и мировой культуры, которая настолько значима для поэзии, что всю хорошую поэзию можно рассматривать как мотивы, образы, смыслы, создающие культурные пласты. Особая роль при этом принадлежит образу, который, как отмечает Л.А. Новиков, «диалектически противоречивая сущность: в каждый момент он равен и не равен себе, устойчив и одновременно подвижен, несет в себе „зародыш“ развития» [6. С. 167].

б) Еще одна аспект, проходящий через весь второй том «Избранных трудов» Л.А. Новикова, — восприятие эстетического в поэзии. Эстетическое — особый тип отношений человека к миру, оно соотносимо с другими мыслительными операциями — категориями логического, рационального, эмоционального и др. Оно соотносимо как с категориями логического, этического, гедонического, так и эмоционального. Эстетическое имеет универсальный характер; так, в мире нет ничего, что не могло бы восприниматься с позиций эстетического. Однако эстетическое в поэтическом тексте имеет свою специфику — оно неустойчиво, полифонично. Так, М.М. Бахтин писал: «Эстетическое созерцание природы, эстетические моменты в мифе, в мировоззрении... сумбурны, неустойчивы, гибричны. Эстетическое вполне осуществляет себя только в искусстве» [7. С. 22].

Лев Алексеевич также отмечает неустойчивость эстетического: «Природа эстетического объекта такова, что он предстает в нашем восприятии как противоречивое единство понятийного и чувственного, рационального и интуитивного (иррационального), сознательного и бессознательного» [8. С. 24].

Даже если поэтические тексты не объяснимы с точки зрения логики, мы чувствуем их эстетический потенциал. Это произведение искусства: *На алкогольных треках, / на всех кострах / хохочущие веки/ моргают* (Дм.

Бураго). Это часть сложного и противоречивого образа украинского Майдана, поэтому *веки хохочут, а треки алкогольные*.

Л.А. Новиков проявлял особое внимание к интуитивной семантике знака-образа. Анализируя стихотворение Б. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!», он пишет: «Прагматическое воздействие текста и эстетическое восприятие его словесных образов осуществляется в художественной форме, выражающей их подвижную семантику...» [8. С. 31]. Такой подход свидетельствует о нелинейном видении текста и, соответственно, мира, которое присуще пророкам, поэтам и большим ученым, каковым и является Л.А. Новиков. Отсюда многие его провидческие идеи.

Иррациональное (интуитивное) видение закладывается в текст поэтом, а читатель извлекает оттуда смыслы, причем, не всегда это те, которые вложил поэт, потому что эти смыслы в голове у читателя. И так всегда у больших поэтов. Например, в стихотворении русскоязычного украинского поэта Дмитрия Бураго «Я был почти уже несчастен...» читаем:

*И отключая звук от смысла
и видимость от содержания,
Я, как ведро на коромысле,
Расплескивал свое сознание...*

Речь здесь идет о сокровенных глубинных процессах в сознании. И это талантливо «схвачено» поэтом. Сравнение *как ведро на коромысле*, метафора *расплескивал сознание* порождают новые смыслы, которые, сливаясь, создают новый, адекватный выражаемому состоянию лирического героя, который в полной растерянности пытается осмыслить происходящие события (сожжение людей в Одессе). В этих строчках создается образ лирического героя: его ума, сердца, переживаний и эмоций, нравственных установок.

Л.А. Новиков очень тонко заметил, что «источник эстетического — переживаемый смысл, воплощенный в художественной форме, которая реализуется посредством того или иного приема» [8. С. 32]. Часто приемы настолько переплетены, что являют собой тончайшую игру со смыслами: так, у Дм. Бураго встречаем: *Эта блажь, это серая устрица, / устье трепета, троп наготы. / Торопливого лепета луцится / лесть изнанки и страх пустоты*. Здесь в общую метафору внутреннего состояния поэта, который переживает очередной украинский майдан и видит его бессмысленность и разрушительную мощь, вплетаются скрытые сравнения (*блажь* сравнивается с *серой устрицей*), необычное метафорическое видение ситуации — *лесть изнанки*, а все вместе рождает *страх пустоты*, появление которой предвидит поэт.

Дмитрий Бураго принадлежит к числу поэтов, в произведениях которых нужно с трудом проникать, ибо смысл глубоко спрятан, и его экспликация —

это «эстетическая, т.е. переживаемая, а не просто понимаемая информация» [9. С. 45], о чем писал Лев Алексеевич.

Отсюда вывод о том, что смысл в поэзии является психическим по своей природе, поскольку «литература как словесное искусство имеет самый гибкий и подвижный материал — психические представления, которые формируются на основе имеющегося у писателя и читателя опыта» [6. С. 166]. Именно человеческий опыт, закрепляясь в языковых единицах, попадает в поэтический текст, где подчиняется уже эстетическим законам, которые обусловлены композицией, интертекстуальными связями, замыслом автора и т.д. При этом единицы обыденного языка обрастают дополнительными, часто неожиданными смыслами, которые делают непохожим поэтический язык на обыденный разговорный. Как раз непохожесть и «заставляет» сознание читателя понимать текст как эстетический объект.

В результате воздействия поэтического текста читатель испытывает катарсис. Греческое слово *катарсис* было введено в науку Аристотелем и означает «очищение, просветление чувств». Л.С. Выготский рассматривал катарсис как особенность художественного восприятия [10]. Исследователи предполагают, что эстетическое возникло еще в древности, на ранних ступенях эволюции человечества.

Завершая разговор об эстетическом в языке и поэзии, нужно констатировать, вслед за Я. Мукаржевским, Р. Якобсоном, что существует особая эстетическая функция языка, под которой мы понимаем производную от познавательной (отражательной) функции. «Эстетическая функция языка реализуется в трех направлениях. Во-первых, в самой материи языка — в качествах и структуре (форме) знаков и способах их организации. Во-вторых, в трансляции эстетических знаний, оценок, суждений, взглядов и т.п., а также в эстетической информации о природных и социальных объектах в сфере общения и деятельности. В-третьих, эстетическая функция языка реализуется в произведениях словесного искусства и прежде всего в поэзии» [11. С. 137]. В целом эстетическое есть результат сложного взаимодействия как названных составляющих, так и единиц языка разных уровней, образующих текст (для поэзии наиболее важны фонетический, ритмический, лексический уровни).

Заключение

Язык — это объект эстетики, именно «авторский взгляд», воплощенный в словах, и делает язык искусством и источником эстетического переживания и наслаждения. Действительно, язык через поэта творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. И эта сотворенная поэтом реальность называется культурой. Смыслы в поэтическом тексте далеко уходят за пределы значений слов, используемых в стихотворении. Истина, содержащаяся в стихах, сокрыта, ее следует искать, как ищут ее в речах пророка. Содержание сти-

хотворения часто алогично и загадочно. А основной источник эстетического переживания — художественный смысл, а точнее, игра со смыслами. Все это будит творческую энергию читателя: происходит эмоциональное заражение, эмпатия. В совокупности все это дает чувство эстетического наслаждения. То чувственное начало, интуитивно и подсознательно воспринимаемое, о котором писал Л.А. Новиков, является важнейшим составляющим эстетического объекта. Поэтому для полноценного эстетического восприятия поэзии следует учитывать целый ряд факторов: личность автора, сам текст — мотивы, наличие определенных языковых средств и приемов — личность читателя, тип культуры и другие.

Поэтический текст загадочен и открыт одновременно, только нужно уметь заглянуть в его глубины, что позволяет сделать разработанная Л.А. Новиковым теория орнаментального поля, которая дает возможность объяснить, откуда появляются вторичные смыслы, коннотации, подтексты, помогающие читателю достроить поэтический образ, созданный автором. Каждый человек становится немного художником, слыша живое слово поэзии или живое научное слово, подобное слову Л.А. Новикова.

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды: в 3 томах. М.: Языки русской культуры, 1997.
2. *Новиков Л.А.* Эстетика и семиотика орнаментальной прозы А. Белого. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 319–363.
3. *Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность — формы — развитие. М.: Либроком, 2011.
4. *Гарсия Лорка Ф.* Песня хочет стать светом... М.: Азбука-классика, 2006.
5. *Новиков Л.А.* Об изучении языка художественной литературы. М.: РУДН, 2001. С. 176–212.
6. *Новиков Л.А.* Развитие словесного образа в художественном тексте. М.: РУДН, 2001. С. 166–175.
7. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
8. *Новиков Л.А.* Феномен эстетического в языке. Опыт аналитического синтеза. М.: РУДН, 2001. С. 17–36.
9. *Новиков Л.А.* Значение как эстетическая категория языка. М.: РУДН, 2001. С. 37–55.
10. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
11. *Маслова В.А.* Поэтический текст как средство эстетического воспитания // Актуальные вопросы эстетики и эстетического воспитания в свете решений XXVII съезда КПСС. Минск, 1987. С. 136–138.

References

1. Gasparov, M.L. (1997). *Selected works*: In 3 vols. Moscow: Yazykirusskoikult'ury. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2001). *Aesthetics and semiotics of A. Bely's ornamental prose*. Moscow: RUDN publ. pp. 319–363. (In Russ.).
3. Makovskii, M.M. (2011). *The phenomenon of taboo in the traditions and in the language of the Indo-Europeans. Essence — forms — development*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
4. Garsia Lorka, F. (2006). *The song wants to become light ...*. Moscow: Azbuka-klassika. (In Russ.).

5. Novikov, L.A. (2001). *On the study of the language of fiction*. Moscow: RUDN publ. pp. 176–212. (In Russ.).
6. Novikov, L.A. (2001). *The development of a verbal image in a literary text*. Moscow: RUDN publ. pp. 166–175. (In Russ.).
7. Bakhtin, M.M. (1975). *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
8. Novikov, L.A. (2001). *The phenomenon of the aesthetic in language*. Analytical synthesis experience. Moscow: RUDN publ. pp. 17–36. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). *Meaning as an aesthetic category of language*. Moscow: RUDN publ. pp. 37–55. (In Russ.).
10. Vygotskii, L.S. (1999). *Thinking and speaking*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
11. Maslova, V.A. (1987). *Poetic text as a means of aesthetic education // Actual problems of aesthetics and aesthetic education in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU*. Minsk. pp. 136–138. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. *Сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: mvavit@tut.by
ORCID: 0000-0001-8717-9231; Scopus Author ID: 57222509849

Данич Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, методика преподавания русского языка; *e-mail*: odanich@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8888-0107; Scopus Author ID: 57225221302

Дружина Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. *Сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: natalia.druzhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2561-9489

Information about the authors:

Valentina A. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Preschool and Primary Education of Educational Establishment, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov. *Research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics; *e-mail*: mvavit@tut.by
ORCID: 0000-0001-8717-9231; Scopus Author ID: 57222509849

Oksana V. Danich, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Preschool and Primary Education of Educational Establishment, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov. *Research interests*: cultural linguistics, methods of teaching the Russian language; *e-mail*: odanich@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8888-0107; Scopus Author ID: 57225221302

Natalya L. Druzhina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of World Languages of Educational Establishment, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov. *Research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics; *e-mail*: natalia.druzhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2561-9489

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-514-523

EDN: MWIDCB

УДК 811.161.1'37:821.161.1-3

Научная статья / Research article

Предтексты и посттексты: на материале прозы А.С. Грина

В.А. Романенко

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128

✉ vita28-28@mail.ru

Аннотация. В исследовании предпринята попытка рассмотреть процесс поиска линий сближения творчества А. Грина с творчеством ряда авторов. Интертекстуальный подход к анализу произведений писателя позволяет читателю во многом расширить интерпретацию текста и обнаружить порой невыявленные при первом знакомстве с произведением интертексты и метатексты. Если раньше на первый план нередко выносилось исследование философско-нравственного аспекта творчества А.С. Грина, идейное содержание его произведений и жанровое своеобразие, истоки которого усматриваются в мифологии, сказке, притче, то интертекстуальное поле прозы писателя исследовано в меньшей степени. Интертекстуальный подход к анализу текста позволил нам ранее выявить точки сближения мотивов, образов, языковых приемов, используемых в творчестве А.С. Грина и писателей XIX и XX столетий. Основное внимание уделено выявлению параллелей в прозе А.С. Грина и В.В. Набокова.

Ключевые слова: интертекст, реминисценция, герменевтика

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2021

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Романенко В.А. Предтексты и посттексты: на материале прозы А.С. Грина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 514–523. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-514-523>

© Романенко В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Pre-Texts and Post-Texts: on the Material of A.S. Green's Prose

Victoria A. Romanenko

Transnistrian State University n.a. T.G. Shevchenko,
128, October 25 str., Tiraspol, Transnistria, 3300
✉ vita28-28@mail.ru

Abstract. The study attempts to consider the process of searching for lines of convergence of A. Green's work with the work of a number of other authors. The intertextual approach to the analysis of the writer's works allows the reader to expand the interpretation of the text in many ways and to discover intertexts and metatexts that are sometimes not revealed at the first acquaintance with the work. If earlier the study of the philosophical and moral aspect of the writer's work, the ideological content of his works and genre originality, the origins of which are seen in mythology, fairy tale, parable, were often brought to the fore, then the intertextual field of the writer's prose has been studied to a lesser extent. The intertextual approach to text analysis allowed us earlier to identify points of convergence of motives, images, language techniques used in the work of A.S. Green and writers of the 19th and 20th centuries. The main attention is paid to identifying parallels in the prose of A.S. Green and V.V. Nabokov.

Keywords: intertext, reminiscence, hermeneutics

Article history:

Received: 01.10.2021

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Romanenko, V.A. (2023). Pre-Texts. and Post-Texts: on the Material of A.S. Green's Prose. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 514–523. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-514-523>

Введение

Заметное пробуждение интереса исследователей к творчеству А.С. Грина, как нам представляется, предопределено в первую очередь вниманием лингвистов и литературоведов к символической образности литературных текстов, проявившимся в 80-е годы XX века и не ослабевающим по сей день. Описанию концептуальной символической модели творчества А.С. Грина посвящены диссертации Е.А. Козловой [1], Е.В. Нагайцевой [2], А.М. Мазина [3], В.А. Романенко [4], Г.И. Шевцовой [5] и других авторов.

Целью исследования стало нахождение точек сближения прозы А.С. Грина и В.В. Набокова, что, насколько нам известно, еще не было освещено в научной литературе.

Основной метод исследования, позволивший обнаружить черты сходства двух художников, герменевтический. Задача исследователя и читателя — «оживить» заложенные в произведении смыслы, герменевтические голоса, коды (смысловые, перцептивные, прагматические, культурно-исторические и прочие).

Предтексты прозы А.С. Грина

Говоря о совершенно новой разновидности символистского романа А.С. Грина, во многом не имеющей аналогов в прежней литературе, Л. Белогорская правомерно обратила внимание на влияние эпохи, в которую происходило формирование писателя [6]. Исследование символики произведений А.С. Грина проводится на фоне освещения общей символично-поэтической традиции, нашедшей отображение в русской литературе конца XIX — начала XX веков.

На рубеже веков заметную роль играют интертекстуальные переклички в творчестве писателей разных направлений и школ. Ранее нами уже предпринималась попытка нахождения возможных предтекстов прозы А.С. Грина [7], в которой ощущается влияние идеи художественного «жизнетворчества» А. Белого, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, В. Соловьева. Концептуальными для произведений А.С. Грина на общем символистском фоне становятся симвообразы луча, тайны, корабля, зари, незнакомки, детства, организующие поэтический каркас произведений писателя. Так, в воплощении Несбывшегося герой А.С. Грина родствен лирическому я А.А. Блока.

Символисты обладали острым предчувствием будущей хаотизации сознания, способствующей разрушению старых декораций, что вызывает заострение в искусстве рубежа XIX—XX веков драматического лейтмотива двойственности, выразившегося в антиномиях жизни и смерти, видимости и истины, правды и лжи, присущих кризисным периодам истории.

В символистском искусстве XX века манифестация иллюзорного мира осуществляется путем введения образа маскарада и маски как репрезентации псевдочеловеческой сущности. Отсюда в приоритете описания персонажей через намеки на целостность — веера, домино, спины, плечи и другие акциденции.

Образ сада из романа «Дорога никуда» и ассоциируемая с ним светлая, беззаботная пора жизни героя — реминисценция о библейском саде. В начале XX века к подобной реминисценции обращается английский писатель-фантаст Г. Уэллс («Дверь в стене»), а в середине XX века — скандинавская писательница А. Линдгрэн («Солнечная полянка»). В романе А.С. Грина «Дорога никуда» вместо ласковых пантер (Г. Уэллс) ковер с золотыми кошками в гостиной Футроза (христианская реминисценция о райской гармонии между детьми и хищниками).

Скрытые цитаты позволяют А.С. Грину создавать лексическую, мотивную, образную полисемию, которая, по мнению Р.Я. Клейман, могут быть выражены либо предикатно-сюжетными отношениями, либо атрибутами, характеризующими героя или сюжетную ситуацию; наконец, «мифемами» (воспроизводится в свернутом виде чужой сюжет в целом)» [8. С. 128].

Подобно тому, как герой повести Ф.М. Достоевского «Кроткая»¹ характеризуется на всем протяжении рассказа такой экспрессивно-яркой атрибутивной чертой, как молчание между рассказчиком и его женой, прерываемое лишь в конце рассказа: «Поговорим... знаешь... скажи что-нибудь!»², или этому же мотиву в лирике А.А. Блока³, молчание в рассказе А.С. Грина «Она» образует завесу, позволяющую герою скрыть волнение. И так же, как и в «Кроткой», наступает перелом от молчания к радости: «—Милая! Милая! Простите меня! Настало молчание. Казалось, что ему не будет конца. Но уже близилось могучее биение радости»⁴.

Как А.А. Блок («Незнакомка»), А.С. Грин использует ресторанный атрибут и прием метонимической аппликации при создании образа девушки⁵. Кавычки в заглавии рассказа «Она» обусловлены именно этой скрытой отсылкой к текстам предшественников.

Очевидны и текстуальные переклички произведений А.С. Грина и К.М. Станюковича при всем несхождении двух писателей. Сходство обнаруживается на уровне языковых приемов и мотивов, которые едва ли случайны. В романе «Бегущая по волнам» А.С. Грина, как и в романе К.С. Станюковича «Похождения одного матроса», корабль назван в честь женщины, а в каюте капитана находится портрет молодой незнакомки. В романе «Дорога никуда» А.С. Грина говорится, что корабль контрабандистов нагружен железными изделиями, под видом которых провозится оружие. Почти такой же эпизод находим в романе К.М. Станюковича⁶. Как Чайк из романа К.М. Станюковича, так и Гравелот из романа А.С. Грина «Дорога никуда» в знак благодарности вступает в перестрелку с преследователями, тем самым помогая капитану судна отбиваться от погони.

Стомадор из романа А.С. Грина «Дорога никуда» бескорыстно дарит Давенанту гостиницу при дороге. Таким же образом поступает и капитан Блэк из романа К.М. Станюковича, бескорыстно подаривший корабль штурману Гауку.

Посттексты прозы А.С. Грина

Предваряя во многом изыскания постмодернистов, А.С. Грин предвосхищает поиск неземного «там» В.В. Набоковым, начатый предсимволистами и символистами.

¹ Достоевский Ф.М. Повести. Рассказы. М.: Правда, 1985. С. 295.

² Там же. С. 303.

³ Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. С. 70.

⁴ Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 1. С. 161.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Станюкович К.М. Собрание сочинений в 10 тт. М.: Правда, 1977. Т. 8. С. 103–104.

Описание страны, куда так стремятся герои А.С. Грина⁷, даст В.В. Набоков в романе «Приглашение на казнь». В той стране мир подобен миру ребенка, где время подчинено человеческой прихоти, где все поражает естественностью и гармонией⁸.

Герой романа А.С. Грина «Блистающий мир», как и герой романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь», духовно свободен: для него нет ни внешних, ни внутренних преград. Шутя избавляясь от преследований, он так же легко освобождается из тюремного заключения. Идея духовной свободы репрезентируется образами света, музыки, дороги. В *тот* мир земная дорога не приводит. Это *путь без дороги* — мир мечты, творчества (А.С. Грин), *сонный мир* как образец корявой копии (В.В. Набоков). Императив *должен быть* (тот мир) у обоих писателей также вряд ли случаен. Герои-творцы используют свободу творчества для достижения нетутошного, идеального мира. В стране Духа можно летать, как это делает Друд или Пленер А.С. Грина, полетит вверх прямо с подоконника и Цинциннат В.В. Набокова.

Инвариантны для творчества А.С. Грина и В.В. Набокова мотив детства и образ ребенка. Детство — это «безопасное место» и время, когда «нюх у души безошибочен» (В.В. Набоков, «Защита Лужина»). Детская вера в мечту окрыляет всех положительных героев А.С. Грина — Ассоль, Грзя, Тави Тум, Деши, Молли, Санди и других. Мечта лирического я В.В. Набокова — вернуться в свое детство, чтобы там найти *кончик спутанной нити*⁹.

Для меркантильного мира дельцов цели *непрозрачных* (В.В. Набоков) людей, подобных Цинциннату, непостижимы. Самое их существование — явление нетерпимое. Поэтому их стараются уничтожить или окружить жизненный путь вечной опасностью. Мир А.С. Грина и В.В. Набокова во многом сродни фантазмагориям Гофмана, Одоевского, Гоголя, Достоевского. Этот мир антиэстетичен. В нем нивелируются различия между категориями живого и неживого (чего стоит один только Ксаверий из романа А. Грина «Золотая цепь» или люди-куклы из «Приглашения на казнь» В.В. Набокова). Жизнь и смерть предстают единым, неделимым целым, где смерть — развитие жизни, а жизнь — смерти.

В.В. Набокова и А.С. Грина роднит общий для них мотив детства. Концептуальные образы детства, ребенка в творчестве обоих — ассоциаты невинности и чистоты, целомудрия, непечатости духа, отделенности от мира и его страстей. Вселенная людей-детей — мир чистоты, милосердия, благородства. Такие люди беззащитны и одиноки в мире хищников, полулюдей-полуманекенов. Это противоборство двух полюсов мировоззрения хорошо

⁷ Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 3. С. 311.

⁸ Набоков В.В. Приглашение на казнь. Париж: Дом Книги, 1938 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nabokov.gatchina3000.ru/invitation04.htm> (дата обращения: 10.02.2020).

⁹ Набоков В.В. Парижская поэма. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://litlife.club/books/109089/read?page=40> (дата обращения: 10.02.2020).

охарактеризовал художник В.М. Васнецова: «Вся история человечества есть борьба человека-зверя с человеком духовным (...) Если бы в поиске человека возвысился духовный человек, тогда было бы торжество добра; но трудно сомневаться, что восторжествует снова в человеке культурный зверь, и не тут-то начало конца» [9. С. 217].

Демоны в оболочке людей — Эдуард Эдуардович («Москва под ударом» А. Белого), Гумберт Гумберт («Лолита» В.В. Набокова), Торп («Блистающий мир» А. Грина) представляют первобытную в духовном плане эпоху человечества. Их стремление доминировать над ребенком, подчинив себе его волю, есть не что иное, как стремление избавиться от собственной неполноценности, инфантилизма. Переход человека в зверя порой едва уловим. Здесь корни оксюморона «культурный зверь», когда культура лишь маска для сокрытия недоразвитого, звериного начала в человеке. Отсюда понимание и восприятие культуры как маскарада, где маска — лицо «окультуренного человека».

В отличие от детской целостности ущербное сознание порождает инфантильную натуру, не могущую нести в силу ее неполноценности какой бы то ни было ответственности. Эта мысль наиболее полно воплотилась в романе В.В. Набокова «Лолита», возможным предтекстом которого могла стать повесть А. Белого «Москва под ударом» (отношения Мандро и Лизаши). Аналогия имен персонажей: *Эдуард Эдуардович* — *Гумберт Гумберт* — намек на двойную природу персонажей: с одной стороны, инфермальную, скрытую, демоническую и, с другой, маскарадную, тщательно замаскированную внешнюю. Как и Гумберт Гумберт, Эдуард Эдуардович склонен к педофилии. Уменьшительное имя *Лизаша*, уменьшительно-ласкательные лексемы *ротик*, *пальчики*¹⁰, *эпитеты белый* (шарф), *ледяные* (пальчики) намекает на ее русалочье происхождение, так и есть: «Русалка», по замечанию жены писателя¹¹. Данный мотив у А. Белого и А.С. Грина не станет отдельной темой художественного исследования, как позднее у В.В. Набокова, называвшего девочек подросткового возраста нимфетками. Друд А.С. Грина решительно убивает растлителя Торпа; Мандро А. Белого попадает в психиатрическую лечебницу.

Мотив обезличивания в образе цирка («Блистающий мир», «Новый цирк») как фантазмагории жизни был предвосхищен А.С. Грином¹². Образ цирка — оптимальное воплощение идеи круга с его фоновым полем «опасность», «безысходность», «западня». Поэтому возможным предтекстом, помимо «Трех толстяков» Ю.К. Олеси, в «Приглашении на казнь» В.В. Набокова может быть и описание циркового представления А.С. Грином. В новелле «Новый цирк» А.С. Грин наметил контуры *непрозрачного* человека в образе

¹⁰ Белый А. Сочинения. В 2-х т. Сост. и подгот. текста В. Пискунова; коммент. С. Пискуновой и В. Пискунова. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 451.

¹¹ Там же. С. 658.

¹² Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 3. С. 118.

«неклоуна»¹³. У В.В. Набокова *Марфинька качается на трапеции, а уличные продавцы хлеба орут, жонглируя булками («Приглашение на казнь»)*¹⁴.

Положительным героям А.С. Грина и В.В. Набокова, в соответствии с традициями символизма, открыто внутреннее содержание предметов и явлений. У А.С. Грина *Ассоль* читает между строк, она, по выражению автора, *живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов*¹⁵. О тайне *соседства слов* пишет, почти дословно повторяя мысль предшественника, и В.В. Набоков.

Близость художественных приемов отмечается в игре обоих художников со скрытыми смыслами анаграмм. Так, в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» находим жонглирование лексемами *шарфик — фаршик*. В романе А.С. Грина «Золотая цепь» имя *Ганувер*, предположительно, является анаграммой фамилии одного из любимых его писателей — Н.П. Вагнера. Смысл символа «дорога» в романе А.С. Грина «Дорога никуда» расшифровывается путем декодирования названия дороги — *Тахенбакская*, которое на основе ассоциативной звукографической близости к английским словам *tax* ‘подвергать испытанию’, *back* ‘двигаться в обратном направлении, обратная сторона’ намекает на постоянный возврат героя к своему прошлому. Название, будучи индексально-метонимическим шифтером, предопределяет также жизненные перипетии и трагическую гибель Тиррея, оказавшегося на «обратной стороне» жизни. Известно, что, по замыслу автора, роман первоначально назывался «На теневой стороне»¹⁶.

В произведениях писателей обнаруживается переключка образов картины и зеркала, создающих глубинную перспективу и разрушающих преграду между потусторонним и посюсторонним мирами, что предоставляет возможность адресату — персонажу-наблюдателю — войти в иллюзорный, виртуальный мир, сделаться не пассивным его созерцателем, а непосредственным участником событий. Такой прием вовлечения зрителя в изображение картины в живописи и фотографии конца XIX века подчеркивал глубинную композицию и усиливал перспективу. По замечанию искусствоведа А.А. Федорова-Давыдова, таким образом происходила замена «господства проблемы объема господством проблемы пространства» (цит. по: [10. С. 102]).

В рассказе «Фанданго» образ картины уподоблен символаобразу «зеркало» на основе интегральной семы «отражение». Глубинная перспектива картины, подобно зеркальному отражению, позволяет герою ощутить себя в ее пространстве, буквально войти в него. Такое впечатление создается с помо-

¹³ Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 2. С. 408.

¹⁴ Набоков В.В. Приглашение на казнь. Париж: Дом Книги, 1938 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nabokov.gatchina3000.ru/invitation04.htm> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵ Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 3. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 399.

щью приема монтажного совмещения визуальных планов¹⁷. Метонимические индексы фрагментируют объективную реальность: внутреннее внутреннее убранство комнаты, угол стола, рояль, который сначала просто наблюдает персонаж. Лесной пень, осел, раскрытое внутрь комнаты окно и другие — знаки иного, изображенного на картине мира. Ощущение реальности пространства картины поддержано фактуально с помощью приема «перескока за рамку», А.К. Жуковскому [11]: монета, брошенная инклюзивным рассказчиком, покатила в конец помещения, изображенного на полотне¹⁸. Очутившись в пространстве картины, герой воспринимает недавнюю реальность, представленную пространством комнаты в Петербурге, в обратной перспективе, будто изображенную на полотне: «Я увидел изображение, сделанное превосходно: вид плохой, плохо обставленной комнаты, погруженной в едва прорезанные лучом топящейся печи сумерки; и это была железная печь в той комнате, из которой я перешел сюда»¹⁹.

Подобное совмещение визуальных планов встречаем и у В.В. Набокова: «Эта веселая, спортивная женщина (...) читала сыну английские иллюстрированные книжки, и маленького Мартына волновала мысль о сходстве между акварелью, висящей прямо над кроватью мальчика, и картинкой (речь шла о рисунке, изображающем тропинку в лесу). Однажды как был, в ночной рубашке, он перебрался с постели в картинку, на тропинку, уводящую в глубь леса. Этот образ неосторожной потери «постельного» рая тревожил Мартына и позже, в юности, когда он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, «которым обернулась вся его жизнь» [12. С. 22].

Заключение

Как нам представляется, родство А.С. Грина и В.В. Набокова во многом обнаруживается на уровне мотивов, образов, приемов выражения, мировоззренческих концепций. Писателей сближает изображение кажущейся для окружающих эксцентричности главного героя, проявляемой в выборе им собственного пути, не вписывающегося в принятую матрицу ритуализированного поведения. С одной стороны, детская, чистая душа мечтателя, поэта; с другой — мещански ханжеская натура его окружения. Отсюда вертикальная пространственная иерархия — спасение героя вверх: купол цирка, потолок тюремной камеры («Блестящий мир» А.С. Грина), окно («Крысолов» А.С. Грина, «Приглашение на казнь», «Защита Лужина» В.В. Набокова).

¹⁷ Грин А.С. Собр. соч.: в 6 тт. Под общ. ред. В. Россельса. М.: Правда, 1965. Т. 5. С. 389–390.

¹⁸ Там же. С. 390.

¹⁹ Там же. С. 390–391.

Со временем содержательно-смысловая сторона художественных произведений может иначе восприниматься адресатом, что напрямую зависит от уровня его герменевтической компетенции. Каждое новое поколение читателей воспринимает один и тот же текст по-разному. И чем выше степень осведомленности, чем тоньше интуиция и эмоциональные переживания реципиента, тем глубже раскрытие имплицитных смыслов авторского замысла.

Библиографический список

1. Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А.С. Грина: развитие символической образности: дис. ... канд. филол. наук. М.: ПроСофт, 2003.
2. Нагайцева Е.В. Концептуальная символическая модель: на материале творчества А.С. Грина: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
3. Мазін А.М. Поетика романтичної прози Олександра Гріна: дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2002.
4. Романенко В.А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А.С. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000.
5. Шевцова Г.И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А.С. Грина (мотивный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Елец, 2003.
6. Белогорская Л. Символические образы Александра Грина // Русский язык, литература, культура в школе и в вузе. 2012. № 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://proza.ru/2012/03/28/1870> (дата обращения: 10.02.2020).
7. Романенко В.А. Инвариантные симвообразы прозы А.С. Грина в функционально-лингвистическом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. Т. 1. № 2. С. 52–61.
8. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985.
9. Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М.: Изобразительное искусство, 1987.
10. Михалкович В.И., Стигнеев В.Т. Поэтика фотографии. М.: Искусство, 1990.
11. Жолковский А.К. How to Show Things with Words (Об иконической реализации тем средствами плана выражения) // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. М., 1996. С. 77–92.
12. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова: в 4 тт. Т. 1. М., 1996. С. 77–92.

References

1. Kozlova, E.A. (2003). *Principles of artistic generalization in the prose of A.S. Green: the development of symbolic imagery* [dissertation]. Moscow: ProSoft. (In Russ.).
2. Nagaitseva, E.V. (2002). *Conceptual symbolic model: Based on the work of A.S. Grin* [dissertation]. Barnaul. (In Russ.).
3. Mazin, A.M. (2002). *Poetics of Romantic Prose Oleksandr Grin* [dissertation]. Dnipropetrovsk. (In Ukrain.).
4. Romanenko, V.A. (2000). *Linguistic and poetic system of cross-cutting symbols in the works of A.S. Green* [dissertation]. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
5. Shevtsova, G.I. (2003). *Artistic embodiment of the idea of movement in the work of A.S. Green (Motive aspect)* [dissertation]. Yelets. (In Russ.).
6. Belogorskaya, L. (2012). Symbolic images of Alexander Grin. *Russian language, literature, culture at school and university*, 1 [Electronic resource] URL: <https://proza.ru/2012/03/28/1870> (accessed: 10.02.2020).

7. Romanenko, V.A. (2010). Invariant Symbols-images of A.S. Green's Prose in the Fuctional Linguistic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(2), 52–61.
8. Kleiman, R.Y. (1985). *Cross-cutting motives of Dostoevsky's creativity in the historical and cultural perspective*. Chisinau: Shtiintsa. (In Russ.).
9. Vasnetsov, V.M. (1987). *Letters. Diaries. Memories. opinions of contemporaries*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russ.).
10. Mikhalkovich, V.I. & Stigneev, V.T. (1990). *Poetics of photography*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
11. Zholkovsky, A.K. (1996). How to Show Things with Words (On the I conic Realization of the Themes by Means of the Plan of Expression). In: *Zholkovsky, A.K. & Shcheglov, Yu.K. Works on the poetics of expressiveness: Invariants — Theme — Techniques — Text*. Moscow. pp. 77–92. (In Russ.).
12. Erofeev, V. (1996). Russian prose of Vladimir Nabokov. In: *Nabokov V.V. Selected works: in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. pp. 77–92. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Романенко Виктория Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры функциональной лингвистики института языка и литературы, Приднестровский университет им. Т.Г. Шевченко; *e-mail*: vita28-28@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8769-3449

Information about the author:

Victoria A. Romanenko, PhD in Philology, Associate-Professor of the the Chair of functional linguistics of the Institute of Language and Literature, State University n.a.T.G. Shevchenko; *e-mail*: vita28-28@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8769-3449

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-524-538

EDN: OIGNDM

UDC 811.161.1'37:808:070

Research article / Научная статья

Internal Press as Dialogue-Unison

Liudmila V. Minaeva

Lomonosov Moscow State University,
1-51, Leninsky gory, Moscow, Russian Federation, 119991
✉ liudmila.minaeva@gmail.com

Abstract. Research argues that the rhetorical dialogue theory (Yu.V. Rozhdestvensky) is a sound approach to the analysis of corporate media. The first part of the research briefly outlines the evolution of corporate media and dwells on communication technologies used in magazines for employees today. Digital technologies have reinforced the emotional impact produced by the multimodality of media texts and made the narration which embodies various corporate values more explicit. Then the discussion addresses the rhetorical dialogue theory underscoring three main types of dialogue which manifest themselves in management: dialogue-difference, dialogue-unison and dialogue-theatre. In the third part the focus moves to some features of magazines for employees, refracted through the lens of the dialogue-unison perspective. It is shown that in-house magazines do not communicate any new knowledge and demonstrate no opposition between personnel and management. Thus, due to a new media environment, a full accord of the board and employees results in a dialogue-unison.

Keywords: rhetorical dialogue theory, digital technologies

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Minaeva, L.V. (2023). Internal Press as Dialogue-Unison. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 524–538. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-524-538>

Внутренняя пресса как диалог-унисон

Л.В. Минаева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
✉ liudmila.minaeva@gmail.com

Аннотация. Утверждается, что риторическая теория диалога (Ю.В. Рождественский) является надежным подходом к анализу корпоративной прессы. Первая часть исследования кратко описывает эволюцию корпоративных медиа и останавливается на коммуникатив-

©Minaeva L.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ных технологиях, которые используются сегодня в журналах для персонала. Цифровые технологии усилили эмоциональное воздействие, оказываемое мультимодальностью медиатекста, и сделали нарратив, который включает в себя различные корпоративные ценности, более выразительным. Затем следует рассмотрение риторической теории диалога, в которой выделяются диалог-различие, диалог-унисон и диалог-театр, реализуемые в менеджменте. В третьей части в центре внимания оказываются характеристики журналов для сотрудников, рассматриваемые через призму диалога-унисона. Показано, что внутренние журналы не передают какой-либо новой информации и демонстрируют отсутствие противоречий между руководством и персоналом. Таким образом, благодаря новой медиасреде абсолютное согласие между руководством и персоналом реализуется в форме диалога-унисона.

Ключевые слова: риторическая теория диалога, цифровые технологии

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Minaeva L.V. Internal Press as Dialogue-Unison // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 524–538. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-524-538>

Introduction

Corporate media belong to the system of corporate communication channels. The latter can be divided into two main types according to the criteria of relation to the company: outsiders and insiders. The functional subtypes comprise events, advertising, corporate media and a specific category — social media [1]. Corporate media are further classified on the basis of the audience: clients, business partners and personnel.

It should be emphasized that at present companies are increasingly recognizing the importance of strengthening communication with employees [2; 3]. This is the reason why personnel magazines possess authority and stand out in the system of corporate media.

The purpose of this research is to explore how personnel magazines contribute to the strategic function of corporate communication whose goal is the motivation of employees, and what is the role of the medium in this process.

Evolution of Corporate Media

The fact that “the ‘message’ of any medium or technology is the change of scale or pace or pattern that it introduces into human affairs” [4. P. 8] can, on the micro level, be illustrated by the evolution of personnel magazines.

It is possible to single out the following stages in the evolution: 1) paper printed brochure; 2) electronic version of a printed magazine; 3) electronic magazine; 4) interactive employees newsletters; 5) corporate social media.

Stage 1. Paper printed brochure

The roots of corporate media can be traced back to the 19th century when the first printed media came into being. For example, in the 1830s Daniel Friedrich List, a German economist, published a bulletin for workers. An American pastor Reverend Abel Charles Thomas organized a monthly periodical “Lowell Offering” which collected works of poetry and fiction by the female textile workers known as the Lowell Mill Girls of the Lowell, Massachusetts textile mills. His readers were employees of Lowell, Massachusetts textile mills and their families. The target audience of Isaac Merritt Singer was his clients. In the newspaper readers could find recommendations concerning the use of Singer sewing machines [5]. The interaction with readers was exercised through readers’ letters to the editor.

Stage 2. Electronic version of a printed magazine

Since that time, corporate media have changed drastically because with the advent of the Internet the media environment has changed. The Internet facilitated social interactions by allowing users to circumvent borders between nation states, national markets, the local and the global, the public and the private, mass communication and interpersonal communication, professional and amateurs, production and consumption of information. At present, digital environment affects human actors, technological actants, audience positions and the activities through which these interact [6].

Personnel magazines were not an exception. New technologies have gradually transformed the in-house magazine from a paper printed brochure to an electronic format. Now the majority of in-house magazines of big manufacturing corporations exist in two versions: paper version for field workers and electronic one for office employees. The two versions are identical. Digital technologies strongly affect the technological aspect of polygraphy: full-colour, information visualization (photos, illustrations, infographics), variety of fonts and graphic design. Employees’ eyes get caught on the most important information. Thus, variety in text lowers the chances of magazine skimming. The use of different fonts and formatting makes the content more attractive. And one more advantage of electronic versions of in-house magazines: they can be delivered directly to employee screens reducing e-mail overload.

Stage 3. Electronic magazine

Electronic magazines proper have no printed analogues and are created specially for digital consumption. They preserve all the features of electronic versions of printed paper magazines but make use of a number of other digital technologies.

It is common knowledge that the Internet merges together the features of written and printed texts and audio-visual media, linearity and non-linearity (hyper-text structure), individualism and multiple identity [7]. As a result, different communication media in electronic personnel magazines increase their emotional impact, contribute to the personnel engagement, increase reader time and readership enjoyment [8]. Additionally, the development of the Intranet has made editors powerful gatekeepers and agenda setters within organisations [9].

Stage 4. Interactive employees' newsletter

Interactive in-house newsletters are even more employee-centric and action-focused than the types of personnel magazines discussed above, because they make it possible for an employee to not only passively consume information but also be an active member of communication and react to the message. By clicking a link, an employee can load the information which seemed interesting to him/her, quickly respond to a question, give back fresh ideas through surveys.

Stage 5. Corporate social media

Interactivity is an essential feature of social media which have become part and parcel of our everyday life. In any case, employees go to external social networks to self-actualize. Management cannot stop them; therefore, it is better to turn their communication within the organization.

Corporate business networks allow employees to communicate faster, bypassing hierarchical and geographic boundaries. Communication can be conducted in different languages. Senior executives can also be actively involved in communication with their personal blogs, interacting with employees. Thus, a new culture of interaction based on exchange emerges.

Corporate social media help companies to practice corporate social responsibility and support those projects that are closely linked to local communities. Employees participate in such projects as volunteers and help the company to promote its image as a corporate citizen.

It follows that on the micro level corporate media the principal tenet of media ecology: the media environment has the property of permanent variability — that is, according to McLuhan, any media environment is constantly transforming and modifying society [10]. Media ecology looks into the matter of how media of communication affects human perception, understanding, feeling, and value; and how our interaction with media facilitates or impedes our chances of survival [11]. It should be emphasized that new technologies transformed corporate magazines from a medium of information into an instrument of shaping and promoting corporate culture [12; 13]. These ideas are further developed in the paper below.

Dialogue Theory

To make a full contribution to management, personnel magazines must be strategic, support strategic objectives, and focus on relationships. To achieve this goal, public relations in general and corporate media in particular rely on the principles of a managing dialogue [14. P. 309–313].

The concept of dialogue has been investigated from diverse disciplinary perspectives:

- Michael A. Peters and Tina Besley endeavor to elaborate a system of the main forms of dialogue as they have been developed by Western philosophy, focusing on the diversity of conceptions especially in the modern period [15].
- From a communication perspective, dialogue represents “a form of discourse that emphasizes listening and inquiry, with the aims of fostering mutual respect and understanding” [16]. The discursive nature of dialogue manifests itself in linguistic and paralinguistics means, including prosody and body language [17] which are used to reach common understanding even in a computer-mediated information-exchange situation [18].
- The sociological perspective, dialogue studies are represented in the works of Jurgen Habermas, who argues that in dialogue the process of achieving mutual understandings communicators can result in achieving social integration and solidarity [19].
- A great impact on the development of literary studies was produced by Michael Bakhtin’s theory of dialogue [20]. By introducing the concepts of ‘dialogism’, ‘heteroglossia’ and ‘chronotope’ Bakhtin emphasizes the significance of dialogue as a means of demonstrating the interconnectedness of literary works and reveals the nature of language as dialogue [21; 22]. More than that, his ideas serve as a theoretical, and analytic research construct not only in philological studies but also in other fields of inquiry, for example, dialogic pedagogy [23].
- Dialogic theory has long become a methodological basis of public relations in so far as it describes the basic management models in public relations, its techniques and instruments [24–27]. The concept of dialogue is applied in media relations, internal public relations and other spheres of activity [28–30]. The dialogical approach to public relations places the emphasis on the management of relationships between an organization and the publics on which it depends.
- The neo-rhetorical theory of dialogue, which views public relations as a socially mediated speech communication, was developed in Russian linguistics by Yuri Rozhdestvensky [14]. It is firmly rooted in his concept of four stages of communication history (the oral, the written, the printed and the electronic) which has very much in common with the ideas expounded by M. Mc Luhan, one of the founders of media ecology [31]. Rozhdestvensky states that the transition from stage to stage is determined by introducing new communication technologies [32].

According to this theory, the art of management, which, among other activities, includes public relations, presupposes design and planning of dialogues, and then their consistent implementation. As public relations is aimed at persuading different target audiences — citizens, customers, employees — to accept an innovation, it is essential to carry out a number of dialogues [33; 34]. To this end public relations works out systems of arguments which correspond to the interests, intellectual development and social background of each target audience [35]. Since employee loyalty is very important given the numerous positive outcomes associated with it, it is imperative that managers endeavor to implement dialogues that foster employees' identification with organizations.

Rozhdestvensky observes three types of dialogues: dialogue-difference, dialogue-theater and dialogue-unison. Three types of dialogue lead to different results.

Dialogue-difference is the most important type of dialogue because it can lead to an action. In dialogue-difference, the first and second remarks of the dialogue are different both in form and meaning. The dialogue-difference occurs in oral speech, when, for instance, a project is discussed at a business meeting. Such dialogue makes it possible to develop more subtle and specialized decisions, to collect and analyze detailed information in order to generate an idea and justify it.

In the dialogue-theatre the first and second remarks are different but there is no actual exchange of remarks, because a number of participants do not utter them, they are the audience. Their verbal reaction to what is said by the speaker is in their inner speech. The dialogue is actualized in the conclusion when listeners express their common opinion. For example, at an annual meeting of shareholders we observe a very special exchange of “remarks”: the speaker (the CEO) makes a speech but his/her audience reacts to it by voting or applause at the end of the meeting. The dialogue-theatre forms the audience's intention and leads to decision-making: the annual report of a company presented by the CEO is generally approved by shareholders.

Dialogue-unison is realized in mass communication and advertising. In the dialogue-unison the first and second remarks of the dialogue form a formal semantic and textual unity [14. P. 325]. Dialogue-unison presupposes the interaction of two communicators (creators of the text and the target audience) who share the same background knowledge, interests and ideas. It always confirms some information and is a vehicle of certified data part of which confirms cultural norms. Thus, a fact reported by the media must actually be valid and true to life. Information reported by a personnel magazine is always certified by references to concrete management decisions which are in accord with corporate strategy and culture. The dialogue-unison helps the target audience to better understand the current position of the company.

The next section examines in detail the impact of the medium on personnel magazines as an example of dialogue-unison.

Personnel Magazines as Dialogue-unison and the Role of Digital Communication Technologies

To gain a deeper insight into the nature of personnel magazine as a dialogue-unison, it is necessary to view it through the prism of the conditions in which the magazine is created, the structure of its content and the media format of the magazine.

Production Process Conditions

The process of production of the internal magazine has specific features: [14. P. 375]:

- The initial stage of the management dialogue is invention which “is impossible without taking into account the external and internal corporate environment” [14. P. 319].
- Production of a corporate magazine must be enacted in concrete, recurring practices—dialogue between board of directors and the editorial board, dialogue between editors, journalists and designers in the process of preparing materials for publication, dialogue between the medium and its audience —relevant for diverse situations.
- The dialogues are conducted by means of oral communication, documentation and funding.
- Such practices must be routine (e.g., approval of an issue by top management), if they are to be an element of corporate communication, yet the potential for spontaneous interventions needs to be kept alive. Across time, dialogues need to be able to refer to the past without being locked in it. New practices and traditions can and must evolve to ensure that the corporate medium does not stagnate.
- Production of corporate media is to a great extent regulated by a set of legal and ethical norms. In Russia, for example, such norms are established by the Federal Law on Mass Media of the Russian Federation, the Code of Professional Ethics of Russian Journalists, and the corresponding Corporate Codes of Ethics. It is common knowledge that in traditional media news coverage of issues concerning general matters is likely limited as a result of journalists’ emphasis on novelty and drama. News content is also biased toward sensation and conflict, which inevitably attract the attention of the public. Such an approach to corporate life is absolutely out of the question, because the Corporate Code Ethics confines the scope of journalistic narrative to the interests of the company, not society in general. This is confirmed in the course of the dialogue between top-management and the editorial board. The Corporate Code of Ethics, in a sense, is a starting point and a guide for the personnel magazine editor because it describes the mission and vision of the company and its principles of doing business which should be promoted among employees. Such codes are company specific and reflect the ethical issues that arise from the company’s economic sector and markets in which they operate.

To sum up, production of in-house magazines has limitations which affect the nature of dialogue-unison: magazines should deal with the issues related to the activities of the given company and contribute to the formation and promotion of its positive image among employees. In-house magazine is sort of the centre of social gravity for employees cultivating their sense of ownership of the company's activities, its success and development prospects.

Content Structure

The content of the dialogue-unison is meaningful intention, determined by the purpose for which the dialogue is conducted [14. P. 382]. The content of the dialogue-unison of corporate media is the intention of journalists to concentrate on the topics of significance for the current state of the company and its place on the market today against the background of declared corporate principles of doing business. The intention manifests itself in the headings of the magazine, for example, "Recognition of Achievements", "Stories of Success", "Our Anniversaries", "Creative Laboratory", etc.

A personnel magazine, therefore, becomes an important way to ensure that corporate values are embedded in the fabric of the business as a whole. Then staff is aware that the company's stated values are being integrated into all the organisation's goals, strategies and operations. The exposure of employees to corporate values is carried out in each particular article not by appeals and slogans, but by showing examples of their implementation in life.

Media Format

The means to convey the main idea of a publication or an issue are discussed in the course of the dialogue between editors, journalists and designers within the framework of the editorial board. The design, colour range, various fonts, photos, pictures, and animation together communicate a specific and targeted message to make the most of the collection of words on the layout. Otherwise stated, at this stage the media format of the magazine comes to the fore.

As has been mentioned above, at present the media format of personnel magazines is affected by digital technologies. Now, a modern personnel magazine demonstrates the fact that the "content" of any medium is always another medium" [4].

Indeed, the magazine is a kind of "media matryoshka": a spoken word — the CEO's speech, a story told by an employee, an expert's opinion — is recorded, then the recording can appear in a corporate radio programme, or on corporate television news, the transcript of the programme becomes an article with infographic and images printed in an electronic magazine, and later can be reprinted by employees in corporate social networks. It increases the

engagement of employees in corporate communication. Monitoring corporate blogs in its turn, can provide the board of directors with new ideas concerning the corporate strategy.

Each technology adds something to the original message, develops and modifies it. Oral speech is transposed into a printed text, visualization in the form of images, infographic and animation substitutes for some fragments of the printed text, in social media printed text is a hybrid of written and oral speech with its own phraseology, syntax and style, etc.

The magazine places its topics in wider contexts by means of links. The hyper-text structure can provide background information and draws historical linkages of the event described of the sort uncommon to television news. The device broadens the context and at the same time keeps the issue under discussion in the focus of readers' attention.

Electronic Personnel Magazine as a Complex Ecosystem

In electronic in-house magazines, top management decisions, company objectives and achievements can be promoted in a visually appealing infographics or animation. Graphs and charts are a simple way to visualize complex data or information. These easy-to-read ways of presenting strategically important content may improve trust and reinforce the relationship of management and personnel.

It should be borne in mind that a printed text cannot provide feedback between the creator and the recipient of the text, since the recipient does not have at his disposal a technique that creates a mass-produced text for mass consumption. Therefore, he/she can respond to the creator of the text, or rather to one of the representatives, only by letter or orally, and this is a response only to a fragment of the text. It follows that the text of the mass media flows in one direction: from the creator to the recipient, which violates the principle of dialogic speech activity proper.

Certainly, journalists use various sociological methods which provide them with a statistical generalization of the mass audience's thoughts and feelings. The data make it possible to orient the content and ideological direction of mass media texts. In this case, the fundamental dialogic nature of oral speech is imitated [14. P. 145].

Nowadays however, due to the e-mail address in electronic magazines, editors are in a more favourable situation. Again, we face an example of all pervasive technology which affects scale and pace of professional communication, because e-mail creates a feeling of immediacy and the urge to read and respond to an e-message at any time or place [36] e-mail does not result in immediate exchange of remarks between the editorial board and readers because readers comment on a certain event discussed in the magazine, not on the whole issue and the process is spaced in time. But e-mail has become indispensable, for it makes it easy to get feedback.

Electronic personnel magazine has a variety of other valuable tools for getting detailed analytics on how management decisions are perceived. By using interactive elements like videos and images the editor can get detailed reporting that later allows management to make data-driven decisions and orient the information towards the needs and interests of personnel. Thus, new technologies have reinforced the nature of dialogue-unison by orienting the content exactly towards personnel interests. The electronic personnel magazine, on the one hand, keeps employees connected, engaged and informed about what is happening in the company and, on the other hand, provides management with measurable results across an organization on employees' perception of corporate business strategy.

It follows that electronic personnel magazine is a complex ecosystem in which different communication media are closely interwoven. They help the editors to engage employees in the organization's priorities because they subtly but consistently convince employees of the need to treat their work with great responsibility and make the maximum contribution to the common cause. In personnel magazines, the "voices" of management and employees merge in the "duet".

In other words, due to digital technologies, personnel magazines can strengthen the positive sentiments among employees, thus resulting in a growing support of corporate strategy and the unity of management and personnel.

It is worth mentioning in this connection, that when the international panel judging "The Swedish Publishing Award" considered "Agenda Magazine" (the in-house magazine of the Volvo Group), it pointed to its consistency in presenting information in different languages and a strong visual appeal — however, the emphasis was on the general effect. The statement of the jury was: "For a well-made and airy magazine which, without a lot of fuss, manages to create the feeling of We." The Editor-in-Chief commented: "I am very pleased. Especially with the emphasis from the jury on the "we" — part as that is one of the most important purposes with the magazine, to act as a common denominator and a uniting link for the Volvo employees around the world" [37].

The "We" — effect is achieved, among other things, by turning to the technique of corporate storytelling, that is plot-related narratives which are a vehicle and transmitter of some corporate value. Such stories help companies to communicate with their audiences in informative and engaging ways.

In schematic terms, corporate storytelling is understood as a constellation of individual narratives that permit the circulation of information, ideas, opinions— ideally in an unfettered manner — resulting in the formation of corporate image. The narratives serve to facilitate communication between board and personnel.

The main value of corporate stories is in the links with which they saturate the surrounding world, in establishing the relations between people, events and phenomena. Stories connect us to the world. Thus, to create the positive

corporate image stories published in corporate media elevate the simplest events in the life of a company to the level of metaphorical generalization. In the course of writing a story the journalist selects only those facts which contribute to implementing corporate values in an indirect way. A series of individual stories illustrating different aspects of corporate activity creates the illusion of regularity.

By telling about very prosaic events (the use of the company products helping to solve ecological problems in a region, improvement of equipment making driving safer and more comfortable, providing economic opportunities for female employees, etc.) the in-house magazine presents the company as an organisation that cares about environment, about people and its own employees, about the convenience of life not even so much in developed countries as in third world countries. Separate stories viewed within the framework of even one issue create a fabulous image of the company: it is perceived as a fairy-tale noble giant who saves cities from constant floods, helps preserve the historical heritage of an entire nation, gives people a source of life — fresh water, invents fantastic vehicles, reveal talents and help people to develop their skills.

It should be added in this connection that stories can be told by employees and the editor's task in this case is to make them deeper and more emotional. Readers are anchored in a human story. This is the reason why corporate values become closer to personnel if the events described are viewed through the lens of a real employee.

A good illustration of this device can be found in the in-house magazine "Vremja mashin" ("Time of Machines") of the Russian concern "Russkije mashiny" ("Russian Machines"), the largest Russian diversified holding company that unites industrial and engineering assets, with more than 75 000 employees.

Presenting a new model of the minibus "GAZelCity" in the article "Wait for City", the editors give the floor to its developers. The publication consists of a few parts each of which has a subtitle. The opening part "The new frame minibus "GAZelCity" will soon be on the roads of the country" is a business-like story told by the head of the service centre for repair and maintenance of equipment at the automobile plant "GAZ". It is followed by a fairly emotional story told by the head of the bus assembly shop about the process of launching the new model. The story concludes with a statement "There is still a lot of work ahead, but the main thing is that we have formed a competent team and have the desire to make a new product the way the consumer wants it to be. This, as the experience of the previous project shows, is the key to success!"

The next story told by the Honored Designer of the Russian Federation, about how the process of developing such projects has changed creates the historical background for the process of developing the new model. The author has been a witness of the changes, so by sharing his personal experience he adds authenticity to the narration and makes it emotionally coloured.

The media text presupposes the inclusion of fragments of “someone else’s speech” in the main text in the form of various types of quotations and allusions. Journalists have to quote other people to achieve credibility and realism of their narratives. But in this particular case the whole article is a “quotation”. Brought together the stories told by a few employees create a multilateral description of the event — launching the new model — reflect the storytellers’ opinion on the subject of the publication, offer a clue to their personality in how they use language and express emotions. The “chorus” of employees who are familiar to readers is far more expressive and effective in terms of influencing the recipient of the message than the “solo” of a journalist, at best, citing specialists. By means of storytelling, the magazine creates a model of a company employee to be followed.

To sum up, personnel magazine represents dialogue-unison in the sense that it leads to the unification of management and the target publics. It transmits and certifies the information which confirms the lawful actions of the company and its employees. A new digital environment as a complex message system manifested in corporate media imposes certain ways of thinking, feeling, and behaving on company employees. In the case of personnel magazines, it becomes obvious that new communication technology influences particular professional situations and interactions between management and employees, affects corporate culture and creates a new social model of the employee.

The framework of dialogue-unison seeks to address the questions of management and provides empirical starting points for analysis of the relationship between company leaders and employees. Given that the foundation of the corporate culture frame is the board personnel, this frame is interested in the processes of making people develop into loyal employees, who should come to see themselves as members of and potential participants in the corporate development process.

Neil Postman argues that in media ecology “an environment is, after all, a complex message system which imposes on human beings certain ways of feeling, thinking and behaviour. It structures what we can see, say and therefore do. It assigns roles on us and insists on us playing them [38. P. 161]. Due to new technologies, the modern in-house magazine becomes an ecosystem which imposes on personnel certain ways of feeling, thinking and behaviour. It reinforces the link of employees to the core corporate values, and in this way assigns to them the role of active corporate ambassadors.

Conclusion

The modality of dialogue-unison, which is at the basis of personnel magazine, has not changed over the years: as a variety of dialogue-unison, personnel magazine, firstly, provides employees with the data confirming a high reputation of the company on the market and, secondly, helps them to see their

place in the company. Personnel magazine is an analytic construct that seeks to identify the possibilities of people acting in the role of employees. People must be able to see themselves as members and potential participants with efficacy in corporate life. This is central to the issues of corporate belonging and corporate participation.

The feeling of corporate belonging, however, is not simply given, but is constructed via word and deed. The crucial role of digital technologies used in personnel magazines, which create a very special media environment, consists in making the dialogue-unison more effective by involving employees into the process of interaction, and turning them into co-authors.

References / Библиографический список

1. Oltarzhevskiy, D.O. (2019). Typology of contemporary corporate communication channels. *Corporate Communications: An International Journal*, 24(4), 608–622.
2. Verčić, A.T. & Vokić, N.P. (2017). Engaging employees through internal communication. *Public Relations Review*, 43(5), 885–893. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0363811116303848#kwd0005>. (accessed: 15.01. 2022).
3. Mishra, K., Boynton, L. & Mishra, A. (2014). Driving Employee Engagement: The Expanded Role of Internal Communications. *International Journal of Business Communication*, 51(2), 183–202.
4. McLuhan, M. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man*, W. Terrence Gordon (Ed.). Berkeley, CA: Gingko Press.
5. Murzin, D.N. (2005). *Phenomenon of Corporate Media*. Moscow: Hroniker. (In Russ.). Мурзин Д.Н. Феномен корпоративной прессы. М.: Хроникер, 2005.
6. Steensen, S. & Ahva, L. (2015). Theories of journalism in the digital age: an exploration and introduction. *Journalism Practice*, 9(1), 1–18.
7. Ruotsalainen, J. & Heinonen, S. (2015). Media ecology and the future ecosystemic society. *European Journal of Futures Research*, 3(1), 1–10. <https://doi.org/10.1007/s40309-015-0068-7>
8. Anon. (2011). 'The Beasleys speak to T-Mobile employees: Employee magazine goes from paper to electronic format'. In: *Human Resource Management International Digest*, 19(5), 18–20. <https://doi.org/10.1108/09670731111153294>
9. Lehmuskallio, S. (2008). Intranet editors as corporate gatekeepers and agenda setters. *Corporate Communications: An International Journal*, 13(1), 95–111.
10. McLuhan, M. (1992). *The Gutenberg Galaxy: The making of typographic man*. Toronto: University of Toronto Publ.
11. Islas, O. & Bernal, H. (2016). Media Ecology: A Complex and Systemic Metadiscipline. *Philosophies*, 1(3), 190–198.
12. Endeko, T. (2017). *March of Enthusiasts*. Moscow: Sputnik. (In Russ.). Энедеко Т. Марш энтузиастов. М.: Спутник, 2017.
13. Koch, T., Vogel, J., Denner, N. & Encarnacio, S. (2018). Voice of the management or employee advocate? How editors of employee magazines see their professional role. *Corporate Communications: An International Journal*, 23(1), 51–65. <https://doi.org/10.1108/CCIJ-03-2017-0020>
14. Rozhdestvensky, Yu. (1997). *Theory of Rhetoric*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.). Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997.
15. Peters, M.A. & Besley, T. (2019). Models of dialogue. *Educational Philosophy and Theory*. November 13, <https://doi.org/10.1080/00131857.2019.168480>

16. Broome, B.J. (2009). Dialogue Theories. In: Stephen W. Littlejohn & Karen A. Foss (eds.). *Encyclopedia of Communication Theory*. Los Angeles–London–NY: Sage. pp. 301–306.
17. Sukhova N.V. (2008). Cognitive interaction of verbal and nonverbal signs (prosodio-kinetic complexes). *Studies in Variation, Contacts and Change in English. Approaches to Language and Cognition*, 3. URL: <https://www.helsinki.fi/varieng/journal/volumes/03/> (accessed: 15.01.2022).
18. Kimmerle, H. & Cress, U. (2009). Visualization of Group Members' Participation: How Information-Presentation Formats Support Information Exchange. *Social Science Computer Review*, 27(2), 243–261.
19. Habermas, J. (1981). *The Theory of Communicative Action, vol 1: Reason and the Rationalization of Society, vol 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*, Th.A. McCarthy (Trans.). Boston, MS: Beacon Press.
20. Bakhtin, M.M. (1982). *The dialogic imagination: Four essays*. C. Emerson & M. Holquist (Trans.). Austin: University of Texas Publ.
21. Bakhtin, M.M. (1986). *Speech Genres and Other Late Essays*. C. Emerson & M. Holquist (Trans.). Austin: University of Texas Publ.
22. Bakhtin, M.M. & Volosinov, V.N. (1986). *Marxism and the Philosophy of Language*. L. Matejka & I.R. Titunik (Trans.). Cambridge: Harvard University Press.
23. Hamston, J. (2006). Bakhtin's theory of dialogue: A construct for pedagogy, methodology and analysis. *The Australian Educational Researcher*, 33, 55–74.
24. Grunig, J.E. & Hunt, T. (1984). *Managing Public Relations*. NY: CBS College Publishing.
25. Sommerfeldt, E.G., Kent, M.L. & Taylor, M. (2012). Activist practitioner perspectives of website public relations: Why aren't activist websites fulfilling the dialogic promise? *Public Relations Review*, 38(2), 303–312.
26. Stehle, H. & Huck-Sandhu, S. (2016). Dialogue in Public Relations Roles: A Q Study Among Young Professionals. *International Journal of Communication*, 10, 4119–4140.
27. Anderson, B.D. & Swenson, R. (2016). Understanding Dialogue and Engagement Through Communication Experts' Use of Interactive Writing to Build Relationships. *International Journal of Communication*, 10, 4095–4118.
28. Adams, A. & McCorkindale, T. (2013). Dialogue and transparency: A content analysis of how the 2012 presidential candidates used Twitter. *Public Relations Review*, 39(4), 357–359.
29. Huang, J. & Yang, A. (2015). Implementing dialogic communication: A survey of IPR, PRSA, and IABC members. *Public Relations Review*, 41(3), 376–377.
30. Theunissen, P. & Wan Noordn, W.N. (2012). Revisiting the concept “dialogue” in public relations. *Public Relations Review*, 38(1), 5–13.
31. Polski, M. (2012). Yuri Rozhdestvensky vs. Marshall McLuhan: a triumph vs. a vortex. *Explorations in Media Ecology*, 10, 3–4.
32. Rozhdestvensky, Yu. (1996). *General Language Studies*. Moscow: New Millennium. (In Russ.).
Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Новое тысячелетие, 1996.
33. Kent, M.L. & Taylor, M. (2002). Toward a dialogic theory of public relations. *Public Relations Review*, 28, 21–37.
34. Bruning, S.D., Dials, M. & Shirka, A. (2008). Using dialogue to build organization-public relationships, engage publics, and positively affect organizational outcomes. *Public Relations Review*, 34(1), 25–31.
35. Wilcox, D.L. & Cameron, G.T. (2014). *Public Relations. Strategies and Tactics*. Pearson: Harlow.
36. Turville, J.A. (2017). If e-mail could speak, what would it say? Interviewing objects in a digital world. *Explorations in Media Ecology*, 16 (2–3), 157–173(17). https://doi.org/10.1386/eme.16.2-3.157_1
37. Anon. (2008). *Volvo Car's in-house magazine best in Sweden — again*. URL: <https://www.media.volvocars.com/global/en-gb/media/pressreleases/17860> (accessed 15.01.2022).

38. Postman, N. (1970). The Reformed English Curriculum. In: *High School 1980 (The Shape of the Future in American Secondary Education)*. NY: Pitman. pp. 160–168. URL: <https://nysgs.org/resources/Documents/Reformed%20English%20Curriculum.pdf> (accessed: 15.01.2022).

Information about the author:

Liudmila V. Minaeva, Prof. Dr. habil. in Philology, Professor, Head of the Department of International Communication, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University; *Research interests*: English Philology, Communication Theory, pragmatics, media Research, public relations; *e-mail*: liudmila.minaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5777-8815; eLIBRARY SPIN-code: 6619–7494

Сведения об авторе:

Минаева Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международной коммуникации, факультет мировой политики, МГУ имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: английская филология, теория коммуникации, прагматика, медиа исследования, связи с общественностью; *e-mail*: liudmila.minaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5777-8815; eLIBRARY SPIN-code: 6619–7494

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-539-555

EDN: NBVWZA

УДК [811.222.8:811.111]255.2

Научная статья / Research article

Лексико-семантическая асимметрия в переводе художественного текста

У.О. Максудов , Н.Ш. Хамидова ,Р.Х. Амиджоновна , М.А. Шарипова

Худжандский политехнический институт Таджикского технического университета имени
академика М.С. Осими,

735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, ул. Ленина, 226

 olimi.umed@mail.ru

Аннотация. Перевод — мыслительная и интеллектуальная деятельность, привлекающая внимание языковедов, литературоведов, психологов, этнографов и ученых из других областей наук. При этом, как показывает обзор научной литературы, наиболее привлекающим к себе внимание ученых-лингвистов является такое направление переводческой деятельности, как лексико-семантический анализ перевода, где ими проводятся глубинные научные исследования. Цель данного исследования — анализ лексико-семантической асимметрии в переводе художественного текста. Материалом исследования послужили английский перевод таджикской повести «Ширин» М. Карима и таджикский перевод «Старик и море» Э. Хемингуэя. При сравнении образцов перевода таджикских и английских текстов выяснилось, что не всегда реалии были верно обозначены. В большинстве случаев под влиянием межкультурных факторов перевод оригинального текста с текстом перевода не равнозначен. В процессе перевода безэквивалентной лексики переводчик использует способ описательного перевода или метод переводческой трансформации.

Ключевые слова: асимметрия, художественный перевод, межъязыковая асимметрия, таджикский язык, английский язык, сопоставительный анализ

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Максудов У.О., Хамидова Н.Ш., Амиджоновна Р.Х., Шарипова М.А. Лексико-семантическая асимметрия в переводе художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 539–555. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-539-555>

© Максудов У.О., Хамидова Н.Ш., Амиджоновна Р.Х., Шарипова М.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Максудов Умед Олимович — концепция исследования, анализ полученных данных, написание части текста, редакторская правка, Хамидова Наргис Шарифджоновна — научный текст, Аминджонова Рухшона — методология и принципы, Шарипова Мадина — сбор и обработка материала.

Lexico-Semantic Asymmetry in the Translation of Literary Text

Umed O. Maksudov , Nargic Sh. Khamidova ,
Rukhshona H. Aminjonova , Madina A. Sharipova

Khujand Polytechnic Institute of Tajik Technical University n.a. academician M.S. Osimi,
226, Lenin str., Khujand, Republic of Tajikistan, 735700

 olimi.umed@mail.ru

Abstract. Translation is a mental and intellectual activity that has always attracted the attention of linguists, literary critics, psychologists, ethnographers, etc. It is well-known that the lexico-semantic analysis of translation is important precisely for linguists, where they carry out in-depth scientific research. The purpose of this research is to analyze the lexico-semantic asymmetry in the translation of a literary text. The material of the study was the English translation of the Tajik novel “Memoirs” by S. Aini, the English translation of “Navruz-name” by Omar Khayyam and the poems of Kamol Khujandi. When comparing and contrasting samples of the translation of Tajik and English texts, it turned out that not always the realities were successfully identified. In most cases, under the influence of intercultural factors, the translation of the original text with the translated text is not equivalent. In the process of translating non-equivalent vocabulary, the translator uses the method of descriptive translation or the method of translation transformation.

Key words: literary translation, interlingual asymmetry, Tajik language, English language, comparative analysis

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Maksudov, U.O., Khamidova, N.Sh., Aminjonova, R.H. & Sharipova, M.A. (2023). Lexico-Semantic Asymmetry in the Translation of Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 539–555. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-539-555>

Authors' contribution:

The authors declare no conflict of interest. Maksudov Umed Olimovich — the concept of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text, linguistic review, Hamidova Nargis Sharifjonovna — scientific text, Aminjonova Rukhshona — methodology and principles, Sharipova Madina — collection and processing of material.

Введение

Лексико-семантический анализ переводов художественных произведений всегда привлекал внимание ученых-лингвистов, а исследование вопросов их языковой и художественной ценности остается неизменно актуальным.

Согласно утверждениям исследователей текст перевода должен замещать содержание и суть оригинального текста. Читатель текста перевода и читатель оригинального текста в плане понимания сути должны находиться в гармоничных, параллельных взаимоотношениях, а текст перевода оказать на читателя такое же эстетическое воздействие, как и при чтении оригинального текста. В процессе перевода язык перевода выполняет две функции: восстанавливает важнейшие функциональные особенности исходного текста и приводит его в соответствие структурно и содержательно.

Роль и влияние перевода на развитие языка и его эволюцию зависят от семантической интерпретации лексики, словосочетаний, использования синтаксических структур и словосочетаний, пословиц и поговорок, устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц и стилистики.

Соответствие структуры и содержания исходного текста и его перевода является одним из основных критериев. Точность перевода зависит от отношения и конечной цели переводчика, и понятия адекватности и эквивалентности, принятые в теории и практике перевода.

Сравнение и анализ художественных переводов предоставляет возможность обозначить развитие языковых, фонетических, грамматических лексикологических, стилистических систем и других областей лингвистики.

Исследование межъязыковой асимметрии и трансформации перевода в художественных текстах является актуальной задачей, а изучение грамматической, лексической, семантической, функциональной и стилистической асимметрии в таджикском и английском языках является велением времени и представляет особую научную значимость.

Вопросам исследования лексико-семантической асимметрии, или достоверной передачи безэквивалентной лексики, уделили внимание А. Мамадназаров, К. Усмонов, Ф.М. Турсунов, С.Р. Кесамирова, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Фёдоров, Ю. Найда, В.Г. Гак, Л.К. Латышев, А.К. Гатилова, Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман, А.О. Иванов, П.В. Чернов, В.Н. Крупнов и др.

В Таджикистане проблематика лексико-семантической асимметрии еще не становилась предметом всестороннего исследования, за исключением докторской диссертации Фаёзджона Турсунова «Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков — 2016)», посвященной вопросу сравнительного исследования безэквивалентной лексики с точки зрения лексико-культурного и переводческого фактора.

Особое внимание уделили В.В. Виноградов, Л.С. Бархударов, М.Л. Гаспаров, Д.С. Лихачев, Р.О. Якобсон, В.А. Жуковский, А.А. Горбачевский и др. вопросам асимметрии и симметрии в переводах поэтических произведений.

Другие исследователи, в числе которых А. Нойберт, О. Каде, Ю. Найда, А. Попович, А.С. Бархударов, В. Коллер, И.С. Алексеева, А.В. Кунин, С. Влахов, С. Флорин, К. Мусаев и др., в научных исследованиях и статьях детально рассмотрели проблематику перевода пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц.

Специалисты в сфере переводоведения традиционно сравнивают лексику различных языков в оригинальном тексте и тексте перевода, в связи с этим материалом исследования является слово, которое используется ими в лексическом значении и других оттенках и обертонах (дополнительное значение, придающее основному значению особый оттенок) [1].

Таким образом, сопоставление перевода и оригинала или нескольких переводов одного произведения, по сути, похоже и обычно осуществляется на основе конкретных речевых употреблений.

Одним из типов лексической асимметрии являются многозначные слова, которые раскрывают соответствующие значения языка перевода и языка оригинала. По мнению ряда российских ученых, асимметричный дуализм (понятие в теории применимо только к языковому знаку). Его разработка принадлежит С.И. Карцевскому и Р.О. Якобсону. Например, А.А. Потенба высказал интересное мнение о том, что слова и словосочетания в ходе использования в различных текстах каждый раз обретают новые значения. Другой ученый Р. Барт отмечает, что слово означает только смысл и не должно отражать смешение двух семиотических ролей — толкование и содержание [2].

И.А. Кашкин отмечает, что асимметричный дуализм связан с другими основными принципами семиотики речевой деятельности [3], проявляется как дуализм семиотической общности и культурно-языкового различия, устойчивого дуализма, новой системы знаковых отношений, творческой деятельности, трансформации смысла и построения новых признаков [4].

При лингвокультурном сравнительном исследовании текстов перевода художественных произведений наблюдаются языковые противоречия.

В языках, где нет неопределенного артикля, используется нулевая морфема. Например, в таджикском языке это выражается посредством морфемы «-е»: *Ў китобе дорад* (У него есть книга). *Дар паси девор саге хобидааст* (За стеной лежит собака). В английском языке используются артикли «*a*» и «*an*»: *I am a driver. He is a scientist.*

В каждом языке наблюдаются особые лексические признаки и семантическая передача которых невозможна. В связи с этим переводчик намеренно толкует его посредством метода переводческой трансформации. Переводческие трансформации Л.С. Бархударов определяет как «...многочисленные и качественно разнообразные преобразования, применяемые для достижения адекватности перевода вопреки расхождениям в структурно-семантических системах двух языков» [1].

Переводы реалий и безэквивалентной лексики тесно связаны, поскольку реалии являются огромной частью безэквивалентной лексики и создают большие проблемы при переводе.

Материалы и методы исследования

Проблемам переводческих трансформаций посвящены работы таких ученых, как Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, О. Каде, В. Комиссаров, Л.К. Латышев, Я.И. Рецкер, А. Швейцер и др., в которых переводческие трансформации подвергаются классификации (далее ПТ).

Несмотря на большое количество научных работ в этой области, среди ученых и исследователей нет единого определения ПТ. Большинство определений не раскрывают истинную суть ПТ. Например, в научных трудах В. Комиссарова, Я.И. Рецкера и Г. Стрелковского термин «переводческие трансформации» не находит описания.

Методы и приемы перевода учеными разделены на две группы. Так, следуя научным положениям О. Каде, Л.К. Латышев разделяет методы перевода на две группы: а) замены / преобразования; б) изменения / трансформации [5]. Эта классификация позволяет назвать трансформацией или модификацией любой тип перевода, который не подпадает под категорию «преобразование или трансформация перевода».

В соответствии с поставленными задачами в основном использовалось сопоставительный метод.

Реалии тесно связаны с культурой, географией и историей носителей языка и всегда создают переводчику трудности [6].

В процессе перевода трудности возникают именно при передаче реалий и терминов. По этой причине качество перевода зависит непосредственно от передачи подобных единиц. Их называют «непереводимыми». Гёте тоже назвал подобную лексику «непереводимой» и отмечал, что «...при переводе следует стараться до последнего, благодаря чему можно узнать чужой народ и язык» [7].

Одними из эффективных способов передачи реалий являются транскрипция и транслитерация. При использовании указанных способов суть реалий указывается в скобках или сносках [8].

В переводческой теории ученые отмечают существование уровневых сдвигов, так как эти аспекты иногда становятся результатом переводческой эрратологии. Например, Кэтфорд заявил следующее: «...под сдвигом (смещением) по уровню мы подразумеваем, что элемент на исходном языке (ИЯ) на одном лингвистическом уровне имеет эквивалент языка перевода (ПЯ) на другом уровне» [9]. Кэтфорд определил, что сдвиги по категориям — это отличия от формальных соответствий в переводе [9]. Это означает, что сдвиги по категориям связаны с формальным соответствием. Он также заявил

об этом формальном соответствии следующим образом: «...формальное соответствие — это любая категория языка перевода (ПЯ), которое, можно сказать, занимает в максимально возможной степени ‘то же самое’ место в структуре языка перевода (ПЯ), поскольку данная категория исходного языка (ИЯ) владеет исходным языком (ИЯ)» [9].

Джон Кэтфорд определяет переводческие сдвиги как уход от формальных соответствий в процессе перевода.

Он выделил 2 вида сдвигов при переводе, а именно:

1. **Уровневые сдвиги** (Level-shifts) — единица исходного языка на грамматическом уровне имеет лексический эквивалент в языке перевода или наоборот. Например, английский артикль заменил лексическое значение (число) ... *як танга дод* — *He gave me a tanga*.
2. **Сдвиги по категориям** (Category-shifts). Они делятся на 4 типа:
 - a. **Структурный сдвиг** (Structure-shift) — изменение структуры предложения. Например, *Њозир аз мадрасача домуллоу акаат мебарояд, нигоњ карда исто, ман ѓро ба ту нишон медињам* — *Your big brother's domullo is about to come out from the madrasa. Keep watching and I'll point him out to you*.
 - b. **Классовый сдвиг** (Class-shift) — замена одной части речи другой. Например, личное местоимение переведено существительным: *He remembered the time he had hooked one of a pair of marlin* — *Пирамард ба хотир овард, ки чи тавр марлини модаеро сайд карда буд*.
 - c. **Сдвиг внутри ранга** (Unit-shift) — одно слово может переводиться словосочетанием. Например, *Ассалом* — *Hello aunt*. *Монда набошед* — *May God speed you*. *Дил чизи нозук* — *do you know what is the best remedy for the heart*.
 - d. **Сдвиг внутри системы** (Intra-system shift) — у систем исходного языка и языка перевода примерно одинаковое строение, но при переводе используется несоответствующий термин языка перевода. Например, единица исходного языка в единственном числе становится единицей языка перевода во множественном числе. Например, *фоидаи ҳарду ширкат ду баробар зиёд мешавад* — *the profit of the two companies will be doubled*.

Следует отметить, что вопросы установления межъязыковой общности и асимметрии лексических единиц всегда привлекали внимание ученых.

Пример 1.1

Отрывки из «Ёддоштҳо» (пер. Вомпоминания) С. Айни с переводами

Исходный текст

Перевод

Ман аз роњи дур, аз Обгина омадам, — I've come all the way from Abgina, the woman гуфт он зан [10]

В приведенном примере первое предложение семантически соответствует его английскому эквиваленту, однако определенный артикль *the* здесь заменен на местоимение *он* (*этом*), вследствие чего возникла морфологическая асимметрия. Такая замена по методу Кэтфорда называется классовый сдвиг (Class-shift), что подтверждает несоответствие замены частей речи между ИЯ и ПЯ.

В теории посредством методов синтаксической трансформации сложные предложения заменяют на простые или другие типы сложных предложений и с этой целью эквивалентно трансформируют содержание оригинального текста.

В нижеприведенной таблице сложноподчиненное предложение в процессе перевода преобразовалось в сложносочиненное предложение, что свидетельствует о применении синтаксической трансформации.

Пример 1.2

Отрывки из «Ёддоштҳо» (пер. Вомпоминация) С. Айни с переводами

Исходный текст	Перевод
<i>Маро ҳамсоҷаамон Шарофбой, ки занаиш зоида натавониста дарди саҳт кашида истодааст, як танга дода барои дуои кушоиш фиристодани шуд</i> [10]	<i>My neighbor, Sharof-boi's wife, can't deliver her baby and is in great pain. He gave me a tanga and sent me for a childbirth prayer</i> [10]

Словосочетание *як танга* (одна монета) отображено посредством транслитерации *a tanga*, указанное слово не истолковано в отдельной форме, что говорит о очевидной межкультурной асимметрии. В случае перевода слова *a coin* (танга) возникает эквивалент.

Пример 1.3

Отрывки из «Ёддоштҳо» (пер. Вомпоминация) С. Айни с переводами

Исходный текст	Перевод
<i>... як танга дода барои дуои кушоиш фиристодани шуд. Занҳои ҳамсоҷагони дигар ҳам, ки ҳар кадом дардманд будаанд, барои дардҳои худ дуо фармуданд ва “ҳар вақт пул ёбем назри домуллоро медиҳем гуфтанд, бурда медиҳӣ” гуфтанд. Ман ҳам аз барои савоб ба ин қадар роҳи ноӣ ёда хеста омадам... — Кадоми ин дуоҳо ба кадом дард аст? — гуфта он зан пурсид</i> [10]	<i>He gave me a tanga and sent me for a childbirth prayer. My other neighbors' wives all have various pains and asked me to bring back prayers for them too, and said they'd send you the money as soon as they could. I've come all the way on foot to do a good deed ... — Which prayer is for which pain?” she asked</i> [10]

Также в словосочетании *дуои кушоиш* (молитва об успехе дела) переведено *childbirth prayer*, что не соответствует семантически, поскольку лексическое значение слова *кушоиш* в словаре приводится как:

1. отглагольное существительное от глагола *кушодан*; 2. удача, везение; устранение препятствий и трудностей в успехе какого-то дела, облегчение какого-то дела; успех дела — успех какого-то трудного дела, удача и продвижение дела; молитва об удаче — молитва, которая совершается для успеха дела [11]. Лексическое значение слова “*дуо*” — мольба к Богу, просьба; молитва о милости; мольба кого-то о милости и благе у Бога; совершать мольбу; просить блага и процветания для кого-то у Бога; удостоиться чьего-то молитвенного пожелания; кому-то услужить или сделать добро, стать лицом, удостоившимся молитвы о благе [11].

Однако английское слово *prayer* имеет следующие значения: *the words that someone says or thinks when they are praying (дуо* — слова и фразы, которые читаются или упоминаются при молитве): *a prayer of thanks* (мольба с изъявлением благодарности); *she always says her prayers (= prays) before she goes to sleep* (она всегда перед сном читает свою мольбу (молитву)). *We thought he'd been killed, but our prayers were answered when he arrived home unexpectedly* (Мы думали, что его убьют, однако молитвы были услышаны, и он возвратился домой) [12] и *childbirth* — *the act of giving birth to a baby (таваллуди муфл* — рождение ребенка): *A great number of women used to die in childbirth* (Большое количество женщин умирало во время рождения ребенка).

Из этого следует, что в переводе словосочетания *дуои кушоииш* (молитва для удачи) — *childbirth prayer* возникло явление межкультурной асимметрии, поскольку в таджикской культуре для устранения препятствий и преград, успеха дела, удачи в народе больше используется словосочетание *дуои кушоииш*. Однако в английской культуре указывается название молитвы. Согласно классификацию Кэтфорда, между исходным текстом (ИТ) *Кадоми ин дуохо?* (Какие **МОЛИТВЫ?**) и текстом перевода (ПТ) *Which prayer?* (Какая **МОЛИТВА?**) произошел сдвиг внутри системы (Intra-system shift).

Исследование явлений межъязыковой асимметрии является одной из важных и актуальных проблем лингвистики, которая отражена в ряде важных концептуальных научных работ.

Л.С. Бархударов разделил семантическое соответствие лексических единиц на три типа: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие и 3) несоответствие. Однако вопрос классификации семантической асимметрии ученые трактуют по-разному [1].

Несомненно, в различных случаях перевод художественной литературы и содержания не соответствует друг другу. Например, если суть и содержание соответствуют, то строение и стилистика перевода отличаются от оригинального текста. В связи с этим феномен полного соответствия встречается крайне редко.

Пример 1.4

Отрывки из «Мўйсафед ва бахр» (пер. Старик и море)
Э. Хемингуэй с переводами

Исходный текст

Перевод

Then he said aloud: "I wish I had the boy. To help me and to see this" [13] *Пас бо овози баланд гуфт: — Афсӯс, ки писарак ҳамроҳам нест. Ҳам ёри мекард ва ҳам ин ҳамаро меид [13]*

В приведенном выше образце условное наклонение «*I wish*» обозначено частицей междометия *афсӯс, ки*, что обусловило явление грамматической асимметрии. По нашему мнению, если выразить его условным наклонением с оттенком желания *кош* (вот бы), возникла бы эквивалентность.

Также инфинитивы *to help* (помогать) и *to see* (видеть) в переводе приведены в прошедшем повествовательном времени *ёри мекард* (помогал) и *ме-дид* (видел), что стало причиной явления грамматической асимметрии. Здесь классовое смещение перевода происходило между инфинитивами *to help* (помогать) и *to see* (видеть) в ПТ и глаголами прошедшего длительного времени в ИТ *ёри мекард* (помогал) и *медид* (видел).

Как видно из следующего образца, переводчик заменил частицу условного наклонения *кош* междометием *афсӯс* (жаль), что является классовым сдвигом (Class-shift):

Пример 1.5

Отрывки из «Мўйсафед ва бахр» (пер. Старик и море)
Э. Хемингуэй с переводами

Исходный текст

Перевод

Aloud he said: "I wish I had the boy!" [13] *Ў бо овози баланд худ ба худ лаб зад: Эй кош писарак бо ман буд! [13]*

В приведенной выше таблице предложение *I wish I had the boy!* эквивалентно предложению *Эй кош писарак бо ман мебуд!* (Если бы мальчик был со мной). Однако несоответствие грамматических структур обусловило явление грамматической асимметрии.

В приведенном ниже образце отражена синтаксическая асимметрия:

Пример 1.6

Отрывки из «Мўйсафед ва бахр» (пер. Старик и море)
Э. Хемингуэй с переводами

Исходный текст

Перевод

He remembered the time he had hooked one of a pair of marlin. The male fish always let the female fish feed first and the hooked fish, made a wild panic — stricken despairing fight that soon exhausted her, and all the time the male had stayed with her crossing the line and circling with her on the surface [13]

Пирамард ба хотир овард, ки чи тавр марлини модаеро сайд карда буд. Моҳии нарина ҳамеша мегузорад, ки модина аввал хӯрок бихӯрад. Марлини модина ба чангак афтоду аз ҳавли ҷон ва таҳлукаи ваҳшиёна ва бефоида сар карда ба зуди аз по афтид ва тамоми ин муддат марлини нарина бо ӯ буд [13]

Как уже указывалось выше, синтаксическая асимметрия выражается в строении и составе английских и таджикских предложений. Например, предложение *Male had stayed with her crossing the line and circling with her on the surface* — *Тамоми ин муддат марлини нарина бо ӯ буд* ‘Все это время самец был с ней’ переведено в кратком виде, и должно было закончиться таким образом: *Марлини нарина дар ин муддат аз ӯ дур нашуда, ҳамроҳаш дар рӯи об давр мезад* ‘В это время самец марлина не отплывал от нее и кружился вокруг нее’. Кэтфорд называет такой прием перевода сдвигом внутри ранга (Unit-shift), о котором шла речь выше [13].

Также наблюдается морфологическая асимметрия в переводе местоимения *He* (Он) существительного *Пирамард* (старик).

В другом образце глагол *exhausted* (устал) был переходным, однако в тексте перевода переведен непереходным глаголом *аз но афтид* (выбился из сил), что свидетельствует о возникновении явления грамматической асимметрии.

Пример 1.7

Отрывки из «Мўйсафед ва баҳр» (пер. Старик и море)

Э. Хемингуэй с переводами

Исходный текст

Перевод

<i>He looked around for the bird because he would have liked for company</i> [13]	<i>Ӯ дар гирду атроф паррандаро меҷуст, зеро ақаллан бо яке сӯҳбат мекунад</i> [13]
---	---

В нижеприведенном примере возникла стилистическая асимметрия:
He looked around for the bird because he would have liked for company.

Ӯ дар гирду атроф паррандаро меҷуст, зеро мехост бо ягон нафар сӯҳбат кунад ‘Он искал вокруг птицу, потому что хотел с кем-то поговорить’. Согласно учению Ж.-П. Винэ ва Ж. Дарбельне такой метод перевода называется модуляцией (modulation) [14].

Из сути и содержания оригинального текста исходит, что герой повести от одиночества находится в поисках спутника. По нашему мнению, перевод осуществлен с русского перевода. Однако перевод не является эквивалентным, поэтому предлагается новый перевод:

Ӯ гирду атрофро ҷустуҷӯ мекард, то ки ҳамроҳе дошта бошад ‘Он искал вокруг, чтобы найти себе спутника’.

Как отметил В.С. Виноградов, «...в художественных текстах используются стилистические единицы и средства, однако не все эти стилистические единицы входят в систему художественной стилистики и получают эстетическое значение» [15].

В процессе исследования вопросов стилистики перевода необходимо учесть жанр текста и эстетическое воздействие. Наряду с этим каждый элемент и особенность художественного текста должны стать основной целью перевода.

Отрывки из «Мўйсафед ва бахр» (пер. Старик и море)
Э. Хемингуэй с переводами

Исходный текст

Перевод

*“I am not religious,” he said. “But I will say ten **Our Fathers** and ten **Hail Marys** that I should catch this fish? and I promise to make a pilgrimage to the **Virgin of Cobre** if I catch him. That is a promise”* [16]

*Ман ба Худо эътиқод надорам, гуфт ӯ. Аммо даҳ маротиба “**Падари мо**” ва даҳ маротиба “**Маряму Муқаддас**”-ро мехонам, то ки ин моҳи-ро ба даст орам ва назр меорам, ки агар моҳиро гирам, ба зиёрати **Бокираи Кубро** меравам. Қавл медиҳам* [16]

В приведенном образце *Virgin of Cobre* является названием церкви, и переводчик осуществил перевод без пояснения.

В другом примере *I am not religious* переведено *Ман ба Худо эътиқод надорам* (я не религиозен), слова *Худо* (Бог) и *эътиқод надорам* (не верю) вошли в текст посредством лексической трансформации, что обусловило явление лексической асимметрии.

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст

Русский перевод

Таджикский перевод

Шарофат корҳо дар авч: дар танӯр нон сурх мешавад. Шарофат қаноатманд аст. Ширинҷон, хамират расидааст, нонат ҳам мисли худат хуирӯӣ мешавад [17]

Ранним утром кипит работа во дворе Шарофат. В тандыре пекутся лепешки. Шарофат удовлетворена. Ширинджон, тесто твоё дошло, как надо, лепёшки твои выйдут из печи такими же румяными и красивыми, как ты сама [17]

It is early morning in the yard of Sharofat. The work is in full swing. In tandur (muddy oven), the (non) round cakes will come out of the oven as ruddy and beautiful as yourself [17]

В приведенном выше примере русский перевод не соответствует оригинальному тексту, поскольку словосочетание *тесто твоё дошло* должно быть заменено на *тесто поднялось*, а *round cake* — на *bread dough*. Также в английском переводе нет предложения *Шарофат қаноатманд аст* ‘Шарофат довольна’.

В другом образце реалия *танӯр* в русском и английском переводе переведена без пояснений, что ясно говорит о межкультурной асимметрии. Следовало указанную реалию пояснить, как “Tander — a cylindrical clay oven used in the cuisine of the Central Asia, Middle East and Indian to make flat bread or to cook meat”.

Наряду с этим простое предложение *Шарофат корҳо дар авч* в английском тексте отображается двумя предложениями:

It is early morning in the yard of Sharofat. The work is in full swing. Выясняется, что предложение *It is early morning in the yard of Sharofat* ‘Вот во дворе Шарофат наступило утро’ внесено в перевод в целях

развития смысла, что стало причиной синтаксико-морфологической асимметрии. Кэтфорд назвал такой перевод сдвигом внутри ранга (Unit-shift).

Пример 1.10

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Перевод
<p><i>Бўстонсарои зебое дар соҳили оби кўл. Шамсиддин ва ҳарифаи Насим — Бизнес бароҳат дар креслоҳо нишастанд. Дар рӯи миз ҳама асбоби айш муҳайёст. Дар қадаҳҳо шароб рехтаанд. Насим бо ҳарорат ҳарф мезанад. Дар чеҳраи Шамсиддин сояи норизоӣ пайдо мешавад. Насим ҳамон булбулвор сухан мегӯяд:</i> — Э, паша чиқад шуморо, фоидаи ҳарду ширкат ду баробар зиёд мешавад [17]</p>	<p><i>A beautiful cottage is at the bank of a lake Shamsiddin and his partner Nasim — Business are sitting comfortably on the armchairs. On a small table in front of them, there is everything for resting. Wine is poured in beakers. Nasim is speaking enthusiastically. There is sign of dissatisfaction on Shamsiddin face. Nasim still is trilling away like a nightingale.</i> — Crush you fly, the profit of the two companies will be doubled [17]</p>

В приведенном выше примере слово *қадаҳҳо* (бокал) переведено на английский язык *beakers* (сосуды), лексическое значение которого ‘a glass or plastic container used in chemistry’ (стеклянный или пластиковый сосуд, используемый в химии). Выясняется, что это слово используют для обозначения сосуда для измерения количества химических растворов. Тогда использование слова *beakers* в данном случае неуместно, следует заменить его словом *wineglass* или *cup* (бокал).

Наряду с этим глагол действительного залога *рехтаанд* (налили) в переводе заменен грамматическим подлежащим (Passive voice) *is poured*, что стало причиной возникновения грамматической асимметрии.

Также слово *соя* (тень) находится в состоянии лексической асимметрии со словом *sign* (знак, символ).

Пример 1.11

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Русский перевод	Английский перевод
<p><i>Вай, очачон, шумо ин қадар хушрӯй шудаед! Очачони ман якта, супер — нозанини ҷаҳон! Ба шумо ҳеч кас баробар намешавад! [17]</i></p>	<p><i>Ой, мамочка, как вы прекрасны! Моя мамочка неповторима, супер красавица мира! Никто с вами не сравнится! [17]</i></p>	<p><i>Oh, mum, how beautiful you are! My mummy is unique. Super — beauty of the world! Nobody can be compare with you! [17]</i></p>

В приведенном примере слово «*супер*» переведено на русский и английский языки эквивалентно, однако обладает признаками явления межкультурной асимметрии. Такой метод перевода согласно учениям Дж. Кэтфорда, Ж.-П. Винэ ва Ж. Дарбельне и П. Ньюмарка называется заимствованием, которое входит в стратегию прямого перевода.

Пример 1.12

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Русский перевод	Английский перевод
Оча, ман ба <i>дача</i> рафта, кори дипломиамро тамом карданӣ [17]	Мама, я собираюсь на <i>дачу</i> , чтобы закончить дипломную работу [17]	Mum, I am going to the <i>dacha</i> to finish my degree work [17]

В приведенной выше таблице реалия *дача* приведена без пояснения и перевода. Однако ее лексическое значение на таджикском языке *хонаи берун аз шаҳр* (загородный дом) на английском должно было быть выражено посредством *Summer cottage, summer house, villa* или *bower*. Указанные явления в переводе называются межъязыковой и межкультурной асимметрией. Опираясь на теорию П. Ньюмарка, можно предположить, что такие слова должны быть переведены методом адаптации, так как такие реалий не иногда не имеют эквивалента в ПТ, следовательно переводчику необходимо дать описание.

Пример 1.13

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Русский перевод	Английский перевод
Э, Раис тағои ширине, дар кучоҳо мегардед? Аз <i>ҳашар</i> омадам. Роҳи фермая соз кардем. Биё, <i>Ҳоҷӣ</i> [17]	О, Председатель — милый дядя, где вы пропадаете? Вот только что вернулся с <i>хашара</i> . Ремонтировали дорогу на ферму. Заходи, <i>Хаджи</i> [17]	Oh, Chairman, dear uncle where have you been? — just came from <i>hashar</i> . We repaired the road to the farm. Come in <i>Hoji</i> [17]

В приведенном выше примере реалии *хашар* и *хоҷӣ* переведены без пояснения, и наблюдается явная лексическая трансформация (метод транслитерации). Слово *хашар* на русский язык должно переводиться *сборище* или *аврал*, на английский язык — *rush job, crash effort*. Смысл реалии «*хоҷӣ*» (хаджи) в настоящее время частично известен, и в ее отношении применен прямой перевод. Такой подход, по мнению П. Ньюмарка, является правильным решением, когда реалии напрямую заимствуются из ИЯ (исходный язык) к ПЯ (язык перевода).

Пример 1.14

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Перевод
Дила эҳтиёт кунед, раис, <i>дил чизи нозук</i> . Медонед-а, <i>давои дил</i> чист? Чӯчаи <i>нари</i> [17]	Take care of your heart. Chairman, <i>do you know what is the best remedy for the heart?</i> Baby birds-angels [17]

В следующем предложении возникла синтаксико-морфологическая асимметрия: словосочетание *Дил чизи нозук* (Сердце — дело тонкое) переведено методом экспликации *do you know what is the best remedy for the*

heart ‘знаешь, что является лучшим лекарством для сердца’. Такой перевод называется модуляцией по Ж.-П. Винэ ва Ж. Дарбельне и адаптацией по П. Ньюмарку.

Пример 1.15

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Перевод
— <i>Фоида хуб аст, вале гайриқонунӣ аст ...</i>	— <i>Profit is good, but it is illegal.</i>
— <i>Вазнин шавед, ошно. Ё метарсед?</i>	— <i>Be a little frostier, old chap. Or you are afraid ...</i>
— <i>Гайри худованд аз касе ҳарос надорам, лекин ягон вақт қонунро ҳам вайрон накардаам [17]</i>	— <i>I am not afraid of anybody but God. But I have never act against the law [17]</i>

Словосочетание *Вазнин шавед* (выдержись) при переводе интерпретировано в ином смысле и передано посредством фразеологической единицы *Be a little frostier* (успокойтесь чуть-чуть). В приведенном предложении возникла стилистическая асимметрия или, по мнению Л.К. Латышева, трансформация, поскольку оно должно было переведено как *Be patient*.

Пример 1.16

Отрывки из повести «Ширин» (пер. Сладкий) М. Карим с переводами

Исходный текст	Русский перевод	Английский перевод
— <i>Лекин агар шумо розӣ набошед, метавонем дигар ҳелтар ҳал кунем: Замина ман мегирам. Шумо ҳам ҳақ мегиред [17]</i>	— <i>Но если вы не согласны, можем решить иначе. Я ее заберу. Свою долю вы получите [17]</i>	— <i>But if you are not agreed, we can solve it in another way. I'll take it. You will get you share [17]</i>

Предложение *Шумо ҳам ҳақ мегиред* (Вы тоже свое получите) на английский язык переведено орфографически неверно *You will get you share*, где личное местоимение во втором случае *you* (ты, тебя) должно быть заменено местоимением *your* (твой).

Также слово *замин* (земля) при переводе обозначается местоимением *it*, которое обусловило явление лексической асимметрии, что подтверждает теорию шотландского ученого Дж. Кэтфорда о классовом сдвиге (Class-shift).

Выводы

Таким образом, из анализа и исследования выясняется, что несоответствие национально-культурных ценностей обусловило возникновение явлений межкультурной асимметрии. Явления межкультурной асимметрии чаще всего отражаются при сравнительно-сопоставительном анализе текстов перевода, поскольку на основе сравнительной лингвистики исследуются различные факторы, выявляются межъязыковые общности и различия. Наряду с этим при сравнении были установлены несоответствия грамматических категорий и культурных факторов.

Исследование явлений межъязыковой, межкультурной, лексической, семантической, стилистической, грамматической и фонетической асимметрии играет важную роль в процессе сравнения переводов художественных произведений и в установлении их ценности и значимости. В связи с этим предмет сравнительного анализа переводов и установление явлений межъязыковой асимметрии в целях концептуального решения ее актуальных проблем все еще остается пространством для научных поисков и полемик будущих исследователей.

Художественный текст должен быть переведен с учетом национально-культурных и общечеловеческих ценностей, чтобы правильно были переданы общее понятие, точка зрения, эстетическое воздействие и языковые элементы. Единого метода передачи единиц этого типа не существует, потому что перевод пословиц и фразеологизмов требует глубоких навыков и знаний.

Итак, из анализа перевода пословиц, поговорок и фразеологизмов следует, что наиболее эффективными методами их перевода являются калька, вольный и описательный переводы, а также разнообразные переводческие трансформации.

При сравнительном изучении глаголов английского и таджикского языка выяснилось, что грамматическое значение частей речи, вида, формы, строения глагола, категорий времени, вида, последовательности времен, направления действия, залога, числа и лиц, склоняемых и несклоняемых форм инфинитивов, причастий, перфектных и неперфектных форм глагола в таджикском и английском языках имеет некоторые общие черты, однако герундий в таджикском языке в основном передается в форме имени существительного, инфинитива и причастия. Кроме того, таджикский инфинитив в тексте английского перевода получил функцию герундия и обусловил морфологическую асимметрию. Перевод реалий должен быть осуществлен методами транскрипции и транслитерации с сопутствующими им пояснениями.

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что передача реалий с таджикского языка на английский язык в связи с межкультурной асимметрией осуществлена несоответственно.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. С. 40.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. С. 26.
3. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. С. 135–147.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 179–181.
5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. С. 95.

6. Камолiddинов Б. Тарчумонӣ ва тарчумаи бадеӣ (дастури ёрирасони таълим). Душанбе: Матбуот, 2011. С. 3.
7. Камолiddинов Б. Тарчумонӣ ва тарчумаи бадеӣ (дастури ёрирасони таълим). Душанбе: Матбуот, 2011.
8. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. М.: Р. Валент, 2009. С. 83.
9. Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation*. London, 1965. P. 73.
10. *The Sands of Oxus: Boyhood Reminiscences of Sadriiddin Aini* by Sadriiddin Ayni / Translated from Tajik Persian with an introduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 1998. P. 24.
11. Academic translation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).
12. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 05.07.2021).
13. Хемингуей Э. Мӯйсафед ва баҳр. Повест // Бо иқдоми сафорати Амрико дар Тоҷикистон. Тарчумаи Муҳаммадсалим Азизмуродов. Душанбе: Бухоро, 2014.
14. Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier: Georgetown University Press, 1958.
15. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С. 34–35.
16. Хемингуей Э. Мӯйсафед ва баҳр. Повесть. Бо иқдоми сафорати Амрико дар Тоҷикистон. Тарчумаи Муҳаммадсалим Азизмуродов. Душанбе: Бухоро, 2014. С. 82.
17. Муҳаммадраҳим К., Қуддус Қ. Ширин (кисса). Душанбе: Адиб, 2006. С. 6.

References

1. Barkhudarov, L.S. (1975). *Language and translation (Questions of the general and particular theory of translation)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 40. (In Russ.).
2. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *General linguistics*. Moscow: AST: East—West. P. 26. (In Russ.).
3. Kashkin, V.B. (2007). *Fundamentals of the theory of communication: a short course*. Moscow: AST: East-West. P. 135–147. (In Russ.).
4. Fedorov, A.V. (2002). *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. P. 179–181. (In Russ.).
5. Latyshev, L.K. (1988). *Translation: problems of the theory of practice and teaching methods*. Moscow: Prosveshenie. P. 95. (In Russ.).
6. Kamoliddinov, B. (2011). *Translatjr's profession and literary translation*. Dushanbe: Matbuot. P. 3.
7. Kamoliddinov, B. & Tursunov, F. (2011). *Translator and literary translation*. Dushanbe: Matbuot. P. 3.
8. Vlahov, S.I. & Florin, S.P. (2009). *Untranslatable in translation*. Moscow: R. Valent. P. 83. (In Russ.).
9. Catford, J.C. (1965). *A Linguistic Theory of Translation*. London. P. 73.
10. *The Sands of Oxus: Boyhood Reminiscences of Sadriiddin Aini* by Sadriiddin Ayni (1998). Translated from Tajik Persian with an introduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. Costa Mesa: Mazda Publ. P. 24.
11. Academic translation. URL: <https://translate.academic.ru/> (accessed: 20.02.2021).
12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 05.07.2021).
13. Hemingway, E. (2014). *Muysafed va bahr. Short novel*. By initiation of US Embassy in Dushanbe, Muhammadsalim Azizmurodov (Trans.). Dushanbe: Bukhoro. P. 58.
14. Vinay, J.—P. & Darbelnet, J. (1958). *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier: Georgetown University Press. P. 28.

15. Vinogradov, V.S. (2001). *Introduction to translation studies (general and lexical issues)*. Moscow, General Secondary Education of the Russian Academy of Education Publ. P. 34–35. (In Russ.).
16. Hemingway, E. (2014). *Muysafed va bahr. Short novel*, Muhammadsalim Azizmurodov (Trans.). Dushanbe: Bukhoro. P. 82.
17. Muhammadrahim, K. & Quddus, J. (2006.). *Shirin (short novel)*. Dushanbe: Adib. P. 6.

Сведения об авторах:

Максудов Умед Олимович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими; *e-mail*: olimi.umed@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2664-3058; Scopus Author ID: 1017097, ResearcherID: AAI-4542-2021

Хамидова Наргис Шарифджоновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими; *e-mail*: nusratkhon1959@mail.ru

ORCID: 0009-0001-6777-468X

Аминджонова Рухиона Хакимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими; *e-mail*: amindzhonova@list.ru

ORCID: 0009-0002-1494-4718

Шарипова Мадина Абдуллоджоновна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими; *e-mail*: amindzhonova@list.ru

ORCID: 0009-0004-5425-2892

Information about the authors:

Umed O. Maksudov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Polytechnic Institute of Tajik Technical University n.a. Acad. M. Osimi; *e-mail*: olimi.umed@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2664-3058; Scopus Author ID: 1017097, ResearcherID: AAI-4542-2021

Nargic Sh. Hamidova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Polytechnic Institute of Tajik Technical University n.a. Acad. M. Osimi; *e-mail*: olimi.umed@mail.ru

ORCID: 0009-0001-6777-468X

Rukhshona H. Aminjonova, PhD in Philology, Senior Teacher, Department of foreign languages, Polytechnic Institute of Tajik Technical University n.a. Acad. M. Osimi; *e-mail*: amindzhonova@list.ru

ORCID: 0009-0002-1494-4718

Madina A. Sharipova, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, Polytechnic Institute of Tajik Technical University named after Academician M. Osimi; *e-mail*: olimi.umed@mail.ru

ORCID: 0009-0004-5425-2892

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-556-561

EDN: NFKLLKC

УДК [811.222.8:811.111]’255.2

**Семиотика синтеза. Рецензия на книгу:
Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе
конца XIX — первой трети XX века
(А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко):
учебное пособие. Москва: Директ—Медиа, 2022. 160 с.**

А.Г. Коваленко , **А.В. Денисенко**

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 kovalenko-ag@rudn.ru

Ключевые слова: музыка, симфонизм, структура

Заявление о конфликте интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Коваленко А.Г., Денисенко А.В. Семиотика синтеза. Рецензия на книгу: Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко): учебное пособие. Москва: Директ—Медиа, 2022. 160 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 556–561. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-556-561>

**Semiotics of Synthesis. Book review:
Krotova, D.V. (2022). Synthesis of Arts in Russian Literature
of the late 19th — the first third of the 20th century
(A. Belyj, Z.N. Gippius, A.S. Green, M.M. Zoshchenko):
textbook. Moscow: Direct-Media. 160 p.**

Alexander G. Kovalenko , Anastasia V. Denisenko

RUDN University,
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198
 kovalenko-ag@rudn.ru

Keywords: synthesis, art, literature, music, symphonism, structure

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Kovalenko, A.G. & Denisenko, A.V. (2023). Semiotics of Synthesis. Book review: Krotova, D.V. (2022). Synthesis of Arts in Russian Literature of the late 19th — the first third of the 20th century (A. Belyj, Z.N. Gippius, A.S. Green, M.M. Zoshchenko): textbook. Moscow: Direct-Media. 160 p. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 556–561. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-556-561>

Conflict of Interest statement:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Хотя в выходных данных рецензируемой книги указан жанр учебного пособия, научный контент позволяет квалифицировать ее как вполне добротную монографию. Это подтверждается серьезностью и глубокой разработкой научной проблемы, привлечением обширного библиографического материала, фундаментальностью научной задачи.

Синтез искусств тема не новая, существует достаточно давно. «Развороты» этой проблемы принимают различный вид. Так, в последнее время наметился интерес к «визуализации» литературного текста, или «экфрасису», и по этой теме пишутся литературоведческие работы [1; 2], защищаются диссертации. Отдельная актуальная тема — синтез изобразительного искусства и слова [3]. Однако, например, разработка вопроса о синтезе словесного и музыкального творчества носит преимущественно частный характер, связана с анализом отдельных авторов или отдельных произведений.

Замысел и его исполнение автором рецензируемого здесь труда гораздо более масштабны. За точку отсчета берется теория композитора Рихарда Вагнера об искусстве будущего, призванного соединить в единое целое разные виды искусства, а ярким примером осуществления подобного синтеза

стала «Девятая симфония» Л. Бетховена, а также опера самого Р. Вагнера «Персифаль».

Д.В. Кротова развивает основополагающий тезис о том, что идея синтеза искусств с различными по сути знаковыми системами нашла благодатную почву в русской литературе Серебряного века и стала доминирующей тенденцией в литературном процессе, и позднее, в 20–30-е гг. XX в., дала яркие примеры своего художественного воплощения. В работе развивается тема симфонизма как магистральной линии осуществления синтеза поэзии, прозы, драмы и музыкального творчества. Совсем не случайно А. Белый называет свои произведения симфониями. Анализ текстов А. Белого, несомненно знакомого с теорией Р. Вагнера, подтверждает мысль о сознательном использовании поэтом лейтмотивной и тематической структур, характерных для жанра симфонии и реализованных на практике Л. Бетховеном и самим Р. Вагнером. В каждой из четырех Симфоний, написанных поэтом, реализуется свой вариант симфонизма.

Как утверждает Д.В. Кротова, «в научной литературе на сегодняшний день нет единого объяснения характера симфонизма Андрея Белого, а также однозначного определения этого уникального жанра» [4. С. 33–34]. Обращение к музыкальной теории и скрупулезное прочтение под этим углом зрения текстов А. Белого позволили увидеть симфонизм в развитии сквозной лейтмотивной «темы Вечности» и «контрапунктирующей теме временного, бренного человеческого существования» [4. С. 41]. По мнению Д.В. Кротовой, наиболее очевидное воплощение математически выверенных закономерностей симфонии обнаруживается в Четвертой симфонии, где поэт пользуется «контрапунктической техникой» развития темы с целью воплощений идеи В. Соловьева о богочеловечестве. Текст произведения выглядит как полный аналог классической четырехчастной симфонии. Лепка характеров и выстраивание сюжета уходят на второй план, главным становится воплощение философской идеи.

Развитие симфонизма, синтезирующего языки и знаковые системы разных видов искусства, как показывает Д.В. Кротова, находит свое продолжение в творчестве З.Н. Гиппиус. На сей раз одной из компонент синтеза становится драма. В пьесе «Святая кровь», также как у А. Белого, имеющего в основе структуру симфонии, ориентированной на оперу Р. Вагнера, «звучит» музыка. Слово здесь взято в кавычки, потому что она только подразумевается, а ее описание читатель находит в предваряющих отдельные сцены описаниях. И это не случайно, создание образа «немой музыки», музыки сфер, музыки души является одной из принципиальных установок в поэтике З.Н. Гиппиус.

Сращением слова и музыки с опорой на принципы симфонизма, как показывает Д.В. Кротова, тенденция к синтезу не ограничивается. В творчестве А.С. Грина понятие синтеза становится объемнее, так как включает в себя и третью компоненту — цветовую. Обращение к текстам писателя

позволило автору монографии обнаружить «синестезию», «способность к звуковому восприятию цвета и цветовому восприятию звука» [4. С. 96], что связано с принципиально важными установками художника на психологическое и нравственное воздействие текста на читателя. И это идея вообще характерна для деятелей Серебряного века, в частности, для композитора А.Н. Скрябина, который «искренне верил, что искусство вообще способно воздействовать на бытие и изменить его». В творчестве А.С. Грина обнаруживаются отголоски этой идеи, практическое воплощение которой заключается в «одновременном воздействии на воспринимающее сознание целого художественно-выразительного комплекса — словесно-музыкального, в первую очередь, но также и свето-цветового» [4. С. 97], Рассказ А.С. Грина «Фанданго» становится «моделью» для комплексного анализа текста. Исследователь обнаруживает в его сюжете структуру, аналогичную структуре цыганской песни-танца. В повествовании фигурирует эпизод купли-продажи картины художника, тема которой — изображение знойного дня — также принципиально важна для интерпретации идейного содержания. Анализ рассказа в совокупности всех структурных составляющих позволяет сделать вывод о важной для мировоззрения писателя идеи антиномического противостояния Севера и Юга как двух символов, двух комплексов мироощущения, которые является лейтмотивным для всего творчества А.С. Грина. Конфликт обнаруживается и при сопоставлении двух живописных полотен, которые символизируют «идею противостояния двух миров: утилитарности и духовности, практицизма и искусства» [4. С. 102]. К этому следует добавить, что исследователь обосновывает наличие еще одной составляющей синтеза — орнаментальную прозу, в которой лирическое и эпическое начала выступают как понятия, органически связанные в одном текстовом пространстве.

Для доказательства иной версии воплощения идеи симфонизма приводится подробный анализ другой выдающейся книги, «Голубой книги» М.М. Зощенко. При первом приближении определяются две привычные жанровые модели — новеллы и романа, однако только на первый взгляд. Метод анализа автора исследования заключается в «проецировании» классической структуры симфонии (четыре части — аллегро, адажио, скерцо, финал) на пространство зощенковского романа, посвященного истории человечества сквозь призму страстей человеческих. И тогда обнаруживается, что М.М. Зощенко изначально сознательно следовал законам симфонии, однако с одной поправкой — текст «Голубой книги» представляет собой пародию на симфонию. Пародийность заключается в том, что изменена «точка зрения», создана дистанция искусственного «отстранения». «Симфонии» внимают не серьезные слушатели, а «обычные люди», «человек массы», с его крайне ограниченным кругозором и мелкими мещанскими интересами» [4. С. 117]. Четырехчастная ивариантная

модель «гротескной симфонии» М.М. Зощенко представлена разделами «Деньги» (*allegro*), «Любовь» (*adagio*), «Коварство», «Неудачи» (двухчастное *scherso*) и «Последний рассказ» (*finale*), который прочитывается как зощенковский эквивалент бетховенской «Оде к Радости».

Таким образом, автор книги о синтезе искусств демонстрирует свою научную «находку»: «Роман М. Зощенко оказывается ориентированным не только на жанр симфонии в целом, но конкретные образцы этого жанра, а именно, — на триаду героических симфоний: Третью, Пятую и, в наибольшей степени, — Девятую симфонию» [4. С. 125].

Книга Д.В. Кротовой демонстрирует масштабную картину направлений синтеза в искусстве — жанрового, межвидового, семиотического — на материале литературы первой трети XX века. И если бы она была продолжена далее, то подобная картина, возможно, представила бы новые открытия, уже на почве современной литературы.

Библиографический список

1. Солдаткина Я.В., Михайлова О.О. Медийные явления в современной литературе. М.: МПГУ, 2019.
2. Игнатенко А.В. Живопись в прозе А.П. Чехова: Интермедиаальный анализ М.: URSS. 2022.
3. Злыднева Н.В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: Индрик, 2008.
4. Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко). М.: Директ-Медиа, 2022.

References

1. Soldatkina, Ya.V. & Mikhailova, O.O. (2019). Media phenomena in modern literature. Moscow: MPSU publ. (Russ.).
2. Ignatenko, A.V. (2022). Painting in prose by A.P. Chekhov: An intermediate analysis. Moscow: URSS. (Russ.).
3. Zlydneva, N.V. (2008). Image and word in the rhetoric of Russian culture of the twentieth century. Moscow: Indrik. (Russ.).
4. Krotova, D.V. (2022). Synthesis of arts in Russian literature of the late XIX — first third of the XX century (A. Bely, Z.N. Gippius, A.S. Green, M.M. Zoshchenko). Moscow: Direct-Media. (Russ.).

Сведения об авторах:

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: история русской литературы XX в.; проблемы художественного конфликта и литературы XX в., постмодернизм в современной русской литературе, современная русская литература; *e-mail*: kovalenko-ag@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6747-285X

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка №4, института русского языка, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: методы преподавания русского языка как иностранного с применением информационных технологий, дистанционное обучение, межкультурная коммуникация; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-0222-5460; eLIBRARY SPIN-код: 9567–3407

Information about the authors:

Alexander G. Kovalenko, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty, RUDN University; *Research interests*: History of the Russian literature of the 20th century; the problems of artistic conflict and literature of the 20th century, postmodernism in modern Russian literature, contemporary Russian literature;

e-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6747-285X

Anastasia V. Denisenko, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian language department No. 4, Russian Language Institute, RUDN University; *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language by means of IT, e-learning, intercultural communication; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-0222-5460; eLIBRARY SPIN-code: 9567–3407

ДЛЯ ЗАМЕТОК
